

**«Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.
Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія»**

Заснавальнік – установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.
Пасведчанне № 118 ад 24.03.2009.

Навуковы часопіс
Выдаецца з сакавіка 2009 года, выходзіць адзін раз у чатыры месяцы.

**“Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhauaha Universiteta Imia Ianki Kupaly.
Seryia 1. Historyia i Arkhealohiia. Filasofiiia. Palitalohiia”**

*Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў,
а таксама*

ўваходзіць у навукаметрычную базу дадзеных «Расійскі індэкс навуковага цытавання»

Часопіс асвятляе пытанні айчынай гісторыі, усеагульнай гісторыі, археалогіі, этналогіі, гістарыяграфіі, крынізнаўства; анталогіі, гнасеалогіі, аксіялогіі, філасофскай антрапалогіі, сацыяльнай філасофіі, філасофіі культуры, глабалістыкі, прагностыкі; гісторыі палітычнай думкі, параўнальнай паліталогіі, палітычнага кіравання, грамадзянскай палітыкі, палітычнай ідэалогіі, палітычнай псіхалогіі, палітычнай культуры, парталогіі, палітычнай эліталогіі, палітычнай канфлікталогіі, палітычнай рэгіяналістыкі, палітычнай камунікацыі і інш. Публікуюцца таксама рэцэнзіі, артыкулы, прысвечаныя выдатным беларускім вучоным, хроніка навуковага жыцця ГрДУ імя Янкі Купалы, іншыя матэрыялы.

Артыкулы друкуюцца на беларускай, рускай, польскай, англійскай і нямецкай мовах.
Разлічаны на спецыялістаў і шырокае кола чытачоў.

Нашы падпісныя індэксы: для індывідуальных падпісчыкаў – 00466, для арганізацый – 004662.

Адрас рэдакцыі: вул. Ажэшкі, 22,
230023, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь.
Тэл./факс: 8(0152) 73-19-10.

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Тэлеграфная, 5,
230023, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь.
Тэл.: 8(0152) 68-11-96, +375 33 6893315,
e-mail: vesnik@grsu.by

Адрас вэб-сайта: <http://vesnik.grsu.by>

Рэдактар: А. Б. Лешанок. Карэктар: Т. В. Комар.
Падрыхтоўка арыгінал-макета: Т. А. Пахомава.

Падпісана да друку 14.12.2020. Фармат 70 × 108%. Папера афсетная. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 14,00. Ул.-выд. арк. 17,00. Тыраж 100 экз. Заказ 085.

Надрукавана на тэхніцы выдавецкага цэнтра
установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».
ЛП № 02330/146.

Б-р Ленінскага Камсамола, 5, 230009, г. Гродна. Тэл.: 8(0152) 55-67-69, e-mail: pko_izdat@grsu.by

Том 12, № 3, 2020

Галоўны рэдактар – **Ірына Фёдарэўна Кітурка**, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (Гродна, Беларусь)

Намеснік галоўнага рэдактара – **Алег Аляксандравіч Раманаў**, доктар філасофскіх навук, прафесар, старшыня рэдакцыйнага савета (Гродна, Беларусь)

Міжнародны рэдакцыйны савет:

Бумблаўскас Альфрэдас, доктар гістарычных навук, прафесар (Вільнюс, Літва)

Гжыбоўскі Ежы, доктар хабілітаваны, прафесар (Варшава, Польшча)

Зелянкоў Анатоль Ізотаўіч, доктар філасофскіх навук, прафесар,

намеснік старшыні міжнароднага рэдакцыйнага савета (Мінск, Беларусь)

Карасімяёнаў Георгій, доктар філасофскіх навук, прафесар (Сафія, Балгарыя)

Круглашоў Анатоль Мікалаевіч, доктар палітычных навук, прафесар (Чарнаўцы, Украіна)

Крыштаповіч Леў Яўстаф’евіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Ліпскі Барыс Іванавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Санкт-Пецярбург, Расія)

Пунчанка Алег Пятровіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Адэса, Украіна)

Пятрухін Уладзімір Якаўлевіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Масква, Расія)

Радзікаў Іван Уладзіміравіч, доктар палітычных навук, прафесар,

намеснік старшыні міжнароднага рэдакцыйнага савета (Санкт-Пецярбург, Расія)

Сляшыньскі Войцех, доктар хабілітаваны, прафесар (Беласток, Польшча)

Смолік Аляксандр Іванавіч, доктар культуралогіі, прафесар (Мінск, Беларусь)

Стрэльчанка Васіль Іванавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Санкт-Пецярбург, Расія)

Шыршыянец Аляксандр Андрэевіч, доктар палітычных навук, прафесар (Масква, Расія)

Ягарэйчанка Аляксандр Андрэевіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Адказны сакратар рэдакцыі – **Наталля Сяргеёўна Шаршаневіч**, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Гродна, Беларусь).

Тэл.: 8(0152) 68-11-96, +375 33 6893315, e-mail: vesnik@grsu.by

Рэдакцыйная калегія:

Ватыль Віктар Мікалаевіч, доктар палітычных навук, прафесар, адказны рэдактар (Гродна, Беларусь)

Піваварчык Сяргей Аркадзевіч, доктар гістарычных навук, дацэнт,

намеснік адказнага рэдактара па навуковым напрамку «Гісторыя і археалогія» (Гродна, Беларусь)

Кірвель Чэслаў Станіслававіч, доктар філасофскіх навук, прафесар,

намеснік адказнага рэдактара па навуковым напрамку «Філасофія» (Гродна, Беларусь)

Антановіч Ніна Арсеньёўна, доктар палітычных навук, дацэнт (Мінск, Беларусь)

Бусько Іна Уладзіміраўна, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Гродна, Беларусь)

Вабішчэвіч Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Брэст, Беларусь)

Вадап’янаў Павел Аляксандравіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Землякоў Леанід Яўгенавіч, доктар палітычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Гродна, Беларусь)

Карпінікі Віктар Войціхавіч, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Гродна, Беларусь)

Кікель Павел Васільевіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Кошалеў Уладзімір Сяргеевіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Лапа Вольга Уладзіміраўна, кандыдат палітычных навук (Гродна, Беларусь)

Малевіч Юліяна Ігараўна, доктар палітычных навук, дацэнт (Мінск, Беларусь)

Марозава Святлана Валянцінаўна, доктар гістарычных навук, прафесар (Гродна, Беларусь)

Мельнік Уладзімір Андрэевіч, доктар палітычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Нечухрын Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Гродна, Беларусь)

Новік Яўген Канстанцінавіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Пазнякоў Валерый Уладзіміравіч, доктар філасофскіх навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Раўэтнікаў Сяргей Васільевіч, доктар палітычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь)

Семярнік Сняжана Здзіславаўна, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Гродна, Беларусь)

Цыганкова Ларыса Іванаўна, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Гродна, Беларусь)

Чарапіца Валерый Мікалаевіч, кандыдат гістарычных навук, прафесар (Гродна, Беларусь)

Ярмусік Эдмунд Станіслававіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Гродна, Беларусь)

Нашы партнёры:

Дзяржаўная акадэмія славянскай культуры (Расія); Інстытут археалогіі і этналогіі ПАН у Варшаве (Польшча);

Інстытут усеагульнай гісторыі РАН (Расія); Інстытут славяназнаўства РАН (Расія); Маскоўскі дзяржаўны

ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава (Расія); Нацыянальны педагагічны ўніверсітэт імя М. П. Драгаманава

(Украіна); Падляская акадэмія ў Седльцах (Польшча); Падляскі музей (Польшча); Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны

ўніверсітэт (Расія); Універсітэт у Беластоку (Польшча); Ягелонскі ўніверсітэт у Кракаве (Польшча).

Editor-in-Chief – **Kiturka I. F. (Kiturko I. F.)**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Grodno, Belarus)

Deputy Editor-in-Chief – **Ramanau A. A. (Romanov O. A.)**, Doctor of Philosophy, Professor,
the Chairman of the Editorial Board (Grodno, Belarus)

International Editorial Board:

Bumblauskas A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Vilnius, Lithuania)
Gzhybouski J. (Grzybowski J.), Doctor Habilitated, Professor (Warsaw, Poland)
Karasimiaenau H. (Karasimeonov G.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Sofia, Bulgaria)
Kruhlashou A. M. (Kruglashov A. N.), Doctor of Political Sciences, Professor (Chernivtsi, Ukraine)
Kryshchapovich L. Ya. (Krishtapovich L. E.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Lipski B. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)
Piatrukhin U. Ya. (Petrukhin V. Ya.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
Punchanka A. P. (Punchenko O. P.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Odessa, Ukraine)
Radzikau I. U. (Radikov I. V.), Doctor of Political Sciences, Professor,
the Deputy Chairman of the International Editorial Board (Saint Petersburg, Russia)
Shyryniants A. A. (Shirinians A. A.), Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow, Russia)
Sliashynski V. (Śleszyński W.), Doctor Habilitated, Professor (Białystok, Poland)
Smolik A. I., Doctor of Cultural Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Strelchanka V. I. (Strelchenko V. I.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)
Zeliankou A. I. (Zelenkov A. I.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
the Deputy Chairman of the International Editorial Board (Minsk, Belarus)
Yahareichanka A. A. (Egoreichenko A. A.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

Executive Secretary – **Sharshanevich N. S. (Shershenevich N. S.)**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
(Grodno, Belarus).

Tel.: 8(0152) 68-11-96, +375 33 6893315, e-mail: vesnik@grsu.by

Editorial Board:

Vatyl V. M. (Vatyl V. N.), Doctor of Political Sciences, Professor, the Executive Editor (Grodno, Belarus)
Pivavarchyk S. A. (Pivovarchik S. A.), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
the Deputy Executive Editor of “History and Archaeology” (Grodno, Belarus)
Kirvel Ch. S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
the Deputy Executive Editor of “Philosophy” (Grodno, Belarus)
Antanovich N. A., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Minsk, Belarus)
Busko I. U. (Busko I. V.), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Grodno, Belarus)
Charapitsa V. M. (Cherepitsa V. N.), Candidate of Historical Sciences, Professor (Grodno, Belarus)
Karau D. U. (Karev D. V.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Grodno, Belarus)
Karpinski V. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Grodno, Belarus)
Kikel P. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Koshaleu U. S. (Koshelev V. S.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Lapa V. U. (Lapa O. V.), Candidate of Political Sciences (Grodno, Belarus)
Malevich Yu. I., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Minsk, Belarus)
Marozava S. V. (Morozova S. V.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Grodno, Belarus)
Melnik U. A. (Melnik V. A.), Doctor of Political Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Nechukhryn A. M. (Nechukhrin A. N.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Grodno, Belarus)
Novik Ya. K. (Novik E. K.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Pazniakou V. U. (Pozniakov V. V.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Rashetnikau S. V. (Reshetnikov S. V.), Doctor of Political Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Semiarnik S. Z. (Semernik S. Z.), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Grodno, Belarus)
Tsyhankova L. I. (Tsygankova L. I.), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Grodno, Belarus)
Vabishchevich A. M. (Vabishchevich A. N.), Doctor of Historical Sciences, Professor (Brest, Belarus)
Vadapianau P. A. (Vodopianov P. A.), Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk, Belarus)
Yarmusik E. S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Grodno, Belarus)
Zemliakou L. Ya. (Zemliakov L. E.), Doctor of Political Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

Our partners:

State Academy of Slavic Culture (Russia); Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences in
Warsaw (Poland); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Russia); Institute of Slavonic Studies,
Russian Academy of Sciences (Russia); Lomonosov Moscow State University (Russia); National Pedagogical
Dragomanov University (Ukraine); Podlasie Academy, Siedlce (Poland); Podlasie Museum (Poland); Saint Petersburg
State University (Russia); University of Białystok (Poland); Jagiellonian University in Cracow (Poland).

Змест

Гісторыя і археалогія

Айчынная гісторыя

- Кітурка І. Ф. (Гродна, Беларусь).** Дзяржаўная мытная служба ВКЛ у 1791–1794 гг.: апошнія гады існавання..... 6
- Дмитриев А. В. (Санкт-Петербург, Россия).** К вопросу о переселении белорусов из Нового Двора Волковысского уезда Гродненской губернии в Уфимскую губернию в 1890-е гг. 18
- Даркович А. Л. (Брест, Беларусь).** Формирование органов городского самоуправления в Западной Беларуси в период польско-советской войны (1919–1920 гг.)..... 26
- Обелевский А. А. (Гродно, Беларусь).** История развития физической культуры и спорта в Беларуси конца XX – начала XXI в. (историографические и источниковедческие аспекты проблемы)..... 34

Усеагульная гісторыя

- Володькин А. А. (Минск, Беларусь).** Проблема использования региональной категории «страны Балтии» в международных отношениях 1990–2010-х гг. 45
- Тищенко А. В. (Минск, Беларусь).** Иммиграционная политика администрации Д. Грампа..... 56

Гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання

- Абухава А. М. (Гродна, Беларусь).** Успаміны татар Беларусі як крыніца па гісторыі дзяцінства міжаваеннага перыяду..... 67
- Белозорович В. А. (Гродно, Беларусь).** Разработка концепции истории Беларуси в 1960-е – начале 1970-х гг. 74

Філасофія

Сацыяльная філасофія

- Петрушак В. Л. (Гродно, Беларусь).** Роль культуры в формировании волновой динамики исторического процесса..... 82
- Кузнецова Е. В. (Минск, Беларусь).** Феномен идентичности личности информационной цивилизации: конструирование модели системы..... 90

Філасофія культуры

- Дисько-Шуман М. Р. (Минск, Беларусь).** В поисках новых оснований рациональности: «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки..... 97
- Чирка Л. Г. (Переяслав, Украина).** Григорий Сковорода: в поисках истины..... 104

Паліталогія

Тэорыя і метадалогія палітыкі

- Антанович Н. А. (Минск, Беларусь).** Концепция политических инноваций в современной политологии..... 111

Гісторыя палітычнай думкі

- Гуторов В. А., Шириняц А. А. (Санкт-Петербург – Москва, Россия).** Либеральная традиция и современный антилиберализм..... 120
- Марченя П. П., Разин С. Ю. (Москва, Россия).** Империя Россия: по материалам научного проекта «Народ и власть»..... 127

Грамадзянская палітыка

- Слуцкая Л. В. (Минск, Беларусь).** Диверсификация политического пространства в сфере публичной политики в условиях цифровизации..... 137

Палітычная рэгіяналістыка

- Ватыль В. Н., Шаханова А. К. (Гродно, Беларусь).** Гуманитарное строительство в ЕАЭС: становление и развитие..... 144

Рэцэнзій

- Ватыль В. Н. (Гродно, Беларусь).** Глобализация: тенденции, проблемы и перспективы мирового политического развития..... 152
- Салаўянаў А. П. (Мінск, Беларусь).** Рэцэнзія на манаграфію А. А. Капліева «Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.)»..... 155

Content

History and Archaeology

National history

- Kiturka I. F. (Hrodna, Belarus).** State customs service of GDL in 1791–1794: last years of existence.....6
- Dmitriev A. V. (Saint Petersburg, Russia).** On the resettlement of Belarusians from Novy Dvor of the Volkovysk District of the Grodno Province to the Ufa Province in the 1890s.....18
- Darkovich A. L. (Brest, Belarus).** Formation of Municipal Governments in Western Belarus during the Polish-Soviet War (1919–1920).....26
- Obelevski A. A. (Grodno, Belarus).** The history of the development of physical culture and sports in Belarus of the late 20th – early 21st century (historiographical and source study aspects of the problem).....34

World history

- Volodkin A. A. (Minsk, Belarus).** The problem of applying the regional definition “Baltic states” in the international relations of 1990s–2010s.....45
- Tishchenko A. V. (Minsk, Belarus).** Immigration policy of D. Trump administration.....56

Historiography, Study of historical sources and the methods of historical research

- Abukhava A. M. (Hrodna, Belarus).** The memories of the Belarusian Tatars as a source on childhood history of the interwar period.....67
- Belozorovich V. A. (Grodno, Belarus).** Development of the concept of the history of Belarus in the 1960s – early 1970s.....74

Philosophy

Social philosophy

- Petrushak V. L. (Grodno, Belarus).** The role of culture in the formation of wave dynamics of the historical process.....82
- Kuznetsova E. V. (Minsk, Belarus).** The phenomenon of the personality’s identity of information civilization: designing of system’s model.....90

Philosophy of culture

- Disko-Shuman M. R. (Minsk, Belarus).** In quest of the new foundations of rationality: “New rhetoric” by Ch. Perelman and L. Olbrechts-Titeca.....97
- Chyrka L. G. (Pereiaslav, Ukraine).** Gregory Skovoroda: in search of truth.....104

Political Science

Theory and methodology of Politics

- Antanovich N. A. (Minsk, Belarus).** The concept of political innovations in modern political science.....111

History of political thought

- Gutorov V. A., Shirinians A. A. (Saint Petersburg – Moscow, Russia).** Liberal tradition and contemporary anti-liberalism.....120
- Marchenia P. P., Razin S. Yu. (Moscow, Russia).** Empire Russia: by the materials of the scientific project “People and Power”.....127

Civil politics

- Slutskaya L. V. (Minsk, Belarus).** Diversification of the political space of public policy in the context of digitalization.....137

Political regional studies

- Vatyl V. N., Shakhanova A. K. (Grodno, Belarus).** Humanitarian establishment in the EAEU: formation and development.....144

Reviews

- Vatyl V. N. (Grodno, Belarus).** Globalization: trends, problems and prospects for global political development.....152
- Salauyanau A. P. (Minsk, Belarus).** Review for A. A. Kapliyev’s monograph “The formation of ambulance service in the territory of Belarus (1919–1939)”.....155

Гісторыя і археалогія

Айчынная гісторыя

УДК 94(476)«1791/1794»

І. Ф. Кітурка

ДЗЯРЖАЎНАЯ МЫТНАЯ СЛУЖБА ВКЛ У 1791–1794 ГГ.: АПОШНЯ ГАДЫ ІСНАВАННЯ

В работе впервые в отечественной и зарубежной историографиях исследован вопрос функционирования государственной таможенной службы ВКЛ в последние годы ее существования – 1791–1794 гг. На основе широкого круга архивных источников, большинство которых впервые вводится в научный оборот, показаны особенности деятельности таможен ВКЛ в соответствии с решениями Четырехрелетнего сейма (1788–1792 гг.), после второго раздела Речи Посполитой, во время восстания 1794 г. В основной части статьи отмечено, что политическая нестабильность в государстве в исследуемый период отразилась и на работе таможенной службы ВКЛ. Проанализированы мероприятия государственных органов, преимущественно Скарбовых комиссий ВКЛ и обоих народов, направленные на усовершенствование деятельности таможенной службы и повышение эффективности ее работы. Подчеркнуто, что проводимые мероприятия относительно функционирования государственной таможенной службы ВКЛ имели целью сокращение расходов на ее содержание, с одной стороны, и усиление контроля за выполнением возложенных на нее функций – с другой. В заключении отмечено, что в тяжелых условиях начала 90-х гг. XVIII в. государственные учреждения Великого княжества Литовского, в том числе таможня, функционировали и совершенствовались, что свидетельствовало о наличии внутренних ресурсов. В это время в функционировании таможенной службы произошли существенные изменения: из преимущественно фискального органа исполнительной власти она постепенно превратилась в институт, отвечающий за экономическую безопасность страны, реализующий государственную протекционистскую таможенную политику. Однако после подавления восстания в ноябре 1794 г. Речь Посполитая, которая еще существовала де-юре, была в основном оккупирована армиями Австрии, Пруссии и России. Таким образом, государственная таможенная служба ВКЛ, основанная в 1765 году как особая структура в системе исполнительной власти, прекратила свое существование вместе с окончательным разделением государства. Результаты и выводы исследования могут быть использованы при изучении деятельности государственных институтов ВКЛ во второй половине XVIII в., при подготовке обобщающих научных трудов, учебных пособий по истории ВКЛ и истории таможенной службы.

Ключевые слова: государственная таможенная служба, ВКЛ, Речь Посполитая, Скарбовая комиссия ВКЛ, Скарбовая комиссия обоих народов, универсал, конституция, сейм, репартиция, комора сплавная, комора сухопутная, прикоморок, стража, официалисты, фискальная функция, экономическая безопасность.

Уводзіны. Пачатак апошняга дзесяцігоддзя XVIII ст. у гісторыі дзяржаўнай мытнай службы Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) аказаўся фінальным перыядам яе дзейнасці. Пасля першага і другога падзелаў Рэчы Паспалітай значная частка ВКЛ была анексавана Расійскай імперыяй. У выніку трэцяга падзелу ў 1795 г. уся тэрыторыя Беларусі ўвайшла ў склад суседняй дзяржавы.

Абзначаны ў загалюўку перыяд цікавы і тым, што ён з’яўляецца важным этапам у гісторыі беларускай дзяржаўнасці, калі перадавыя прадстаўнікі беларускага і літоўскага этнасаў у тых складаных гістарычных умовах імкнуліся захаваць дзяржаву, умацаваць і даць магчымасць эфектыўна функцыянаваць дзяржаўным інстытутам.

Важна падкрэсліць, што ў гістарычнай літаратуры пытанні дзяржаўнага развіцця і дзейнасці мытнай службы ВКЛ у другой палавіне XVIII ст. практычна не даследаваны. У артыкуле фактычна ўпершыню ў гістарыяграфіі на шырокай крыніцазнаўчай базе зроблена

Кітурка Ірына Фёдаруўна, канд. гіст. навук, дац., рэктар ГрДУ імя Янкі Купалы (Беларусь).

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь; e-mail: ikiturko@grsu.by

спроба высветліць асновы дзяржаўнай мытнай палітыкі, паказаць асноўныя падыходы і змены ў арганізацыі і дзейнасці мытнай службы ВКЛ у апошнія гады існавання дзяржавы.

Да сярэдзіны XVIII ст. у ВКЛ не было дзяржаўнай мытнай службы. У папярэдні перыяд кантроль за дзейнасцю мытных пунктаў на тэрыторыі ВКЛ ажыццяўляўся адміністратарамі пошлін, якія ў сваю чаргу, як правіла, аддавалі мытні ў арэнду прыватным асобам за фіксаваную суму грошай. Акрамя таго, у шляхецкіх і царкоўных уладаннях існавала права спагнання так званага прыватнага мыта.

Дзяржаўная мытная служба ВКЛ была створаная па рашэнні канвакацыйнага сойма 1764 г. як адзін з інстытутаў у сістэме выканаўчай улады. Мытная тэрыторыя краіны была падзелена на акругі – рэпартыцыі, у склад якіх уваходзілі мытні (каморы) з прыналежнымі да іх мытнымі пунктамі – прыкаморкамі, оберстражамі і стражамі. Кіраўніцтва дзяржаўнай мытнай структурай, кантроль за яе дзейнасцю і адказнасць за эфектыўнасць функцыянавання была ўскладзена на Скарбавую камісію ВКЛ (Эканамічная рада Літоўскага скарба) – спецыяльна створаны орган па нагляду за эканамічным развіццём краіны, які распачаў сваю дзейнасць 1 студзеня 1765 г. Адметна, што дзяржаўная мытная служба ВКЛ на працягу свайго 30-гадовага існавання пастаянна ўдасканальвалася, падвяргалася рэструктурызацыі. Пэўныя змены ў арганізацыі яе дзейнасці, удакладненні структуры і кадравага забеспячэння залежалі як ад унутранай эканамічнай палітыкі, так і ад знешніх фактараў – галоўным чынам ад страты часткі мытных тэрыторый і спынення дзейнасці некаторых мытных пунктаў пасля першага і другога падзелаў Рэчы Паспалітай [1–5].

Асноўная частка. Важнае значэнне ў працэсе развіцця дзяржаўнай мытнай службы ў даследуемым перыядзе дадзенага артыкула адыгралі рашэнні Чатырохгадовага сойма (1788–1792 гг.), у прыватнасці прынятая 3 мая 1791 г. пастанова (канстытуцыя), якая скасавала падзел Рэчы Паспалітай на Карону і ВКЛ. Адным з першых рашэнняў, якое непасрэдна паўплывала на функцыянаванне мытнай службы ВКЛ, была пастанова сойма ад 22 кастрычніка 1791 г., у адпаведнасці з якой Скарбавыя камісіі ВКЛ і Польскай Кароны злучаліся ў Скарбавую камісію абодвух народаў [6, с. 316]. На пасяджэнні сойма 29 кастрычніка 1791 г. дакладна і разгорнута былі акрэслены паўнамоцтвы аб'яднанай камісіі: яна ажыццяўляла кантроль за эканамічным развіццём краіны, адказвала за дзяржаўны бюджэт, збор падаткаў, за падбор дзяржаўных служачых (афіцыйлістаў), а таксама выконвала судовыя функцыі па вышэйпералічаных пытаннях [6, с. 320]. Па сутнасці, да яе перайшлі ўсе функцыі, якія папярэдне мелі скарбавыя камісіі Кароны і ВКЛ. Асобна было падкрэслена, што адным з важных абавязкаў Скарбавай камісіі абодвух народаў з'яўляецца ўсталяванне мытных пастоў (камор) у найбольш зручных і неабходных месцах на межах дзяржавы, але пры гэтым адмянялася пошліна за ўнутраны транзіт і ліквідаваліся ўсе ўнутраныя мытныя каморы, прыкаморкі і стражы на мяжы паміж ВКЛ і Каронай [6, с. 320, 321].

У адпаведнасці з рашэннямі сойма Скарбавая камісія ВКЛ выдадзеным 27 снежня 1791 г. спецыяльным універсалам абвясціла аб скасаванні цэлай мытнай акругі – Рускай рэпартыцыі¹. Гэта азначала ліквідацыю ўсёй мытнай арганізацыі Рускай рэпартыцыі, якая на той час налічвала 3 каморы (Дамбровіцкую і Брэсцкую сухапутныя і Брэсцкую сплаўную), 10 прыкаморкаў (у Любшаве, Пінску, Тураве, Петрыкаве, Мазыры, Уладаве, Ялоўцы, Заблудаве, Слоніме, Васількаве), 4 обер-стражы (у Глушкавінах, Валахах, Камянцы, Кобрыне) і 21 стражу [7, л. 16–16 адв.]. Канцылярыя Скарбавай камісіі ВКЛ абавязана была раздрукаваць і распаўсюдзіць гэты ўніверсал, каб давесці інфармацыю да ведама кожнага мытнага афіцыйліста Рускай рэпартыцыі, камісараў Цывільна-вайсковых камісій, да гродскіх канцылярыяў і магістратаў.

У той жа дзень Скарбавая камісія ВКЛ выдала распараджэнні інтэнданту Дамбровіцкай каморы пану Мізгеру [7, л. 16] і інтэнданту сплаўной і сухапутнай Брэсцкіх камор пану Ляскоўскаму [7, л. 16 адв.–18], каб яны ў максімальна кароткі тэрмін зрабілі ўлік усіх прыкаморкаў, стражаў і обер-стражаў, якія знаходзіліся ў складзе падпарадкаваных ім камор. Акрамя таго, ім даручалася паведаміць мытнікам аб вызваленні іх ад працы і падлічыць грашовыя сродкі, якія неабходна было ім выплаціць за папярэдняю службу. Вышэйназваныя інтэнданты з грашымі і мытнымі кнігамі да 15 студзеня 1792 г. былі абавязаны прыбыць у Гродна на пасяджэнне Скарбавай камісіі ВКЛ.

Скарбавая камісія абодвух народаў афіцыйна распачала сваю працу 1 лютага 1792 г. [8, л. 1]. Аналізуючы гэты перыяд, адзін з самых аўтарытэтных даследчыкаў працэсаў унутранага

развіцця Рэчы Паспалітай у другой палавіне XVIII ст. Тадэвуш Корзан адзначаў, што «адміністрацыя скарбу дасягнула ўзроўню найбольш сумленнай і дасканалай дзейнасці за апошнія сто пяцьдзесят гадоў» [9, с. 26]. Ён асабліва падкрэсліваў, што ў багатай літаратуры часоў Чатырохгадовага сойма, у якой выкрываліся ўсе тагачасныя недасканаласці, практычна не сустракалася скаргаў на аднас дзяржаўных чыноўнікаў [9, с. 27].

9 чэрвеня 1792 г. Скарбавая камісія абодвух народаў для ўпарадкавання працэдуры выбірання падаткаў і мытнай пошліны абвясціла сваім універсалам падзел тэрыторыі ВКЛ на новыя скарбавыя правінцыі. Такім чынам, былі ўнесены пэўныя змены і ў функцыянаванне дзяржаўнай мытнай службы. На падставе гэтага рашэння на землях ВКЛ былі створаны тры скарбавыя правінцыі – Літоўская, Жмудская і Беларуская [7, л. 37–38 адв.].

Да **Літоўскай скарбавай правінцыі** належалі Навагрудскае і Брэсцка-Літоўскае ваяводства (Гродзенскі, Лідскі, Ейшышскі, Ваўкавыскі, Слоні́мскі, Пінскі, Пінска-Зарэчны і Кобрынскі паветы). На тэрыторыі Літоўскай скарбавай правінцыі знаходзілася 1 сплаўная і 5 сухапутных камор, 7 прыкаморкаў, з прыналежнымі да іх на той час обер-стражамі і стражамі:

- камора **Шчэбра**, прыкаморкі: Філіпаў, Віштынец, Карклупяны;
- камора **Вежбалоў**, прыкаморкі: Шыкшнева, Новае Места;
- сухапутная і сплаўная каморы ў **Юрбарку**, прыкаморкі: Палейце, Шылін;
- камора **Новае Места** ў Вайнуцкім старостве без прыкаморкаў;
- камора ў **Гродне** без прыкаморкаў [7, л. 37 адв.–38].

У склад **Жмудскай скарбавай правінцыі** былі ўключаны Віленскае і Трокскае ваяводства (Шавельскі, Расіенскі, Цяльшэўскі, Упіцкі, Вількамірскі, Браслаўскі, Мерацкі, Ковенскі, Прэнскі, Ашмянскі, Пастаўскі паветы). Мытнымі адзінкамі Жмудскай скарбавай правінцыі з’яўляліся:

– прыкаморкі: Луйже, Айсяны, Гожды, Якубаў, Крэтынга (пералічваліся без пазначэння прыналежнасці да каморы);

- камора **Паланга**, прыкаморкі: Шкуды, Маргенікі, Кальч;
- камора **Жагоры**, прыкаморкі: Лайзева, Кальве, Германішкі, Глебаў, Камендрэце,

Панямунь;

- камора **Кветкі**, прыкаморкі: Сувенішкі, Аўшышкі;
- камора **Бяляны**, прыкаморкі: Скірняны, Азяросы, Дубінаў;
- сплаўная камора **Друя**, прыкаморак Дзісна;
- пакамерова² камора ў **Вільні**.

Беларуская скарбавая правінцыя аб’ядноўвала ў сабе Мінскае, Полацкае і Віцебскае ваяводства (Случарэцкі, Рэчыцкі, Аршанскі і Мазырскі паветы).

У гэтай правінцыі быў наступны склад мытных адзінак:

- камора **Полацк**, прыкаморкі: Ула і Бешанковічы;
- камора **Талачын**, прыкаморкі: Бялынічы, Задруць, Рэчыца;
- камора **Лоеў** (без прыкаморкаў).

Такім чынам, у 1792 г. у складзе мытнай сістэмы ВКЛ налічвалася 13 сухапутных і 2 сплаўныя каморы і 32 прыкаморкі. Што тычыцца стражаў і обер-стражаў, то ў дакуменце адзначалася, што яны як і раней адносяцца да адпаведных камор і прыкаморкаў, а суперінтэнданты і пісары прыкаморкаў павінны кантраляваць іх дзейнасць паводле ўжо існуючых правіл [7, л. 38 адв.].

Для ўніфікацыі мытнага справаводства Скарбавая камісія абодвух народаў на тым жа пасяджэнні 9 чэрвеня 1792 г. зацвердзіла ўзоры табліц, якія былі абавязаны запаўняць служачыя мытняў пры фіксацыі фактаў увозу ці вывазу тавараў, пры выяўленні канфіскацы, пры сумарным падліку даходаў той ці іншай каморы за пэўны перыяд [7, л. 42 адв.–45 адв.]. З гэтай жа мэтай для мытных рэвізораў, якія ажыццяўлялі кантроль за дзейнасцю мытняў, былі зацверджаны спецыяльныя «схемы» – тэкставыя ўзоры справаздач, у адпаведнасці з якімі рэвізоры павінны былі здаваць свае рапартаў ў Скарбавую камісію абодвух народаў [7, л. 46–47 адв.]. Увадзенне гэтых дакументаў, безумоўна, павінна было спрыяць фарміраванню больш дакладнай і стандартнай справаздачнай дакументацыі, якая адлюстроўвала асноўныя вынікі дзейнасці мытных пунктаў і мытнікаў.

Асаблівай увагі заслугоўвае прынятае Камісіяй 9 чэрвеня 1792 г. рашэнне аб спрашчэнні ў некаторых выпадках працэдуры мытнага дагляду. У дакуменце пазначалася, што, «жадаючы

стварыць спрыяльныя ўмовы для гандлю і ідучы насустрач, у першую чаргу, жыхарам пагранічных тэрыторый», Скарбавая камісія абодвух народаў дазваляе стражнікам праводзіць мытны дагляд тых асоб, якія вывозяць за мяжу мясцовыя тавары, каб не накіроўваць іх на камору [7, л. 39]. Пры гэтым вызначаўся шэраг патрабаванняў і абмежаванняў. Так, стражнікі мелі права ажыццяўляць мытны дагляд тавара, які «не вымяраўся на вагу і на локці», і толькі ў такой колькасці, сума пошліны ад якога не перавышала 6 польскіх злотых (далей – польск. зл.). Адпаведную выпіску з мытнай інструкцыі з пералікам тавараў і пазначэннем сумы пошліны стражнікі павінны былі атрымаць ад пісара сваёй каморы. Гэта было абсалютнай навацыяй, паколькі ў папярэдні час абавязкам стражнікаў з’яўлялася толькі выяўленне кантрабандыстаў, якія звачвалі з трактаў, жадаючы абмінуць каморы, і ў выпадку неабходнасці суправаджэнне да бліжэйшай каморы транзітных купцоў.

Узраслі і патрабаванні да саміх стражнікаў. Так, калі раней для атрымання гэтай ніжэйшай у мытнай іерархіі пасады не было абавязковага патрабавання каб стражнік валодаў граматай, то пасля прыняцця згаданага рашэння такая ўмова з’явілася: на гандлёвыя шляхі на паграніччы прадпісвалася падбіраць і ставіць выключна здольных для правядзення мытнага дагляду стражнікаў, якія будуць карыстацца мытнай інструкцыяй, будуць умець выдаваць купцам адпаведныя квітанцыі з пазначэннем сумы пошліны, складаць рэестры, рабіць падлікі і здаваць грошы ў камору [7, л. 39 адв.–40].

Яшчэ больш істотныя змены ў развіццё мытнай службы ВКЛ унесла рашэнне Камісіі ад 11 чэрвеня 1792 г. аб ураўнанні мытных афіцыялістаў у правінцыях ВКЛ з кароннымі [7, л. 47 адв.–48]. Падкрэслім, што да гэтага часу ў сістэме дзяржаўнай мытнай службы Рэчы Паспалітай не было аднастайнасці: асобы, якія выконвалі аднолькавыя функцыі ў розных частках дзяржавы, не толькі па-рознаму называліся, але і праца людзей, якія займалі ідэнтычныя пасады ў Кароне і ВКЛ аплочваліся не аднолькава. Памеры жалавання мытных служачых у ВКЛ былі ў некалькі разоў меншымі, чым у Кароне (табліца 1).

Табліца 1 – Гадавое жалаванне мытнікаў у Польскай Кароне і ВКЛ

Гадавое жалаванне мытнікаў у Кароне (1787 г.) (у польскіх злотых)	Пасада	Гадавое жалаванне мытнікаў у ВКЛ (1785 г.) (у польскіх злотых)
19.000–26.000	Суперінтэндант	4.000–4.800
7.000	Контрарэгістрант	1.000
1.300–3.000	Пісар	300–1.000
600	Стражнік	300
Крыніца: распрацавана на аснове [10; 11].		

Рашэнне аб уніфікацыі структуры і наменклатуры пасадаў дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ і Кароны адпавядала палажэнням Урадавай уставы (канстытуцыі) 3 мая 1791 г. У прыватнасці, дакументам прадпісвалася:

– назаўсёды ліквідаваць на каморах пасаду інтэнданта, і ўсе інтэнданты ад гэтага часу павінны былі называцца пісарамі і выконваць адпаведныя абавязкі;

– пісары камор пераводзіліся ў разрад мытных рэвізораў, а пісары на прыкаморках становіліся рэвізарамі на прыкаморках з выкананнем адпаведных абавязкаў [7, л. 47 адв.–48].

Суперінтэнданты ў літоўскіх скарбавых правінцыях павінны былі давесці гэтак распараджэнне да ўсіх афіцыялістаў на каморах і прыкаморках. Аднак абвясчэнне 14 мая 1792 г. Таргавіцкай канфедэрацыі і ўвядзенне ў чэрвені на тэрыторыю Рэчы Паспалітай расійскага войска прывялі да адмены ці прыпынення многіх рашэнняў Чатырохгадовага сойма, у тым ліку і па ўніфікацыі мытнай сістэмы, таму адзіная мытная структура Рэчы Паспалітай так і не была створана. 15 верасня 1792 г. адбылося раз’яднанне скарбаў, а 20 верасня 1792 г. члены Скарбавай камісіі ВКЛ склалі прысягу на вернасць Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ і атрымалі загад прывесці да аналагічнай прысягі ўсіх скарбавых афіцыялістаў, у тым ліку і служачых мытняў [12, л. 1, 8 адв.–11].

Аналіз эканамічных і мытных пратаколаў Скарбавай камісіі за перыяд ад верасня 1792 г. да жніўня 1793 г. сведчыць, што ў арганізацыі працы мытнай службы ВКЛ былі істотныя цяжкасці, выкліканыя як нестабільнасцю ўнутрыпалітычнай сітуацыі, так і ўвядзеннем на тэрыторыю Рэчы Паспалітай расійскага і прускага войскаў. З данясенняў інтэндантаў камор, матэрыялаў рэвізорскіх праверак, рапартаў суперінтэндантаў скарбавых правінцый у Эканамічную раду Літоўскага скарба вынікае, што значныя парушэнні агульнапрынятых мытных правіл адбываліся як з боку купцоў, так і самімі мытнымі служачымі. Адзначым, што з мэтай забеспячэння даходаў дзяржаўнага скарбу для ўпарадкавання сітуацыі Скарбавая камісія ВКЛ прымала шэраг рашэнняў, якія дадаткова рэгламентавалі ў той неспакойны час асобныя аспекты правядзення мытных працэдур.

Так, напрыклад, 11 сакавіка 1793 г. быў выдадзены ўніверсал адносна правядзення дагляду купцоў, якія прызджалі ў ВКЛ з Караляўца [7, л. 148, 149]. У ім было адзначана, што «літоўскія купцы, якія жывуць пачынаючы ад Гродна аж да Вільні і Коўна і ў навакольных гарадах і мястэчках, вяртаючыся з Караляўца, едуць па трактах не ў кірунку літоўскай каморы Шчэбра, а ў каронную камору Аўгустаў, чым наносіцца значная шкода скарбу ВКЛ» [7, л. 148 адв.]. Скарбавая камісія загадала такім купцам (фактычна грамадзянам ВКЛ) праходзіць мытны дагляд і аплачваць пошліну толькі на каморах Княства пад пагрозай грашовага пакарання за нанясенне шкоды скарбу ВКЛ. У дакуменце вызначаліся наступныя месцы для правядзення мытнага дагляду і аплаты мытнай пошліны такім грамадзянам: камора Шчэбра, прыкаморкі: Філіпаў, Віштынец, Карклубяны; камора Вежбалаў, прыкаморкі: Шыкшнева, Новае Места на Жмудзі; камора Юрбарк, прыкаморак Шылін; камора Новае Места ў Вайнуцкім старостве; пакамеровая камора ў Гродне, прыкаморкі: Луйжы, Айсяны, Гожды, Якубаў, Крэтынга; камора Паланга. Згаданы ўніверсал утрымліваў папярэджанне для купцоў аб тым, што квітанцыі каронных камор не будуць прымацца на мытнях ВКЛ, а тавар будзе лічыцца кантрабандай і падлягаць канфіскацыі [7, л. 149].

Аднак агульная нестабільная знешне і ўнутрыпалітычная сітуацыя стварала спрыяльныя ўмовы для злоўжыванняў як з боку купцоў, так і з боку мытных службоўцаў. У пратаколах мытнага дэпартамента за сакавік–каравік 1793 г. утрымліваецца шмат звестак пра рознага роду парушэнні на каморах ВКЛ: памылкі ў рахунках, пропуск кантрабанды за хабар і ўвогуле допуск тавараў на тэрыторыю краіны без правядзення ўсялякай рэвізіі, захоўванне даходаў ад мытных пошлін не ў вызначаных месцах, а часам нават ва ўласных дамах і інш. [13, л. 1–2 адв.].

Безумоўна, найбольшую шкоду для стабільнага функцыянавання мытнай сістэмы ВКЛ у гэты час прыносіла знаходжанне на яго тэрыторыі іншаземнага войска. Так, Скарбавая камісія ВКЛ неаднойчы звярталася да Генеральнай канфедэрацыі з данясеннем, што атрымлівае шматлікія рапорты ад скарбавых афіцыялістаў пра імкненне рускіх вайскоўцаў увозіць у краіну без аплаты пошліны як дазволеныя, так і забароненыя тавары, як, напрыклад, тытунь, а таксама стварэнне пратэжыравання для расійскіх купцоў [7, л. 156].

На падставе рапартаў сваіх афіцыялістаў, у прыватнасці суперінтэнданта Беларускай скарбавай правінцыі пана Вальбута, Скарбавая камісія 16 мая 1793 г. склала данясенне Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ пра тое, што вываз усіх грашавых сродкаў, якія складалі даходы скарба ВКЛ за перыяд ад 1 кастрычніка 1792 г. да «моманту ўсталявання расійскага кардону» не ўяўляецца магчымым. Кантакты паміж дзяржаўнымі служачымі, як і перасылка рапартаў і рахункаў, абмяжоўваліся, выезд службоўцаў быў забаронены, а грошы затрымліваліся расійскімі вайсковымі атрадамі [14, л. 15 адв.]. Таму Скарбавая камісія ВКЛ звярталася да Генеральнай канфедэрацыі, каб яна «на моцы сваёй улады» прапанавала такія спосабы, дзякуючы якім тое, што належыць скарбу ВКЛ, магло быць падлічана, каб афіцыялісты з кнігамі і рахункамі маглі прыехаць для справядзачы ў Вільню, і каб усе грашавыя сродкі, атрыманыя ад спагнання мытнай пошліны і падаткаў, былі дастаўлены ў генеральную касу. Але выканаць гэта было практычна немагчыма. Т. Коззан прыводзіць радкі з архіву Таргавіцкай канфедэрацыі за гэты час, у якіх адзначалася, што «па прычыне нестабільнасці ў краіне не было вядомым ні колькасць войска, ні памер скарбавых даходаў» [9, с. 267].

Тэрытарыяльныя страты, якія адбыліся ў выніку другога падзелу Рэчы Паспалітай, патрабавалі новых зменаў у арганізацыі мытнай службы ВКЛ. Універсалам ад 11 ліпеня 1793 г.

Скарбавая камісія абвясціла наступную арганізацыю «ў інтарэсах скарбу ВКЛ». Па-першае, уся тэрыторыя дзялілася на 3 скарбавыя рэпартыцыі – Літоўскую з цэнтрам у Гродне, Рускую з цэнтрам у Коўне і Жмудскую з цэнтрам у Навагрудку.

Па-другое, асобна падкрэслівалася, што ў выніку ліквідацыі некаторых падаткаў зменшылася функцыянальная дзейнасць правінцый. Таму зацвярджалася, што ад гэтага часу ўрад рэпартыцый будзе складацца з контрарэгістранта, з далучаных да яго рахункавода і двух рэвізораў. Функцыі апошніх вызначаліся вельмі падрабязна. Так, адзін з іх адказваў за падлікі і рахункі і раз на квартал павінен быў аб'езджаць каморы, праводзіць іх калькуляцыю, збіраць мытныя кнігі, зацвярджаць скарбавай пячаткай новыя і апячатваць грошы, падрыхтаваныя для перадачы ў скарб. Пасля яго вяртання другі рэвізор павінен быў аб'ехаць кожную камору з функцыяй касіра, падлічыць грошы і забраць іх у рэпартыцыю. Зборшчыкі тарыфавых падаткаў у адпаведнасці з гэтым універсалам самі абавязаны былі прывозіць у касу рэпартыцый грошы, прызначаныя на адпаведны тэрмін. Тым часам першы рэвізор, які вяртаўся з кнігамі і рахункамі, павінен быў разам з контрарэгістрантам і рахункаводам падсумаваць агульны рахунак усей рэпартыцыі. Гэты рахунак раз у квартал рэвізор, які адказваў за касу, павінен быў адвесці разам з грашыма ў генеральную касу. Такім чынам, адзін з рэвізораў заўсёды быў абавязаны знаходзіцца пры контрарэгістранце для агульнага кантролю над касай і, пры неабходнасці, аказання дапамогі ў выкананні вышэйапісаных дзеянняў [14, л. 46 адв.].

Гэта быў новы падыход у арганізацыі кантролю за фінансавай дзейнасцю мытняў. У дакуменце рабіўся акцэнт на тое, што паколькі інтэндант каморы пры ўвядзенні новых правіл вызваляўся ад неабходнасці штоквартал рабіць аб'езд мытняў і адвозіць грошы ў генеральную касу, то павінна была зменшыцца і колькасць яго памочнікаў. Прадпісвалася, што на каморы павінны працаваць толькі інтэндант і пісар, на прыкаморку і оберстражах – «пісары ў двух класах жалавання» з далучэннем да іх, па мажлівасці, жаўнераў замест стражнікаў, а пакмайстры ад гэтага часу маглі быць толькі на найбольш значных каморах. Каморы часовага складзіравання ўнутры краіны ўвогуле ліквідаваліся, а калі ўсё ж на іх мелася патрэба ў вялікіх гарадах, напрыклад у Вільні, то прапанавалася далучыць іх да гарадской экзакцыі – адмысловай падаткавай акругі, якая адказвала за спаганне падаткаў ад вырабу і продажу гарэлкі (чопавага і шэляжнага) [14, л. 46 адв.–47].

Такім чынам, у сувязі са змяненнем аб'ёма функцый скарбавых служачых рабілася выснова, што і «саміх службоўцаў ужо не можа быць у агульнай колькасці 459 чалавек», як гэта было раней [14, л. 47]. Было вырашана пакінуць на скарбавай службе толькі найбольш здольных і адданных людзей. Таму контрарэгістрантам ставілася ў абавязак тэрмінова скласці лісты з пазначэннем: «як доўга служыць канкрэтны чалавек, праз якія ступені прайшоў да заняцця пэўнай пасады, ці мае паручыцельства, якія ўчынкi здзяйсняў і якія мае здольнасці» [14, л. 47]. Гэтыя звесткі павінны былі ўлічвацца пры прызначэнні на тую ці іншую пасаду. Асобна падкрэслівалася, што «на вышэйшыя скарбавыя пасады не можа быць прызначаны ніхто звонку, хто да гэтага часу не знаходзіўся на дзяржаўнай службе. А таму, хто доўга і верна служыў і зыходзіць са скарбавай службы, будзе выплачвацца дадатковая грашовая ўзнагарода» [14, л. 47].

Безумоўна, усе гэтыя меры былі прадпрыняты з мэтай скарачэння агульнай сумы выдаткаў на аплату скарбавым служачым розных рангаў. З гэтага часу для забеспячэння функцыянавання дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ, акрамя жалавання яе службоўцам, не прадугледжвалася ніякіх іншых выплат, якія існавалі ад часу яе стварэння (1765 г.): на вынайманне службовага памяшкання для пражывання, на яго ацяпленне і асвятленне і інш. Дадатковыя выдаткі засталіся толькі на забеспячэнне непасрэднага функцыянавання мытных пунктаў – на паперу, лак, воск, вагі і некаторыя іншыя рэчы і прыстасаванні.

Аднак у геапалітычнай сітуацыі 1793 г. цяжка было забяспечыць стабільнасць функцыянавання розных дзяржаўных інстытутаў, і мытнай службы ў прыватнасці. Такое становішча складвалася і на каронных каморах. У якасці доказу можна прывесці данясенне скарбавых афіцыялістаў ВКЛ ад 9 жніўня 1793 г., у якім адзначалася, што «розныя купцы з Франкфурта і Ліпска, якія прыбылі на Зельвенскі кірмаш з вялікай колькасцю тавара, ніякай пошліны на каронных каморах не аплацілі, паколькі граніцы той часткі краю адкрыты па прычыне ўварвання туды прускага войска, і скарбавым афіцыялістам не плацяць за выкананне абавязкаў» [14, л. 54 адв.].

На Гродзенскім сойме 1793 г., які афіцыйна зацвердзіў другі падзел Рэчы Паспалітай, былі прыняты і некаторыя рашэнні адносна далейшага дзеяння мытнай сістэмы. Сярод новаўвядзенняў можна адзначыць адмову манарха Рэчы Паспалітай ад усіх даходаў ад спагнання мытных пошлін, выразную арыентацыю ў бок дзяржаўнага пратэкцыянізму на развіццё прамысловасці і гандлю. Абвяшчалася правядзенне рэвізіі тавараў і аплата пошліны толькі адзін раз на пагранічнай каморы, скасоўвалася ўсталяванае раней прадпісанне для купцоў, на якія каморы і якімі шляхамі ехаць, вызваліліся ад аплаты тавары, неабходныя для працы мануфактур. Але ў асноўным рашэнні паўтаралі змест шэрагу ранейшых соймавых пастаноў. Так, па-ранейшаму адказнасць за дзейнасць мытняў і спагнанне пошлін ускладвалася на Скарбавыя камісіі, якія павінны былі скласці новыя мытныя інструкцыі, усталяваць каморы ў найбольш зручных месцах на новай мяжы, пры гэтым не дапускаць узнікнення ўнутраных камор, забяспечыць стабільнасць транзіту тавараў праз тэрыторыю Рэчы Паспалітай і інш. [15, с. 182–185].

Спасылка на Гродзенскі сойм і яго рашэнні адносна дзяржаўнай ашчаднасці паўтараліся пазней у многіх універсалах Скарбавай камісіі. Так, напрыклад, ва ўніверсале ад 31 снежня 1793 г. пра забарону ўвозу на тэрыторыю краіны пэўных тавараў раскошы, адзначалася, што «ніколі яшчэ Рэч Паспалітая не мела большай патрэбы ў стварэнні ўнутранай эканомікі» [13, л. 71 адв.]. «Каб пазбегнуць канчатковага руйнавання дзяржавы» дакументам забаранялася ўвозіць у краіну тканіны, аздобленыя золатам або серабром, пад пагрозай штрафу ў памеры 2000 польск. зл. Таксама нельга было ўвозіць карункі, газу, ювелірныя вырабы, «за выключэннем англійскага сталовага шкла, кубкаў без пазалоты, люстраў і жырандоляў, бронзы, мармуру і ўсіх прыстасаванняў для сталярскай работы». Анасавалася, што ад 1 лютага 1794 г. пад пагрозай канфіскацыі і падвойнай аплаты штрафу будзе забаронены ўвоз усіх французскіх тавараў і напояў, за выключэннем спірта і іншых інгрыдыентаў, патрэбных для аптэк [13, л. 71 адв.]. Гэта яскрава сведчыла, што ў дзяржаўнай мытнай палітыцы адбылася карэнная пераарыентацыя погляду на мытныя пошліны – ад пераважна фіскальнага значэння, накіраванага ў першую чаргу на папаўненне дзяржаўнага скарбу, да гаспадарчага значэння, накіраванага на абарону эканамічных інтарэсаў дзяржавы.

Асобным пунктам загадвалася ўсім, хто знаходзіўся на дзяржаўнай службе, сумленна і бездакорна выконваць свае абавязкі і быць на службе ў адпаведных мундзірах³ [13, л. 72].

Універсалам ад 23 студзеня 1794 г. былі ўдакладнены ўсе дэталі прынятага на сойме 1793 г. рашэння аб тым, што тавары, якія прайшлі працэдуру дагляду на пагранічнай каморы, не падлягалі паўторнай рэвізіі [13, л. 80]. Выключэнні з гэтага правіла маглі быць толькі тады, калі купец падазраваўся ў правозе прамыта, у такім выпадку дзейнічала норма права пра канфіскац.

Натуральна, што пры значным скарачэнні колькасці мытных служачых у новых умовах унутрыпалітычнай і знешнепалітычнай нестабільнасці, яшчэ больш узраслі патрабаванні да прафесіяналізму мытнікаў, іх сумленнасці і адданасці справе. 3 студзеня 1794 г. Скарбавая камісія выдала распараджэнне суперінтэндантам Жмудскай і Літоўскай правінцый, каб у сувязі з новым заканадаўствам яны самі і афіцыялісты, якія знаходзіліся пад іх начальам, з'явіліся ў Скарбавую камісію для прад'яўлення дакументаў аб паручыцельстве [16, л. 5 адв.]. Кантролю за наяўнасцю рэальнага паручыцельства для дзяржаўных служачых стала надавацца вельмі вялікае значэнне. Гэта было звязана і з праверкай дзейнасці скарба ВКЛ, якая адбылася ў 1792–1793 гг. [17], калі былі ўскрыты факты, якія сведчылі аб тым, што паручыцельствы часткі служачых страцілі сваю актуальнасць: або скончыўся іх тэрмін дзеяння, або паручыцелі ўжо не займалі зафіксаваных у дакуменце пасадаў ці ўвогуле ўжо не жылі. Спецыяльным дакументам Скарбавай камісіі ВКЛ ад 10 студзеня 1794 г. былі прызначаны дзяржаўныя служачыя, у функцыі якіх быў уведзены абавязак сачыць за наяўнасцю рэальнага паручыцельства ў скарбавых служачых. Так, за наяўнасць такіх дакументаў у вышэйшых скарбавых афіцыялістаў, у тым ліку суперінтэндантаў, адказваў сакратар Скарбавай камісіі ВКЛ, у непасрэдна мытных афіцыялістаў – мытны рэгент [16, л. 20 адв.].

Разам з тым удакладняліся абавязкі мытных служачых. Так, 17 студзеня 1794 г. Скарбавая камісія ВКЛ сваім распараджэннем загадала суперінтэндантам Літоўскай і Жмудскай правінцый, «каб не забывалі сваіх абавязкаў і аб'язджалі свае тэрыторыі ў адпаведнасці з правіламі, выдадзенымі Скарбавай камісіяй абодвух народаў 22 мая 1792 г.: раз на год –

ую рэпартыцыю са стражамі і прыкаморкамі, а два разы на год – галоўныя мытныя каморы» [13, л. 79]. Варта падкрэсліць, што за перыяд 1791–1793 г. змены ў арганізацыю мытнай службы і функцыянал яе супрацоўнікаў уносіліся так часта, што такія кароткія ўдакладненні ў канкрэтны час былі абсалютна не лішнімі.

Важнай ў дзейнасці мытнаў заўсёды была барацьба з кантрабандай. Натуральна, што ў разглядаемы перыяд павялічылася колькасць кантрабанднага тавару, які перамяшчаўся праз мяжу: палітычную нестабільнасць жадалі выкарыстаць у сваіх мэтах як купцы, так і мытнікі. У данясеннях рэвізораў у Скарбавую камісію рэгулярна адзначалася пра парушэнні мытнікамі розных камор сваіх службовых абавязкаў – яны часта не праводзілі працэдуру канфіскацыі кантрабанды, а «не заўважалі» яе за пэўнае ўзнагароджанне. Яшчэ падчас рэвізіі камор Літоўскай і Жмудскай рэпартыцый у 1779 г. люстратар Матэвуш Котвіч у сваёй справаздачы адзначаў, што прычына значнага памяншэння паступленняў у дзяржаўны скарб звязана у першую чаргу з недобрасумленнай працай мытных служачых, якія атрымліваюць жалаванне незалежна ад эфектыўнасці сваёй працы, і таму паслабілі кантроль, пра што, у тым ліку, сведчыла і зніжэнне аб'ёмаў канфіскацыі [18, л. 267]. Для вырашэння гэтай праблемы люстратар прапанаваў спецыяльна складзеную ім табліцу, у адпаведнасці з якой афіцыялісту, які знойдзе кантрабандны тавар, павінна выплачвацца фіксаваная грашовая прэмія ў якасці працэнта ад сумы канфіскацыі [19]. З гэтай вырашэння гэтага пытання Скарбавая камісія ВКЛ прыняла больш радыкальныя меры і сваім універсалам ад 25 студзеня 1794 г. устанавіла грашовую ўзнагароду мытнікам у памеры 50 % ад сумы канфіскацыі [20, л. 10].

Аднак, безумоўна, самай галоўнай задачай пры арганізацыі эфектыўнага функцыянавання дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ пасля другога падзелу Рэчы Паспалітай стала ўсталяванне камор на новай мяжы з Расіяй. 23 студзеня 1794 г. рашэннем Скарбавай камісіі для правядзення люстрацыі зямель, якія засталіся ў складзе ВКЛ, былі прызначаны тры «правінцыяльныя рэвізоры», за якімі для працы былі замацаваны наступныя тэрыторыі: «ад кліна паміж Друяй і Курляндыйяй на левым беразе ракі Дзвіны на Нарач аж па Дуброва ў Мінскім ваяводстве вызначаецца пан Станіслаў Вольмер; з-пад Дубровы ідучы па кардону аж да Нясвіжу – пан Валкавіцкі; з-пад Нясвіжу праз Пінскі павет аж да кароннай мяжы – пан Такажэўскі» [16, л. 31]. Камісія абавязала рэвізораў «найдакладнейшым чынам аглядаць і вызначаць месцы, прыдатныя для стварэння новых камор, обер-стражаў і стражаў, пераважна там, дзе расійскія каморы ўжо пастаўлены ці будуць створаны». Пры вызначэнні месцаў для ўсталявання камор панам рэвізорам асобна самым суровым чынам загадалася, каб яны «гвалтоўна не ўрываўліся ў месцы, занятыя Расіяй, а дзейнічалі так, каб захаваць спакой» [16, л. 31 адв.].

У матэрыялах Скарбавай камісіі захаваўся толькі адзін рапарт з прапановамі, складзены Такажэўскім 25 лютага 1794 г. Так, на яго думку, у Навагрудскім ваяводстве найбольш выгодна было б усталяваць камору перад Стоўбцамі, «там, дзе і Масква сваю камору паставіць» [21, л. 2]. Пры гэтым рэвізор падкрэсліў, што камора павінна быць адна як для спагнання мытнай пошліны з галоўных сухапутных трактаў, так і пошліны з нёманскага сплаву. Ён выказаў меркаванне, што ў такім выпадку для ашчаднасці скарбу мытны дагляд павінны ажыццяўляць адны і тыя ж афіцыялісты. Яшчэ адну камору ён прапанаваў стварыць у Янаве Пінскага павета з двума прыкаморкамі: у Целяханах, якія ляжалі на Слоніўскім тракце да Гродна, і ў Любяшаве – на тракце з Вальні ў Літву [21, л. 2].

Вядома, што на падставе гэтага рапарта Скарбавая камісія ВКЛ прыняла як мінімум адно тэрміновае рашэнне – стварыла камору перад Стоўбцамі, і ўжо 6 сакавіка 1794 г. інтэндантам новастворанай Перадстаўбоўскай каморы быў прызначаны Томаш Мізгер, які, як адзначалася ў дакуменце, атрымаў гэтую пасаду «дзякуючы сваёй шматгадовай бездакорнай службе на карысць скарба» [16, л. 55 адв.].

Але 24 сакавіка 1794 г. у Кракаве пачалося паўстанне на чале з Тадэвушам Касцюшкам, якое фактычна адкрыла апошнюю старонку існавання дзяржаўнай мытнай службы як ВКЛ, так і ўсёй Рэчы Паспалітай. Пад час паўстання выканаўчую ўладу ў ВКЛ ажыццяўляла Найвышэйшая Літоўская Рада (ад 10 чэрвеня 1794 г. – Цэнтральная дэпутатыя ВКЛ), якая складалася з розных аддзелаў, у тым ліку і скарбавага. Па сутнасці да яе перайшлі функцыі Скарбавай камісіі ВКЛ, якая ў новых умовах абвясціла аб самароспуску. Такім чынам,

галоўнай крыніцай аб дзейнасці мытнай службы ў час паўстання 1794 г. сталі пратаколы пасяджэння Скарбавай дэпутацыі ВКЛ.

Так, ужо 26 красавіка 1794 г. быў выдадзены загад «панам суперінтэндантам, інтэндантам, экзактарам, пісарам і ўсім, хто мае тытул скарбавых афіцыялістаў», каб не прымалі і не аплачвалі асігнацый Скарбавай камісіі ВКЛ, «якая ўжо не мае ніякай улады»; каб усе грошы, якія ёсць у розных касах, тэрмінова даставілі ў генеральную касу ў Вільню; пры немагчымасці дастаўкі грошай па прычыне знаходжання непрямельскага войска ім загадвалася забяспечыць захаванне грошай на месцах. Асаблівы акцэнт рабіўся на тым, што афіцыялісты былі абавязаны працягваць добрасумленна выконваць свае функцыі, а любое невыкананне імі распараджэнняў Скарбавай дэпутацыі будзе пакарана [22, л. 1].

У адпаведнасці з пастановай ад 28 красавіка 1794 г. скарбавым служачым дадаткова ставілася ў абавязак збіраць і тэрмінова прадстаўляць у Скарбавую дэпутацыю ВКЛ падрабязную інфармацыю пра дыслакацыю, колькасць і рух варожага войска. Афіцыялістам, якія працавалі на граніцах з Расіяй, Прусіяй і Курляндыйй, загадвалася «сачыць і тэрмінова дакладваць пра камунікацыі непрямельскага расійскага войска з войскамі іншых краін у першую чаргу з прускім» [22, л. 3 адв.]. Каб здабыць неабходную інфармацыю пра абарону непрямельскага войска, пра яго зносіны з іншым загранічным войскам, скарбавыя афіцыялісты павінны былі высылаць здольных людзей нават за некалькі міль за мяжу. Больш за тое, ім рэкамендавалася асцярожна скупляць за мяжой порах і волава і перасылаць у Вільню [22, л. 3 адв.–4].

Увогуле інфармацыя адносна працы камор у дакументах перыяду паўстання 1794 г. вельмі небагатая. У асноўным яна датычыць фінансавых пытанняў – дастаўкі ў генеральную касу ў Вільню грошай ад спагнання пошліны, а таксама выплаты жалавання мытнікам. Неабходна адзначыць, што практычна немажліва ўстанавіць дакладную суму паступлення пошліны ад правядзення рэвізіі тавараў на каморах, паколькі, з аднаго боку, праца камор не магла ў той час ажыццяўляцца ў штатным рэжыме, з другога, – мытнікі нярэдка імкнуліся выкарыстаць нестабільную палітычную сітуацыю на сваю карысць і недакладна фіксавалі інфармацыю ў мытных кнігах і рээстрах або не запаўнялі іх увогуле [23, л. 56].

Спецыяльнай пастановай ад 24 чэрвеня 1794 г. мытным афіцыялістам было забаронена браць у якасці жалавання адпаведную суму ад атрыманага даходу на каморах, як гэта было раней, – неабходна было найперш атрымаць асігнацыйны ліст Скарбавай дэпутацыі [23, л. 4]. Аднак ужо 4 жніўня 1794 г. Скарбавы аддзел Цэнтральнай дэпутацыі загадаў мытным афіцыялістам выплаціць зарплату ад стражніка да інтэнданта «даўнім спосабам», паколькі ў выніку заняцця вялікай часткі краіны непрямельцем «не было ўпэўненасці і мажлівасці спадзявацца на даход ад падаткаў», а, значыць, выплаты жалавання з агульнай касы на падставе асігнацый Скарбавай дэпутацыі [23, л. 39–39 адв.].

Пры гэтым асобна звярталася ўвага на памер жалавання. На пасяджэнні 1 верасня 1794 г. было падкрэслена, што пасля злучэння скарбаў у 1792 г. Скарбавая камісія абодвух народаў вызначыла суперінтэндантам правінцый ВКЛ такую ж аплату, як і каронным. Але яны працягвалі атрымліваць яе і пасля 15 верасня 1792 г. – даты раз'яднання скарбаў, хоць такіх абавязкаў ужо не выконвалі. У пратаколе Скарбавай дэпутацыі адзначалася, што «магчымасці літоўскага скарбу не дазваляюць утрымліваць такіх дарагіх афіцыялістаў, якім штогод трэба плаціць жалаванне па 12 тыс. польск. зл.» [23, л. 52–52 адв.].

У ліпені 1794 г. быў выдадзены шэраг рэзалюцый для Юрбаргскай спілаўной, а таксама сухапутных камор Шчэбры, Вежбалоў, Новае Места і Паланга, каб яны не прапускалі праз мяжу мясцовыя тавары, у якіх «для павелічэння сваёй моцы мае патрэбу непрямельская да Рэчы Паспалітай дзяржава прускага караля» [23, л. 29 адв. – 30 адв.].

Але ва ўмовах пашырэння ваенных дзеянняў праца мытняў фактычна была паралізавана. У дакументах Скарбавай дэпутацыі ад 27 жніўня 1794 г. адзначалася, што «мытныя каморы на мяжы з Расіяй разам з афіцыялістамі акзаліся забранымі, а цяперашні час з'яўляецца цяжкім для заснавання новых камор». Таму прызнавалася, што скарб згубіць тыя даходы, якія паступалі ад купцоў, што вывозілі свой тавар з Масквы [23, л. 49 адв.]. Гэты запіс ускосна сведчыць аб тым, што акрамя каморы перад Стоўбцамі, створанай у адпаведнасці з рапартам Такажэўскага, іншыя каморы на мяжы з Расіяй вясной 1794 г. заснаваныя не былі.

Высновы. Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што ў складаных умовах пачатку 90-х гг. XVIII ст. дзяржаўныя інстытуты ВКЛ, у тым ліку і мытня, дзейнічалі і ўдасканальваліся, што сведчыла пра наяўнасць унутраных рэсурсаў. У гэты час у функцыянаванні мытнай службы адбываліся значныя змены: з пераважна фіскальнага органа ў сістэме выканаўчай улады яна паступова ператваралася ў інстытут, які адказваў за эканамічную бяспеку краіны, ажыццяўляючы дзяржаўную пратэక్షыянісцкую мытную палітыку.

Аднак пасля падаўлення паўстання ў лістападзе 1794 г. Рэч Паспалітая, якая дэ-юрэ яшчэ існавала, па сутнасці была занята войскамі Аўстрыі, Прусіі і Расіі, кіраўнікі якіх у студзені 1795 г. ужо падпісвалі пагадненні адносна канчатковага падзелу Рэчы Паспалітай і вызначэння сваіх будучых межаў. Тэрыторыя, на якой размяшчаліся Гродзенская і Шчаберская каморы, была занята расійскім войскам, іншыя каморы каморы на паўночна-заходніх межах ВКЛ – прускім войскам. І дзяржаўная мытная служба ВКЛ, заснаваная ў 1765 г. як спецыяльны інстытут у сістэме выканаўчай улады, спыніла сваё існаванне разам з канчатковым падзелам дзяржавы.

ЗАЎВАГІ

1. Рэпартыцыя – назва мытнай акругі на тэрыторыі ВКЛ у другой палавіне XVIII ст., у склад якой уваходзілі мытныя пункты: каморы, пракаморкі, оберстражы і стражы.
2. Пакамеровае камора або экспакхаўз – камора часовага складзіравання і захоўвання тавараў.
3. Спецыяльная форма для розных катэгорый мытных службаўцаў была ўведзена яшчэ ў 1767 г.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. *Кітурко, И.* Скарбовая камісія ВКЛ і реарганізацыя таможеннай службы в 1765–1772 гг. / И. Кітурко // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [и др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 29. – С. 129–139.
2. *Кітурко, И.* Реформирование таможенной системы ВКЛ в 1772–1775 гг. / И. Кітурко // Украіна і Велике князівства Літовскае в XIV–XVIII ст.: політычны, эканамічны, міжнацыянальны та сацыякультурны відносіны в загаловаеўрапейскаму выміры: тэзі доповідей IV Міжнар. наук канф., Кіев, 16–19 вересня 2015 р. – Кіев : [Б. и.], 2015. – С. 36–38.
3. *Кітурка, І. Ф.* Дзяржаўная мытная служба ВКЛ пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай: спробы ўпарадкавання (1772–1775 гг.) / І. Ф. Кітурка // Гісторыка-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; гал. рэд. А. А. Каваленя ; рэдкал.: В. В. Даніловіч [и др.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – Вып. 32. – С. 127–138.
4. *Кітурко, И. Ф.* Государственная таможенная служба ВКЛ во второй половине XVIII в.: создание и основные этапы реорганизации / И. Ф. Кітурко // Історія торгівлі, податків та мита : тэзі доповідей XII Міжнар. наук. канф., Дніпро, 25–26 жовтня, 2018. – Кіев, 2018. – С. 45–47.
5. *Кітурка, І. Ф.* Арганізацыя дзейнасці мытнай службы ВКЛ у 1775–1791 гг. / І. Ф. Кітурка // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2019. – Вып. 34. – С. 94–100.
6. *Volumina legum.* – Petersburg : Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. – Т. IX. – 625 s.
7. Мытныя пратаколы (1791–1793 гг.) // Lietuvos valstybės istorijos archyve (LVIA). – F. 11. Ap. 1. Bib. 241.
8. Пратаколы запісаў, універсалаў, рэзалюцый (1792–1793 гг.) // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 156.
9. *Korzon, T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794 гг.) : w 6 t. / T. Korzon. – Kraków – Warszawa, 1897. – Т. 5. – 299 s.
10. *Korzon, T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) : w 6 t. / T. Korzon. – Kraków – Warszawa, 1897. – Т. 4. – 339 s.
11. LVIA. – F. 11. – Ap. 2. – Bib. 89 : Ведамасць пра колькасць служачых Мытнага дэпартаменту і пра атрыманае імі жалаванне; інструкцыі, выданыя служачым камісіі для праверкі мытняў; акт апытання служачых Вежбалоўскай каморы па справе яе інтэнданта, які абвінавачваўся ў жаданні пазбегнуць праверкі (1785–1788 гг.).
12. Эканамічныя пратаколы рэзалюцый, інструкцый, распараджэнняў (1792–1793 гг.) // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 125.
13. Пратакол мытнага дэпартаменту 1793 г. // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 142.
14. Эканамічны пратакол скарбу ВКЛ (1793 г.) // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 127.
15. *Waszko, St.* Celnictwo w Polsce przedrozbiorowej (część I polityka celna, instruktarze i postępowanie celne) / St. Waszko. – Sopot–Poznań : Nakładem Wyższej szkoły ekonomicznej, 1960. – 236 s.
16. Сакратарскі пратакол Скарбавай камісіі ВКЛ. 1793–1794 гг. // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 227.
17. *Шмігельскіце-Стукене, Р.* Правёрка дзейнасці Скарбавай камісіі Вялікага Княства Літоўскага ў 1792–1793 гг. / Р. Шмігельскіце-Стукене // ARCHE. – 2011. – № 6 (105). – С. 231–245.
18. Судовыя рашэнні, дзённікі, ведамасці, інструкцыі і інш. дакументы аб прыходу падымнага і недаймак пагалоўнага падаткаў, аб правілах працы мытняў, аб ачышчэнні русла р. Нёман, аб выдзяленні грошай на ўтрыманне войска, аб спаганні недаймак і інш. (1738–1781 гг.) // LVIA. – F. 11. – Ap. 1. – Bib. 1012.

19. Кітурка, І. Ф. Люстрацыя як інструмент кантролю за дзейнасцю мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. / І. Ф. Кітурка // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 6–17.
20. Дзёнік Скарбавай камісіі ВКЛ. 1794 г. // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 275.
21. Рапарт Такажэўскага аб арганізацыі мытнага на мяжы з Расіяй (1794 г.) // LVIA. – F. 11. Ap. 2. Bib. 42.
22. Пратакты Скарбавай дэпутацыі (1794 г.) // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 159.
23. Пратакты пасяджэнняў Скарбавай дэпутацыі (1794 г.) // LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 160.

Паступіў у рэдакцыю 09.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 6–17
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

State customs service of GDL in 1791–1794: last years of existence

I. F. Kiturka

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

Azheshka St., 22, 230023, Grodno, Belarus; e-mail: ikiturko@grsu.by

Abstract. The paper studies the functioning of the state customs service in the GDL in the last years of its existence in 1791–1794. Being the first of its kind in local and foreign historiography, the study is based on a wide range of sources most of which are used in research for the first time and shows how the customs of the GDL operated in accordance with the resolutions of Four-Year Sejm (1788–1792), after the second subdivision of the Polish-Lithuanian Commonwealth, during the 1794 uprising. The main part of the article notes that political instability in the state during the period under study influenced the customs service of the GDL. It also presents the analysis of the activity of the Skarbovaya Commissions of the GDL and both nationalities aimed at the improvement of customs service and its effectiveness. The article emphasizes that the measures taken about the functioning of the state customs service in the GDL aimed, on the one hand, at the reduction of maintenance costs and, on the other hand, the increase of supervision over the function assigned to it. The conclusion states that in the demanding conditions of the beginning of the 18th century, the State institutions of the Great Duchy of Lithuania including customs operated and improved which proved the availability of internal resources. Significant changes occurred in the functioning of the state customs service at that period: being predominantly a fiscal body of the executive power at first, it gradually turned into the institution responsible for the economic security of the state implementing protectionist customs policy. But after the suppression of the uprising in 1794 the Polish-Lithuanian Commonwealth which still existed *de jure* was mainly occupied by the armies of Austria, Prussia and Russia. Thus, the State Customs service of the GDL founded in 1765 as a separate structure in the executive branch of power ceased to exist along with the final subdivision of the state. The results and the conclusions of the research can be applied when studying the activity of the state institutions of the GDL in the latter half of the 18th century, preparing summarizing research, textbook in the history of the GDL and the history of the customs service.

Keywords: state customs service, GDL, Polish-Lithuanian Commonwealth, Skarbovaya Commission of GDL, Skarbovaya Commission of both nationalities, universal, Constitution, Sejm, reparation, floating customs office, land customs office, customs branch, guard, officialists, fiscal function, economic security.

References

1. Kiturko I. The Skarbovaya Commissions of the Grand Duchy of Lithuania and the reorganization of the customs service in 1765-1772 [*Skarbovaia komissii VKL i reorganizatsiia tamozhennoi sluzhby v 1765-1772 gg.*]. Historical and Archaeological Collection [*Historychna-arkhealahichny zbornik*]; ed. board: A. A. Kavalenia [et al.]. Minsk, 2014, issue 29, pp. 129-139.
2. Kiturko I. Reforming the customs system of the Grand Duchy of Lithuania in 1772-1775. [*Reformirovanie tamozhennoi sistemy VKL v 1772-1775 gg.*]. *Ukraine and the Grand Duchy of Lithuania in the 14th-18th centuries: political, economic, international, social and cultural relations in the European dimension : abstracts of the 4th Int. scientific conf.*, Kyiv, Sept. 16-19, 2015. Kyiv, 2015, p. 36-38.
3. Kiturka I. F. The State Customs Service of the Grand Duchy of Lithuania after the first partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth: attempts to streamline (1772-1775) [*Dziarzhavnaha mytnaia sluzhba VKL paslia pershaha padzelu Rechy Paspalitai: spraby uparadkavannia (1772-1775 hh.)*]. Historical and Archaeological Collection [*Historychna-arkhealahichny zbornik*]; ed. board: V. V. Danilovich [et al.]. Minsk, 2017, issue 32, pp. 127-138.

4. Kiturko I. F. The State Customs Service of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 18th century: creation and main stages of reorganization [*Gosudarstvennaia tamozhennaia sluzhba VKL vo vtoroi polovine XVIII v.: sozdanie i osnovnye etapy reorganizatsii*]. *History of Trade, Taxes and Duties : abstracts of the 12th Int. scientific conference*, Dnipro, Oct. 25-26, 2018. Kyiv, 2018, pp. 45-47.
5. Kiturka I. F. Organization of the activity of the customs service of the Grand Duchy of Lithuania in 1775-1791 [*Arhanizatsiya dzeinastsi mytnai sluzhby VKL u 1775-1791 hh.*]. *Historical and Archaeological Collection [Histarychna-arkhealahichny zbornik]*. Minsk, 2019, issue. 34, pp. 94-100.
6. Volumes of the law [*Volumina legum*]. Petersburg, 1860, vol. IX. 625 p.
7. Customs protocols (1791-1793) [*Mytnyia pratakoly (1791-1793)*]. Lithuanian State History Archive (LSHA) [*Lietuvos valstybės istorijos archyve (LVIA)*]. F. 11. L. 1. C. 241.
8. Protocols of records, universals, resolutions (1792-1793) [*Pratakoly zapisau, universalau, rezaliutsyi (1792-1793)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 156.
9. Korzon T. The internal history of Poland under Stanisław August (1764-1794 gg.) : in 6 vol. [*Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764-1794 gg.) : w 6 t.*]. Kraków - Warszawa, 1897, vol. 5, 299 p.
10. Korzon T. The internal history of Poland under Stanisław August (1764-1794 gg.) : in 6 vol. [*Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764-1794 gg.) : w 6 t.*]. Kraków - Warszawa, 1897, vol. 4, 339 p.
11. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 2. C. 89. Information on the number of employees of the Customs Department and the salary they received; instructions issued by a customs officer to inspect customs; Act of interrogation of employees of the Vezhbalov customs office in the case of its intendant, who was accused of wanting to avoid inspection (1785-1788) [*Vedamasts 'prakol'kasts' sluzhachykh Mytnaha departamenta i pra atrymanae imi zhalavanne; instruksyi, vydadzenyia sluzhachym kamisii dlia praverki mytniau; akt apytannia sluzhachykh Vezhbalouskai kamory pa sprave iae intendanta, iaki abvinavachvausia u zhadanni pazbegnust' praverki (1785-1788 hh.)*].
12. Economic protocols of resolutions, instructions, orders (1792-1793) [*Ekanamichnyia pratakoly rezaliutsyi, instruksyi, rasparadzhenniau (1792-1793 hh.)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 125.
13. Protocol of the Customs Department of 1793 [*Pratakol mytnaha departamenta 1793*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 142.
14. Economic Protocol of the GDL Treasury (1793) [*Ekanamichny pratakol skarbu VKL (1793)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 127.
15. Waszko St. Customs in pre-partition Poland (customs and customs policy, manuals and customs proceedings) [*Celnictwo w Polsce przedrozbiorowej (cia I polityka celna, instruktarze I postępowanie celne)*]. Sopot - Poznań, 1960, 236 p.
16. Secretarial protocol of the GDL Treasury Commission. 1793-1794 [*Sakratariski pratakol Skarbavai kamisii VKL. 1793-1794*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 227.
17. Shmihelskitse-Stukene R. Inspection of the Treasury Commission of the Grand Duchy of Lithuania in 1792-1793 [*Praverka dzeinastsi Skarbavai kamisii Vialikaha Kniastva Litouskaha u 1792-1793*]. *ARCHE*, 2011, No. 6 (105), pp. 231-245.
18. Judgments, diaries, statements, instructions, etc. documents on the arrival of lifting and arrears of general taxes, the rules of customs, the cleaning of the riverbed. Neman, on the allocation of money for the maintenance of the army, on the collection of arrears, and others (1738-1781) [*Sudovyia rashenni, dzenniki, vedamastsi, instruksyi i insh. dokumenty ab prykhodu padymnaha i nedaimkakh pahalounaha podatkau, ab pravilakh pratsy mytniau, ab achyshcheni rusla r. Neman, ab vydzialemmi hroshai na utrymanne voiska, ab spahnnani nedaimak i insh. (1738-1781)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 1012.
19. Kiturka I. F. Lustration as an instrument of control over the activities of the customs service of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 18th century [*Liustratsyia iak instrument kontroliu za dzeinastsiu mytnai sluzhby VKL u druhoi palove XVIII st.*]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, 2017, vol. 9, No. 2, pp. 6-17.
20. Diary of the Treasury Commission of the Grand Duchy of Lithuania. 1794 [*Dzennik Skarbavai kamisii VKL. 1794*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 275.
21. Takazhevsky's report on the organization of customs on the border with Russia (1794) [*Rapart Takazheuskaha ab arhanizatsyi mytniau na miazhy z Rasiiai (1794)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 2. C. 42.
22. Protocols of the Treasury Deputation (1794) [*Pratakoly Skarbavai deputatsyi (1794)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 159.
23. Protocols of meetings of the Treasury Deputation (1794) [*Pratakoly pasiadzhenniaiu Skarbavai deputatsyi (1794)*]. LSHA [*LVIA*]. F. 11. L. 1. C. 160.

А. В. Дмитриев

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ БЕЛОРУСОВ ИЗ НОВОГО ДВОРА ВОЛКОВЫССКОГО УЕЗДА ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В УФИМСКУЮ ГУБЕРНИЮ В 1890-е гг.

Во введении указан объект исследования – Новый Двор Волковысского уезда Гродненской губернии как регион выхода некоторой части белорусских переселенцев и их миграция в Уфимскую губернию в 1890-е гг. Интерес к теме вызван тем, что территория Башкортостана представляется малоизученной в аспекте крестьянских переселений из Беларуси в конце XIX – начале XX в., несмотря на большое количество белорусских поселений, возникший в результате таких массовых переселений на территории Уфимского уезда. Рассмотрены социально-экономические причины, по которым, как полагает автор, крестьяне покидали Новый Двор и переезжали на новое место жительства. Привлечены архивные документы, свидетельствующие о формировании новых хозяйств на починках и хуторах Уфимского уезда. Особое внимание уделено вопросу формирования нового поселения в составе географических объектов Уфимской губернии – починка Новодворского, который был назван в честь одноименного местечка. Был также затронут вопрос внутренней миграции части белорусского населения из починков Уфимского уезда в деревню Ново-Петровка Стерлитамакского уезда. Именно переселившись в Ново-Петровку, белорусские поселенцы вступили в одноименное товарищество, взяв ссуду в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка. В статье предложен список домохозяев, которые пожелали выехать в Ново-Петровку с указанием количества купленных десятин земли. На основании проведенного исследования сделан вывод о важности комплексного изучения переселения белорусов в Башкирский край не только из Нового Двора. Актуальны и вопросы переселения новодворцев в сибирские губернии, чему запланировано посвятить отдельное исследование. Требуется своего изучения также проблема формирования новой идентичности белорусских переселенцев под влиянием новых межэтнических контактов на территории Уфимской губернии.

Ключевые слова: белорусские переселенцы, миграции, Новый Двор, починок Новодворский, Ново-Петровка, Крестьянский поземельный банк.

Введение. На сегодняшний день вопрос об аграрных миграциях крестьянства из Беларуси остается по-прежнему малоизученным. Этническая идентичность белорусов размыта вследствие сложных многовековых исторических процессов еще на прежней родине. Белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского (с середины XIII века по 1569 год) и Речи Посполитой (1569–1795), затем – России, и белорусы испытали этнокультурные влияния разных народов и культур. Конфессиональная разобщенность белорусов на исторической родине зачастую приводила к подмене этнической идентичности религиозной («католики», «православные»).

Безусловно, имеется ряд работ, где освещены общие вопросы переселенческого движения из Беларуси во второй половине XIX – первой половине XX в., однако без исследования специфики региона входа [1–4]. В региональных же исследованиях наблюдается неравномерность. Например, гораздо больше работ по переселению белорусских крестьян в Сибирь и Карелию (похоже, что эти регионы проработаны лучше всего), нежели чем на Южный и Средний Урал. С точки зрения миграционных процессов конца XIX – первой половины XX в. в среде белорусских крестьян хуже всего, на наш взгляд, изучен Башкортостан. Примечательно то, что если первая волна переселения белорусов в Сибирь связана с разгромом польского восстания 1830–1831 гг. [5, с. 10], а также появления так называемых «панцирных бояр» из Витебской губернии в 50–60 годы XIX в. [6, с. 157], то история белорусской этнической группы на Южном Урале начинается еще с XVII в. с формирования среди белорусов-переселенцев социальной группы служилых людей, отчасти чиновников, в местных городах-крепостях [7, с. 408].

Дмитриев Александр Владиславович, канд. филол. наук, доц. Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Россия).

Адрес для корреспонденции: ул. Политехническая, 29, 195251, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: avd84@list.ru

Вообще необходимо отметить, что Урал в миграционных перемещениях второй половины XIX – начала XX в. играл роль перевалочного пункта при движении переселенцев на восток и обратно: «Организационно это проявилось в создании в 1892 г. Челябинской переселенческой конторы на Сибирской железной дороге, а в 1920-е гг. – переселенческого пункта в Свердловске. С одной стороны, Урал отдавал мигрантов в Сибирь (как трудоизбыточный регион), а с другой – принимал их из европейской части страны. Здесь существенно отметить, что в границах описываемого периода (и далее, вплоть до начала 1990-х гг.), вектор «запад–восток» во внутрироссийских миграциях был доминирующим» [8, с. 29].

Анализируя причины, по которым белорусы уезжали со своих мест в Сибирь и на Урал, авторы рассматривали разные факторы, подчас друг другу противоречащие: голод и бедность крестьянских масс (Ю. Э. Янсон); необходимость заселения новых, еще необжитых территорий (Ф. М. Уманец); совершенствование архаических способов ведения хозяйства (В. Розенберг); острый недостаток сельскохозяйственных угодий как результат естественного прироста населения (Н. Г. Простнев); пассивная форма классовой борьбы крестьянства как следствие нищеты и малоземелья значительной части населения (С. Агурский, Д. А. Дудкова); нежелание находиться в качестве дешевой рабочей силы у помещиков (К. И. Шабуня) и др. [9, с. 9–12].

Беларусь особенно показательна в контексте переселенческих процессов и являлась районом активных аграрных миграций крестьянства. С 1885 по 1914 годы, по неполным данным, из пяти западных губерний только в Сибирь переселилось свыше 550 тыс. человек. Это составило 54 % выходцев из 24 губерний нечерноземной полосы России, или более 11 % общероссийского переселенческого движения в стране [4, с. 4]. Из 4650 тыс. всех переселенцев и ходоков России в период с 1869 по 1915 г. белорусские губернии (Виленская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская) дали свыше 600 тыс. [10, с. 32]. Особенно усилились миграционные процессы из Беларуси в конце 1890-х годов, причем если до 1896 года число выходцев из этих губерний составляло менее 1 % от общего числа сибирских переселенцев, то к 1898 году оно возросло уже до 14,7 %, что составляло уже более половины от всего числа выходцев из нечерноземной полосы [2, с. 116].

Переселения во многих случаях не только не решали крестьянских проблем, но часто имели просто трагические последствия, так как «большая часть этих переселенцев, лишенных какой бы то ни было помощи, окончательно разорялась, часть из них возвращалась назад батраками и попадала снова в жестокую кабалу к помещикам и кулакам; значительная часть их умирала по дороге и на новых необжитых местах от болезней, холода и голода» [9, с. 11].

Основная часть. Изучение этих сложных миграционных процессов нельзя проводить без разбора конкретных примеров, и в каждом таком случае важно увидеть внутренние, локальные причины (возможно, не заметные исследователю при обобщении), которые позволят глубже и лучше изучить переселенческое дело.

Что же подтолкнуло жителей Нового Двора на переселение?

Новый Двор после 1795 г. в составе Волковысского уезда Гродненской губернии – это этап в истории местечка, требующий особого рассмотрения и предметного изучения, и этому посвящены фундаментальные труды А. Смолянчука [11] и Н. Быховцева [12]. На базе этих двух работ мы постараемся осветить ключевые положения, которые послужили основанием для переселения значительной части белорусского населения из Нового Двора.

Уже первые статистические описания Нового Двора в первой трети XIX в. свидетельствуют об исключительно крестьянском образе жизни основной массы жителей Нового Двора. Этот образ жизни сочетался с мещанским самосознанием, поэтому, как свидетельствуют документы, в течение всего XIX в. новодворцы упорно называли себя мещанами, а упоминания новодворцев про давнишнюю вольность, полученную от королей и великих князей, фиксируются в документах, по крайней мере, до начала XX в.

Проведенная в Новом Дворе в 1847, 1859, 1865 и 1869 годы люстрация привела к окончательному уничтожению этой вольности, а именно – древнего вотчинного права жителей Нового Двора и как такового мещанского сословия, которым жители местечка гордились на протяжении трех веков. Весь смысл люстрационных реформ заключался в том, чтобы

насилственно перевести мещан в категорию государственных крестьян с обязательной выплатой оброка, что ставило новодворцев в кабальную зависимость от землевладельцев. В адресованных губернатору прошениях от жителей Нового Двора каждый раз говорилось о том, что в местечке никогда не было личной барщины, и жители всегда владели землями на вотчинных правах. Однако правительство отказывало в этих прошениях («никаких вотчинных прав не имеют»), и когда в 1859 году Новый Двор перевели в разряд государственных имений, то его жителей в разных документах (прежде всего, в метрических книгах) постепенно стали записывать уже как «крестьяне». Не удивительно, что новодворцы поддержали польское восстание 1863–1864 годов, которое было направлено на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. Жители местечка активно содействовали повстанцам, доставляя им продовольствие, за что многие из них впоследствии были осуждены военно-полевым судом и отправлены в Сибирь.

Земельные споры между жителями Нового Двора, с одной стороны, и российскими землевладельцами и лесным ведомством, с другой – были наряду с проводимой люстрацией закономерным процессом, поскольку первое подразумевало второе. С конца 1810-х годов и вплоть до конца 1860-х годов на землю жителей Нового Двора постоянно претендовали помещики, причем когда накануне люстрации вся земля в Новом Дворе была поделена на «бесспорную» (состояла из «удобной» и «неудобной» земли, а также леса), «спорную» и «худую» (все пахотные земли местечка), то на «спорные» земли сразу же высказали свои претензии помещики Свяжинский, Вяржбинский и Андрейкович. Дело осложнилось тем, что в середине 1860-х годов чиновники лесного ведомства забрали у жителей Нового Двора их сенокосы, из-за чего земли стало в разы меньше.

Многочисленные и многолетние тяжбы с помещиками (правительство, как правило, решало все эти тяжбы в пользу землевладельцев) в конечном счете привели к малоземелью и губельному состоянию земледельческого уклада жизни. Дефицит земельного фонда усугублялся еще и худой почвой: Новый Двор был зажат между неурожайными песчаными почвами на севере и Беловежской топи на юге. Это служило дополнительным толчком к переселению в черноземные богатые степные районы Башкирии. Немаловажным фактором являлось то, что в конце 80-х годов XIX в. в Новом Дворе все еще отсутствовала промышленность. Здесь не было заводов и фабрик, отсутствовали торговые лавки, не проводились базары и ярмарки. В местечке насчитывалось 229 домов, а большинство сенокосов и выгонов для скота характеризовались как «болотные и худые».

Миграционный выход в Уфимскую губернию был осуществлен в начале 1890-х годов. Из Нового Двора выехало около 20 семей. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ) мало чем помог в прояснении деталей этого переселенческого движения: искомые документы не были выявлены. В качестве источниковедческой опоры были привлечены материалы метрических книг и некоторые источники из Журналов Уфимского губернского присутствия по переселенческому делопроизводству.

Первоначальным местом жительства переселенцев была выбрана Нагаевская волость Уфимского уезда Уфимской губернии, которая среди всех волостей уезда занимала четвертое место по числу новообразованных поселений [13, с. 10]. Она представляла собой один из очагов, миграционных центров тех белорусских переселенцев, которые ехали из западных уездов Беларуси – Волковысского и Пружанского.

Если давать характеристику местности, куда ехали белорусы в поисках новой жизни, то можно говорить об определенной ландшафтной схожести. К слову сказать, на этот фактор в свое время обратили внимание исследователи, которые изучали миграционные процессы [14, с. 129]. Практически все починки и хутора Нагаевской волости, куда устремились белорусские переселенцы, находились в окружении густых лесов в сотни тысяч десятин (сосна, ель, пихта, береза, дуба, липа, осина и другие породы), что, по сути дела, очень напоминало переселенцам их лесные массивы на родине – пуши.

С 1892 года вышеупомянутые домохозяева начинают фигурировать в метрических книгах по селу Охлебинино Нагаевской волости Уфимского уезда (с 1901 года переселенцы стали

относиться к приходу села Бердино той же волости). На 1892 год некоторые из них уже проживали в **Малеевском починке** Нагаевской волости, который, по всей видимости, был первым местом, куда приехали белорусы из Нового Двора. В этом починке уже проживали переселенцы, и они были из других губерний.

Вновь прибывшие домохозяева из Нового Двора числились еще со старой «пропиской», поэтому где именно они оседали – сказать трудно, поскольку в МК отсутствует указание на конкретное поселение, а сама запись выглядит следующим образом: *Гродненской губернии Волковысского уезда Порозовской волости местечка Новый Дворъ крестьянинъ...*

Помимо Малеевского починка, белорусы из Нового Двора жили также в соседней колонии **Балажу** (так называемое Балажинское общество), основанной в свое время еще латышскими переселенцами [15, с. 4], которые купили у владельца Заварицкого 800 десятин по 2 рубля за десятину, при этом Крестьянский поземельный банк выдал в ссуду по 20 рублей, а по 5 рублей за десятину крестьяне выплатили наличными деньгами [14, с. 85]. В 1895 году в колонии Балажу проживала только одна семья из Нового Двора – Степана Степановича Касинского [16].

Недалеко от Малеевского починка находился починок **Криница**. Он был основан переселенцами из Сухопольской волости Пружанского уезда, которые в 1892 году купили отдельными товариществами 100 десятин по 30 рублей за десятину. Крестьянский банк выдал в ссуду по 20 рублей, а по 10 рублей за десятину крестьяне выплатили наличными деньгами [14, с. 82].

Основателями починка Криница можно считать жителей из следующих деревень на бывшей родине: Ровбицк (Жуковские, Черичень), Клетно (Покало, Козарез, Ширававец), села Мурава (Семенчуки, Метлицкие), Чапили (Микулик, Жилка), Новоселки (Вечко) и др. Однако с конца 1890-х годов в починок Криница стали переселяться те жители Нового Двора, которые до этого момента проживали в Малеевском починке и колонии Балажу. Переселенцы, как свидетельствуют МК, не жили постоянно в одном месте, в одном починке, они достаточно динамично перемещались в близлежащие селения, осваивая новые земли и пытаясь закрепиться [14, с. 12]. Такие довольно частые перемещения объясняются тем, что земли не хватало, было много рядом располагавшихся хуторов и уже занятых под посев и выгон участков, что не давало возможно расширять хозяйство.

Например, в МК 1897 года сказано, что семьи Михаила Михайловича Гамановича и Петра Семеновича Каскевича, которые до этого проживали в Малеевском починке, уже приписаны к колонии Балажу (между Малеевским починком и колонией Балажу – около 7 км) [17]. При этом наблюдались некоторые странности в такой локальной миграции. Упомянутый выше Степан Степанович Косинский записан в МК с разными местами проживания: в 1895 году он проживал в колонии Балажу, в 1898 году – в починке Криница, в 1899 году – в Малеевском починке, а с 1901 года – снова в колонии Балажу. Заметим, что Балажу, Малеевский починок и Криница – это не соседние хутора: между всеми этими населенными пунктами от семи и более километров.

С 1901 года, как следует из МК, большая часть семей из Нового Двора уже компактно осели на хуторах Балажинского общества, переселившись из Малеевского починка и починка Криница [18], правда, для некоторых из них такое очередное переселение все же не было окончательным, о чем мы скажем чуть ниже.

Кроме Малеевского починка, починка Криница и колонии Балажу, белорусские переселенцы проживали еще в одном селении – починке **Новый Двор (Новодворском)**, который был образован в 1892 году, когда крестьяне купили товариществом 40 десятин по 30 рублей за десятину. Крестьянский банк выдал в ссуду по 20 рублей, а по 10 рублей на десятину крестьяне выплатили наличными деньгами [14, с. 82]. К Новодворскому починку с 1899 года оказалась приписанной семья Андрея Николаевича Ширинга в связи с рождением сына Петра [19]. Первая запись об этой семье сделана в МК 1895 года, когда у Андрея Николаевича родилась дочь Елена, но он еще был с указанием места проживания «на старине».

Починок Новый Двор, очевидно, был основан переселенцами из Нового Двора Волковысского уезда, поскольку в Пружанском уезде таких селений не было.

К 1901 году, спустя почти десять лет с момента приезда переселенцев из Нового Двора в Башкирский край ситуация изменилась. Земли, очевидно, стало не хватать, что подталкивало

к поиску более свободных районов Уфимской губернии, и в 1901 году началась очередная волна внутренней миграции части белорусского населения из починка Новый Двор, а в качестве конечного пункта оседлости рассматривались волости в Стерлитамакском уезде. В результате выбор пал на Дуван-Табынскую волость, в лесу, неподалеку от деревни Камышлинка. Земли были куплены у башкир-вотчинников соседней деревни Малаево. В новое место жительства выехало 13 семей; остальные остались в починке Новый Двор (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение выехавших и оставшихся переселенцев из Нового Двора Волковьского уезда в 1901 году

Выехали из Нагаевской волости в Дуван-Табынскую волость, д. Ново-Петровка		Остались в Нагаевской волости на хуторах Балажинского общества
Приехали из Нового Двора в 1901 году к своим односельчанам в Нагаевскую волость и перевезли их в Дуван- Табынскую волость	Гаманович Петр Михайлович и его жена Гликерия Петровна (в дев. Лысевич). Купил 24 дес. 01.02.1914 г. и докупил еще 8 дес. (постановление Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка № 269).	Касинский Иван Степанович
	Лисовский Григорий Михайлович (1873–1947) и его жена Екатерина Яковлевна (в дев. Гончаревич) (1879–1975). Купил 16 дес. 01.02.1914 г. и докупил еще 4 дес. (постановление Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка № 269).	Касинский Степан Степанович
Приехали в Нагаевскую волость в начале 1890-х годов вместе с другими семьями из Нового Двора	Гончаревич Яков Павлович и его жена Елена Михайловна. Купил 8 дес.	Каскевич Семен Михайлович
	Ботвич Иван Лукич (1874–1941) и его жена Евдокия Григорьевна (в дев. Почебут) (1870–1956). Купил 16 дес. 23.09.1916 г. и докупил еще 8 дес. (постановление фимского отделения Крестьянского поземельного банка № 621).	Каскевич Петр Семенович
	Ботвич Михаил Степанович (1861 – ?) и его жена Мария Алексеевна (в дев. Грушевская) (1861 – ?). Купил 8 дес.	Гаманович Михаил Михайлович
	Филиппович Константин Семенович и его жена Анна Алексеевна (1861–1906). Купил 48 дес.	Пожарицкий Павел Степанович
	Грушевский Максим Людвигович (1852 – ?) и его жена Мария Григорьевна. Купил 16 дес.	Романовский Михаил Михайлович
	Грушевский Павел Максимович (1879 – ?) и его жена Фекла Антоновна (в дев. Филиппович) (1879 – ?). Купил 8 дес.	Романовский Яков Францевич
	Гончаревич Осип Осипович (1850 – ?) и его жена Мария Ивановна (1854 – ?). Купил 16 дес.	Сычевник Георгий Яковлевич
	Ширинга Андрей Николаевич (1861–1911) и его жена Мария Авраамовна (1858–1918). Купил 24 дес.	Сычевник Ульян Яковлевич
	Филиппович Антон Семенович (1855 – ?) и его жена Анна Степановна (в дев. Гаманович) (1851 – ?). Купил 40 дес.	
	Филиппович Иван Антонович (1876–1941) и его жена Матрона Лукьяновна (в дев. Жуковская) (1878–1968). Купил 8 дес.	
Филиппович Антон Антонович (1886 –?). Купил 8 дес. при наличии уже имевшихся 24 дес.		

Новое поселение белорусы назвали *Ново-Петровка*. Все они вступили в Ново-Петровское товарищество Стерлитамакского уезда Дуван-Табынской волости. Список крестьян был составлен в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка по делу № 1943 о выдаче крестьянской общине ссуды № 88758 под проценты с рассрочкой платежа на покупку земельных участков по норме не более 40 десятин на двор и не более 12 десятин на душу. Купчая крепость о покупке земли была утверждена 5 ноября 1903 года [20].

Заключение. Новый Двор является в системе географических названий Беларуси одним из поселений, откуда состоялся массовый выход белорусов в Уфимскую губернию, а также

в Сибирь (в частности, Енисейскую губернию). Переселенцы зачастую называли новые места расселения по прежнему названию на старой родине. Такая топонимическая преемственность довольно показательна, так как определенно отражает изменения в системе географических названий мест входа переселенцев. Безусловно, важно обратить внимание на желание белорусских переселенцев сохранить на новом месте расселения общинный уклад жизни. Выбор такого места зачастую определялся факторами ландшафтной схожести с местом выхода переселенцев. Отмечается также внутренняя миграция части белорусов из одного уезда в другой, обусловленная, вероятно, малоземельем. Еще ждет своего исследования Архангельский район Башкортостана, где представлено большое количество поселений, основанных переселенцами из Пружанского уезда Гродненской губернии. Было бы чрезвычайно интересным проследить закономерности создания новых поселений белорусскими переселенцами, выделить ключевые факторы формирования таких поселений, установить время их возникновения, нанести полученные результаты на карту и попытаться проследить волны миграции в разные годы, с разной степенью глубины освоения белорусами приуральской территории Башкирского края. Требуется своего изучения также проблема формирования новой идентичности белорусских переселенцев под влиянием новых межэтнических контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янсон, Ю. Э. Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года / Ю. Э. Янсон // Русская речь. – 1881. – № 1. – С. 256–308.
2. Кирьяков, В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с заселением Сибири) / В. В. Кирьяков. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1902. – 146 с.
3. Саладков, И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начало XX в.) / И. И. Саладков. – Минск: Наука и техника, 1957. – 178 с.
4. Верещагин, П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.) / П. Д. Верещагин. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 142 с.
5. Крючек, П. С. Участие белорусов в формировании этнического пространства Сибири во второй половине XIX- первой трети XX в. / П. С. Крючек // Труды БГТУ. Серия 6. – 2018. – № 2. – С. 10–14.
6. Багашев, А. Н. Принципы расселения и этнокультурные процессы в среде белорусских переселенцев Урала и Западной Сибири / А. Н. Багашев, Р. Ю. Фёдоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 157–162.
7. Галиева, Ф. Г. Белорусы на Южном Урале в межэтнических взаимодействиях / Ф. Г. Галиева // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф., г. Челябинск, 28 сент. – 2 окт. 2015 г. / Министерство культуры Челябинской области; Областное государственное бюджетное учреждение культуры «Челябинский государственный краеведческий музей»; редкол.: В. И. Богдановский [и др.]; отв. ред. А. Д. Таиров. – Челябинск, 2015. – С. 408–411.
8. Горбачев, О. В. Белоруссия и Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в первой половине XX века / О. В. Горбачев // Историческая демография. – 2016. – Т. 1 (17). – С. 27–33.
9. Крючек, П. С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: историография проблемы / П. С. Крючек // Труды БГТУ. – 2016. – № 5 (187). – С. 9–13.
10. Крючек, П. С. Крестьянские переселения из Беларуси в годы столыпинской аграрной реформы / П. С. Крючек // Труды БГТУ. Серия 6. – 2017. – № 1. – С. 31–35.
11. Смалянчук, А. Беларуская гісторыя: знайсці чалавека / А. Смалянчук. – Мінск: Выдавец І. П. Логвінаў, 2013. – 158 с.
12. Быхаўцаў, М. Паўстанне 1863 года і Ваўкавышчына / М. Быхаўцаў. – Гародня: Гродно, 2014. – 344 с.
13. Бородкин, Л. И. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) / Л. И. Бородкин, С. В. Максимов // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 124–143.
14. Абрютин, В. А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В. А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н. М. Богдановича / В. А. Абрютин. – Уфа: Тип. губернского правления, 1898. – 210 с.
15. Чегодаев, Е. А. Латыши Башкортостана: формирование и функционирование этнической группы (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Е. А. Чегодаев; ФГБУ ВПО «Удмуртский государственный университет». – Ижевск, 2015. – 27 с.
16. ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 294. Оп. 3. Д. 440. Метрическая книга Свято-Троицкой церкви села Охлебинино за 1895 год.
17. ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 294. Оп. 3. Д. 491. Метрическая книга Свято-Троицкой церкви села Охлебинино за 1897 год.

18. ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 294. Оп. 7. Д. 34. Метрическая книга села Бердино за 1901 год.

19. ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 294. Оп. 3. Д. 536. Метрическая книга Свято-Троицкой церкви села Охлебинино за 1899 год.

20. ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454. Список Ново-Петровского товарищества Стерлитамакского уезда Дуван-Табынской волости за 1903 год.

Поступила в редакцию 18.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 18–25

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

On the resettlement of Belarusians from Novy Dvor of the Volkovysk District of the Grodno Province to the Ufa Province in the 1890s

A. V. Dmitriev

Higher School of Engineering Education, Psychology and Applied Linguistics

of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)

Politekhnikeskaya St., 29, 195251, St. Petersburg, Russia; e-mail: avd84@list.ru

Abstract. The introduction indicates the object of research – Novy Dvor of the Volkovysk district of the Grodno province as a region of the migration of some Belarusian immigrants and their migration to the Ufa province in the 1890s. The interest in the topic is caused by the fact that the territory of Bashkortostan seems to be poorly studied in terms of peasant resettlement from Belarus in the late 19th - early 20th centuries, despite the large number of Belarusian settlements that arose as a result of such massive resettlements in the Ufa district. Social and economic reasons are considered for which, as the author believes, peasants left Novy Dvor and moved to a new place of residence. Some archival documents are involved, testifying to the formation of new farms on the new settlements and farms of the Ufa district. Particular attention is paid to the formation of a new settlement as part of the geographical objects of the Ufa province – Novodvorsky new settlement, which was named after the place of the same name. The author also addresses the issue of internal migration of some Belarusian population from the new settlements of the Ufa district to the village of Novo-Petrovka of the Sterlitamak district. Having moved to Novo-Petrovka, Belarusian settlers entered the partnership of the same name, taking a loan at the Ufa branch of the Peasant Land Bank. The article attached a list of homeowners who wanted to go to Novo-Petrovka with the number of purchased acres of land. Based on the study, a conclusion is drawn on the importance of a comprehensive study of the resettlement of Belarusians in the Bashkir region, and not only from Novy Dvor. The issues of resettlement of newcomers to Siberian provinces are also relevant, which is planned to be devoted to a separate study. The problem of the formation of a new identity of Belarusian immigrants under the influence of new interethnic contacts in the territory of the Ufa province also needs to be studied.

Keywords: Belarusian immigrants, migrations, Novy Dvor, Novodvorsky new settlement, Novo-Petrovka, Peasant Land Bank.

References

1. Yanson Yu. E. Essay on government measures for the resettlement of peasants after the publication of the Regulation on February 19, 1861 [*Ocherk pravitel'stvennykh mer po pereseleniiu krest'ian posle izdaniia Polozheniia 19 fevralia 1861 goda*]. *Russian Speech*, 1881, No. 1, pp. 256-308.

2. Kiriyaikov V. V. Essays on the history of the resettlement movement in Siberia (in connection with the settlement of Siberia) [*Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniia v Sibir' (v sviazi s zaseleniem Sibiri)*]. Moscow, 1902, 146 p.

3. Saladkov I. I. Social and economic situation of Belarus before the Great October Socialist Revolution (late 19th - early 20th centuries) [*Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Belorussii do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii (konets XIX - nachalo XX v.)*]. Minsk, 1957, 178 p.

4. Vereshchagin P. D. Peasant migrations from Belarus (the second half of the 20th century) [*Krest'ianskie pereseleniia iz Belorussii (vtoraiia polovina XIX v.)*]. Minsk, 1978, 142 p.

5. Kriuchek P. S. The participation of Belarusians in the formation of the ethnic space of Siberia in the second half of the twentieth and the first third of the twentieth century [*Uchastie belorusov v formirovanii etnicheskogo prostranstva Sibiri vo vtoroi polovine XIX - pervoi treti XX v.*]. *Proceedings of Belarus State Technological University. Sries 6*, 2018, No. 2, pp. 10-14.

6. Bagashev A. N., Fedorov R. Yu. The principles of resettlement and ethnocultural processes among Belarusian immigrants of the Urals and Western Siberia [*Printsipy rasseleniia i etnokul'turnye protsessy v srede*

belorusskikh pereselentsev Urala i Zapadnoi Sibiri. *Bulletin of archeology, anthropology and ethnography*, 2010, No. 2 (13), pp. 157-162.

7. Galieva F. G. Belarusians in the South Urals in interethnic interactions [*Belorusy na Iuzhnom Urale v mezhetnicheskikh vzaimodeistviakh*], *Ethnic Relations in the Southern Urals : materials by VI All-Russian Scientific conf.*, Cheliabinsk, Sepr. 28 - Oct. 2, 2015; ed. board: V. I. Bogdanovski [et al.]; ex. Ed. by A. D. Tairov. Cheliabinsk, 2015, pp. 408-411.

8. Gorbachev O. V. Belarus and the Middle Urals: the evolution of forms of migration interaction in the first half of the 20th century [*Belorussiia i Srednii Ural: evoliutsiia form migratsionnogo vzaimodeistviia v pervoi polovine XX veka*]. *Historical Demography*, 2016, vol. 1 (17), pp. 27-33.

9. Kriuchek P. S. Migration processes from Belarus in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries: historiography of problems [*Pereselencheskie protsessy iz Belarusi vo vtoroi polovine XIX - nachale XX v.: istoriografiia problem*]. *Proceedings of Belarus State Technological University*, 2016, No. 5 (187), pp. 9-13.

10. Kriuchek P. S. Peasant resettlement from Belarus during the Stolypin agrarian reform [*Krest'ianskie pereseleniia iz Balerusi v gody stolypinskoj agrarnoi reformy*]. *Proceedings of Belarus State Technological University. Series 6*, 2017, No. 1, pp. 31-35.

11. Smalianchuk A. Belarusian history: find a person [*Belaruskaia historyia: znaistsi chalaveka*]. Minsk, 2013, 158 p.

12. Bykhautsau M. The uprising of 1863 in Volkovyshtchina [*Paustanne 1863 hoda i Vaukavysshchyna*]. Garodnia, 2014, 344 p.

13. Borodkin L. I., Maksimov S. V. Peasant migrations in Russia / USSR in the first quarter of the twentieth century (Macroanalysis of the structure of migration flows) [*Krest'ianskie migratsii v Rossii/SSSR v pervoi chetverti XX veka (Makroanaliz struktury migratsionnykh potokov)*]. *National history*, 1993, No. 5, pp. 124-143.

14. Abriutin V. A. Migrants and resettlement affairs in the Ufa district of the Ufa province: Report on a business trip members of the Ufa provincial presence of V. A. Abriutin, drawn up on behalf of the Ufa governor N. M. Bogdanovich [*Pereselentsy i pereselencheskoe delo v Ufimskom uezde Ufimskoi gubernii: Otchet po komandirovke chlena Ufimskogo gubernskogo Prisutstviia V. A. Abriutina, sostavlennyi po porucheniiu g. Ufimskogo gubernatora N. M. Bogdanovicha*]. Ufa, 1898, 210 p.

15. Chegodaev E. A. Latvians of Bashkortostan: the formation and functioning of an ethnic group (late 19th - early of the 21st centuries) [*Latyshy Bashkortostana: formirovanie i funkcionirovanie etnicheskoi gruppy (konets XIX - nachalo XXI v.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*]. Izhevsk, 2015, 27 p.

16. State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan [*GKU Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*]. F. 294. L. 3. C. 440. Metric book of the Holy Trinity Church of the village of Okhlebinino for 1895 [*Metricheskaia kniga Sviato-Troitskoi tserkvi sela Okhlebinino za 1895 god*].

17. State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan [*GKU Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*]. F. 294. L. 3. C. 491. Metric book of the Holy Trinity Church of the village of Okhlebinino for 1897 [*Metricheskaia kniga Sviato-Troitskoi tserkvi sela Okhlebinino za 1897 god*].

18. State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan [*GKU Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*]. F. 294. L. 7. C. 34. Metric book of the village of Berdino for 1901 [*Metricheskaia kniga sela Berdino za 1901 god*].

19. State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan [*GKU Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*]. F. 294. L. 3. C. 536. Metric book of the Holy Trinity Church of the village of Okhlebinino for 1899 [*Metricheskaia kniga Sviato-Troitskoi tserkvi sela Okhlebinino za 1899 god*].

20. State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan [*GKU Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*]. F. 1-336. L. 1. C. 1454. The List of the Novo-Petrovsky Partnership of the Sterlitamak County of Duvan-Tabyn Volost for 1903 [*Spisok Novo-Petrovskogo tovarishchestva Sterlitamaskogo uezda Duvan-Tabynskoi volosti za 1903 god*].

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

УДК 94(476)+94(438)

А. Л. Даркович

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ (1919–1920 гг.)

Во введении определена цель статьи, а также указано, что предложенная тематика в историографии является малоизученной. Цель данной публикации – характеристика процесса формирования органов городского самоуправления на оккупированных польскими войсками белорусских землях в 1919–1920 гг. В основной части охарактеризована политическая ситуация на оказавшихся в зоне польской оккупации белорусских землях, определявшая политику польских властей в отношении органов местного самоуправления; изучено законодательство, регламентировавшее формирование и деятельность городского самоуправления; на основании широкого круга источников рассмотрен процесс комплектации персонального состава городских органов. В заключении отмечено, что в период польско-советской войны для прикрытия экспансионистских замыслов на востоке глава Польского государства Ю. Пилсудский обратился к идее федерации под эгидой Польши, Литвы и Беларуси, в рамках которой обещал ввести демократичное местное самоуправление. Однако в условиях, когда среди непольского большинства преобладал антипольский настрой, спровоцированный произволом польской армии и гражданской администрации, поляки отказались предоставить местным жителям возможность формировать состав органов самоуправления в ходе коммунальных выборов. На практике свободные выборы состоялись лишь в немногих городах, по их результатам, как правило, образовывались нелояльные к Польше городские органы власти: поляки в них оказались в меньшинстве, большинство составляли евреи, которые, наряду с вошедшими в их состав белорусами, русскими и др., нередко открыто демонстрировали антипольские настроения. Впоследствии негодные польской власти городские советы обычно распускались. В большинстве случаев состав органов городского самоуправления был образован по назначению властей, и вплоть до государственного переворота 1926 г. горожане были лишены возможности каким-либо образом влиять на их работу.

Ключевые слова: Западная Беларусь, польско-советская война, городское самоуправление, муниципальные выборы, государственная администрация.

Введение. В настоящей статье предлагается анализ процесса формирования органов городского самоуправления на оккупированных польскими войсками в период польско-советской войны белорусских землях, изучается их национальный состав, а также характер проведения муниципальных выборов. Данная тематика поднималась в защищенной в Минске в 2001 г. кандидатской диссертации А. Н. Чернякевича, в которой рассматривается финансовое положение и деятельность местного самоуправления в Западной Беларуси в годы польско-советской войны [1, с. 76–85]. В то же время процесс формирования органов городского самоуправления в 1919–1920 гг. был описан автором в общих чертах, и его характеристику следует существенно дополнить.

Основная часть. Белорусские земли в период Первой мировой и последовавшей за ней польско-советской войн стали ареной масштабных военно-политических потрясений. В 1915 г. их западная часть до линии Двинск–Поставы–Сморгонь–Барановичи–Пинск была оккупирована германскими войсками. В феврале 1918 г. в результате немецкого наступления под оккупацией оказалась большая часть современной белорусской территории. После капитуляции Германии в ноябре 1918 г. началась эвакуация ее войск с захваченных на востоке земель, сразу вслед за отходившими немецкими войсками их занимали части Красной Армии. В результате к началу 1919 г. практически на всех белорусских землях установилась советская власть.

Восстановление польской государственности в ноябре 1918 г. поставило на повестку дня проблему территориального размежевания с соседями. В Польше была популярной идея расширения восточных границ до исторических пределов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые охватывали белорусские, литовские, украинские территории. Большевицкое руководство готово было признать Польское государство в этнических пределах, схожую позицию заняли державы Антанты.

Даркович Александр Леонидович, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь, Брестский региональный центр (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Пушкинская, 1, 224005, г. Брест, Беларусь; e-mail: alexdarkovich@mail.ru

В таких условиях временный начальник и верховный главнокомандующий Польского государства Ю. Пилсудский, в руках которого оказалась практическая реализация польской восточной политики, с целью избежать обвинений в экспансионизме на словах поддержал идею федерации Литвы и Беларуси под покровительством Польши. Таким способом он надеялся замкнуть Россию на западе в ее этнических границах и коренным образом повлиять на расстановку сил в Восточной Европе в свою пользу [2, с. 150].

Но федералистские идеи не имели реальных предпосылок для осуществления, поскольку их сторонников на литовских и белорусских землях практически не было. Более того, у Пилсудского не прослеживалось сколько-нибудь определенной и последовательной поддержки идеи независимой Беларуси. Он использовал программу федерации инструментально, рассматривая ее в качестве удобного пропагандистского лозунга в войне за восточные территории. Уже в конце 1920 г. лозунг федерализма был снят с повестки дня польской восточной политики, планы создания союзных Польше буферных государственных образований на белорусских, литовских и украинских землях, призванных обезопасить ее от восточного соседа, остались нереализованными [3, с. 128, 129].

В феврале 1919 г. польская армия начала наступление на восток, образовалась линия польско-советского фронта. Военный перевес в течение 1919 г. обеспечил Польше овладение большей частью белорусских земель до линии Двинск–река Западная Двина–Лепель–Борисов–река Березина–Птичь–Припятъ. Таким образом, эти территории фактически оказались в режиме военной оккупации.

Хотя идея создания федерации в пределах бывшего Великого княжества Литовского была далека от осуществления и вопрос о принадлежности оккупированных польскими войсками восточных земель на международно-правовом уровне оставался открытым, варшавское руководство в рамках федералистской программы приступило к формированию здесь управленческих структур по типу гражданской администрации. Весной 1919 г. было образовано Гражданское управление Восточных земель (ГУВЗ), возглавляемое генеральным комиссаром восточных земель, который наделялся высшей законодательной и исполнительной властью. На эту должность Пилсудский назначил сначала родившегося на Украине историка Людвика Колянковского, а с 5 мая 1919 г. его сменил польский помещик из-под Пинска, сторонник федерации полковник Ежи Осмоловский. Компетенция ГУВЗ распространялась на находившуюся под польским контролем территорию к востоку от границ бывшего Царства Польского за исключением Белостокского, Сокольского и Бельского поветов, которые были включены в состав Польши [4, с. 1; 5, с. 3, 4]. В административно-территориальном отношении ГУВЗ делилось на Брестский, Виленский, Волынский и Минский округа.

В своих заявлениях касательно федералистской программы Пилсудский и руководители ГУВЗ немалую роль отводили региональному самоуправлению. Из их деклараций следовало, что свободные местные выборы должны были стать практическим подтверждением намерения польской власти, учитывать мнение и интересы жителей различных национальностей в управлении краем. Так, в сентябре 1919 г. в выступлении перед представителями различных национальных и конфессиональных организаций в Минске Пилсудский обещал местным жителям возможность принятия свободного решения о характере будущего государственного устройства белорусских земель. Первым шагом в этом направлении, по его словам, должна была стать возможность «начать управлять самим в органах самоуправления» [6, с. 107]. В отчете ГУВЗ о своей деятельности и состоянии региона, опубликованном в конце 1919 г., организация городского и сельского самоуправления называлась в качестве его главной задачи [7, с. 59].

Весной–летом 1919 г. на оккупированных польскими войсками белорусских землях действовали временные органы городского управления, члены которых обычно назначались польскими властями. 27 июня 1919 г. генеральный комиссар принял временный закон о городах, согласно которому городскую администрацию представлял магистрат в составе бургомистра, его заместителя и лавников (заседателей). В соответствии с данным актом состав магистратов назначался ГУВЗ [8, с. 47, 48].

Формирование выборных органов городского самоуправления было санкционировано распоряжением о выборах во временные городские советы, изданным 25 июня 1919 г. В соответствии

с ним активным избирательным правом пользовались все лица старше 21 года, проживавшие постоянно в пределах города не менее 10 месяцев. Пассивное избирательное право предоставлялось горожанам, достигшим 25 лет и владевшим грамотой. Советы выбирались сроком до 1 июля 1922 г. в ходе всеобщих, равных, тайных, прямых и пропорциональных выборов [9, с. 42, 43].

Следующим шагом стал закон о городах от 14 августа 1919 г., который определял структуру и полномочия муниципальных органов, представленных городскими советом и магистратом. Совет являлся распорядительным и контролирующим органом городского самоуправления. В его состав входили советники и члены магистрата. Советники избирались населением города сроком на три года. Их обязанности являлись почетными и не оплачивались. В зависимости от количества жителей города число советников колебалось от 12 до 70 [10, с. 125–129].

Постоянно действующим исполнительным органом городского самоуправления являлся магистрат. В его состав входили возглавлявший городские органы бургомистр, его заместитель (в Бресте и Гродно президент и вице-президент) и лавники, получавшие жалование из городской казны. Члены магистрата избирались городским советом на три года, до конца срока полномочий совета [11, с. 129, 130].

Администрация ГУВЗ наделялась значительными полномочиями по контролю над деятельностью самоуправления. Она имела право отменять решения последнего, принимать на себя выполнение функций муниципальных органов, когда те с ними не справлялись. Генеральный комиссар мог распустить городской совет или лишить его члена мандата. Выбор бургомистров и их заместителей (президентов и вице-президентов) требовал утверждения со стороны администрации. В качестве делопроизводственного языка был установлен польский, что заведомо ограничивало доступ непольского населения к должностям в официальной сфере [10, с. 131]. Подчеркнем, что таким образом деятельность городского самоуправления на территории ГУВЗ регулировалась специальными правовыми актами, содержание которых отличалось от соответствующего законодательства в других регионах Польского государства. Законы ГУВЗ в сфере территориального самоуправления, предоставлявшие администрации широкие возможности контролировать как процесс формирования персонального состава городских органов, так и их функционирование, действовали в Западной Беларуси до 1933 г.

По вопросу определения статуса населенных пунктов был избран формальный критерий, а именно количество жителей. 16 августа 1919 г. генеральный комиссар издал распоряжение об устройстве местечек. В соответствии с ним населенные пункты, где проживало менее 2 тыс. жителей, были отнесены к разряду сельских. Насчитывавшие от 2 до 4 тыс. получили статус местечек. Населенные пункты с количеством жителей, превышавшим 4 тыс. человек, объявлялись городами. В них должно было быть организовано полноценное городское самоуправление в соответствии с законом о городах от 14 августа 1919 г. Также статус городов специальным решением ГУВЗ мог быть предоставлен поселениям с меньшим количеством населения [11, л. 20].

Реализация законодательных актов, регулировавших правовой статус населенных пунктов на белорусских землях, очень часто отличалась от формальных предписаний. Во многих случаях невозможно установить критерии, по которым принимались конкретные решения об отнесении поселения к тому или иному типу населенных пунктов. Нередко определение их формального статуса носило произвольный характер. В специальной заметке на тему правового статуса городов восточных воеводств, подготовленной Главным статистическим управлением Польши, указывалось: «Законодательство Гражданского управления Восточных земель только частично вошло в жизнь; были случаи несоответствующего его принципам решения спорных вопросов или прямо противоположные им действия». По этой причине составители «Указателя населенных пунктов Польской Республики» (Skorowidz Miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej), где были представлены результаты переписи 1921 г. в разрезе всех населенных пунктов страны, приняли решение не отражать в этом сборнике фактический правовой статус поселений в Западной Беларуси, «несоответствующий законодательству и претерпевающий постоянные изменения», а сгруппировать их по не отражающим реальную ситуацию формальным предписаниям [12, с. 219].

За декларациями о намерении организовать демократичное территориальное самоуправление на основе справедливой репрезентации разных национальных групп не последо-

вало их осуществление. На практике среди преимущественно националистически настроенных поляков, из числа которых формировался персонал ГУВЗ, тех, кто считал целесообразным допустить польских жителей к управлению краем, было немного. Схожим образом были настроены польские военные власти, которые во многих случаях контролировали ситуацию на местах. Выборы в коммунальные органы предстояло проводить в неблагоприятных для польских властей условиях. Массовые репрессии и притеснения со стороны польской армии и гражданской администрации белорусов, евреев и др. быстро настроили их против польской власти, послужили главной причиной распространения среди них антипольских настроений. Проведение в таких условиях свободных муниципальных выборов в оказавшихся в зоне польской оккупации белорусских городах, в которых польское население обычно было немногочисленным, привело бы к образованию местных органов, находящихся в оппозиции к польской власти. Например, как следует из сообщения польской жандармерии, подготовленного в декабре 1919 г., одним из влиятельных людей в Бресте был полковник российской армии Адамович, возглавлявший городскую службу снабжения продовольствием. Он сумел провести своих доверенных лиц в разные государственные учреждения, в частности в полицию, пожарная служба, по мнению информанта, фактически являлась его личной дружиной. Адамович открыто выражал свой антипольский настрой, публично предрекал скорое падение польской власти на этих землях. Среди поляков Бреста он пользовался дурной славой, поскольку в довоенный период преследовал «все, что польское». Зато «местные жители русские и евреи его очень уважают, и если дойдет до выборов, то он единогласно будет избран президентом города» [13, л. 264].

В условиях продолжавшегося военного противостояния, в ходе которого решался характер будущего государственного устройства этих земель, польские власти не собирались допускать существование нелояльных к ним органов самоуправления. В ряде городов, в которых законами предусматривалось формирование выборных городских властей, коммунальные выборы не были проведены, а органы самоуправления в них замещал назначаемый администрацией магистрат. В других случаях образование лояльного к польской власти состава муниципальных органов являлось следствием административного вмешательства в процесс выборов: проводился единый избирательный список (заявленные в нем кандидаты получали места в органах самоуправления автоматически, процедура голосования не проводилась, а жители, соответственно, лишались возможности участвовать в формировании городских властей), оппозиционные кандидаты подвергались преследованиям и др. В некоторых городах все же состоялись свободные выборы, их результаты, как правило, были для польской администрации неблагоприятными: поляки в городских органах оказались в меньшинстве, большинство мандатов получили евреи, которые, наряду с вошедшими в их состав белорусами, русскими и др., нередко открыто демонстрировали антипольские настроения. Впоследствии неугодные польской власти городские советы обычно распускались.

В период польско-советской войны городской статус, предполагавший организацию выборных муниципальных органов, на оккупированных польскими войсками белорусских землях был введен в 29 населенных пунктах. По условиям Рижского мира семь из них: Игумен (современный Червень), Койданов (современный Дзержинск), Копыль, Минск, Слуцк, Бобруйск, Борисов – вошли в состав БССР. Из семи белорусских городов Виленского округа ГУВЗ муниципальные выборы состоялись лишь в трех: Лиде, Новогрудке и Ошмянах. В Лиде результаты выборов, прошедших в июле 1919 г. и принесших 17 мандатов евреям и 7 полякам, были объявлены недействительными. Во время повторных выборов в январе 1920 г. здесь был представлен единый избирательный список, по которому в состав городского совета вошли 12 католиков (Конфессиональная принадлежность часто выступала как основной фактор национального размежевания на фоне низкого уровня национального самосознания жителей. Даже в официальных документах, отражающих сведения о персональном составе органов территориального самоуправления, понятия национальной и религиозной принадлежности депутатов нередко использовались как равнозначные и взаимозаменяемые: католики отождествлялись с поляками, православные жители – с белорусами, русскими и украинцами) и 12 евреев. Этот сценарий был повторен в Ошмянах, где результаты

первых выборов в августе 1919 г. были отменены, на повторных выборах в декабре 1919 г. по единому списку в совет вошли 7 католиков и 5 евреев. В Новогрудке совет был образован по единому избирательному списку во время первых выборов в августе 1919 г., куда вошли 14 евреев, 3 православных, 2 католика и 5 представителей других этноконфессиональных групп [14, л. 3; 15, с. 11]. В Глубоком, Гродно, Дисне и Вилейке в период существования ГУВЗ выборы не состоялись. В частности, в Вилейке достаточной причиной для отсрочки проведения выборов, назначенных на март 1920 г., оказалась болезнь председателя избирательной комиссии [14, л. 2]. Гродно был единственным городом, где продолжали функционировать городские органы, избранные еще во время немецкой оккупации в феврале 1919 г. по инициативе немецких военных властей. Тогда в Гродненский совет вошли 23 еврея, 11 поляков, 1 белорус и др. [16, л. 7]. Польские власти признали его полномочия. В начале 1920 г. в Гродненском совете произошел раскол. Часть еврейских советников собралась на фракционное заседание без разрешения административных властей, за что гродненский староста наложил на них денежные штрафы, а входивших в их число вице-президента города Б. Хиллера и полицейского И. Бадаша отстранил от выполнения обязанностей. В знак протеста против этих действий от своих мандатов отказались все евреи, а также несколько поляков, т.е. большинство совета, что фактически означало его самороспуск. Спустя полтора месяца староста отменил решение о наказании еврейских советников, это удовлетворило большинство членов Гродненского совета и позволило возобновить его работу [17, с. 14, 15].

В Брестском округе ГУВЗ официальный статус городов был предоставлен 13 населенным пунктам. В Бресте, Кобрине и Слониме результаты первоначальных выборов, которые польские власти посчитали неблагоприятными для себя, были отменены, и здесь состоялись повторные выборы. Например, в Бресте на повторных выборах в августе 1919 г. был проведен единый избирательный список, по которому в состав совета вошли 14 поляков и 10 русских. Польские военные власти, под контролем которых проходили эти выборы, не посчитали нужным включить в состав самоуправления ни одного представителя еврейского населения, преобладавшего в городе на тот момент. Так, из проживавших в Бресте на апрель 1920 г. почти 26,5 тыс. человек евреи составляли более 18 тыс. [18, л. 78]. Вскоре Брестский совет избрал членов магистрата, куда вошли три поляка и двое русских, президентом города стал польский помещик Ян Урсин Немцевич. Не получив представительство в самоуправлении города, еврейские жители были возмущены. В декабре 1919 г. еврейская религиозная община Бреста обратилась к городскому совету с просьбой включить двух ее делегатов в состав магистрата. В феврале 1920 г. совет принял решение удовлетворить данную просьбу, поставив при этом два условия: делегаты от еврейского населения могли обладать только правом совещательного голоса и их выбор должен был быть определен главным раввином города, а не еврейской гминой. Еврейская община была согласна на эти дискриминационные условия, но боевые действия лета 1920 г. надолго отложили решение вопроса. Только в 1924 г. два еврейских представителя вошли в состав Брестского магистрата: Б. Вильнер в качестве второго вице-президента и С. Савчицкий в качестве лавника [18, л. 129; 19, л. 315, 316].

О результатах выборов в Дятлове, Ружанах и Столине, назначенных на 10 июня 1920 г., нет сведений. В состав городского совета Несвижа вошли 12 евреев и 12 поляков, Клецка – 15 евреев, 7 христиан и 2 мусульманина, Пружан – 12 евреев, 5 поляков и 5 русских, правда, информацию о характере проведения выборов в этих городах найти не удалось. В Барановичах, Волковыске, Лунинце и Пинске были утверждены результаты первоначальных выборов. В городской совет Барановичей были избраны 12 евреев, 6 поляков и 6 белорусов, Лунинца – 9 русских, 8 евреев и 7 поляков, в Волковыске был представлен единый список, включавший 13 евреев и 11 христиан [20, л. 1, 6, 13, 16].

Муниципальные выборы в Пинске, состоявшиеся в конце августа 1919 г., принесли 16 мандатов евреям, 6 – полякам и 3 – белорусам. Эти результаты были обжалованы несколькими жителями города, обвинившими избирательную комиссию в ряде нарушений, в частности, в лишении права голоса одного из горожан. Рассмотрение жалобы затянулось. Только в марте 1920 г. генеральный комиссар восточных земель окончательно утвердил эти выборы, до этого объявленные начальником Брестского округа ГУВЗ недействительными. Пинский городской совет начал функционировать в апреле 1920 г., однако его работа оказалась совершенно бесплодной. Заседания совета заполнила дискуссия о делопроизводственном

языке, еврейское большинство настойчиво добивалось права использовать идиш, направив генеральному комиссару делегацию с соответствующей просьбой. Помимо этого советники были заняты избранием членов магистрата и различных комиссий. До момента эвакуации городских властей в июле 1920 г. перед лицом наступавших советских войск Пинский совет не принял ни одного решения, касавшегося жизни города. «Налоги не взимаются, бюджета (города) как будто и не было», – говорил на заседании совета в мае 1920 г. Б. Борисевич, вскоре избранный заместителем бургомистра [20, л. 16; 21, л. 9, 10, 12; 22, л. 94, 95, 117–123, 126, 127].

В Минском округе ГУВЗ насчитывалось 9 городов. В Бобруйске, Борисове и Докшицах власти отказались от проведения коммунальных выборов, назначив членов магистратов. В отчете борисовского старосты за январь 1920 г. отмечалось: «Все органы самоуправления были таковыми только по названию, в действительности, как образованные по назначению, они являлись собственно государственными органами. Это было необходимо, поскольку состояние умов жителей, которые постоянно ожидали возвращения большевиков, ... не позволяло провести выборы» [23, л. 11]. В Игумене и Слуцке результаты выборов были объявлены недействительными. В Койданове, Копыле и Ракове выборы принесли 40 % мест полякам, 37 % – евреям и 23 % – русским [20, л. 47; 24, л. 62]. В Минске, захваченном польскими войсками в августе 1919 г., выборы в городской совет состоялись в ноябре. По поводу их результатов командование Литовско-белорусского фронта сообщало в Главное командование польской армии: «Выборы показали опасность плебисцитов. Несмотря на террор и отстранение от выборов социалистов-революционеров, аресты и реквизиции, закрытие клуба, результат для нас неблагоприятный: 18 поляков, 18 евреев и 10 русских, безусловных империалистов. Таким образом, большинство враждебно Польше. Белорусы не принимали участие в выборах, потому что у них не было денег...» [25, с. 78].

Боевые действия польско-советской войны в 1920 г. изменили ситуацию на западно-белорусских землях. В результате апрельского наступления польские войска вышли к Днепру. Летом началось советское контрнаступление, в ходе которого Красная армия заняла всю белорусскую территорию. Созданные под эгидой польских властей органы городского самоуправления прекратили свою деятельность. В середине августа армии советского Западного фронта потерпели поражение в решающем сражении за Варшаву. Началось повторное наступление польских войск на восток. К октябрю 1920 г. советско-польский фронт переместился на линию р. Западная Двина–Молодечно–Столбцы–Несвиж–р. Случь. 9 сентября 1920 г. Пилсудский издал приказ о ликвидации ГУВЗ. В тот же день Министерством внутренних дел Польши по указанию Пилсудского на вновь оккупированной белорусской территории была создана новая структура временной гражданской администрации – Управление прифронтовыми и этапными территориями при министерстве [25, с. 129].

На этот раз польские власти, памятуя о результатах муниципальных выборов периода ГУВЗ, отказались от каких-либо попыток формирования выборных органов городского самоуправления. После повторного захвата Западной Беларуси городские советы в большинстве городов были распущены, новые выборы состоялись лишь после государственного переворота 1926 г. До этого времени в них органы самоуправления замещал магистрат, члены которого в соответствии с временным законом о городах от 27 июня 1919 г. назначались государственной администрацией.

Заклучение. Таким образом, в рамках федералистской программы в период польско-советской войны в своих декларациях Пилсудский и руководители ГУВЗ серьезную роль отводили местному самоуправлению, обещая равноправное участие в нем жителей различных национальностей, что должно было стать практическим подтверждением намерения польской власти учитывать их мнение в управлении краем. Однако проведение свободных муниципальных выборов в условиях, когда среди непольского большинства преобладали антипольские настроения, усиленные произволом польской армии и гражданской администрации, привело бы к образованию нелояльных к Польше местных органов власти. Допускать этого поляки не собирались. На практике в большинстве городов муниципальные выборы либо не состоялись (там органы самоуправления были укомплектованы по назначению), либо становились объектом прямого вмешательства польских властей, обеспечивавших себе благоприятный результат. В некоторых городах свободные выборы все же были проведены, по их итогам поляки в городских органах, как правило, оказались в меньшинстве, большинство мандатов получили евреи, которые, наряду с вошедшими в их состав белорусами, русскими и др., нередко открыто демонстрировали антипольские настроения.

Созданные на территории ГУВЗ под эгидой польских властей органы городского самоуправления прекратили свою деятельность летом 1920 г. в результате наступления Красной армии, занявшей всю белорусскую территорию. В конце лета–середине осени западнобелорусские земли были повторно захвачены польскими войсками. На этот раз поляки отказались от каких-либо попыток формирования выборного городского самоуправления. Советы в большинстве городов были распущены, вместо всех органов самоуправления действовал магистрат, члены которого назначались государственной администрацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чернякевич, А. Н.* Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Чернякевич. – Минск, 2001. – 130 с.
2. *Gostyńska, W.* Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919 / W. Gostyńska. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1972. – 397 s.
3. *Борисёнок, Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисёнок. – М. : Родина МЕДИА, 2013. – 351 с.
4. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 3. – Poz. 10.
5. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 3. – Poz. 15.
6. *Piłsudski, J.* Pisma zbiorowe / J. Piłsudski ; pod red. K. Świtalski. – Warszawa : Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937. – Т. 5. – 297 s.
7. Ziemie wschodnie. Sprawozdanie ze stanu kraju. – Warszawa : Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich, 1919. – 63 s.
8. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 46.
9. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 44.
10. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 12. – Poz. 99.
11. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1.
12. Charakter prawny miast w województwach wschodnich // Kwartalnik statystyczny / Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1925. – Z. 1. – S. 219–221.
13. ГАБО. – Ф. 67. Оп. 1. Д. 181.
14. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (BPW). Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (ZCZW). – Nr akc. 1773/2/V.
15. Chata Polska. – 1919. – 14 września. – № 26. – 16 s.
16. Российский государственный военный архив. – Ф. 471 (к). Оп. 1. Д. 88.
17. *Kołecki, S.* Działaność Samorządu Miejskiego w Grodnie za lata 1919, 1920 i 1921 / S. Kołecki // Kronika m. Grodna. Z. 1 : Rok 1928 / pod red. S. Kołeckiego. – Grodno : Wyd-wo Magistratu m. Grodna, 1928. – S. 14–15.
18. ГАБО. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.
19. ГАБО. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 271.
20. BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. – Nr akc. 1773/16. X.
21. ГАБО. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 21.
22. ГАБО. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 23.
23. BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. – Nr akc. 1714.
24. BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. – Nr akc. 1692.
25. *Gomółka, K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922 / K. Gomółka. – Warszawa : Gryf, 1994. – 263 s.

Поступила в редакцию 29.06.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 26–33
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Formation of Municipal Governments in Western Belarus during the Polish-Soviet War (1919–1920)

A. L. Darkovich

Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus, Brest Regional Center (Belarus)
Pushkinskaya St., 1, 224005, Brest, Belarus; e-mail: alexdarkovich@mail.ru

Abstract. The introduction defines the purpose of the article, and indicates that the proposed topic in historiography is poorly studied. The purpose of this publication is to characterize the process of the formation of Municipal Governments in the Belarusian lands occupied by Polish troops in 1919–1920. The main part describes the political situation in the Belarusian lands found in the zone of Polish occupation, which determined the policy

of the Polish authorities in relation to local government; studied the legislation governing the formation and activities of city government; on the basis of a wide range of sources, the process of assembling the personnel of city bodies is considered. In the conclusion, it is noted that during the Polish-Soviet War, to cover up expansionist plans in the east, the head of the Polish state Yu. Piłsudski turned to the idea of a federation under the auspices of Poland, Lithuania and Belarus, within which he promised to introduce democratic local government. However, in the conditions when the anti-Polish mood prevailed among the non-Polish majority of the population, provoked by the arbitrariness of the Polish army and civil administration, the Poles refused to give local residents the opportunity to form the composition of self-government bodies during the communal elections. In practice, free elections were held in only a few cities, as a rule, city authorities disloyal to Poland were formed: the Poles in them were in the minority, the majority were Jews, who, along with the Belarusians, Russians, and others who became their members, often openly demonstrated anti-Polish mood. Subsequently, the city councils that were objectionable to the Polish authorities were usually dissolved. In most cases, the composition of the Municipal Governments was formed by appointment of the authorities, and until the coup d'état of 1926, the townspeople were deprived of the opportunity to influence their work in any way.

Keywords: Western Belarus, Polish-Soviet War, city government, municipal elections, state administration.

References

1. Cherniakovich A. N. Politics of Poland in the occupied territory of Belarus during the Polish-Soviet War (February 1919 - March 1921) [*Politika Pol'shi na okkupirovannoi territorii Belarusi v period pol'sko-sovetskoi voiny (fevral' 1919 - mart 1921 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk*]. Minsk, 2001, 130 p.
2. Gostyńska W. Polish-soviet relations. 1918-1919 [*Stosunki polsko-radzieckie. 1918-1919*]. Warsaw, 1972, 397 p.
3. Borisenok Yu. A. At the sharp turns of Belarusian History: Society and state between Poland and Russia in the first half of the 20th century [*Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka*]. Moscow, 2013, 351 p.
4. Official Journal of the Civilian Administration of the Eastern Territories [*Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*]. 1919, No. 3, paragraph 10.
5. Official Journal of the Civilian Administration of the Eastern Territories [*Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*]. 1919, No. 3, paragraph 15.
6. Piłsudski J. Compilations [*Pisma zbiorowe*]; Ed. by K. Świtalski. Warsaw, 1937, vol. 5, 297 p.
7. The Eastern Territories. Report on the State of the Region [*Ziemie wschodnie. Sprawozdanie ze stanu kraju*]. Warsaw, 1919, 63 p.
8. Official Journal of the Civilian Administration of the Eastern Territories [*Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*]. 1919, No. 7, paragraph 46.
9. Official Journal of the Civilian Administration of the Eastern Territories [*Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*]. 1919, No. 7, paragraph 44.
10. Official Journal of the Civilian Administration of the Eastern Territories [*Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*]. 1919, No. 12, paragraph 99.
11. State archives of Brest region (SABR) [*Gosudarstvennyi arkhiv Brestskoi oblasti (GABO)*]. F. 2001. L. 1. C. 1.
12. Legal status of cities in the Eastern Voivodeships [*Charakter prawny miast w województwach wschodnich*]. *Statistical quarterly*. Warsaw, 1923, vol. 1, pp. 219-221.
13. SABR [*GABO*]. F. 67. L. 1. C. 181.
14. The Warsaw Public Library (WPL). The Department of Old Prints and Manuscripts. The Civilian Administration of the Eastern Territories (CAET) [*Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (BPW). Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (ZCZW)*]. C. 1773/2/V.
15. Polish Hut [*Chata Polska*]. 1919, Sept. 14, No. 26, 16 p.
16. Russian State Military Archives [*Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv*]. F. 471 (k). L. 1. C. 88.
17. Kołecky S. Activities of the Municipal Government in Grodno in 1919, 1920 and 1921 [*Działaność Samorządu Miejskiego w Grodnie za lata 1919, 1920 i 1921*]. *Chronicle of the City of Grodno*, 1928, vol. 1; Ed. by S. Kołecky. Grodno, 1928, pp. 14-15.
18. SABR [*GABO*]. F. 5. L. 1. C. 6.
19. SABR [*GABO*]. F. 5. L. 1. C. 271.
20. WPL. The Department of Old Prints and Manuscripts. CAET [*BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW*]. C. 1773/16. X.
21. SABR [*GABO*]. F. 2005. L. 1. C. 21.
22. SABR [*GABO*]. F. 2005. L. 1. C. 23.
23. WPL. The Department of Old Prints and Manuscripts. CAET [*BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW*]. C. 1714.
24. WPL. The Department of Old Prints and Manuscripts. CAET [*BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW*]. C. 1692.
25. Gomółka K. Between Poland and Russia. Belarus in the Concepts of Polish Political Organizations in 1918-1922 [*Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918-1922*]. Warsaw, 1994, 263 p.

А. А. Обелевский

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В БЕЛАРУСИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

В статье рассмотрены основные источники по истории физической культуры и спорта XX – начала XXI в. Беларуси, а также историографические традиции ее изучения. Цель исследования – выявить специфику и сущностные черты изучения истории физической культуры и спорта в Беларуси; проанализировать источниковый комплекс по данной проблеме, а также историографические традиции конца XX – начала XXI в. Во введении обозначена актуальность темы, а именно – повышенное внимание к спортивной отрасли со стороны государства. Дана обобщенная оценка состояния изученности современной истории спорта в Республике Беларусь. В основной части дано подробное описание материалов в области историографии физической культуры и ее источниковедческой базы. Анализ историографического наследия белорусских ученых позволил отследить процесс накопления знаний в научном сообществе по истории физической культуры и спорта, а также выявить основные тенденции направлений исследований по изучаемой проблеме. Основными видами источников по данной теме являются: научные работы представителей различных дисциплин; литература справочно-энциклопедического характера; периодическая печать; интернет-ресурсы; мемуарная литература и интервью; нормативно-правовые базы государственных структурных подразделений. Проведен анализ иностранной литературы, а именно – англоязычных интернет-ресурсов. Каждая группа источников представляет собой особую ценность при изучении состояния развития истории физической культуры и спорта на современном этапе. На основе результатов анализа источниковой базы отмечено отсутствие современной спортивной мемуарной литературы, а также недостаточное освещение белорусского спорта в зарубежных источниках. Особое внимание в работе уделено проблемам развития историографических традиций и источниковедения в области истории спорта и физической культуры Беларуси, среди которых можно отметить малоизученность исследуемого феномена в Республике Беларусь. Результаты и выводы, приведенные в данной статье, могут быть использованы в дальнейшей разработке исследований в области физической культуры и спорта.

Ключевые слова: история физической культуры и спорта, историография, исторический источник, физическая культура и спорт.

Введение. В Республике Беларусь спорт представляет собой динамично развивающуюся систему, именно ему отдается приоритетное значение со стороны государства как одной из значимых составляющих имиджа страны. В центре внимания главы государства А. Г. Лукашенко постоянно находится и физическая культура. Им неоднократно подчеркивалось, что «развитие физической культуры и спорта – важное направление политики Республики Беларусь» [1]. Физкультурно-оздоровительные сооружения становятся все более доступными для всех слоев населения, а в профессиональном спорте отмечается постоянный прирост финансирования. Однако, несмотря на всестороннее внимание государства к спорту и физической культуре, в научных кругах отмечается недостаток исследований историографии именно суверенной физической культуры и спорта. Современные исследователи в большинстве опираются на опыт советских ученых, переосмысливая и систематизируя его. По-прежнему остается нерешенным вопрос создания монографии, в которой были бы подытожены результаты за почти тридцатилетний период работы.

Историографический анализ более ранних работ по истории физической культуры и спорта в Беларуси в рамках данной работы является существенным, поскольку именно советская историография физкультурно-спортивного движения послужила основой становления и развития современной историографии истории физической культуры и спорта в Республике Беларусь.

Основная часть. Безусловно, обособленные труды по истории физической культуры и спорта имели место в отечественной науке, однако только в конце 20-х гг. XX в. возникла

Обелевский Алексей Аркадьевич, аспирант каф. всеобщей и славянской истории ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь); науч. рук. – Д. В. Карев, д-р ист. наук, проф. каф. дизайна ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь).
Адрес для корреспонденции: ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь; e-mail: sucher2003@mail.ru

необходимость написания полноценного учебника по истории физической культуры, который должен был стать первым обобщением истории физической культуры, не имеющего аналогов в мире. С этой целью в 1932 г. ВСФК СССР было принято постановление об издании «Всеобщей истории физической культуры» (ВИФК). Полагалось, что эта «История» «подытожит накопленный опыт, чтобы понять, как создавалась советская физическая культура и какими путями она пришла к тому, что мы имеем на сегодняшний день. <...> Данный труд призван показать физическую культуру прежде всего в качестве орудия классово-борьбы на всех этапах развития общества, показать естественно-исторические основы возникновения физической культуры и ее роль в первобытном обществе, а также у современных народов». Как ожидалось, ВИФК не должна была ограничиться рассмотрением истории советской физической культуры отдельно от всеобщей, поскольку «только в широком контексте можно определить ее место в ряду других систем, задачи и значение для мировой пролетарской борьбы» [2, с. 36]. Однако идея написания учебника так и не была реализована.

В первые послевоенные и в особенности в 1950-е гг. наблюдалась заметная активизация в разработке диссертационных исследований по истории физической культуры (В. В. Столбов. Развитие физической культуры и спорта в РСФСР в послевоенную сталинскую пятилетку (1946–1950 гг.), 1953 г.; К. А. Куликович. Развитие физической культуры в колхозах БССР (1929–1955 гг.), 1955 г. [3, с. 121]. Анализируя диссертации и другие научные труды первых послевоенных лет по данной проблематике, можно заметить стремление историков к критическому переосмыслению достигнутого уровня развития истории физической культуры как науки [3, с. 116].

В 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Минске на базе Белорусского государственного института физической культуры (БГОИФК) под руководством одного из первых исследователей физической культуры и спорта БССР К. А. Куликовича плодотворно изучались вопросы истории физической культуры и спорта. В 1970 г. им же была защищена докторская диссертация на тему «Развитие физической культуры и спорта в БССР (1945–1970 гг.)». В последствии научно-исследовательская база по истории белорусского физкультурно-спортивного движения стала пополняться и трудами других ученых, среди которых можно назвать Я. Р. Вилькина, Г. П. Коваленко, О. А. Нехайчика, Н. В. Королёва, Е. К. Куликовича [3, с. 597–606].

В 60–80-х гг. увидели свет учебники и учебные пособия по истории физической культуры и спорта для учреждений, подготавливающих специалистов в области физического воспитания, что, несомненно, являлось новым в советской историографии [3, с. 251]. Одними из первых в БССР такими пособиями стали книги К. А. Куликовича «Развитие физической культуры и спорта в БССР» (1958 г.) [4] и В. П. Сазановича «Физическая физкультура и спорт в Белоруссии: страницы летописи» (1988 г.) [5]; брошюра К. А. Куликовича «Развитие физической культуры и спорта в БССР за годы Советской власти: Материал в помощь лектору» (1967 г.) [6], а также справочник «Физическая культура и спорт БССР» (1979 г.) под редакцией К. А. Куликовича и Я. Р. Вилькина [7]. За последние 30 лет в Республике Беларусь были также изданы пособия В. Н. Рыженкова «Олимпийское движение Беларуси: итоги, состояние, проблемы, перспективы» (1994 г.) [8]; «Беларусь олимпийская: альбом на русском и английском языках» под редакцией В. Рыженкова и Я. Вилькина [9]; А. Шамака «Фізічная культура на Беларусі (ад старажытнасці да пачатку XX ст.)» (1999 г.) [10]; М. Е. Кобринского «Белорусский олимпийский учебник» (2005 г.) [11]. Увидели свет и некоторые научно-популярные издания по истории физической культуры и спорта для широкого круга читателей (И. Ю. Попко «Олимпийцы Гродненщины»; П. П. Рябухин «Олимпийская страна Беларусь»). Однако их нельзя назвать образцовыми, поскольку в них встречаются неточности и отсутствует справочный аппарат. Несмотря на разнообразие вопросов, которые охватывают данные пособия, остается открытым вопрос написания полноценного учебника по современной истории физической культуры и спорта Республики Беларусь, поскольку имеющиеся на данный момент пособия не в состоянии заменить учебник как по объему, так и по качеству [12, с. 170, 171].

С образованием суверенной Республики Беларусь среди ученых продолжает оставаться востребованной эпоха советской физкультуры и спорта. Вместе с тем начиная с середины 90-х гг. в области истории отечественной физкультуры и спорта начали появляться новые

направления: были освоены этнографический (В. К. Бондарчик) и краеведческий (В. Черепица, О. Яценко, З. Шибeko) аспекты исследований. На базе университетов Гродно и Бреста изучается история физкультуры и спорта Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой. Причем авторы не ограничиваются пересмотром фактического материала, а, напротив, активно задействуют новые польскоязычные источники. Некоторые аспекты физкультуры и зарождения спорта были освещены в работах по истории военного дела, образования, искусства Беларуси XVII – начала XX в.: А. Лукашевича, Ю. Бохана, А. Самусика, А. Григорьева и др. [12, с. 170]. Активно в разработке новых направлений исследования истории физической культуры и спорта Республики Беларусь участвует В. В. Григоревич. В его работах были подняты такие темы, как студенческое спортивное движение [13], мифы и легенды в истории белорусского спорта [14], история развития параолимпийского движения в Республике Беларусь [15]. В. В. Григоревич разработал справочники по спортивным и интеллектуальным играм [16] и организации и судейству соревнований по волейболу [17]. В историографическую традицию проблемы истории физической культуры и спорта Беларуси значительный вклад внес исследователь С. И. Бусько. Под его именем появились публикации на тему историографии истории физической культуры и спорта суверенной Беларуси [12], спортивных общественных организаций в белорусских губерниях [18], места велосипеда в повседневной жизни белорусов конца XIX – начала XX в. [19].

Анализ источников по данной проблеме показывает, что ее исследование может опираться на достаточно представительную и широкую базу источников. Среди их основных видов можно выделить: 1) научные труды отечественных и зарубежных историков, социологов, преподавателей физической культуры и спорта; 2) справочно-энциклопедическая литература; 3) спортивные печатные и интернет-издания; 4) мемуары белорусских спортсменов и интервью; 5) нормативно-правовые базы государственных структурных подразделений, ответственных за управление сферой физической культуры и спорта.

Бесспорно, самым значимым пластом источниковой базы в рамках заявленной темы являются научные труды всех тех ученых, в которых предмет истории физической культуры и спорта занимает доминирующее или существенное место: историков, преподавателей, тренеров, философов и социологов. Некоторые общие сведения можно почерпнуть из трудов В. В. Григоревича [20] и Е. М. Нахаевой [21]. В них подробно раскрываются вопросы истории физической культуры и спорта, генезиса и развития систем физического воспитания и спорта с древнейших времен и до сегодняшних дней. Монографии и статьи по отдельным видам спорта (конный спорт (Т. Белая) [22], конькобежный спорт (И. И. Альшевский) [23], водные виды физической культуры и спорта (В. И. Зернов) [24], фристайл (Н. И. Козеко, А. С. Пенигин) [25], велосипедный спорт (Н. Сачёнок) [26], корфбол (Л. К. Дворецкий, С. М. Алексеев) [27], и др.) служат ценным источником знаний для оценки современного положения в спорте. В рамках других наук – философии и социологии (Л. И. Лубышева) [28] – рассматриваются отдельные аспекты проблем физической культуры и спорта: физическая культура и спорт как самостоятельные социальные феномены, анализ современной концепции физической культуры и спорта, процесс организации различных социологических исследований в сфере физической культуры и спорта.

Для понимания предпосылок становления современной системы управления физической культурой и спортом в Республике Беларусь с конца 90-х XX – начала XXI в., а также выделения основных исторических этапов организации государственного управления в сфере физической культуры и спорта довольно ценными оказались издания об истории единственного в Республике специализированного вуза по подготовке специалистов в области физической культуры и спорта [29; 30].

Первостепенными источниками при изучении региональной политики в области развития физической культуры и спорта, оценки проблем в данной сфере и перспектив их решений являются работы, посвященные конкретным регионам Беларуси: г. Березино с довоенного периода наших дней (Б. И. Трусевич) [31], а также путеводители по некоторым городам

Беларуси: г. Мозыря [32], г. Островец [33] и др. Данные бюллетени обладают сравнительно невысокой информативной ценностью, однако позволяют получить отдельные исторические и краеведческие сведения о городах.

Некоторые направления государственной политики в области управления спортом высоких достижений нашли отражение в работах Е. К. Кулинковича [34], Т. Д. Поляковой [35] и Е. М. Нахаевой [36]. В фокусе внимания Е. К. Кулинковича оказалась философско-педагогическая основа современного олимпизма, а также история возникновения и развития Олимпийских игр, их связь с культурой и политикой. Т. Д. Полякова посвятила не одно свое исследование положению паралимпийцев в системе спорта высоких достижений, а краткий сводный отчет о выступлении белорусских спортсменов на Олимпийских играх и деятельности НОК Беларуси приводит Е. М. Нахаева.

В круг изданий справочно-энциклопедического характера входят сведения о прославленных спортсменах Республики Беларусь, спортивных событиях международного уровня, которые проводились в стране. В издание «Энциклопедия белорусского спорта» (2005 г.) включены статьи, посвященные отечественным спортсменам, их тренерам, а также спортивным организациям и спортивным учебным заведениям республики [37]. Данная энциклопедия в отечественном книгоиздании аналогов не имеет. «Энциклопедия белорусского физкультурно-спортивного общества «Динамо»» (2013 г.) [38], как следует из самого названия, содержит данные об истории БФСО «Динамо» с 1923 г., традициях клуба, его вклад в развитие отечественной физической культуры и спорта, а также белорусского олимпийского движения. Издания «Спорт высшей пробы» (2018 г.) [39] и «Спорт высших дасягненняў» (2019 г.) [40] дают исчерпывающую информацию об истории олимпийского движения в Беларуси и Европейских играх, а также участии белорусских спортсменов в первом европейском спортивном мероприятии.

Для изучения основных тенденций государственной политики в области управления физической культуры и спорта на современном этапе первостепенное значение имеет информация из государственных порталов Министерства спорта и туризма, интернет-портала Президента Республики Беларусь, а также официального интернет-портала kodeksy.by, где собраны кодексы, регулирующие отношения во всех сферах белорусского общества. А национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь pravo.by позволил значительно расширить возможности в поиске архивных нормативных документов, что было бесценно при изучении вопроса об эволюции нормативно-правовой базы в сфере физической культуры и спорта.

Единственное в стране специализированное ежегодное издание – сборник статей и докладов по итогам научно-практической конференции «Спорт в Республике Беларусь: правовые проблемы и перспективы развития» (выходит с 2011 г.) – непрерывно дополняет и систематизирует научно-практические правовые исследования в сфере спорта. Тематика статей сборника охватывает широкий круг вопросов в области спортивного права: спортивное право в Республике Беларусь и за рубежом, право в области спортивного арбитража, волонтерство в спорте, антидопинговое регулирование, киберспорт и многие другие.

Еще одним не менее значимым источником знания для понимания места физической культуры и спорта в белорусском обществе является периодическая печать. Была изучена значительная часть современных отечественных и спортивных СМИ. Выборочно проанализированы журналы и интернет-издания педагогической, общественно-политической, научно-теоретической и научно-популярной направленности. В орбиту анализа включены такие издания, как печатные журналы «Мир спорта», «Наш СПОРТ» и «Sporttime», а также популярные белорусские интернет-издания «Tribuna.com», «СПОРТ.TUT.BY», «Прессбол» (существует также бумажная версия издания), «Спортивная панорама» (одно из первых спортивных печатных изданий страны, ранее название – «Физкультурник Белоруссии»).

На страницах ежемесячного журнала «Наш СПОРТ» можно встретить имена не только уже состоявшихся профессиональных спортсменов, но и имена рядовых спортсменов-юниоров, активистов и энтузиастов спорта. Журнал «Sporttime» (зарегистрирован в 2015 г.) нашел своего читателя в основном среди молодежи. В журнале освещаются спортивные достижения

Республики, раскрываются особенности подготовки тренерских кадров, а также обозначены основные проблемы и достижения спорта в Беларуси и за ее пределами. Издание «Мир спорта» (основано в 2000 г.) в первую очередь представляет научный интерес для преподавателей физической культуры и тренеров. Одними из постоянных рубрик являются «Спорт высших достижений», «Физическое воспитание и образование», «Медико-биологические аспекты физической культуры и спорта», «Библиотека тренера» и некоторые другие.

Спортивные интернет-издания особенно испытывают повышенный спрос в так называемые «событийные дни», однако и в обычные они привлекают немало пользователей. Стоит отметить, что в новостных лентах упомянутых выше интернет-ресурсов встречаются также новостные статьи политической направленности.

К группе источников, имеющих первостепенное значение для исследования проблемы данной статьи, относятся: 1) интервью активных деятелей спортивной отрасли – тренеров, министров и самих спортсменов: Н. Козеко [41] (о развитии фристайла в Беларуси и спорта в целом); В. Девятковского (о приоритетных видах спорта для Республики Беларусь) [42]; В. Волчкова (о ситуации в белорусском теннисе) [43]; М. Станюты (о некоторых проблемах в сфере художественной гимнастики) [44]; 2) высказывания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко о стратегических задачах государства по совершенствованию спортивной отрасли [45; 46], а также об итогах выступления белорусских спортсменов на международной спортивной арене [47], несомненно, обладают достаточной информативной ценностью для исследования развития и современного состояния физической культуры и спорта в Республике Беларусь.

Оценить состояние отечественной спортивной отрасли со стороны спортсменов – субъектов, принимающих непосредственное участие в его развитии, – помогают мемуары. На данный момент отсутствуют сведения о мемуарах, написанных выдающимися спортсменами и заслуженными тренерами суверенной Беларуси. Известно лишь об издании «Просто лучший. Simply the best» (2012 г.) [48], посвященному величайшему белорусскому хоккеисту Р. Салею. Книга под авторством С. Олехновича состоит из нескольких частей и содержит интервью хоккеиста, датированные 2003 г., воспоминания его близких, а также его коллег из НХЛ. Отдельные факты об участии легендарных белорусских спортсменов на международной арене можно почерпнуть из мемуаров олимпийских чемпионов: гимнастки О. Корбут [49; 50], борца А. Медведя [51] и заслуженного тренера по гимнастике Н. Ким [52]. Под литературной записью А. Борисевича были написаны мемуары многократной олимпийской чемпионки О. Корбут «Жила-была девочка...» и «На цыпочках по лезвию бритвы» в 1988 и 1991 г. соответственно. В своих книгах она вспоминает детские годы, свое становление как гимнастки, взлеты и падения на Олимпийских играх, рассказывает о жизни после ухода из большого спорта. На протяжении спортивной карьеры А. Медведь вел дневник, в котором анализировал свои выступления – как удачные, так и не очень. Впоследствии эти наблюдения легли в основу мемуаров олимпийского чемпиона «Вся жизнь – борьба» (2012 г.). Кроме соревнований А. Медведь упоминает о своем детстве, первых шагах в профессиональном спорте и цене больших побед. В 1985 г. вышла в свет книга «Счастливый помост», в которой олимпийская чемпионка и тренер Н. Ким раскрывает систему подготовки гимнасток в СССР, а также нюансы тренерской работы.

Несмотря на то что белорусский спорт стал предметом внимания зарубежных СМИ более 20 лет назад, в конце 90-х гг. XX – начале XXI в., довольно редко, однако, упоминаются имена белорусских спортсменов на страницах зарубежных изданий. Так, в новостной ленте британского интернет-ресурса «Би-би-си» наша страна представлена всего в нескольких статьях. В частности, встречаются имена В. Азаренко (2015 г.) по случаю победы над британской теннисисткой Х. Уотсон [53]; И. Бокия (2016 г.) как самого титулованного белорусского паралимпийца на тот момент [54]. Не обошли вниманием журналисты «Би-би-си» и личность Президента Республики Беларусь. В 2001 г. вышла статья о триумфальной победе белорусской команды под руководством А. Г. Лукашенко над российской, состоявшей из министров и бывших звезд российского хоккея [55]. В период пандемии коронавируса весной 2020 г. темой номер 1 многих зарубежных спортивных СМИ стал белорусский футбол [56]. В условиях жесткого карантина белорусские команды продолжили борьбу за места в национальной лиге, тем самым подогрев интерес зарубежных фанатов к белорусскому футболу.

Англоязычный новостной портал belarusdigest.com публикует критически осмысленную информацию по многим разделам, включая политику, экономику, культуру, туризм, белорусский язык, в том числе и белорусский спорт, для иностранной аудитории. На сайте опубликованы сведения о появлении и становлении отдельных видов спорта в Беларуси (тайского бокса [57], хоккея на льду [58], гандбола [59]); рассуждения экспертов портала о будущем отечественного спорта [60]; о победах выдающихся белорусских спортсменов на международных соревнованиях [61]. Данный портал был основан в 2008 г. в г. Вашингтон, США, с целью, как пишет сам основатель, «развенчать мифы иностранцев о Беларуси и рассказать о том, что на самом деле происходит в стране» [62].

Заключение. На сегодняшний день можно сказать, что в современной историографии постепенно осваиваются новые направления исследований. Как одну из перспектив в разработке дальнейших исследований можно отметить создание комплексного учебника по истории физической культуры и спорта Республики Беларусь. На основе анализа библиографических источников, научных трудов отечественных и зарубежных авторов, нормативно-правовой базы, а также электронных ресурсов Интернета можно сделать вывод о том, что исследование физической культуры и спорта может опираться на довольно широкую и разнообразную источниковую базу. Среди источниковых комплексов преобладают материалы на русском языке, англоязычные источники в основном представлены в массмедийном дискурсе. В то же время исследования в области современной историографии истории физической культуры и спорта в Республике Беларусь не достигли такого же масштаба и значения на социокультурную сферу, как в советской Беларуси. В исторической литературе источниковая база и источниковедческий ракурс используется слабо и неравномерно: некоторые группы источников (мемуарная литература, периодическая печать) практически не задействованы. Тем не менее можно утверждать, что за период конца XX – начала XXI в. была создана солидная источниковая база, на основе которой в перспективе возможно создание монографии по современной историографии отечественной физической культуры и спорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко относит физкультуру и спорт к важнейшим направлениям государственной политики [Электронный ресурс] // НОВОСТИ.TUT.BY. – Режим доступа : <https://news.tut.by/sport/125452.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
2. Милеев, С. В. Всеобщая история физической культуры / С. В. Милеев // Физкультура и социалистическое строительство. – 1932. – № 10–11. – С. 36–38.
3. Суник, А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта / А. Суник. – М. : Советский спорт, 2010. – 316 с.
4. Куликович, К. А. Развитие физической культуры и спорта в БССР / К. А. Куликович. – Минск : Звезда, 1958. – 160 с.
5. Сазанович, В. П. Физическая культура и спорт в Белоруссии: страницы летописи / В. П. Сазанович, К. А. Куликович, В. С. Филлипович. – Минск : Польша, 1988. – 268 с.
6. Куликович, К. А. Развитие физической культуры и спорта в БССР за годы Советской власти : (Материал в помощь лектору) / К. А. Куликович. – Минск : [б. и.], 1967. – 19 с. – (Навстречу 50-летию Великого Октября / Правление о-ва «Знание» Бел. ССР, Совет Союза спортив. о-в и орг. БССР).
7. Физическая культура и спорт БССР : справочник / под общ. ред. К. А. Куликовича, Я. Р. Вилькина. – Минск : Выш. шк., 1979. – 156 с.
8. Рыженков, В. Н. Олимпийской движение Беларуси: итоги, состояние, проблемы, перспективы / В. Н. Рыженков, В. И. Малашенко. – Минск : Минсктиппроект, 1994. – 23 с.
9. Беларусь олимпийская : [альбом на русском и английском языках] / под ред. В. Рыженкова, Я. Вилькина. – Минск : М-во спорта и туризма Респ. Беларусь, 1996. – 120 с.
10. Шамак, А. А. Фізичная культура на Беларусі / А. А. Шамак. – Мінск : БДПУ, 1999. – 85 с.
11. Кобринский, М. Е. Белорусский олимпийский учебник : учеб. пособие / М. Е. Кобринский, Л. Г. Тригубович ; под ред. М. Е. Кобринского. – Минск : Бел. олимп. акад., 2005. – 240 с.
12. Бусько, С. И. Историография истории физической культуры и спорта Беларуси (1992–2012 гг.): проблемы и перспективы развития / С. И. Бусько // XIII Международная научная сессия по итогам НИР за 2012 г. «Научное обоснование физического воспитания, спортивной тренировки и подготовки кадров по физической культуре и спорту» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 марта – 30 мая 2013 г. : в 3 ч. / редкол. : Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 3 : Молодежь – науке. Актуальные проблемы теории и методики физической культуры и спорта. – С. 169–171.

13. *Григоревич, В. В.* Становление и развитие международного студенческого спортивного движения: анализ участия белорусских спортсменов / В. В. Григоревич, Н. И. Приступа // Мир спорта. – 2013. – № 2 (51). – С. 3–11.
14. *Григоревич, В. В.* Мифы и легенды в истории белорусского спорта / В. В. Григоревич // Спортивные и подвижные игры и единоборства в современной системе физического воспитания : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: В. В. Григоревич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 13–17.
15. *Григоревич, В. В.* Возникновение и развитие паралимпийского движения в мире и Беларуси: история и современное состояние / В. В. Григоревич // Мир спорта. – 2011. – № 3 (44). – С. 57–63.
16. Спортивные и интеллектуальные игры : справочник / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; сост.: В. В. Григоревич, В. М. Карчевский. – Гродно : ГрГУ, 2000. – 138 с.
17. *Григоревич, В. В.* Организация и судейство соревнований по волейболу : пособие / В. В. Григоревич ; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 103 с.
18. *Бусько, С. І.* Спартыўныя грамадскія арганізацыі ў беларускіх губернях: стварэнне, структура, дзейнасць (канец XIX – пачатак XX ст.) / С. І. Бусько // Весці БДПУ. – 2020. – № 2. – С. 67–70.
19. *Бусько, С. І.* Велосипед в повседневной жизни белорусских губерний (конец XIX – начало XX в.) / С. И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – 2014. – Вып. 9. – С. 15–26.
20. *Григоревич, В. В.* Всеобщая история физической культуры и спорта : учеб. пособие / В. В. Григоревич. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 295 с.
21. *Нахаева, Е. М.* Всеобщая история физической культуры и спорта : курс лекций / Е. М. Нахаева. – Витебск : ВГУ, 2003. – 54 с.
22. *Белая, Т.* Из истории развития конного спорта в Республике Беларусь / Т. Белая // Современный олимпийский спорт и спорт для всех : материалы XI Междунар. науч. конгресса, Минск, 10–12 окт. 2007 г. : в 4 ч. / редкол.: М. Е. Кобринский. – Минск, 2007. – Ч. 3. – С. 234–235.
23. *Альшевский, И. И.* История конькобежного спорта Беларуси / И. И. Альшевский. – Минск : РУМЦ ФВН, 2009. – 128 с.
24. *Зернов, В. И.* История развития занятий водными видами физической культуры и спорта в мире и Беларуси : пособие / В. И. Зернов. – Минск : БГУФК, 2016. – 180 с.
25. *Козеко, Н. И.* История развития фристайла в Беларуси / Н. И. Козеко, А. С. Пенегин // Мир спорта. – 2018. – № 2. – С. 102–104.
26. *Veloblarus: летопись велосипедного движения Беларуси / авт.-сост.: Н. Саченок [и др.] ; пер. Н. Карасева. – Минск : [б. и.], 2013. – 118 с.*
27. *Дворецкий, Л. К.* Корфбол: история его становления и развития в образовательных учреждениях Республики Беларусь / Л. К. Дворецкий, С. М. Алексеев // Теоретические и прикладные аспекты олимпийского образования, физической культуры, спорта школьников и учащейся молодежи : материалы республиканской науч.-метод. конф., Брест, 29–30 окт. 2010 г. / редкол.: А. А. Зданевич (гл. ред.), К. И. Белый, А. С. Голенко. – Брест, 2010. – С. 85–88.
28. *Лубышева, Л. И.* Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие для студ. вузов / Л. И. Лубышева. – М. : ACADEMIA, 2001. – 238 с.
29. *Кобринский, М. Е.* Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / М. Е. Кобринский. – Минск : БГУФК, 2007. – 398 с.
30. *Полякова, Т. Д.* Бережно традиции храня: 80-летию ВГУФК посвящается / Т. Д. Полякова, И. В. Усенко ; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – Минск : БГУФК, 2017. – 91 с.
31. *Трусевич, Б. И.* История физкультуры и спорта Березинского района / Б. И. Трусевич. – Борисов : Борисовская укрупненная типография, 2019. – 87 с.
32. *Познай Мозырщину / Отдел физической культуры, спорта и туризма Мозырского райисполкома ; Туристско-информационный центр «Гомель» ; фото И. Ю. Малащенко. – Минск : Национальное агентство по туризму, 2009. – 23 с.*
33. *Островетчина в дымке истории / Отдел физической культуры, спорта и туризма Островецкого райисполкома. – [Б. м. : б. и., 2012?]. – 15 с.*
34. *Кулинкович, Е. К.* Олимпизм и международное спортивное движение / Е. К. Кулинкович. – Минск : ВГЭУ, 1997. – 20 с.
35. *Полякова, Т. Д.* Паралимпийские игры: история и современность / Т. Д. Полякова, И. В. Усенко // Информационно-аналитический бюллетень по актуальным проблемам физической культуры и спорта : научное издание / Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Белорус. гос. ун-т физической культуры. – Минск, 2013. – Вып. 16. – С. 34–42.
36. *Нахаева, Е. М.* Введение в специальность. Цивилизация и олимпизм [Электронный ресурс] : учеб.-метод. материалы для спец. «Физическая культура» со специализациями: 1-03 02 01 02 «Тренерская работа по виду спорта (с указанием вида спорта)»; 1-03 02 01 03 «Организация физкультурно-оздоровительной работы и туризма»; 1-03 02 01 04 «Физическая реабилитация»; 1-03 02 01 07 «Менеджмент спорта и туризма» / авт.-сост. Е. М. Нахаева; М-во образования РБ, ВГУ им. П. М. Машерова. – Электрон. текстовые дан. (1 файл : 99 Кб). – Витебск, 2012. – Режим доступа : <http://www.lib.vsu.by>. – Дата доступа : 12.09.2020.
37. *Спортивная энциклопедия Беларуси / редкол.: Ю. Л. Сиваков [и др.]. – Минск : БелЭн, 2005. – 504 с.*

38. Энциклопедия белорусского физкультурно-спортивного общества «Динамо»: 90 лет: 1923–2013 / сост.: А. А. Мушта, Е. И. Павловский. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2013. – 495 с.
39. Спорт высшей пробы: Европейские и Олимпийские игры / сост.: И. И. Гуслистова, Э. И. Горошко. – Минск : БелЭн, 2018. – 93 с.
40. Спорт вышэйшых дасягненняў: II Еўрапейскія гульні – свята міру, спорту, дружбы народаў Еўропы / склад.: Э. І. Гарошка. – Мінск : БелЭн, 2019. – 91 с.
41. *Казеко, Н.* Белорусский фристайл – продолжение следует [Электронный ресурс] / Н. Казеко // БЕЛТА. – Режим доступа : <https://www.belta.by/interview/view/beloruskij-fristajl-prodolzhenie-sleduet-7398/>. – Дата доступа : 01.09.2020.
42. Разное. Коллегия Министерства спорта и туризма Беларуси определила приоритетные виды спорта на 2018 год [Электронный ресурс] // ПРЕССБОЛ. – Режим доступа : <https://www.pressball.by/news/other/284911>. – Дата доступа : 01.09.2020.
43. Владимир Волчков: Белорусский теннис страдает из-за нехватки специалистов [Электронный ресурс] // SPORT.TUT.BY. – Режим доступа : <https://sport.tut.by/news/tennis/200886.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
44. *Станюта, В.* Беларуси не хватает площадок для занятия художественной гимнастикой [Электронный ресурс] / В. Станюта // SPORT.TUT.BY. – Режим доступа : <https://sport.tut.by/news/gymnastics/368615.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
45. *Ходасевич, И.* Лукашенко: Беларусь нужно вывести в число сильнейших спортивных стран мира [Электронный ресурс] / И. Ходасевич // SPORT.TUT.BY. – Режим доступа : <https://sport.tut.by/news/aboutsport/166696.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
46. Лукашенко назвал 10 основных задач по совершенствованию спортивной отрасли [Электронный ресурс] // SPORT.TUT.BY. – Режим доступа : <https://sport.tut.by/news/aboutsport/545330.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
47. «От позора хочется спрятаться под веник». Белорусским спортсменам вновь досталось от Лукашенко [Электронный ресурс] // SPORT.TUT.BY. – Режим доступа : <https://sport.tut.by/news/aboutsport/588852.html>. – Дата доступа : 01.09.2020.
48. *Олехнович, С.* Руслан Салей. Simply the best [Текст]: просто лучший / С. Олехнович. – Минск : Медисонт, 2012. – 444 [4] с.
49. *Корбут, О. В.* Жила-была девочка... / О. В. Корбут ; Лит. запись А. Борисевича. – М. : Мол. гвардия, 1988. – 173 с.
50. *Корбут, О. В.* На цыпочках по лезвию бритвы : [воспоминания многокр. олимп. чемпионки по гимнастике] / О. Корбут ; Лит. запись А. Борисевича. – 2-е изд., доп. – Минск : Польша, 1991. – 142 с.
51. *Медведь, А.* Вся жизнь – борьба : [воспоминания] / А. Медведь ; Лит. запись С. П. Канашица. – Минск : Мастацкая літаратура, 2012. – 149 с.
52. *Ким, Н. В.* Счастливый помост / Н. В. Ким ; Лит. запись В. Голубева. – М. : Мол. гвардия, 1985. – 160 с.
53. Fed Cup: Great Britain play-off hopes ended by Belarus [Electronic resource] // BBC Sport. – Mode of access : <https://www.bbc.com/sport/tennis/31198518>. – Date of access : 01.09.2020.
54. Rio Paralympics 2016: 10 international Paralympic stars to watch [Electronic resource] // BBC Sport. – Mode of access : <https://www.bbc.com/sport/disability-sport/37290458>. – Date of access : 01.09.2020.
55. *Mulvey, S.* Belarus president's ice hockey victory [Electronic resource] / S. Mulvey // BBS News. – Mode of access : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1119932.stm>. – Date of access : 01.09.2020.
56. *Smith, R.* All alone, Belarus plays on [Electronic resource] / R. Smith // The New York Times. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2020/03/24/sports/soccer/soccer-belarus-coronavirus.html>. – Date of access : 01.09.2020.
57. *Leskic, S.* Muay Thai in Belarus: Fighting and Winning : Belarus Photo Digest [Electronic resource] / S. Leskic // BelarusDigest. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/story/muay-thai-in-belarus-fighting-and-winning-belarus-photo-digest/>. – Date of access : 29.08.2020.
58. *Bylina, V.* Corruption in Belarusian sport: the trend of five-year prison terms [Electronic resource] / V. Bylina // BelarusDigest. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/story/corruption-in-belarusian-sport-the-trend-of-five-year-prison-terms/>. – Date of access : 17.08.2020.
59. *Firsava, D.* The Rise of Belarusian Handball [Electronic resource] / D. Firsava // BelarusDigest. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/story/the-rise-of-belarusian-handball/>. – Date of access : 21.08.2020.
60. *Hryniuk, O.* The crisis of Belarusian youth sport: can we expect a new Domracheva? [Electronic resource] / O. Hryniuk // BelarusDigest. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/story/the-crisis-of-belarusian-youth-sport-can-we-expect-a-new-domracheva/>. – Date of access : 13.08.2020.
61. *Kryvoi, Y.* Victoria Azarenka – the Bright Side of Belarus [Electronic resource] / Y. Kryvoi // BelarusDiges. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/story/victoria-azarenka-the-bright-side-of-belarus/>. – Date of access : 10.09.2020.
62. About [Electronic resource] // BelarusDiges. – Mode of access : <https://belarusdigest.com/about/>. – Date of access : 16.08.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 34–44

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The history of the development of physical culture and sports in Belarus of the late 20th – early 21st century (historiographical and source study aspects of the problem)

A. A. Obelevski

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

Ozheshko St., 22, 230023, Grodno, Belarus; e-mail: cucher2003@mail.ru

Abstract. The article considers both the basic sources on the physical culture and sports history of Belarus of the late 20th – early 21st century and its historiographical traditions. The aims of the study are to identify the key features of the physical culture and sports history in Belarus, to analyze the range of historical sources on the topic as well as its historiographical traditions of late 20th – early 21st century. The introduction highlights the importance of the topic, namely, increased attention to the sports industry by the state. The generalized evaluation of the modern physical culture and sports level of research in Belarus has been given. A detailed description of data on the physical culture and sports historiography and its source range has been given in the main part. The analysis of Belarusian scientists’ historiographical heritage has made it possible to track the cognitive process in the physical culture and sports scientific community, as well as to identify the key research trends on the topic. The key sources for the topic are the following: scientific research in particular fields; references and encyclopedias; periodicals; Internet sources; memoirs and interviews; and legislative framework. The analysis of foreign sources (English Internet sources) has been conducted. Each of the source groups is of high importance when studying the current level of research in physical culture and sports history. Based on the source base, the absence of modern sports memoirs as well as a lack of Belarusian sports highlights in foreign sources has been acknowledged. The article pays special attention to the problems of physical culture and sports studies in historiography and source studies, particularly a lack of research of the topic in the Republic of Belarus. The results and conclusions given in the study can be applied in further physical culture and sports research.

Keywords: history of physical culture and sports, historiography, historical sources, physical culture and sports.

References

1. Lukashenko considers physical culture and sports to be the key directions of state policy [*Lukashenko otnosit fizkul'turu i sport k vazhneishim napravleniim gosudarstvennoi politiki*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
2. Mileev S. V. General history of physical culture [*Vseobshchaia istoriia fizicheskoi kul'tury*]. *Physical culture and socialist construction*, 1932, No. 10-11, pp. 36-38.
3. Sunik A. Essays on the national historiography of physical sports and culture history [*Ocherki otechestvennoi istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta*]. Moscow, 2010, 316 p.
4. Kulinkovich K. A. The development of physical culture and sports in the BSSR [*Razvitie fizicheskoi kul'tury i sporta v BSSR*]. Minsk, 1958, 160 p.
5. Sazanovich V. P., Kulinkovich K. A., Fillipovich V. S. Physical culture and sports in Belarus: the chronicles [*Fizicheskaiia kul'tura i sport v Belorussii: stranitsy letopisi*]. Minsk, 1988, 268 p.
6. Kulinkovich K. A. The development of physical culture and sports in the BSSR during the years of Soviet governance: The manual for the lecturer [*Razvitie fizicheskoi kul'tury i sporta v BSSR za gody Sovetskoii vlasti: Material v pomoshch' lektoru*]. Minsk, 1967, 19 p.
7. Physical culture and sports of the BSSR [*Fizicheskaiia kul'tura i sport BSSR : spravochnik*]; Eds.: K. A. Kulinkovich, Ya. R. Vilkin. Minsk, 1979, 156 p.
8. Ryzhenkov V. N., Malashenko V. I. The Olympic movement of Belarus: results, current state, problems, prospects [*Olimpiiskoe dvizhenie Belarusi: itogi, sostoianie, problemy, perspektivy*]. Minsk, 1994, 23 p.
9. Olympic Belarus: the album in Russian and English [*Belarus' olimpiiskaia : [al'bom na russkom i angliiskom iazykakh]*]; Eds.: V. Ryzhenkov, Ya. Vilkin. Minsk, 1996, 120 p.
10. Shamak A. A. Physical culture in Belarus [*Fizichnaia kul'tura na Belarusi*]. Minsk, 1999, 85 p.
11. Kobrinski M. E., Trigubovich L. G. Belarusian Olympic textbook [*Belorusskii olimpiiskii uchebnik : ucheb. posobie*]; Ed. by M. E. Kobrinski. Minsk, 2005, 240 p.
12. Busko S. I. The historiography of physical culture and sports history in Belarus (1992–2012): problems and development prospects [*Istoriografiia istorii fizicheskoi kul'tury i sporta Belarusi (1992–2012 gg.): problemy i perspektivy razvitiia*]. XIII International scientific session on the results of research for 2012 ‘Scientific substantiation of physical education, sports training and training in physical culture and sports : materials

of International scientific and practical conferences, Minsk, March 20 - May 30, 2013 : in 3 parts; ed. board: T. D. Poliakov (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 2013, part 3, pp. 169-171.

13. Grigorevich V. V. Formation and development of the international student sports movement: analysis of the participation of Belarusian athletes [*Stanovlenie i razvitie mezhdunarodnogo studencheskogo sportivnogo dvizheniia: analiz uchastiia belorusskikh sportsmenov*]. *World of sports*, 2013, No. 2 (51), pp. 3-11.

14. Grigorevich V. V. Myths and legends in the history of Belarusian sports [*Mify i legendy v istorii belorusskogo sporta*]. *Sports and outdoor games and single combats in the modern system of physical education: collection of articles*; ed. board: V. V. Grigorevich (ch. Ed.) [et al.]. Grodno, 2012, pp. 13-17.

15. Grigorevich V. V. The emergence and development of the Paralympic movement in the world and in Belarus: history and current state [*Vozniknovenie i razvitie paralimpiiskogo dvizheniia v mire i Belarusi: istoriia i sovremennoe sostoiianie*]. *World of sports*, 2011, No. 3 (44), pp. 57-63.

16. Grigorevich V. V., Karchevski V. M. Sports and intellectual games [*Sportivnye i intellektual'nye igry : spravochnik*]. Grodno, 2000, 138 p.

17. Grigorevich V. V. Organization and refereeing of volleyball competitions [*Organizatsiia i sudeistvo sorevnovanii po voleibolu : posobie*]. Grodno, 2008, 103 p.

18. Busko S. I. Public sport organizations in Belarusian provinces: origin, structure, their activities (late 19th - early 20th centuries) [*Spartyunyia hramadskii arhanizatsyi u belorusskikh huberniakh: stvarenne, struktura, dzieinasts' (kanets XIX - pachatak XX st.)*]. *Vesti BDPU*, 2020, No. 2, pp. 67-70.

19. Busko S. I. Bicycles in everyday life of Belarusian provinces: (late 19th - early 20th centuries) [*Velosiped v povsednevnoi zhizni belorusskikh gubernii (konets XIX - nachalo XX v.)*]. *Collection of articles of the historical department of BSU*, 2014, issue 9, pp. 15-26.

20. Grigorevich V. V. General history of physical culture and sports [*Vseobshchaia istoriia fizicheskoi kul'tury i sporta : ucheb. posobie*]. Grodno, 2007, 295 p.

21. Nakhaeva E. M. General history of physical culture and sports: a series of lectures [*Vseobshchaia istoriia fizicheskoi kul'tury i sporta: kurs lektsii*]. Vitebsk, 2003, 54 p.

22. Belaya T. From the history of the development of equestrian sports in the Republic of Belarus [*Iz istorii razvitiia konnogo sporta v Respublike Belarus'*]. *Modern Olympic sports and sports for everybody: materials of the 11st Int. scientific congress*, Minsk, October 10-12, 2007 : in 4 parts; ed. board: M. E. Kobrinski (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 2007, part 3, pp. 234-235.

23. Alshevski I. I. The history of speed skating in Belarus [*Istoriia kon'kobeznogo sporta Belarusi*]. Minsk, 2009, 128 p.

24. Zernov V. I. The history of the development of water sports in the world and Belarus [*Istoriia razvitiia zaniatii vodnymi vidami fizicheskoi kul'tury i sporta v mire i Belarusi : posobie*]. Minsk, 2016, 180 p.

25. Kozeko N. I., Penigin A. S. The history of the development of freestyle in Belarus [*Istoriia razvitiia fristaila v Belarusi*]. *World of sports*, 2018, No. 2, pp. 102-104.

26. VeloBelarus: chronicle of the cycling movement in Belarus [*VeloBelarus: letopis' velosipednogo dvizheniia Belarusi*]; authors-comp.: N. Sachenok [et al.]; transl. by N. Karasev. Minsk, 2013, 118 p.

27. Dvoretzki L. K., Alekseev S. M. Korfball: the history of its formation and development in educational institutions of the Republic of Belarus [*Korfbol: istoriia ego stanovleniia i razvitiia v obrazovatel'nykh uchrezhdeniakh Respubliki Belarus'*]. *Theoretical and applied aspects of Olympic education, physical culture, sports of schoolchildren and students: materials of the republican scientific and methodological conference*, Brest, Oct. 29-30, 2010; ed. board: A. A. Zdanevich (ch. Ed.) [et al.]. Brest, 2010, pp. 85-88.

28. Lubysheva L. I. Sociology of physical culture and sports [*Sotsiologiia fizicheskoi kul'tury i sporta : ucheb. posobie dlia vuzov*]. Moscow, 2001, 238 p.

29. Kobrinski M. E. Belarusian State University of Physical Culture: about time, about sports, about itself [*Belorusskii gosudarstvennyi universitet fizicheskoi kul'tury: o vremeni, o sporte, o sebe*]. Minsk, 2007, 398 p.

30. Poliakova T. D., Usenko I. V. Sticking with the tradition: dedicated to the 80th anniversary of BSUPC [*Berezhno traditsii khrania: 80-letiiu BGUFK posviashchaetsia*]. Minsk, 2017, 91 p.

31. Trusevich B. I. The history of physical culture and sports of Berezinsky region [*Istoriia fizkul'tury i sporta Berezinskogo raiona*]. Borisov, 2019, 87 p.

32. Explore Mozyr region [*Poznai Mozyrshchinu*]. Minsk, 2009, 23 p.

33. Ostrovetchina in the haze of history [*Ostrovetchina v dymke istorii*]. Minsk, 2012, 15 p.

34. Kulinkovich E. K. Olympism and international sports movement [*Olimpizm i mezhdunarodnoe sportivnoe dvizhenie*]. Minsk, 1997, 20 p.

35. Poliakova T. D., Usenko I. V. Paralympic Games: history and modernity [*Paralimpiiskie igry: istoriia i sovremennost'*]. *Information and analytical bulletin on topical problems of physical culture and sports: scientific publication*. Minsk, 2013, issue 16, pp. 34-42.

36. Nakhaeva E. M. Introduction to the specialty. Civilization and Olympism [*Vvedenie v spetsial'nost'. Tsvivilizatsiia i olimpizm : ucheb.-metod materialy*]; authors-comp.: E. M. Nakhaeva. Vitebsk, 2012 [Electronic resource].

37. Sports encyclopedia of Belarus [*Sportivnaia entsiklopediia Belarusi*]; ed. board: Yu. L. Sivakov [et al.]. Minsk, 2005, 504 p.

38. Mushta A. A., Pavlovski E. I. Encyclopedia of the Belarusian physical culture and sports society “Dynamo”: 90 years: 1923-2013 [*Entsiklopediia belorusskogo fizkul’turno-sportivnogo obshchestva “Dynamo” : 90 let: 1923-2013*]. Minsk, 2013, 495 p.
39. Sports of the highest standard: European and Olympic Games [*Sport vyshei proby: Evropeiskie i Olimpiiskie igry*]; comp.: I. I. Guslistova, E. I. Goroshko. Minsk, 2018, 93 p.
40. High level sports: the 2nd European Games - the celebration of the world, sports, friendship of the people of Europe [*Sport vysheishykh dasiagnenniau: II Eurapeiskii gul’ni - sviata miru, sportu, druzhby narodau Europy*]; comp. by E. I. Haroshka. Minsk, 2019, 91 p.
41. Kazeko N. Belarusian freestyle - to be continued [*Belorusskii fristail - prodolzhenie sleduet*]. The Belarusian Telegraph Agency (BelTA) [Electronic resource].
42. Miscellaneous. The Collegium of the Ministry of Sports and Tourism of Belarus has identified priority sports for 2018 [*Raznoe. Kollegia Ministerstva sporta i turizma Belarusi opredelila prioritetye vidy sporta na 2018 god*]. Pressball [Electronic resource].
43. Vladimir Volchkov: Belarusian tennis suffers from a lack of specialists [*Vladimir Volchkov: Belorusskii tennis stradaet iz-za nekhvatki spetsialistov*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
44. Staniuta M. Belarus lacks sites for rhythmic gymnastics [*Belarusi ne khvataet ploshchadok dlia zaniatiia khudozhestvennoi gimnastikoi*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
45. Khodasevich I. Lukashenko: Belarus needs to be made one of the strongest sports countries in the world [*Lukashenko: Belarus’ nuzhno vyvesti v chislo sil’neishikh sportivnykh stran mira*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
46. Lukashenko named 10 main tasks to improve the sports industry [*Lukashenko nazval 10 osnovnykh zadach po sovershenstvovaniuu sportivnoi otrasli*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
47. “Because of shame I want to hide under a broom.” Belarusian athletes have again suffered from Lukashenko [*“Ot pozora khochetsia spriatat’sia pod venik” . Belorusskim sportsmenam vnov’ dostalos’ ot Lukashenko*]. Belarusian portal TUT.BY [Electronic resource].
48. Olekhovich S. Ruslan Salei. Simply the best [*Ruslan Salei: Prosto luchshii*]. Minsk, 2012, 444 p.
49. Korbuto O. V. Once upon a time there was a girl... [*Zhila-byla devochka...*]. Moscow, 1988, 173 p.
50. Korbuto O. V. On tiptoe on the razor blade [*Na tsypochkakh po lezviu britvy : [vospominaniia mnogokr. olimp. chempionki po gimnastike]*]. 2nd ed. Minsk, 1991, 142 p.
51. Medved A. The whole life is a struggle [*Vsia zhizn’ - bor’ba : [vospominaniia]*]. Minsk, 2012, 149 p.
52. Kim N. V. Lucky springboard [*Schastlivyi pomost*]. Moscow, 1985, 160 c.
53. Fed Cup: Great Britain play-off hopes ended by Belarus. BBC Sport [Electronic resource].
54. Rio Paralympics 2016: 10 international Paralympic stars to watch. BBC Sport [Electronic resource].
55. Mulvey S. Belarus president’s ice hockey victory. BBC News [Electronic resource].
56. Smith R. All alone, Belarus plays on. The New York Times [Electronic resource].
57. Leskiec S. Muay Thai in Belarus: Fighting and Winning : Belarus Photo Digest. BelarusDigest [Electronic resource].
58. Bylina V. Corruption in Belarusian sport: the trend of five-year prison terms. BelarusDigest [Electronic resource].
59. Firsava D. The Rise of Belarusian Handball. BelarusDigest [Electronic resource].
60. Hryniuk O. The crisis of Belarusian youth sport: can we expect a new Domracheva? BelarusDigest [Electronic resource].
61. Kryvoi Y. Victoria Azarenka - the Bright Side of Belarus. BelarusDigest [Electronic resource].
62. About BelarusDigest. BelarusDigest [Electronic resource].

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

УДК [94:327](474)

А. А. Володькин

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ «СТРАНЫ БАЛТИИ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1990–2010-х гг.

Статья посвящена актуальным дискуссиям в научном сообществе о целесообразности выделения региональной категории «государства Балтии» в международных отношениях 1990–2010-х гг. Во введении статьи обозначен контекст появления данной проблемы и причины, побудившие автора обратиться на нее внимание. Также в нем указаны цель исследования (выявление оснований для выделения региональной общности «страны Балтии» в исследуемый период), его задачи (анализ исторических предпосылок объединения этих стран в отдельный регион и практики использования в его отношении названия «государства Балтии» в официальных документах, общественно-политическом дискурсе и научных публикациях). Кроме того, данный раздел содержит краткий обзор историографии по теме исследования. В основной части обозначены главные доводы противников выделения данной региональной категории и рассмотрены контраргументы их позиции. Дан анализ исторического контекста образования региональной общности Литвы, Латвии и Эстонии и динамики взаимодействия этих государств на современном этапе. На конкретных примерах показано соотношение понятий «регион Балтии» и «регион Балтийского моря» и специфика современного применения вариантных названий «Балтия» и «Прибалтика» в отношении Литвы, Латвии и Эстонии. В заключении на основании представленной в тексте информации сделаны выводы о том, что, несмотря на общие тенденции к снижению значимости для Эстонии, Латвии и Литвы взаимодействия друг с другом, применительно к исследуемому периоду 1990–2010-х гг., вполне правомерно выделять их в отдельный регион и, что наиболее приемлемым (исторически обоснованным и политически нейтральным) вариантом обозначения этого региона является форма «государства Балтии».

Ключевые слова: Литва, Латвия, Эстония, государства Балтии, регион Балтийского моря, Прибалтика, региональное определение.

Введение. После завершения холодной войны структура регионального деления Европы существенно усложнилась. На смену двум военно-политическим блокам с четкими границами пришла сложная многоуровневая структура, основанная на целом ряде факторов (культурно-исторических, экономических, политических и т.д.), в которой границы различных регионов пересекаются и накладываются друг на друга, при этом одни регионы полностью или частично включают в себя другие. Это породило многочисленные дискуссии в научном сообществе о том, какие из регионов Европы реально существуют как структуры международной политики, а выделение каких носит лишь формальный характер.

Одним из предметов таких споров стал вопрос о целесообразности выделения на современном этапе региона Балтии или Балтийского региона. Хотя дискуссии по этому вопросу пока мало отражены в научных публикациях, в ходе многолетней апробации результатов собственных исследований по внешней политике государств Балтии автор статьи не раз сталкивался с острой критикой в русскоязычном научном сообществе самого этого регионального определения – вплоть до отказа некоторых научных изданий принимать к публикации материалы, в которых присутствует определение «страны Балтии» (с требованием заменить его и в названии, и в тексте на перечисление этих трех стран либо на старый советский термин «Прибалтика»). В подтверждение этой тенденции можно привести и защищенную в МГИМО диссертацию российского исследователя В. В. Воротникова, в названии которой также перечисляются эти три страны (хотя в самом тексте по отношению к ним регулярно используется определение «страны Балтии») [1].

Володькин Андрей Александрович, канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь; e-mail: valodzkin@bsu.by

Поэтому главной причиной написания данной статьи стало стремление вывести этот вопрос из тени субъективных предпочтений и негласных запретов в поле открытой научной дискуссии. Целью работы является выявление оснований выделения региональной общности «страны Балтии» применительно к постсоветскому периоду развития Литвы, Латвии и Эстонии; задачами – анализ исторических предпосылок объединения этих стран в отдельный регион и практики использования в его отношении названия «Балтия» и «балтийские государства» в официальных документах, общественно-политическом дискурсе и научных публикациях.

В историографии по теме исследования можно выделить три основные группы. К первой из них следует отнести работы таких литовских ученых, как З. Буткуса [2], М. Юркинаса [3; 4], А. Буткуса и Л. Донскиса [5], посвященные историческим корням и современной практике идей «балтийского единства» Литвы, Латвии и Эстонии. Ко второй группе были отнесены публикации российских и западных авторов, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы о причинах объединения этих трех государств в один регион и о применении к нему названия «страны Балтии» [1; 6; 7]. Еще одну специфическую группу представляют работы, посвященные региону Балтийского моря [8–10]. Хотя, как будет показано далее, регион Балтийского моря не тождественен региону Балтии, эти работы представляют интерес, поскольку в их теоретических частях изложены основные подходы европейской регионалистики 1990–2000-х гг. к пониманию природы формирования международных и трансграничных регионов.

Основная часть. Характеризуя аргументацию противников использования определения «государства Балтии» (или «балтийские государства»), можно выделить три наиболее распространенных тезиса. Во-первых, утверждается, что между Литвой, Латвией и Эстонией в культурно-историческом плане гораздо больше различий, чем общих черт и, что в целом они тяготеют к различным регионам Европы (Эстония – к Северной, Литва – к Центральной) гораздо больше, чем друг к другу. Во-вторых, указывается на неоднозначность географических рамок данного понятия, поскольку определение «балтийские» может относиться ко всем странам, расположенным вокруг Балтийского моря, а не только к Эстонии, Латвии и Литве. Наконец, в-третьих, доводилось слышать и аргумент о «лингвистической несостоятельности» термина «страны Балтии», поскольку он, якобы, является иностранным заимствованием, полностью тождественным более раннему эквиваленту «Прибалтика».

Рассмотрим эти аргументы подробнее. Вряд ли кто-то станет отрицать наличие между странами Балтии определенных различий – например, что литовский и латышский языки относятся к балтийской группе индоевропейской языковой семьи, а эстонский – к финской группе уральской семьи языков. Или что большинство верующих в Эстонии и Латвии исповедуют лютеранство, а в Литве – католицизм. Не ставятся под сомнение и несколько столетий преобладания на латышских и эстонских землях немецкого и скандинавского влияния, а на литовских – славянского (преимущественно польского и белорусского), что обусловило историческое тяготение первых к Северной, а последних – к Центральной Европе. Однако в мире имеется множество примеров весьма неоднородных в этноконфессиональном плане регионов, выделение которых тем не менее не вызывает особых возражений – Бенилюкс, Балканы, Кавказ и даже соседний с Балтией регион северных государств (англ. «*Nordic states*»), в котором Финляндия разительно отличается от своих скандинавских соседей в этноязыковом плане, но чрезвычайно близка к ним по модели социально-экономического развития.

В этой связи уместно вспомнить аргументацию одного из основоположников Копенгагенской школы международных отношений О. Уивера и авторитетного представителя европейского неорегионализма П. Йозенниери, которые отмечают в своей совместной работе, что, во-первых, регионы не являются неподвижными, раз и навсегда застывшими во времени структурами, а, во-вторых, их образование далеко не всегда обусловлено существованием неких «естественных» (географических или культурных) границ. Напротив, регионы зачастую формируются и меняются в результате деятельности людей. Регион может появиться как продукт

соперничества великих держав и местной реакции на него. Либо в результате революционных изменений в технологиях, которые кардинально меняют географию экономических связей. А порой к формированию новых регионов или изменению контуров, уже существующих, приводит и целенаправленное «политическое проектирование» [9, с. 14, 15].

С исторической точки зрения общность развития латышских и эстонских земель не вызывает сомнений. Еще в первой половине XIII в. в ходе северных крестовых походов они были объединены под властью образованного европейскими (преимущественно немецкими) крестоносцами Ливонского Ордена. С тех пор, невзирая на изменения границ и государственной принадлежности этих земель, вплоть до конца XIX в. там господствовала немецкая система права и немецкий язык делопроизводства, а управляла ими крайне немногочисленная, но влиятельная немецкая аристократия. Даже после их присоединения к Российской империи в XVIII в. эти земли под общим названием Остзейских губерний сохранили свой особый статус и обособленность от остальной имперской территории.

Таким образом, вопрос об общности трех стран фактически сводится к тому, правомерно ли относить Литву к тому же региону, что Эстонию и Латвию? Действительно, вплоть до конца XIX в. исторические судьбы литовцев были в гораздо большей степени связаны с белорусами, поляками и украинцами, чем с латышами и эстонцами. А появление на землях Беларуси и Литвы на рубеже XIX–XX вв. движения краёвцев, выступавшего за возрождение исторической государственности Великого княжества Литовского (ВКЛ) в форме полиэтничной территориальной общности, объединенной многовековыми культурно-историческими связями (а не литовского национального государства), говорит о том, что и в начале XX в. идеи о принадлежности литовцев к тому же региону, что и белорусы, поляки и украинцы еще имели определенное влияние в литовской общественной мысли.

Однако литовское национальное движение изначально строилось на идеях обособления литовских земель по этноязыковому признаку, «очищения» их от славянского (прежде всего, польского) культурного и политического влияния и формирования моноэтнической литовской нации. Поэтому литовские национальные деятели очень настороженно относились к высказываниям краёвцев о возможной федерации возрожденного ВКЛ с Польшей и в большинстве своем были против каких-либо форм государственного объединения с соседними славянскими народами. Литовский философ и дипломат О. Милош, например, прямо называл образование ВКЛ и включение в него славянских земель «роковой ошибкой», которая чуть было не стоила литовскому этносу полной ассимиляции [2, с. 96, 97]. Напротив, идея сближения с северными соседями, прежде всего, этнически близкими латышами, становится довольно популярной. Так, уже в 1885 г. литовский общественный деятель Й. Шлюпас впервые выдвинул идею образования совместного литовско-латышского государства. Впоследствии он развил ее в проект, опубликованный в 1918 г. В 1919 г., схожие проекты предложили С. Шалкаускис и О. Милош [11, с. 84].

Таким образом, уже на рубеже XIX–XX вв. формируются идейные предпосылки переориентации Литвы с традиционного для нее пространства ВКЛ на более тесные отношения с северными соседями. Но решающую роль в закреплении этой тенденции сыграли итоги Первой мировой и гражданской войн, в ходе которых эстонцы, латыши и литовцы осознали себя малыми нациями, зажатыми между более сильными соседями и Балтийским морем. Наличие общих врагов, от которых приходилось отстаивать свою независимость сразу на два фронта подталкивало их национальные движения к объединению усилий. Так, имеются документальные свидетельства взаимной поддержки дипломатических миссий Литвы, Латвии и Эстонии на Парижской мирной конференции. А осенью 1919 г. эстонские и литовские военные подразделения пришли на помощь оказавшемуся в критическом положении правительству Латвии [11, с. 85, 86].

С 1919 г. представители пяти государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи (Финляндии, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии), начали проводить регулярные встречи и конференции, которые в сборнике документов под редакцией З. Буткуса

фигурируют под общим названием «балтийских» [2]. На этих конференциях данные страны пытались выработать проект создания регионального военно-политического альянса. Однако постепенно этот балтийский формат сократился лишь до трех государств – Эстонии, Латвии и Литвы, которые и подписали в 1934 г. договор о трехстороннем оборонительном союзе, известный как Соглашение Балтийской Антанты. Таким образом, определение «балтийское» было официально зафиксировано применительно к трехстороннему взаимодействию Литвы, Латвии и Эстонии.

Дальнейшие драматические события Второй мировой войны и послевоенного периода еще больше сблизили исторические судьбы этих трех стран. Литва, Латвия и Эстония стали единственными государствами Европы, которые по итогам Второй мировой войны полностью лишились своей независимости. Общими явлениями в годы войны для них стали политическая эмиграция, вооруженное антисоветское сопротивление и достаточно широкий коллаборационизм с оккупационным режимом нацистской Германии.

В Советском Союзе три новых республики были выделены в особый регион под названием Прибалтика. Как отмечает в своих работах российский социолог Р. Х. Симонян, советская Прибалтика стала своеобразной «витриной социализма» – за счет щедрых дотаций из союзного бюджета там создавались передовые предприятия и апробировались инновационные методы управления (например, первой республикой, в которой был введен хозрасчет, стала Эстония). Давление идеологической цензуры в Прибалтике также было гораздо слабее – как пишет Симонян, чтобы хоть как-то привлечь местное население в ряды компартии, там допускались невиданные для других республик послабления – например, в высшее партийное руководство Эстонии допускались люди, которые имели родственников за рубежом и открыто поддерживали с ними связь [12]. Уровень жизни населения там также был выше, чем в целом по Союзу, что способствовало притоку переселенцев из других союзных республик.

Интересно, что структуры послевоенной политической эмиграции из стран Балтии также активно сотрудничали друг с другом. Известны примеры, когда продолжавшие официально функционировать в некоторых странах Запада после включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР дипломатические миссии этих государств сужали друг друга деньгами в случае финансовых затруднений, чтобы коллеги из другой балтийской страны могли продолжить свою деятельность. Как отметил в беседе с автором бывший латвийский дипломат и активный деятель латвийской эмиграции в Канаде и США Я. Эйхманис, в период холодной войны литовская, латвийская и эстонская диаспоры благодаря своей организованности, активности и совместным действиям смогли сформировать одно из мощнейших национальных лобби в США – по словам респондента, «балтийское лобби в то время было вторым по влиятельности после еврейского». Безусловно, подобные оценки нуждаются в более детальной проверке, но они подтверждают, что Литва, Латвия и Эстония воспринимались в качестве единой региональной общности не только в СССР, но и самими эмигрантами из этих стран. А через них эти представления распространялись и в политических элитах стран Запада.

Но, пожалуй, наивысшей кульминацией воплощения идеи о единстве стран Балтии стала тесная координация деятельности национальных движений Литвы, Латвии и Эстонии в процессе совместной борьбы за восстановление независимости своих стран на рубеже 1980–1990-х гг. Народные фронты трех республик, образованные в 1988 г., почти сразу же начали проводить консультации друг с другом. 12 мая 1989 г. их представители собрались в Таллинне на первое заседание Балтийской Ассамблеи, где была разработана программа совместных действий и приняты официальные обращения к Верховному Совету СССР и ряду международных организаций [13]. А 23 августа 1989 г. в 50-ю годовщину подписания Пакта Молотова–Риббентропа, с последствиями которого связывалась утрата Литвой, Латвией и Эстонией своей независимости, народные фронты провели беспрецедентную по своим масштабам совместную акцию – Балтийский путь. Эта акция собрала четверть всего населения советской Прибалтики того времени, которое выстроилось в живую цепь протяженностью более 600 километров, связавшую столицы трех республик – Вильнюс, Ригу и Таллинн.

Таким образом, к моменту восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии, и в СССР, и на Западе прочно утвердился стереотип о том, что эти три республики

в политическом плане представляют собой единый регион. Подтверждением этой тенденции могут служить действия западных политиков. Например, на протяжении большей части 1990-х ЕС проявлял полную синхронность в развитии своих отношений со всеми тремя республиками: 27 августа 1991 г. он признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии, 1 января 1992 г. одновременно распространил на них действие программы ФАРЕ, а 12 июня 1995 г. заключил со всеми тремя государствами Европейские соглашения об ассоциации. Наконец, приняты в ЕС и НАТО весной 2004 г. они также были все вместе. Аналогично президенты США в 1990–2000-е гг. никогда не встречались с руководителями Литвы, Латвии и Эстонии по отдельности – все встречи на высшем уровне проходили в четырехстороннем формате. А 16 января 1998 г. в таком формате был подписан документ, получивший известность под неофициальным названием Балтийская хартия (официальное название – Хартия партнерства между Эстонией, Латвией, Литвой и США).

Правда, как отмечают в своих работах М. Юркинас, Л. Донскис и А. Буткус, с момента восстановления независимости пути Литвы, Латвии и Эстонии начали расходиться [2–5]. Наиболее ярким отражением этой тенденции стало известное выступление министра иностранных дел Эстонии (а впоследствии – президента страны) Т. Х. Илвеса в 1999 г., о том, что и по своей культуре, и по более высокому уровню экономических показателей Эстония является частью региона северных стран, а не Балтии [14]. Литовский историк, профессор З. Буткус в своем послесловии к выпущенному в 2008 г. Институтом истории Литвы сборнику документов «Идеи и практика балтийского единства в 1918–1940 гг.» с сожалением констатирует, что как это ни парадоксально, но именно в советский период и в годы борьбы за восстановление независимости сближение трех балтийских наций достигло наивысшего расцвета и с тех пор неумолимо идет на спад [2, с. 873, 874].

Тем не менее даже в 1990-е гг. можно найти немало примеров институализации регионального взаимодействия трех государств Балтии. К ним относится образование таких трехсторонних структур, как Балтийская межпарламентская ассамблея, Балтийский совет министров, сводный Балтийский батальон по поддержанию мира (БАЛТБАТ), Балтийский оборонный колледж (БАЛТДЕФКОЛ) и ряд других [15]. Все эти структуры существуют до сих пор. И это также подтверждает, что применительно к исследуемому периоду рассмотрение Литвы, Латвии и Эстонии в качестве общего региона Балтии представляется вполне обоснованным и целесообразным.

Возвращаясь к положению Уивера и Йозенниemi о том, что регионы, как геополитические структуры, формируемые человеческой деятельностью, локализованы не только в пространстве, но и во времени, следует отметить, что регион Балтии является относительно молодым – ключевое значение в его формировании сыграли не столько давние культурно-исторические связи, сколько глубокие политические потрясения XX в. И хотя перспективы сохранения этой региональной общности в XXI в. у многих вызывают сомнения, необходимо отметить, что применительно к периоду 1990–2010-х гг. использование региональной категории «страны Балтии» представляется вполне уместным и обоснованным.

Теперь рассмотрим вопрос о неоднозначности определения «балтийские страны». В предисловии к своей работе «Балтийско-российские отношения: последствия для европейской безопасности» бывший посол США в Эстонии и Литве К. С. Смит обращает внимание на то, что термин «балтийские государства» (англ. «*Baltic states*») неоднозначен и может использоваться в двух значениях: узком – применительно лишь к Литве, Латвии и Эстонии, в широком – для обозначения всех стран, расположенных вокруг Балтийского моря [7, с. 2]. Схожие аргументы доводилось слышать и от представителей отечественного научного сообщества, выступающих против использования этого регионального определения. Однако подобные утверждения скорее свидетельствуют не об амбивалентности и расплывчатости самого термина, а о недостаточном знакомстве с региональной терминологией, утвердившейся в Европе еще в начале 1990-х гг. – причем, как в специализированной научной литературе, так и в официальных документах.

Следует вспомнить, что уже в 1992 г. была образована региональная организация, объединившая все девять государств, имеющих выход к Балтийскому морю. Ее десятым сооснователем стала Европейская Комиссия. Эта организация получила название Совет государств Балтийского моря (СГБМ) [16]. Впоследствии под его эгидой был образован

ряд других региональных структур, в названии которых также присутствует определение «Балтийское море» (например, Парламентская конференция Балтийского моря и др.). А в середине 1990-х гг. Евросоюз принимает два документа, направленных на развитие сотрудничества с только что присоединившимися к нему Швецией и Финляндией, четырьмя переходными странами-кандидатами на вступление в ЕС (Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией), а также с северо-западными регионами России – т.е. фактически с государствами, расположенными вокруг Балтийского моря. Речь идет о послании Еврокомиссии от 25 октября 1994 г. «Orientation for a Union approach towards the Baltic Sea region» («Координация подхода Евросоюза к региону Балтийского моря») [17] и программе «The Baltic Sea Regional Initiative» («Региональная инициатива Балтийского моря») [18]. Как видно, в обоих случаях для определения целевого региона было использовано понятие «регион Балтийского моря», а не «Балтийский регион» или «страны Балтии».

Таким образом, можно резюмировать, что уже к середине 1990-х гг. и для европейских политиков, и для ученых-регионалистов различие между понятиями регион Балтийского моря (the Baltic Sea region) и балтийские государства (Baltic states) было совершенно очевидным [10]. Первое из них описывало регион, включающий все девять стран, имеющих выход к Балтийскому морю (а при более широкой трактовке к ним еще добавляли пять государств, которые хотя бы частично располагаются в пределах водораздела рек бассейна Балтийского моря, включая Беларусь и даже Украину). Тогда как второе относилось исключительно к трем республикам бывшей советской Прибалтики, которые еще раньше, в 1934 г. заключили между собой Соглашение Балтийской Антанты (the Baltic Entente), а в 1990-х создали ряд трехсторонних организаций, в названии которых фигурирует определение «балтийские».

Использование того или другого определения в названии региональных организаций, как правило, достаточно четко следует этому принципу. Единственное известное автору исключение – неправительственная международная организация Программа Балтийского университета. Несмотря на использование названия «балтийский», она объединяет вузы в 14 странах, расположенных в пределах водораздела бассейна Балтийского моря. Однако это несоответствие было исправлено уже в названии комплексного учебного пособия, подготовленного под эгидой данной Программы в 2002 г. и переведенного на языки стран-участниц (включая белорусский и русский) – «Регион Балтийского моря: культура, политика, общество» [8].

Следует также отметить, что регионы Балтийского моря и Балтии отличались не только географическими границами, но и своим типом. Концепция региона Балтийского моря изначально формулировалась как формат трансграничного сотрудничества. Поэтому он развивался на уровне так называемой «низкой» или «малой» политики (англ. *«low politics»*) – местного самоуправления, бизнеса, институтов гражданского общества и почти не затрагивал уровень политически обязывающих договоренностей между государствами [10]. Регион Балтии, напротив, представляет собой пример классического межгосударственного сотрудничества, важной частью которого является координация внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии и совместные действия этих трех государств на международной арене.

Теперь рассмотрим последнее возражение – о якобы лингвистической несостоятельности термина «страны Балтии» и необходимости использовать вместо него более ранний и «исконный» эквивалент «Прибалтика». Во-первых, в современном глобализованном и динамичном мире иноязычные заимствования вовсе не являются редкостью и зачастую замена ими прежних аналогов объясняется появлением новых значений у прежних понятий (например, аренда – лизинг, управление – менеджмент и т.п.). Во-вторых, как показывает практика, когда речь идет о терминологии, связанной с международной политикой (названия государств, спорных территорий или международных регионов), решающее значение имеет политическая позиция автора или страны, которую он представляет, а не абстрактные языковые нормы. Мальвинские острова или Фолклендские? Карабах или Арцах? На или в Украине? Белоруссия или Беларусь? Во всех этих якобы «чисто лингвистических» спорах четко просматриваются попытки одних национальных субъектов закрепить в символическом поле языка свои исторические притязания на утраченные территории через сохранение прежней

нормы, которым противостоит стремление других субъектов эти притязания отвергнуть путем столь же символического вытеснения или изменения старой нормы. И спор о выборе между вариантами «страны Балтии» или «Прибалтика» как раз относится к этой области.

В-третьих, в истории есть немало примеров того, как менялись языковые нормы, связанные с названиями государств и регионов. Например, регион, который сейчас в русскоязычных публикациях повсеместно именуется Центральной Азией, еще несколько десятилетий назад, в советскую эпоху, называли Средней Азией. А во времена Российской империи – Туркестаном. Почему же на протяжении одного столетия название региона, географические контуры которого оставались практически неизменными, поменялось дважды? Очевидный ответ подсказывает корреляция этих переименований с изменением политического статуса данного региона. Название Туркестан было чисто колониальным. Поэтому неудивительно, что в осуждавшем колониализм Советском Союзе от него отказались. Название Средняя Азия относилось уже к внутреннему региону СССР, в котором были образованы национальные республики и осуществлялись попытки модернизации общества по советскому образцу. А Центральной Азией он стал называться лишь после того, как эти республики получили независимость и стали проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Аналогичную тенденцию можно проследить и в случае региона Балтии. После присоединения Эстляндии, Лифляндии и Курляндии к Российской империи они долгое время именовались Остзейскими губерниями (от немецкого названия Балтийского моря – Ostsee). Такое название логично отражало тот факт, что эти земли по-прежнему оставались частью немецкого культурно-цивилизационного пространства. Однако ситуация начинает меняться в 1870-х гг., когда после объединения немецких государств на карте Европы появилась мощная Германская империя, которая стала опасным соперником России на востоке Европы. В этих новых условиях немецкое остзейское дворянство, которое ранее считалось полностью лояльной Петербургу силой, стало восприниматься как потенциальная угроза. Поэтому российские власти начинают запоздалую кампанию по русификации и интеграции этих земель в состав Империи, которая сопровождалась заменой немецкого языка делопроизводства русским и переименованием ряда городов (например, Дерпт стал называться Юрьев, Динабург – Двинск и т.д.). Изменяется и название самого региона. Как отметил в своей работе российский историк В. В. Воротников, уже в 1873 г. в российских публикациях фиксируется замена прежнего определения Остзейские губернии на Прибалтийский край (но не Прибалтика) [1, с. 41]. С одной стороны, это новое название было простым переводом прежнего с немецкого языка, но, с другой стороны, в нем появляется маркер руссоцентризма поскольку оно отражало географическое положение региона именно по отношению к России (земли при выходе России к Балтике).

В 1920–1930-х гг. ключевым в восприятии Литвы, Латвии и Эстонии и в СССР, и на Западе была их роль в качестве «санитарного кордона» по сдерживанию советского влияния на Европу. В этот период на смену прежним региональным определениям приходит новое: страны-лимитрофы, которое подчеркивало их пограничное положение. Впрочем сами эти государства начинают определять свой регион, как балтийский, что было отражено в названии серии региональных конференций и заключенного в 1934 г. трехстороннего Соглашения Балтийской Антанты [16]. После включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза эти три новые союзные республики, наряду с образованной на отошедшей к СССР части бывшей Восточной Пруссии Калининградской областью, стали рассматриваться как особый регион под названием Прибалтика, что нашло отражение в названии ряда учреждений (Прибалтийский военный округ, Прибалтийский экономический район и т.д.).

На рубеже 1980–1990-х гг., когда национальные движения Литвы, Латвии и Эстонии развернули тесное сотрудничество друг с другом в борьбе за восстановление независимости своих республик, они вновь возрождают по отношению к своему региону определения Балтия и балтийские страны (лит. *Baltijos valstybės*, лат. *Baltijas valstis*, эст. *Balti riigid*). Именно этот вариант использовался в опубликованных на русском языке документах национальных движений и правительств трех республик как в годы борьбы за восстановление независимости, так и после ее достижения, а также в современных русскоязычных СМИ этих стран.

В 1990-е гг. эта форма появляется и становится преобладающей и в российских публикациях [19–21]. В целом же с середины 1990-х до середины 2010-х гг. для российских исследователей было характерно параллельное использование обоих вариантов в качестве полностью синонимичных. Так, в диссертации В. В. Воротникова [1] программными средствами поиска было выявлено использование слов Прибалтика и прибалтийские во всех падежных формах 371 раз, а Балтия – 454. А в некоторых работах Р. Х. Симоняна и А. В. Вушкарника форма «Прибалтика» и производные от нее вообще не использовались.

Зато эту форму активно использовали российские авторы, которые стремились показать развитие Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления независимости сугубо в негативных тонах как тупиковый путь и бесконечную деградацию во всех сферах по сравнению с идеализированными временами советской Прибалтики (например, А. А. Носович, В. А. Смирнов и др.) [22–24]. Неудивительно, что в такой ситуации слово Прибалтика приобретает выраженный идеологический оттенок, который обусловил негативное отношение к нему в самих Литве, Латвии и Эстонии. В этой связи характерно, что с середины 2010-х гг. в публикациях российских авторов, ставших экспертами таких официальных структур, как Российский институт стратегических исследований (РИСИ) и Российский совет по международным делам (РСМД) в качестве единственной нормы вновь утвердилась старая форма Прибалтика [25; 26], что, по всей видимости, было обусловлено новым витком политической и идеологической конфронтации между Россией и странами Балтии после начала международного кризиса вокруг Украины.

Поэтому автор убежден, что следовать в Беларуси примеру российских коллег в данном вопросе неуместно и даже вредно – ведь наша страна стремится не только всеми силами избежать вовлечения в эту конфронтацию, развивая дружественные отношения со всеми своими соседями, но и выступать в роли посредника в урегулировании споров в нашем регионе. А переход вслед за официальной российской аналитикой на норму «Прибалтика» лишь подыграл бы тем силам в странах Балтии (прежде всего, литовским консерваторам), которые и так считают Беларусь «не совсем самостоятельным» участником международных отношений. Тем более, как показывает мировая практика, существование отличных языковых форм в странах, использующих один и тот же язык (например, английский в США и Великобритании), уже давно стало распространенной практикой, зафиксированной даже в программных средствах компьютерной проверки орфографии.

Заключение. Таким образом, возвращаясь к обозначенным в начале статьи основным аргументам противников употребления термина «государства Балтии», нужно отметить следующее. Во-первых, регион Балтии по историческим меркам является относительно молодым – его появление и современная конфигурация на карте Европы обусловлены не столько давними историческими связями трех народов, сколько драматическими событиями XX в., которые объединили их исторические судьбы. При этом идеи «балтийского единства» Литвы, Латвии и Эстонии достигли своего наивысшего подъема в период совместной борьбы их национальных движений за восстановление независимости этих стран от СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Впоследствии трехстороннее балтийское сотрудничество отошло на второй план, уступая место более важным внешнеполитическим приоритетам (таким как интеграция Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО). Но оно все еще продолжает играть важную роль в политике этих государств, что подтверждается деятельностью целого ряда трехсторонних региональных структур. Поэтому выделение этих трех стран в отдельный регион Балтии применительно к периоду 1990–2010-х гг. представляется вполне обоснованным.

Во-вторых, замечание о неоднозначности термина «балтийский» в качестве определения одного из регионов в международной политике представляется не актуальным, поскольку с начала 1990-х гг. и в профильной литературе, и в названиях международных структур, и в официальных документах различия между понятиями «страны Балтии» и «регион Балтийского моря» прослеживаются достаточно четко и последовательно. И наличие у этих названий общего словарного корня не в коем случае не является препятствием для их разграничения, как и в случае разграничения таких понятий, как Европа и Евразия.

По поводу последнего вопроса, единственным приемлемым вариантом применительно к периоду независимого развития Литвы, Латвии и Эстонии, по мнению автора, являются

формы «государства Балтии» и «балтийские государства». Что касается формы «Прибалтика», то сейчас ее следует использовать исключительно в качестве исторического термина (так же, как термин Остзейские губернии), который отражает принципиально иной международный статус данного региона и определенный исторический этап в развитии его стран, связанный с их почти полувековым пребыванием под советским управлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воротников, В. В.* Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. В. Воротников. – М., 2014. – 381 с.
2. Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais: dokumentų rinkinys / Z. Butkus (ed.). – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 882 p.
3. *Jurkynas, M.* Brotherhood reconsidered: Region-building in the Baltics / M. Jurkynas // Journal of Baltic Studies. – 2004. – Vol. 35, No 1. – P. 1–31.
4. *Jurkynas, M.* How Deep Is Your Love: the Baltic Brotherhood Re-Examined / M. Jurkynas. – Vilnius : Vilnius University, 2007. – 196 p.
5. *Butkus, A.* The Baltics – a forgotten future project / A. Butkus, L. Donskis // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2007. – No. 19. – P. 182–190.
6. *Межевич, Н. М.* К вопросу об идентификации понятия «Балтийский регион» / Н. М. Межевич // Псковский регионалогический журнал. – 2007. – № 5. – С. 14–17.
7. *Smith, K. C.* Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K. C. Smith. – Washington D. C. : Center for Strategic & International Studies, 2002. – 61 p.
8. The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies / W. Maciejewski, L. Ryden (Eds.). – Uppsala : The Baltic University Press, 2002. – 676 p.
9. *Waever, O.* Region in the Making – A Blueprint for Baltic Sea Politics / O. Waever, P. Joenniemi // The Baltic Sea Region: Conflict or Co-operation? Region-Making, Security, Disarmament and Conversion / Kieler Schriften zur Friedenswissenschaft ; Ch. Wellmann (Ed.). – Kiel, 1991. – P. 13–60.
10. *Williams, L.-K.* The Baltic Sea Region: Forms and Functions of Regional Co-operation [Electronic resource] / L.-K. Williams // BaltSeaNet Publications. – Berlin, 2001. – Mode of access : <http://www2.rz.hu-berlin.de/BaltSeaNet/Publications/williams.html>. – Date of access : 28.01.2017.
11. *Валодзькін, А. А.* Спробы стварэння рэгіянальнага аб'яднання балтыйскіх дзяржаў у 1918–1921 гг. / А. А. Валодзькін // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2014. – № 1. – С. 83–93.
12. *Симонян, Р. Х.* Страны Балтии в годы горбачевской перестройки / Р. Х. Симонян // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С. 44–65.
13. Балтийский путь // Вестник народного фронта Эстонии. – 1989. – Июнь. – С. 1.
14. Estonia as a Nordic Country. Speech by Toomas Hendrik Ilves, Minister of Foreign Affairs, to the Swedish Institute for International Affairs, December 14, 1999 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia. – Mode of access : <https://vm.ee/et/uudised/valisminister-ilvese-loeng-rootsi-valispoliitika-instituudis-eeesti-kui-pohjamaa-inglise>. – Date of access : 21.04.2020.
15. Сотрудничество Балтийских государств [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Латвийской Республики. – Режим доступа : <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/sotrudnichestvo-v-regione-baltiyskogo-morya/sotrudnichestvo-baltiyskih-gosudarstv>. – Дата доступа : 21.04.2020.
16. Copenhagen Declaration: adopted by the Conference of the Foreign Ministers of the Baltic Sea States, Copenhagen, March 5–6, 1992 [Electronic resource] // CBSS – Council of the Baltic Sea States. – Mode of access : <http://www.cbss.st/documents/foundingdocs/dbaFile751.html>. – Date of access : 05.04.2019.
17. Orientation for a Union approach towards the Baltic Sea region: Communication from the Commission to the Council. Brussels, Oct. 25, 1994 [Electronic resource] // CBSS – Council of the Baltic Sea States. – Mode of access : http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/dbaFile590.html. – Date of access : 24.03.2017.
18. The Baltic Sea Regional Initiative: adopted by the European Council in Florence, June 22, 1996 [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. – Mode of access : http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/balticseainitiative. – Date of access : 24.03.2017.
19. *Вушкарник, А. В.* Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.) / А. В. Вушкарник. ДИЕ РАН, № 36. – М. : ИЕ РАН, 1997. – 72 с.
20. *Мешков, А.* Формирование доктринальных концепций стран Балтийского региона / А. Мешков, А. Николаев // Зарубежное военное обозрение. – 1994. – № 10. – С. 7–9.
21. *Юрьев, С.* Сотрудничество стран Балтии и НАТО / С. Юрьев // Зарубежное военное обозрение. – 1997. – № 5. – С. 6–8.
22. *Носович, А. А.* История упадка. Почему у Прибалтики не получилось / А. А. Носович. – М. : ТД Алгоритм, 2015. – 432 с.
23. *Смирнов, В. А.* Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России / В. А. Смирнов // Современная Европа. – 2016. – № 5 (71). – С. 44–54.

24. Смирнов, В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики / В. А. Смирнов // Балтийский регион. – 2015. – № 2 (24). – С. 78–97.

25. Баторшина, И. А. Отношение прибалтийских республик к стратегии сдерживания и вовлечения России (2014–2016 гг.) / И. А. Баторшина // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 3 (42). – С. 58–72.

26. Межевич, Н. М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений / Н. М. Межевич // Балтийский регион. – 2015. – № 2 (24). – С. 7–18.

Поступила в редакцию 02.10.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
 Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 45–55

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The problem of applying the regional definition “Baltic states” in the international relations of 1990s–2010s

A. A. Volodkin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus)
 Akademicheskaya St., 1, 220072, Minsk, Belarus; e-mail: valodkin@bsu.by

Abstract. The article is dedicated to actual discussions in the research community on the relevance of identifying the regional category of the “Baltic states” in international relations of the 1990s–2010s. In the introduction of the article, the context of the appearance of this problem and the reasons that prompted the author to pay attention to it are presented. It also indicates the purpose of the study (revealing the grounds for identifying the regional community of the “Baltic states” in the period under study), its tasks (analysis of the historical prerequisites for the unification of these countries into a separate region and the practice of using the name of the “Baltic state” in relation to it in official documents, public and political discourse and research publications). In addition, this section contains a brief overview of historiography on the research topic. The main part outlines the major arguments of the opponents of singling out this regional category and considers the counterarguments of their position. The author analyzes the historical context of the regional community formation by Lithuania, Latvia and Estonia and the current dynamics of the interaction between these states. The relationship between the concepts of “Baltic region” and “Baltic Sea region” are also revealed using specific examples as well as the particularities of the contemporary applying of variant names “Baltic states” and “Baltic countries” in relation to Lithuania, Latvia and Estonia. In the final section it was concluded on the basis of the information presented in this text, that, despite the general trends towards a decrease in the importance of interaction with each other for Estonia, Latvia and Lithuania, in relation to the studied period of the 1990s–2010s it is quite legitimate to single them out as a separate region and that the most appropriate (historically grounded and politically neutral) form of this region designation is the name “Baltic state”.

Keywords: Lithuania, Latvia, Estonia, Baltic states, Baltic Sea region, Baltic countries, regional definition.

References

1. Vorotnikov V. V. Concepts and priorities of the Latvian, Lithuanian and Estonian foreign policy in 2004–2012 [*Kontsepsii i priorityety vneshnei politiki Latvii, Litvy i Estonii v 2004–2012 gg. : dis. ... kand. ist. nauk*]. Moscow, 2014, 381 p.
2. The idea and practice of the Baltic states unity in 1918–1940: collection of documents [*Baltijos valstybiu vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais: dokumentų rinkinys*]; Ed. by Z. Butkus. Vilnius, 2008, 882 p.
3. Jurkynas M. Brotherhood reconsidered: Region-building in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, 2004, vol. 35, No. 1, pp. 1–31.
4. Jurkynas M. How Deep Is Your Love: the Baltic Brotherhood Re-Examined. Vilnius, 2007, 196 p.
5. Butkus A., Donskis L. The Baltics - a forgotten future project. *Lithuanian Foreign Policy Review*, 2007, No. 19, pp. 182–190.
6. Mezhevich N. M. On the question of the definition “Baltic region” identifying [*K voprosu ob identifikatsii poniatiiia “Baltiiskii region”*]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2007, No. 5, pp. 14–17.
7. Smith K. C. Baltic-Russian Relations. Implications for European Security. Washington D. C., 2002, 61 p.
8. The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. W. Maciejewski, L. Ryden (Eds.). Uppsala, 2002, 676 p.
9. Waever O., Joenniemi P. Region in the Making - A Blueprint for Baltic Sea Politics. The Baltic Sea Region: Conflict or Co-operation? Region-Making, Security, Disarmament and Conversion. Kiel, 1991, pp. 13–60.

10. Williams L.-K. The Baltic Sea Region: Forms and Functions of Regional Co-operation. BaltSeaNet Publications. Berlin, 2001 [Electronic resource].
11. Valodzkin A. A. The attempts of the Baltic states regional alliance formation in 1918-1921 [*Sproby stvarennia rehiional'naha ab'iadnannia baltyiskikh dziazrhau u 1918-1921 hh.*]. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*, 2014, No. 1, pp. 83-93.
12. Simonian R. Kh. The Baltic states in the years of the Gorbachev's Perestroika [*Strany Baltii v gody gorbachevskoi perestroiki*]. *Modern and Contemporary History*, 2003, No. 2, pp. 44-65.
13. The Baltic way [*Baltiiskii put'*]. *Estonian Popular Front Bulletin*, 1989, June, p. 1.
14. Estonia as a Nordic Country. Speech by Toomas Hendrik Ilves, Minister of Foreign Affairs, to the Swedish Institute for International Affairs, December 14, 1999. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource].
15. Co-operation among the Baltic States [*Sotrudnichestvo Baltiiskikh gosudarstv*]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic resource].
16. Copenhagen Declaration: adopted by the Conference of the Foreign Ministers of the Baltic Sea States, Copenhagen, March 5-6, 1992. CBSS - Council of the Baltic Sea States [Electronic resource].
17. Orientation for a Union approach towards the Baltic Sea region: Communication from the Commission to the Council. Brussels, Oct. 25, 1994. CBSS - Council of the Baltic Sea States [Electronic resource].
18. The Baltic Sea Regional Initiative: adopted by the European Council in Florence, June 22, 1996. CBSS - Council of the Baltic Sea States [Electronic resource].
19. Vushkarnik A. V. The problems of relations between Russia and the Baltic states (1990-1996) [*Problemy otnoshenii Rossii so stranami Baltii (1990-1996 gg.)*]. DIE RAN, No. 36. Moscow, 1997, 72 p.
20. Meshkov A., Nikolaev A. The formation of doctrinal concepts of the Baltic region states [*Formirovanie doktrinal'nykh kontseptsii stran Baltiiskogo regiona*]. *Foreign military review*, 1994, No. 10, pp. 7-9.
21. Yuriev S. Co-operation between the Baltic states and NATO [*Sotrudnichestvo stran Baltii i NATO*]. *Foreign military review*, 1997, No. 5, pp. 6-8.
22. Nosovich A. A. The history of decay: why the Baltic states didn't succeed [*Istoriia upadka. Pochemu u Pribaltiki ne poluchilos'*]. Moscow, 2015, 432 p.
23. Smirnov V. A. The Baltic states foreign policy regarding Russia [*Vneshniaia politika stran Pribaltiki v otnoshenii Rossii*]. *Modern Europe*, 2016, No. 5 (71), pp. 44-54.
24. Smirnov V. A. The role of political elites in the Baltic states' politics of history [*Rol' politicheskikh elit v formirovanii istoricheskoi politiki v stranakh Pribaltiki*]. *Baltic region*, 2015, No. 2 (24), pp. 78-97.
25. Batorshina I. A. The attitude of the Baltic republics to the strategy of containment and engagement of Russia [*Otnoshenie pribaltiiskikh respublik k strategii sderzhivaniia i vovlecheniia Rossii (2014-2016 gg.)*]. *National Strategy Issues*, 2017, No. 3 (42), pp. 58-72.
26. Mezhevich N. M. Russia and the Baltic states: some results and perspectives of interstate relations [*Rossii i gosudarstva Pribaltiki: nekotorye itogi i perspektivy mezhgosudarstvennykh otnoshenii*]. *Baltic region*, 2015, No. 2 (24), pp. 7-18.

Вниманию авторов!

В научном журнале

**«Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.
Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія»**

по научному направлению «история и археология»
предлагаются следующие рубрики:

- отечественная история;
- всеобщая история;
- археология, этнология, специальные исторические дисциплины;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования.

А. В. Тищенко

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Статья посвящена проблеме иммиграционной политики в период администрации Д. Трампа в 2017–2020 гг. В политической повестке США проблема иммиграции традиционно имеет большое значение. Иммигранты оказали определяющее значение на формирование американской национальной идентичности и являются одним из основных источников прироста населения страны. Во введении рассмотрены основные вехи развития американского иммиграционного законодательства с начала XX в. до президентства Д. Трампа. Обозначены актуальные проблемы и противоречия иммиграционной политики в преддверии президентского срока Д. Трампа. В основной части рассмотрены обещания демократического и республиканского кандидатов в преддверии президентских выборов 2016 г.; выделено несколько направлений проводимой политики. Подробно рассмотрены шаги, предпринятые президентской администрацией. Результаты проводимой политики рассмотрены с точки зрения заявленных целей: укрепления национальной безопасности и противодействия терроризму, борьбы с нелегальной иммиграцией, преступностью и наркотрафиком. Особое внимание уделено одному из главных обещаний президентства Д. Трампа: строительству заграждений на южной границе США. Отмечено, что выполнение данного обещания стало причиной самой длительной в истории США приостановки работы правительства. На основе анализа статистических и фактических данных сделан вывод о неоднозначности и противоречивости иммиграционной политики; глубоком расколе между республиканской и демократической партиями. В контексте борьбы с терроризмом политика администрации Д. Трампа не способствовала улучшению ситуации. Среднее значение индекса террористической активности в США в период администрации Д. Трампа оказалось выше, чем в период администрации его предшественника. Заявленная цель, снизить поток нелегальных иммигрантов, преступность и наркотрафик – посредством строительства стены на южной границе США также достигнута не была. В заключении автор подводит итог проводимой политики, отмечая, что обещания изначально основывались на фактически не подтвержденных домыслах и не способствовали достижению заявленных целей.

Ключевые слова: США, Д. Трамп, иммиграционная политика, нелегальная иммиграция.

Введение. В политической повестке США проблема иммиграции традиционно имеет большое значение. Иммигранты оказали определяющее значение на формирование американской национальной идентичности и являются одним из основных источников прироста населения страны.

До начала XX в. иммиграционная политика ограничивалась лишь незначительным регулированием миграционных процессов. Въезд на территорию США не был ограничен, а правительство стимулировало этот процесс предоставлением субсидий и земли для ведения фермерского хозяйства.

Начало XX в. ознаменовалось крупной волной иммиграции. Существенный рост количества иммигрантов и изменения в их этническом и религиозном составе требовали решительных мер со стороны правительства. Решение было найдено в введении в 1924 г. системы квот для национальностей, которые позволяли регулировать этнический состав иммигрантов [1].

Закон Уолтера–Маккарена (McCarran–Walter Act) 1952 г. был направлен на привлечение в США квалифицированных специалистов. Закон об иммиграции и гражданстве 1965 г. (Immigration and Nationality Act of 1965), известный также как Закон Харта–Селлера, открыл возможности для воссоединения семей, принятия беженцев, а также регулировал трудовую иммиграцию. Была установлена квота на количество прибывающих в США иммигрантов. Также закон запрещал въезд более 20 тыс. чел. из одной страны. До 1965 г. 90 % иммигрантов пребывали в США из Европы. Введение квот способствовало росту иммиграционных потоков из стран Латинской Америки и Азии. Это в конечном итоге привело к существенному изменению этнического состава страны [2; 3].

Тищенко Алексей Владимирович, аспирант каф. всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ им. М. Танка (Беларусь); науч. рук. – И. В. Варивончик, д-р ист. наук, проф. кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ им. М. Танка (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Советская 18, 220030, г. Минск, Беларусь; e-mail: alexeygpost@gmail.com

Основная масса реформ XX в. имела ограничительный и регулирующий характер. Легальная иммиграция в США становилась сложнее. Вместе с тем обострилась проблема нелегальной иммиграции. Основной акцент в законотворческой деятельности сместился на борьбу с проблемой нелегальной иммиграции, а также совершенствование механизмов депортации.

Позиции республиканской и демократической партий по данным вопросам чаще всего были полярными: республиканская партия последовательно выступала за ужесточение иммиграционного законодательства, в то время как демократическая партия противодействовала этому.

Республиканская администрация Дж. Буша мл. добилась ужесточения иммиграционной политики после событий 11 сентября 2001 г. С принятием акта «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001 г. (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) существенно изменилась система органов иммиграционного контроля [4].

В период президентства Б. Обамы были подписаны указы об отсрочке депортации для родителей лиц, имеющих гражданство или вид на жительство, а также для детей, которые въехали в страну в возрасте младше 16 лет. Программа отложенного действия для прибывших в США детей (Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA) была важнейшим из достижений администрации Б. Обамы в области иммиграционной политики. Эти послабления стали ареной противостояния между демократической и республиканской партиями, в результате которого указ в отношении родителей был приостановлен федеральным судом [5].

Среди мер, предпринятых администрацией Б. Обамы, ужесточение контроля за рынком труда и ответственности работодателей за труд нелегальных иммигрантов, модернизация системы выдачи виз, совершенствование системы биометрической идентификации для контроля за въездом и выездом из США. Увеличена численность служащих Министерства внутренней безопасности, патрулирующих сухопутную границу. Все это позволило снизить динамику роста численности нелегальных иммигрантов.

Таким образом, с 2000-х гг. каждая из администраций пыталась так или иначе решить проблему нелегальной иммиграции. По данным Бюро переписи США, в 2000 г. численность нелегальных иммигрантов составляла около 8,6 млн чел. [6].

Достигнув своего максимума в 2007 г. (12,2 млн чел.), в период президентства Б. Обамы динамика роста численности нелегальных иммигрантов снизилась. К 2016 г., по данным Бюро переписи, в стране насчитывалось около 10,7 млн нелегальных иммигрантов [7].

Основная часть. В преддверии президентских выборов 2016 г. демократическая партия в лице кандидата Х. Клинтон выступила за проведение иммиграционной реформы, открывающей нелегальным иммигрантам возможность получения гражданства. Основным мотивом к принятию комплексной иммиграционной реформы Х. Клинтон считала положительный эффект от привлечения рабочей силы в США. Фактически программа демократов являлась логичным продолжением политики Б. Обамы [8].

Д. Трамп с политикой предшественника был категорически не согласен. Фактические данные о снижении численности нелегальных иммигрантов он не признавал, утверждая, что точный подсчет находящихся на территории США нелегальных иммигрантов невозможен, а их численность к 2016 г. составляла около 20 млн чел. Решение этой проблемы он видел в первую очередь в депортации нелегальных иммигрантов и укреплении южной границы США. Д. Трамп заверял избирателей, что таким образом он защищает рабочие места американцев, что позволило заручиться поддержкой значительной части белого рабочего класса на президентских выборах 2016 г. [9].

Кроме того, Д. Трамп призвал ужесточить и условия легальной иммиграции. По его мнению, именно мусульманские иммигранты в первом поколении являлись главной террористической угрозой для США, а значит следовало пересмотреть квоты для национальностей и ужесточить отбор иммигрантов. Демократы в ходе предвыборной кампании таких предложений не выдвигали.

Таким образом, в зависимости от конечной цели, декларируемой Д. Трампом, иммиграционную политику можно поделить на два больших направления: укрепление национальной безопасности и противодействие терроризму посредством регулирования

легальной иммиграции и борьбу с нелегальной иммиграцией и сопутствующей ей преступностью и наркобизнесом.

Одним из приоритетных направлений иммиграционной политики Д. Трамп называл борьбу с терроризмом. В официальном докладе правительства США о проблеме терроризма за 2016 г. перечислены страны и террористические организации, которые могли представлять угрозу национальной безопасности США. В основном это государства Ближнего Востока и Северной Африки. Однако, следует отметить, что данных о прямой связи между мусульманской иммиграцией в США и ростом террористической угрозы в докладе не содержалось [10].

Мусульманская диаспора в США стабильно растет. В 2001 г. она составляла 5 млн чел. (1,74 % численности населения США). К 2010 г. она выросла до 7 млн чел. (2,20 % численности населения США) [11].

Д. Трамп избрал радикальный способ борьбы с терроризмом. Он предпринял попытку ограничить приток легальных иммигрантов в США, главным образом из мусульманских стран. Одним из первых решений Д. Трампа после вступления в должность стал указ об ограничении на въезд в США граждан Ирана, Ирака, Сирии, Судана, Сомали, Йемена и Ливии на срок 90 дней, в том числе по программе «Грин кард» (Green card), и запрет на принятие беженцев сроком на 120 дней. Кроме того, лимит на принятие беженцев, установленный администрацией Б. Обамы, был снижен с 110 тыс. до 50 тыс. чел. в год [12].

Практически сразу Д. Трампу пришлось столкнуться с жесткой оппозицией по данному вопросу со стороны демократической партии. В феврале 2017 г. действие указа было приостановлено федеральным судом г. Сизтл. Мотивом к запрету указа была дискриминация по религиозному признаку граждан стран с высокой численностью мусульманского населения. Апелляционный суд г. Сан-Франциско оставил это решение в силе.

В выступлении перед Конгрессом в 2017 г. Д. Трамп еще раз подтвердил свои намерения ужесточить иммиграционное законодательство, однако на практике, под давлением правовой системы, ему пришлось пойти на послабление условий собственных указов [13].

Так, из списка стран, чьим гражданам запрещено въезжать в США был исключен Ирак, снят запрет на въезд в США для граждан Ирана, Ирака, Сирии, Судана, Сомали, Йемена и Ливии по программе «Грин кард». Несмотря на смягчение указа, в начале марта 2017 г. он был снова заблокирован на этот раз Федеральным судом штата Гавайи.

Судебные слушания о законности инициатив Д. Трампа длились на протяжении полугода. На некоторое время запрет на въезд в США граждан отдельных стран был снят, однако были созданы особые условия для выдачи разрешений для этого. Основным из них стало наличие близких родственников в США. В конце сентября 2017 г. запрет снова вступил в силу. Попытка демократов опротестовать решение в Верховном суде США успехом не увенчалась [14].

24 октября 2017 г. был подписан указ о возобновлении приема беженцев в США, так как истек 120-дневный запрет на их принятие. При этом были введены дополнительные ограничения при отборе беженцев из 11 стран с преимущественно мусульманским населением [15].

Вплоть до середины 2018 г., когда Верховный суд окончательно поддержал ограничительные меры Д. Трампа, администрация неизменно сталкивалась с помехами со стороны правовой системы США.

Помимо прямых запретов на въезд граждан каких-либо стран, правительство занималось разработкой указа об ужесточении условий выдачи виз и жесткому отбору иммигрантов. Главным результатом в этом направлении стал указ о создании национального центра по отбору иммигрантов и соискателей американской визы [16].

Следует отметить, что в период администрации Д. Трампа не было разработано ни одного крупного законопроекта, регулирующего иммиграционное законодательство, а принимаемые решения имели форму исполнительных указов, что может свидетельствовать о слабой поддержке идей президента даже в рядах республиканской партии.

Ограничительные меры администрации Д. Трампа имели под собой конкретную цель: обеспечение национальной безопасности. Таким образом, рассматривать результаты политики справедливо в контексте борьбы с терроризмом. Объективно оценить ситуацию с терроризмом

в США позволяет индекс террористической активности. Чем выше значение индекса, тем чаще в стране случаются террористические акты. В период администрации Б. Обамы с 2008 по 2016 гг. среднее значение индекса составляло 4,9. Наивысшее значение индекса в период администрации Д. Трампа зафиксировано в 2017 г., и составляло 6,07. В 2019 г. значение индекса снизилось до 5,69. Среднее значение индекса террористической активности в США в 2016–2020 гг. выше, чем до проводимой им антитеррористической политики [17; 18].

Таким образом, проводимая администрацией Д. Трампа политика по борьбе с терроризмом обернулась неоднозначными мерами по ограничению въезда в США легальных иммигрантов из мусульманских стран. Она не была успешной, и напротив, разобщила американцев, так как строилась на ничем не подтвержденных домыслах о связи между ростом мусульманской иммиграции и ростом терроризма в США. Существование этих предубеждений в американском обществе подтверждают данные исследовательского центра Пью (Pew Research center). В проведенном в 2018 г. опросе 35 % респондентов назвали мусульман источником потенциальной террористической угрозы [19].

Тем не менее антимусульманская политика Д. Трампа не оказала влияния на этнический состав США. Мусульманская диаспора продолжила расти. В 2020 г. численность мусульман в США составила 7,9 млн чел., что составляло 2,28 % численности населения США [20].

Другим направлением иммиграционной политики стала борьба с преступностью и наркотрафиком, источником которой Д. Трамп считал нелегальную иммиграцию, главным образом из Мексики. Символом этой политики стало обещание построить стену на южной границе США. Вокруг ее целесообразности развернулась острая дискуссия.

Следует отметить, что Д. Трамп не первый американский президент, кто озаботился строительством заграждений на границе с Мексикой. Большая часть существующих заграждений была построена в период администрации Дж. Буша мл. К началу 2017 г. на границе с Мексикой было чуть более 1000 км заграждений, главным образом на границе со штатами Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас. Те части границы, где заграждений не было, представляют собой труднопроходимую местность долины реки Рио-Гранде. Заграждение конструктивно разнообразно: на некоторых участках границы оно защищало лишь от пеших переходов, а на некоторых – от попыток проникнуть в страну на автомобиле.

Протяженность границы США и Мексики составляет 3218 км, таким образом, предвыборное обещание Д. Трампа о строительстве стены вдоль всей границы предполагало трехкратное увеличение протяженности заграждений, в том числе их строительство на тех участках, где это могло оказаться сложным и нецелесообразным.

Большинство дискуссий о строительстве стены сводятся к ее стоимости. Существует несколько оценок стоимости строительства. Республиканцы склонны преуменьшать, а демократы преувеличивать стоимость работ. Большинство оценок находятся в пределе от 8 до 40 млрд долл. Д. Трамп в 2017 г. заявлял, что стоимость строительства заграждений составит от 8 до 12 млрд долл., однако даже некоторые республиканцы считали эту оценку заниженной [21].

Заграждения, построенные в период администрации Дж. Буша мл., обошлись бюджету в 7 млрд долл. Однако заявленная протяженность стены Д. Трампа больше, а проект технически сложнее уже имеющихся заграждений. Сравнение с уже реализованным проектом позволяет сделать вывод о том, что оценка президента занижена, даже с учетом инфляции [22]. Наиболее близкой к действительности оценкой может быть расчет министерства внутренней безопасности США, оценивший работы в 21,6–25 млрд долл. [23]. Также объективными можно считать данные Службы таможенного и пограничного контроля США, оценившего стоимость строительства одной мили стены около 6,5 млн долл. [24].

Большая разница даже в официальной оценке связана с отсутствием единого проекта. В конце 2017 г. были представлены восемь прототипов стены стоимостью от 320 до 486 тыс. долл. за милю. В предвыборных обещаниях Д. Трамп заявлял, что стена будет построена за счет Мексики. Сделать это предлагалось за счет увеличения таможенных пошлин и тарифов НАФТА.

Цель возведения стены, по заявлениям Д. Трампа, – защита от нелегальных иммигрантов, прибывающих из Мексики, и сопутствующих этому наркотрафика и преступности.

На протяжении всего президентского срока он оперировал цифрами, отражающими ужасающую ситуацию с нелегальными иммигрантами. Таким способом президент пытался оправдать необходимость строительства стены.

Многие из представленных фактов не имеют ничего общего с действительностью. Согласно данным Бюро переписи США, с 2000 по 2007 г. численность нелегальных иммигрантов действительно выросла на 3,6 млн чел.: с 8,2 млн чел. в 2000 г. до 11,8 млн чел. в 2007 г. Однако, как было отмечено выше, благодаря мерам, принятым администрацией Б. Обамы, удалось снизить динамику роста численности нелегальных иммигрантов, в 2016 г. их численность оценивалась в 10,7 млн чел [7].

Другим объективным фактом являются данные о количестве нелегальных пересечений границы США. Из заявлений Д. Трампа может сложиться впечатление, что существует непрерывный поток иммигрантов, пытающийся пересечь южную границу. В 2000 фин. г. было зарегистрировано 1,6 млн попыток пересечь границу, в то время как за 2017 фин. г. – 415 тыс. случаев, а за 2018 фин. г. – 521 тыс. случаев. За 11 месяцев 2019 фин. г. было зарегистрировано 811 тыс. случаев нелегального пересечения границы, однако даже с учетом роста этого показателя в 2019 фин. г. говорить о гуманитарном кризисе на южной границе США нельзя [25].

Для оценки целесообразности строительства стены важно понимать, как нелегальные иммигранты попадают в США. Помимо перехода границы существует более простой способ оказаться на территории страны: получив американскую визу и не выехав из США по окончании ее срока действия. Так, по данным Министерства внутренней безопасности, в 2018 фин. г. около 700 тыс. человек не покинули территорию США по истечению действия их виз, в то же время количество незаконных попыток пересечения границы составило 521 тыс. за тот же период [26].

Одной из задач стены должна была стать защита от контрабанды наркотиков. В обращении к нации 9 января 2019 г. президент заявил, что около 90 % героина поступает в США через границу с Мексикой [27].

Это заявление не является правдой. По данным управления по борьбе с наркотиками (DEA) за 2018 г., на южную границу пришлось 39 % наркотрафика. Отмечено, что большая часть наркотиков попадает в США через легальные пункты пропуска в личных легковых или грузовых автомобилях. Таким образом, практическое значение стены для защиты от контрабанды наркотиков может быть минимальным [28].

Немаловажным свидетельством нецелесообразности строительства является мнение самих американцев. Несмотря на активную кампанию в СМИ со стороны действующей администрации, большинство американцев выступают против строительства стены. По данным политически независимого социологического центра Пью, в начале 2019 г. 58 % американцев не поддерживали строительство стены, в то время как согласны с этой идеей были 40 % опрошенных [29].

Несмотря на многочисленные противоречия, вступив в должность, Д. Трамп приступил к выполнению своего предвыборного обещания. 25 января 2017 г. был подписан исполнительный указ «Об улучшении безопасности границ и иммиграции» (Border Security and Immigration Enforcement Improvements). Данный указ регламентировал политику в отношении государственной границы США, став началом реализации проекта стены. Документ был призван обеспечить безопасность южной границы США путем строительства физической преграды и обеспечения ее персоналом, с тем чтобы предотвратить незаконную иммиграцию, торговлю наркотиками, людьми, а также террористические акты [30].

В практической реализации проекта можно выделить два этапа. В 2017–2018 гг. происходила модернизация некоторых участков заграждений. В 2019–2020 гг. началась активная фаза реализации проекта [31].

В начале 2018 г. администрация Д. Трампа запросила у Конгресса 18 млрд долл. на строительство стены, однако Конгресс заложил в бюджет на эти цели лишь 1,6 млрд долл. [32].

В июле 2018 г., понимая, что достигнуть консенсуса с демократами по вопросу выделения средств на строительство стены не удастся, Д. Трамп впервые заявил о готовности к приостановке работы правительства. 21 декабря 2018 г. палата представителей одобрила бюджет, включающий

выделение 5,6 млрд долл. на строительство стены, однако сенат проголосовал против принятия этого закона. Таким образом, Конгресс и президент не смогли договориться о бюджетном финансировании на 2019 г. С 22 декабря 2018 г. работа правительства США была приостановлена. 9 января 2019 г. Д. Трамп выступил с обращением к нации, где заявил, что стена поможет предотвратить гуманитарный кризис на южной границе США [27].

На протяжении 35 дней велись переговоры между демократами и республиканцами. Одним из вариантов компромисса было предложение Д. Трампа продлить действие программы «ДАКА» на 3 года в обмен на финансирование стены на границе с Мексикой. Д. Трамп добивался полного сворачивания программы. Эта цель достигнута не была, однако он добился условий, при которых статус членов программы больше не продлевался. Стороны не пришли к консенсусу, и 25 января 2019 г. президент уступил, подписав проект о трехнедельном финансировании правительства, для прекращения приостановки его работы. Это не означало отказ от попыток получить требуемую сумму на строительство стены в полном объеме. Президент приступил к реализации плана, согласно которому требуемые деньги могли быть получены в обход Конгресса из бюджета министерства обороны. Для этого 15 февраля 2019 г. Д. Трамп подписал декларацию об объявлении чрезвычайного положения на южной границе США [33].

14 марта 2019 г. Конгресс США проголосовал за отмену чрезвычайного положения, однако президент заблокировал это решение, воспользовавшись правом вето [34].

Введение чрезвычайного положения в очередной раз столкнуло администрацию Д. Трампа с американской правовой системой. Коалиция 16 демократических штатов обратилась в окружной суд г. Сан-Франциско с попыткой признать решение президента неконституционным. Подобные судебные иски рассматривались на протяжении нескольких месяцев в судах штатов Нью-Йорк и Калифорния.

9 апреля 2019 г. министерство обороны заключило два контракта с частными компаниями на строительство участков стены на границе с Мексикой протяженностью около 640 км, общей суммой 976 млн долл. Финансирование этих контрактов осуществлялось за счет оборонного бюджета. Как отмечают специалисты, сделано это было, в том числе, за счет сокращения некоторых программ по разработке военной техники [35; 36].

27 июля 2019 г. Верховный суд США окончательно подтвердил законность объявления чрезвычайного положения на южной границе. Строительство заграждений продолжалось на протяжении 2019–2020 гг. К середине 2020 г. было построено около 320 км из обещанных 640 км, однако в основном это была замена участков заграждений, построенных в период администрации Дж. Буша мл. на новые.

Таким образом, предвыборное обещание, ставшее символом политики Д. Трампа, оказалось не выполнено: президент обещал построить стену вдоль всей границы с Мексикой, что требовало около 2000 км новых заграждений, а к окончанию президентского срока было запланировано построить лишь 640 км стены, по большей частью являющихся заменой уже существующим заграждениям. Процедура реализации проекта встретила ожесточенное сопротивление со стороны демократической партии и сопровождалась судебными тяжбами на протяжении всего президентского срока Д. Трампа.

Озвученная президентом стоимость реализации проекта в действительности оказалась заниженной, а заявления о том, что платить за строительство заграждений будет Мексика, не имеют под собой никаких оснований. Стена стала причиной самой длительной в истории США приостановки работы правительства: стороны так и не смогли утвердить бюджет на реализацию проекта. Участки стены, которые все же были построены, оплачены из оборонного бюджета, посредством введения чрезвычайного положения на южной границе США.

Под вопросом остается и целесообразность проекта. Общая численность нелегальных иммигрантов в годы, предшествующие администрации Д. Трампа, росла незначительно, а политика администрации Б. Обамы снизила динамику ее роста [7].

Большинство нелегальных иммигрантов попадали в США по действительной визе, оставаясь на территории страны по окончании ее срока действия. В тоже время радикальный рост количества нелегальных пересечений границы в 2017–2020 гг. не наблюдался, за исключением краткосрочного периода 2019 г. [25].

Невелико значение стены и для борьбы с наркотрафиком. Согласно отчетам управления по борьбе с наркотиками за 2017–2019 гг., большая часть наркотических средств доставляется в США через пункты пропуска южной границы [28; 37].

Следует отметить, что помимо борьбы с проникновением нелегальных иммигрантов на территорию США, для снижения преступности администрацией Д. Трампа принимались и другие меры. Президент неоднократно связывал нелегальную иммиграцию и преступность в США, подвергая критике действовавшее законодательство. Одним из аргументов было получившее широкую огласку в СМИ убийство Кейт Стейнл (Kate Steinle), совершенное нелегальным иммигрантом, депортированным из США в общей сложности пять раз. Закон, предложенный администрацией Д. Трампа, получил неофициальное название «Закон Кейт». Он предусматривал ужесточение уголовных наказаний для нелегальных иммигрантов, депортированных из США за совершение преступлений, и незаконно пересекших границу повторно. Также был предложен закон, запрещающий освобождать опасных преступников под залог в ожидании судебного разбирательства (No Sanctuary for Criminals Act). 29 июня 2017 г. оба закона были приняты [38; 39].

Необходимость принятия этих законов назрела, однако не стоит преувеличивать их значение в контексте борьбы с преступностью в целом. По статистике, большинство убийств в США совершаются американскими гражданами. По данным исследования, проведенного Национальной академией наук США (NAS), уровень преступности, арестов и тюремного заключения среди иммигрантов ниже [40].

Это позволяет сделать вывод о том, что взаимосвязи между ростом численности нелегальных иммигрантов и преступностью в США нет. Опираясь на данные ФБР о количестве насильственных преступлений на 100 тыс. чел. населения, в период администрации Д. Трампа уровень преступности незначительно снижался, однако эта тенденция сохраняется на протяжении предшествующих 30 лет [41].

Заключение. Иммиграционная политика была одним из центральных пунктов предвыборной программы Д. Трампа, а выполнение этих обещаний было важным критерием оценки его работы на посту президента США. Основными заявленными направлениями политики были укрепление национальной безопасности и противодействие терроризму, а также борьба с нелегальной иммиграцией, преступностью и наркотрафиком.

С целью укрепления национальной безопасности, администрацией Д. Трампа были приняты указы, ограничивающие въезд на территорию США отдельным группам граждан других стран. В сторону ужесточения пересмотрены условия выдачи виз и критерии отбора иммигрантов. Для этого был создан национальный центр по отбору иммигрантов и соискателей американской визы.

Опираясь на фактический материал и данные статистики, можно сделать вывод, что эти меры не привели к желаемым результатам. В контексте борьбы с терроризмом, политика администрации Д. Трампа не способствовала улучшению ситуации. Среднее значение индекса террористической активности в США в период администрации Д. Трампа оказалось выше, чем в период администрации его предшественника. Связано это с тем, что проводимая политика основывалась на фактически не подтвержденных домыслах о связи между ростом мусульманской иммиграции и ростом терроризма в США.

Главным решением в борьбе с нелегальной иммиграцией было строительство заграждений на границе с Мексикой. По мнению Д. Трампа, это должно было решить проблемы роста наркотрафика и преступности. Однако на основании приведенных фактических данных и материалов статистики можно сделать вывод о том, что практическое применение стены весьма ограничено. В попытке заручиться поддержкой со стороны общественности и оправдать дорогой и неэффективный проект Д. Трамп подменяет факты. Оппозиция демократической партии сделала реализацию проекта невозможной. Противоречия привели к самой длительной приостановке работы правительства в истории США. Объявив чрезвычайное положение, Д. Трампу удалось частично реализовать проект за счет оборонного бюджета. К середине 2020 г. было построено около 320 км из обещанных 640 км, однако в основном это была

замена участков заграждений, построенных в период администрации Дж. Буша мл. на новые. Таким образом, заявленная цель снизить поток нелегальных иммигрантов, преступность и наркотрафик, посредством строительства стены на южной границе США достигнута не была.

Иммиграционная политика Д. Трампа характеризуется радикальными, граничащими с популистскими мерами. Имеет место подмена фактов. Большинство решений становятся ареной противостояния с демократической партией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. An Act To limit the immigration of aliens into the United States, and for other purposes. 43 Stat. 153 (Pub. Law 68-139) [Electronic resource] // Govtrack. – Mode of access : <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/43/STATUTE-43-Pg153a.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
2. The Immigration and Nationality Act of 1952 (The McCarran-Walter Act) [Electronic resource] // Office of the Historian, Foreign Service Institute United States Department of State – Mode of access : <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/immigration-act>. – Date of access : 15.06.2020.
3. H.R. 5678 (82nd): An Act to revise the laws relating to immigration, naturalization, and nationality; and for other purposes [Electronic resource] // Govtrack. – Mode of access : <https://www.govtrack.us/congress/bills/82/hr5678/text>. – Date of access : 15.06.2020.
4. An Act To establish the Department of Homeland Security, and for other purposes [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/hr_5005_enr.pdf. – Date of access : 15.06.2020.
5. Consideration of Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) [Electronic resource] // U.S. Citizenship and Immigration Services: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : <https://www.uscis.gov/archive/consideration-deferred-action-childhood-arrivals-daca>. – Date of access : 15.06.2020.
6. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: 1990 to 2000 [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : <https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/Unauthorized%20Immigrant%20Population%20Estimates%20in%20the%20US%201990%20to%202000.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
7. Estimates of the Illegal Alien Population Residing in the United States: January 2015 [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/18_1214_PLCY_pops-est-report.pdf. – Date of access : 15.06.2020.
8. Transcript: Read the Full Text of Hillary Clinton's Campaign Launch Speech [Electronic resource] // Time. – Mode of access : <https://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch>. – Date of access : 15.06.2020.
9. Transcript of Donald Trump's Immigration Speech [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2016/09/02/us/politics/transcript-trump-immigration-speech.html>. – Date of access : 15.06.2020.
10. Country Reports on Terrorism 2016 [Electronic resource] // U.S. Department of State. – Mode of access : <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2016>. – Date of access : 15.06.2020.
11. Muslim Population in the Americas: 1950–2020 [Electronic resource] // International Journal of Environmental Science and Development. – Mode of access : <http://www.ijesd.org/papers/26-D435.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
12. Protecting the Nation From Foreign Terrorist Entry Into the United States [Electronic resource] // Federal Register. – Mode of access : <https://www.federalregister.gov/documents/2017/02/01/2017-02281/protecting-the-nation-from-foreign-terrorist-entry-into-the-united-states>. – Date of access : 15.06.2020.
13. Trump Changes His Tone [Electronic resource] // The Atlantic. – Mode of access : <https://www.theatlantic.com/liveblogs/2017/02/president-trump-addresses-congress/518112>. – Date of access : 15.06.2020.
14. Presidential Proclamation Enhancing Vetting Capabilities and Processes for Detecting Attempted Entry Into the United States by Terrorists or Other Public-Safety Threats [Electronic resource] // The White House. – Mode of access : <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-enhancing-vetting-capabilities-processes-detecting-attempted-entry-united-states-terrorists-public-safety-threats>. – Date of access : 15.06.2020.
15. Presidential Executive Order on Resuming the United States Refugee Admissions Program with Enhanced Vetting Capabilities [Electronic resource] // The White House. – Mode of access : <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-resuming-united-states-refugee-admissions-program-enhanced-vetting-capabilities>. – Date of access : 15.06.2020.
16. Presidential Memorandum on Optimizing the Use of Federal Government Information in Support of the National Vetting Enterprise [Electronic resource] // The White House. – Mode of access : <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-optimizing-use-federal-government-information-support-national-vetting-enterprise>. – Date of access : 15.06.2020.
17. United States of America Terrorism Index [Electronic resource] // Trading economics. – Mode of access : <https://tradingeconomics.com/united-states/terrorism-index>. – Date of access : 15.06.2020.

18. Global terrorism index 2019 [Electronic resource] // Vision of Humanity. – Mode of access : <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
19. Muslims and Islam: Key findings in the U.S. and around the world [Electronic resource] // Pew Research Center. – Mode of access : <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world>. – Date of access : 15.06.2020.
20. United States Population 2020 [Electronic resource] // World Population Review. – Mode of access : <https://worldpopulationreview.com/countries/united-states-population>. – Date of access : 15.06.2020.
21. Trump puts a price on his wall: It would cost Mexico \$8 billion [Electronic resource] // MSNBC. – Mode of access : <http://www.msnbc.com/msnbc/donald-trump-says-his-wall-would-cost-8-billion>. – Date of access : 15.06.2020.
22. Secure Fence Act of 2006 [Electronic resource] // govinfo: U.S. Government Publishing Office. – Mode of access : <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ367/pdf/PLAW-109publ367.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
23. Trump border ‘wall’ to cost \$21.6 billion, take 3.5 years to build: internal report [Electronic resource] // Reuters. – Mode of access : <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-immigration-wall-exclusive-idUSKBN15O2ZN>. – Date of access : 15.06.2020.
24. U.S. Customs and Border Protection Budget Overview [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : [https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/U.S. Customs and Border Protection.pdf](https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/U.S.%20Customs%20and%20Border%20Protection.pdf). – Date of access : 15.06.2020.
25. Southwest Border Migration FY 2020 [Electronic resource] // U.S. Customs and Border Protection: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration>. – Date of access : 15.06.2020.
26. Fiscal Year 2018 Entry/Exit Overstay Report [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/cbp_-_fiscal_year_2018_entry_exit_overstay_report.pdf. – Date of access : 15.06.2020.
27. President Trump Addresses the Nation [Electronic resource] // YouTube. The White House official channel. – Mode of access : <https://www.youtube.com/watch?v=SLPcqSmjV2M>. – Date of access : 15.06.2020.
28. 2018 National Drug Threat Assessment (NDTA) [Electronic resource] // United States Drug Enforcement Administration. – Mode of access : <https://www.dea.gov/documents/2018/10/02/2018-national-drug-threat-assessment-nda>. – Date of access : 15.06.2020.
29. How Americans see illegal immigration, the border wall and political compromise [Electronic resource] // Pew Research Center. – Mode of access : <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/16/how-americans-see-illegal-immigration-the-border-wall-and-political-compromise>. – Date of access : 15.06.2020.
30. Border Security and Immigration Enforcement Improvements (Executive Order 13767 of January 25, 2017) [Electronic resource] // Federal Register. – Mode of access : <https://www.federalregister.gov/documents/2017/01/30/2017-02095/border-security-and-immigration-enforcement-improvements>. – Date of access : 15.06.2020.
31. Walls Work [Electronic resource] // Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security. – Mode of access : <https://www.dhs.gov/news/2018/12/12/walls-work>. – Date of access : 15.06.2020.
32. Consolidated Appropriations Act, 2018 H.R.1625 [Electronic resource] // Congress.gov. – Mode of access : <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1625/text>. – Date of access : 15.06.2020.
33. Declaring a National Emergency Concerning the Southern Border of the United States [Electronic resource] // govinfo: U.S. Government Publishing Office. – <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-20/pdf/2019-03011.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
34. H.J.Res.46 – Relating to a national emergency declared by the President on February 15, 2019. [Electronic resource] // Congress.gov. – Mode of access : <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-joint-resolution/46>. – Date of access : 15.06.2020.
35. Contracts For April 9, 2019 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense. – Mode of access : <https://www.defense.gov/Newsroom/Contracts/Contract/Article/1809986>. – Date of access : 15.06.2020.
36. Pentagon seeks to cut F-35s, other equipment to pay for Trump’s border wall [Electronic resource] // DefenseNews. – Mode of access : <https://www.defensenews.com/breaking-news/2020/02/13/pentagon-seeks-to-cut-f-35s-other-equipment-to-pay-for-trumps-border-wall>. – Date of access : 15.06.2020.
37. 2019 National Drug Threat Assessment (NDTA) [Electronic resource] // United States Drug Enforcement Administration. – Mode of access : <https://www.dea.gov/sites/default/files/2020-02/DIR-007-20%202019%20National%20Drug%20Threat%20Assessment%20-%20low%20res210.pdf>. – Date of access : 15.06.2020.
38. H.R.3004 – Kate’s Law [Electronic resource] // The U.S. Congress. – Mode of access : <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3004>. – Date of access : 15.06.2020.
39. H.R.3003 – No Sanctuary for Criminals Act [Electronic resource] // Congress.gov. – Mode of access : <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3003>. – Date of access : 15.06.2020
40. The Integration of Immigrants into American society [Electronic resource] // The National Academies of Sciences, Engineering, Medicine. – Mode of access : https://www.nap.edu/resource/21746/issue_brief_crime.pdf. – Date of access : 15.06.2020.

41. Reported violent crime rate in the United States from 1990 to 2018 [Electronic resource] // Statista. – Mode of access : <https://www.statista.com/statistics/191219/reported-violent-crime-rate-in-the-usa-since-1990>. – Date of access : 15.06.2020.

Поступила в редакцию 24.06.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 56–66
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Immigration policy of D. Trump administration

A. V. Tishchenko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Belarus)
Sovetskaya St., 18, 220030, Minsk, Belarus; e-mail: alexeygpost@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of immigration policy during the administration of D. Trump in 2017–2020. In the US political agenda, the issue of immigration has traditionally been of great importance. Immigrants have had a decisive influence on the formation of American national identity and they are one of the main sources of population growth in the country. The introduction discusses the main milestones in the development of American immigration law from the beginning of the 20th century before the presidency of D. Trump. The current problems and contradictions of immigration policy on the eve of the presidential term of D. Trump are outlined. The main part considers the promises of the democratic and republican candidates ahead of the 2016 presidential election; several directions of the current policy are highlighted. The steps taken by the presidential administration are examined in detail. The results of the policy are examined in terms of stated goals: strengthening national security and countering terrorism, combating illegal immigration, crime and drug trafficking. Particular attention is paid to one of the main promises of the presidency of D. Trump: the construction of barriers on the southern border of the United States. It is noted that the fulfillment of this promise has caused the longest suspension of government work in US history. Based on the analysis of statistical and evidence, the author concludes that the immigration policy is ambiguous and inconsistent; a deep split between the republican and democratic parties. In the context of the fight against terrorism, the policy of the D. Trump administration did not contribute to improving the situation. The average index of terrorist activity in the United States during the administration of D. Trump was higher than during the administration of his predecessor. The stated goal of reducing the flow of illegal immigrants, crime and drug trafficking, through the construction of a wall on the southern border of the United States, was not achieved. In conclusion, the author summarizes the current policy, noting that the promises were originally based on virtually unconfirmed speculation and did not contribute to the achievement of the stated goals.

Keywords: USA, D. Trump, immigration policy, illegal immigration.

References

1. An Act To limit the immigration of aliens into the United States, and for other purposes. 43 Stat. 153 (Pub. Law 68-139). Govtrack [Electronic resource].
2. The Immigration and Nationality Act of 1952 (The McCarran-Walter Act). Office of the Historian, Foreign Service Institute United States Department of State [Electronic resource].
3. H.R. 5678 (82nd): An Act to revise the laws relating to immigration, naturalization, and nationality; and for other purposes. Govtrack [Electronic resource].
4. An Act To establish the Department of Homeland Security, and for other purposes. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
5. Consideration of Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA). U.S. Citizenship and Immigration Services: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
6. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: 1990 to 2000. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
7. Estimates of the Illegal Alien Population Residing in the United States: January 2015. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
8. Transcript: Read the Full Text of Hillary Clinton’s Campaign Launch Speech. Time [Electronic resource].
9. Transcript of Donald Trump’s Immigration Speech. The New York Times [Electronic resource].
10. Country Reports on Terrorism 2016. U.S. Department of State [Electronic resource].
11. Muslim Population in the Americas: 1950-2020. International Journal of Environmental Science and Development [Electronic resource].

12. Protecting the Nation From Foreign Terrorist Entry Into the United States. Federal Register [Electronic resource].
13. Trump Changes His Tone. The Atlantic [Electronic resource].
14. Presidential Proclamation Enhancing Vetting Capabilities and Processes for Detecting Attempted Entry Into the United States by Terrorists or Other Public-Safety Threats. The White House [Electronic resource].
15. Presidential Executive Order on Resuming the United States Refugee Admissions Program with Enhanced Vetting Capabilities. The White House [Electronic resource].
16. Presidential Memorandum on Optimizing the Use of Federal Government Information in Support of the National Vetting Enterprise. The White House [Electronic resource].
17. United States of America Terrorism Index. Trading economics [Electronic resource].
18. Global terrorism index 2019. Vision of Humanity [Electronic resource].
19. Muslims and Islam: Key findings in the U.S. and around the world. Pew Research Center [Electronic resource].
20. United States Population 2020. World Population Review [Electronic resource].
21. Trump puts a price on his wall: It would cost Mexico \$8 billion. MSNBC [Electronic resource].
22. Secure Fence Act of 2006. govinfo: U.S. Government Publishing Office [Electronic resource].
23. Trump border 'wall' to cost \$21.6 billion, take 3.5 years to build: internal report. Reuters [Electronic resource].
24. U.S. Customs and Border Protection Budget Overview. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
25. Southwest Border Migration FY 2020. U.S. Customs and Border Protection: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
26. Fiscal Year 2018 Entry/Exit Overstay Report. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
27. President Trump Addresses the Nation. YouTube. The White House official channel [Electronic resource].
28. 2018 National Drug Threat Assessment (NDTA). United States Drug Enforcement Administration [Electronic resource].
29. How Americans see illegal immigration, the border wall and political compromise. Pew Research Center [Electronic resource].
30. Border Security and Immigration Enforcement Improvements (Executive Order 13767 of January 25, 2017). Federal Register [Electronic resource].
31. Walls Work. Homeland Security: Official Website of the Department of Homeland Security [Electronic resource].
32. Consolidated Appropriations Act, 2018 H.R.1625. Congress.gov [Electronic resource].
33. Declaring a National Emergency Concerning the Southern Border of the United States. govinfo: U.S. Government Publishing Office [Electronic resource].
34. H.J.Res.46 - Relating to a national emergency declared by the President on February 15, 2019. Congress.gov [Electronic resource].
35. Contracts For April 9, 2019. U.S. Department of Defense [Electronic resource].
36. Pentagon seeks to cut F-35s, other equipment to pay for Trump's border wall. DefenseNews [Electronic resource].
37. 2019 National Drug Threat Assessment (NDTA). United States Drug Enforcement Administration [Electronic resource].
38. H.R.3004 - Kate's Law. The U.S. Congress [Electronic resource].
39. H.R.3003 - No Sanctuary for Criminals Act. Congress.gov [Electronic resource].
40. The Integration of Immigrants into American society. The National Academies of Sciences, Engineering, Medicine [Electronic resource].
41. Reported violent crime rate in the United States from 1990 to 2018. Statista [Electronic resource].

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

Гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання

УДК 323.15(476)

А. М. Абухава

УСПАМІНЫ ТАТАР БЕЛАРУСІ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ДЗЯЦІНСТВА МІЖВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ

Во введении обоснована актуальность использования для изучения истории детства таких исторических источников, как воспоминания татар Беларуси, охарактеризована историография проблемы и источники исследования, а также определена цель статьи – выявление особенностей отображения периода детства в воспоминаниях татар, живших в 1921–1941 гг. на территории БССР и Западной Беларуси. В основной части статьи раскрыта специфика освещения авторами мемуаров периода жизни от первых воспоминаний (старшего дошкольного возраста) до 15–16 лет (окончания обучения и начала трудовой деятельности). В заключении сделан вывод, что изучение воспоминаний представителей татарской этнической группы дает возможность узнать об особенностях воспитания в татарских семьях, определить степень включения детей в домашние дела и работу, влияние финансового положения семьи на жизнь детей. Подчеркивается значительное внимание авторов мемуаров к описанию личностей родителей, причем последние показаны как трудолюбивые, строгие по отношению к родным люди, которые пользовались авторитетом в глазах соседней и местных властей. В мемуарах хорошо отражено восприятие школы (как светской, так и религиозной) и учителей татарскими детьми, освещены межконфессиональные и межэтнические отношения между учащимися. В межвоенный период большинство татарских детей окончили не более семи классов школы, поэтому для них актуальной проблемой было продолжение образования, школьного или профессионального, и данный вопрос также рассматривался в мемуарах. Материалы исследования могут быть использованы для изучения истории татарской этнической группы Беларуси, истории образования в Западной Беларуси.

Ключевые слова: этнические меньшинства, татары, БССР, Западная Беларусь, Польша, детство, школьное образование, ислам.

Уводзіны. У канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. у Беларусі і Польшчы быў апублікаваны шэраг успамінаў прадстаўнікоў татарскай этнічнай групы, што жылі ў БССР ці Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы [1–10; 11, с. 241–244]. Дзяцінства і юнацтва аўтараў успамінаў прайшлі ў 1921–1941 гг. у традыцыйных татарскіх асяродках беларускіх вёсак, мястэчак і гарадоў, адкуль яны з’ехалі пасля Другой сусветнай вайны ў іншыя гарады ці нават краіны. У сваіх нататках прадстаўнікі татарскай этнічнай групы імкнуліся перадаць атмасферу паўсядзённага жыцця страчаных татарскіх суполак Беларусі. Асабліваці жыцця татарскіх сем’яў міжваеннага часу аўтары паказвалі праз прызму ўласнага дзіцячага ўспрымання, расказваючы пра хатнія абавязкі, гульні, забавы і школьніцтва татарскіх дзяцей таго перыяду, што робіць вышэйназваныя мемуары каштоўнай крыніцай па гісторыі дзяцінства міжваеннага перыяду. Мэтай артыкулу з’яўляецца выяўленне асаблівацей адлюстравання перыяду дзяцінства ва ўспамінах татар, што жылі ў 1921–1941 гг. на тэрыторыі БССР і Заходняй Беларусі. Даследаванне дадзенай тэмы дазволіць вызначыць асабліваці выхавання ў сем’ях беларускіх татар міжваеннага перыяду, паказаць практыку далучэння малодшых членаў сям’і да працоўнай дзейнасці, вызначыць спосабы баўлення вольнага часу і адукацыйныя запыты татарскай моладзі.

Гістарыяграфія дадзенай тэмы ўключае ў сябе невялікую колькасць навуковых прац. Беларускія гісторыкі (А. М. Вабішчэвіч, І. Б. Канапацкі, З. І. Канапацкая) канцэнтраваліся на асвятленні зместу і структуры мусульманскай адукацыі найперш у Заходняй Беларусі, не выкарыстоўваючы мемуарныя крыніцы пры напісанні навуковых прац [12–15]. Польскі гісторык У. Урублеўская (Беласток) пры даследаванні метадаў культурнай трансмісіі

Абухава Алена Мікалаеўна, канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін ГрДУ імя Янкі Купалы (Беларусь).

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Кастрэчніцкая, 5, 230023, г. Гродна, Беларусь; e-mail: obuhova_en@grsu.by

ў асяроддзі татарскай супольнасці міжваеннай Польшчы выкарыстоўвала сярод іншых крыніц запісы інтэрв'ю прадстаўнікоў татарскай дыяспары, што жылі ў дзяцінстве ў Заходняй Беларусі, якія яна сабрала ў пачатку XXI ст. [16]. У выніку ёй былі выяўлены апроч арганізаваных метадаў навучання рэлігіі спосабы ўключэння дзяцей у рэлігійны кантэкст у межах сям'і: навучанне нормам Іслама праз бабуль і дзядуль, удзел у прыгатаванні татарскіх страваў, падрыхтоўцы і правядзенні святаў мусульманскага календара [16, с. 150–155]. Г. Чэрвінскі (Беласток) вызначыў тры групы ўспамінаў татар, надрукаваных на польскай мове: ваенныя, ссыльныя і прыватныя альбо этнічныя. Менавіта ў апошніх можна з большай верагоднасцю знайсці ўспаміны пра дзяцінства, які аўтары апісваюць з вялікай настальгіяй не толькі да пайшоўшых з жыцця родных, але і да даўно пакінутых мясцін, дзе праходзілі дзіцячыя гады [11]. М. Чахароўскі ў прадмове да кнігі ўспамінаў М. Абрамовіча «Droga mojego życia», якую ён рэдагаваў, пералічыў усе вядомыя апублікаваныя польскамоўныя ўспаміны татараў, што жылі ў міжваенны час у Заходняй Беларусі, наракаючы, што сведкаў таго цікавага перыяду засталася мала, успамінаў яны пакінулі таксама няшмат [17].

Крыніцавую базу дадзенага даследавання складаюць як польскамоўныя татарскія мемуары, выдадзеныя асобнымі выданнямі ці надрукаваныя ў польскім перыядычным друку [7–10], так і ўспаміны татар, што былі дасланы ў квартальнік «Байрам. Татары на зямлі Беларусі», які выходзіў у Мінску ў 1991–2002 гг. [1–6].

Асноўная частка. Першае, што апісваюць аўтары мемуараў, успамінаючы дзіцячыя гады – гэта сям'я, той асяродак у якім яны раслі і гадаваліся. Большасць аўтараў успамінаў нарадзіліся ў сем'ях земляробаў і гарбароў, якія не вызначаліся вялікай заможнасцю, а таму і рэальнасцю дзяцей была штодзённая праца па дому і гаспадарцы. Дзяўчаты дапамагалі матулям па дому, працавалі ў агародзе, дапамагалі збіраць ураджай [1, с. 66; 7, с. 21; 16, с. 149]. Калі дзяўчына была старэйшая ў сям'і, то на яе ўскладаўся абавязак догляду малодшых братоў і сясцёр: так было ў Хэлены Аліевіч (Якубоўскай) з Крушынян [7, с. 21], а інфарматарка У. Урублеўскай, татарка 1920 г.н. са Слоніма, увогуле адзначыла, што яна амаль не мела вольнага часу ў сваім дзяцінстве, бо штодзённы догляд за малодшымі дзецьмі сям'і спалучаўся з працай на агародзе [16, с. 149].

Па ўспамінах М. Абрамовіча (1916 г.н.) з Клецка, у яго вялікай сям'і (сямёра дзяцей) кожны меў пэўнае колае абавязкаў, у тым ліку дзеці. Мустафа, старэйшы з сыноў, дапамагаў мужчынам у полі і гарбарні, а яго старэйшая сястра Ева дапамагала маці ў жаночых справах [9, с. 14].

Сямён Давыдавіч Ясінскі нарадзіўся ў 1925 г. у вёсцы Слабодка Капыльскага раёна, а дзяцінства ягонае прайшло ў горадзе Бярэзіна (БССР), дзе другі раз выйшла замуж яго маці. Шматдзетная сям'я Байрашэўскіх-Ясінскіх (восемь дзяцей) жыла вельмі бедна. Сямён ніколі не наядаўся, той жа хлеб елі ў абед па кавалачку, вопратку дзецям прыносілі суседзі, абутку не было, да самых маразоў хадзілі босымі, спалі на састаўленых лавах і зэдліках [3, с. 26, 27]. З трэцяга класа ад нястачы Сямён быў вымушаны падпрацоўваць, каб дапамагаць айчыму, які працаваў грузчыкам на прыстані, сумяшчаючы працу з вучобай [4, с. 41].

У адрозненні ад М. Абрамовіча і С. Ясінскага, Я. Сабалеўскі, што нарадзіўся ў 1925 г. у вёсцы Іванава сённяшняга Нясвіжскага раёна ў сям'і фермераў, не ўспамінае свайго значнага ўдзелу ў працы па гаспадарцы. Улетку ён назіраў за працай дарослых, збіраў шчаўё на суп па просьбе матулі, падчас жніўя дапамагаў ставіць снапкі з каласкоў, назіраў за працай дарослых [10, с. 40, 41].

Апроч удзелу ў хатніх справах, аўтары ўспамінаў даюць пэўныя звесткі аб спосабах баўлення вольнага часу татарскімі дзецьмі і падлеткамі. Так, па ўспамінах Я. Сабалеўскага, вясковыя татарскія дзеці з Іванава ўзімку каталіся на самаробных каньках па лёдзе стаўкоў і рачушак, на санках, лыжах і нават кавалках дошкі – з горак, абсыпаных снегам [10, с. 43, 76]. Улетку дзеці шмат купаліся ў рэчцы Лань, будавалі на яе берагах замкі з пяску [10, с. 54]. Часам удавалася ім і паглядзець кіно: так, Я. Сабалеўскі ўспамінае, як яны з братам біліся на палках, як у фільме «Робін Гуд» [10, с. 21]. М. Абрамовіч успамінаў, што ў канцы 1920-х – першай паловы 1930-х гг. у Клецк прыязджаў цырк, але ўваход на выступленне каштаваў ад 1 да 5 злотых, такіх грошай у татарскіх дзяцей не было, і Мустафа разам з іншымі дзецьмі дарэмна чакаў анансаванага дня бясплатнага паказа. У вольны час татарскія падлеткі Клецка збіраліся ў пакоі чыёйці хаты і гулялі ў шахматы, шашкі, даміно і бінга, але не на грошы,

бо грошай не мелі [9, с. 18]. Але ў самога Мустафы не было шмат вольнага часу: як старэйшы сын, ён мусіў дапамагаць бацьку ў полі, агародзе і гарбарні.

Як усе дзеці, татарскія хлопчыкі і дзяўчынкі любілі смачныя пачастункі, прыгожыя строі і святы. Аднак усяго гэтага ў іх жыцці было няшмат. Так, шматдзетная сям'я Абрамовічаў жыла небагатая, і Мустафа ўспамінаў, што ад ранняй вясны да позняй восені мусіў хадзіць басанож, нават у школу, а набыццё адзення для дзяцей было вялікай падзеяй, асабліва новага, апошняе стараліся не запэкаць і не парваць, каб не быць пакараным бацькамі [9, с. 19]. Мустафа вельмі хацеў веласіпед, але на новы, які каштаваў каля 200 злотых, ён спадзявацца не мог. Бацька, ведаючы мару сына, набыў яму ўжываны, зламаны веласіпед. Мустафа быў шчаслівы і ўклаў шмат намаганняў у яго аднаўленне [9, с. 21]. Я. Сабалеўскага і яго брата бацькі не бралі з сабою на кірмашы ў Клецк ці Нясвіж, хоць дзецям вельмі туды хацелася, але ім прывозілі рознае смакоцце: цукеркі, халву і вырабы з «габрэйскіх пякарань» [10, с. 42]. Хэлена Аліевіч з настальгіяй успамінае ўдзел у падрыхтоўцы пачастунку і святкаванні традыцыйных свят мусульман: Курбан-Байрама, Рамазан-Байрама, Ашурэй-Байрама. На святкаванні ў Крушыняны з'езджалася татарская моладзь з навакольных населеных пунктаў (Беластока, Сакулкі, Сухаволі), якая не столькі малілася, сколькі забаўлялася і танчыла [7, с. 21]. С. Ясінскаму запомнілася садага (пачастунак), якую разносілі на Байрам, і святочныя строі дарослых, дзецям прыгожай вопраткі не ставала [4, с. 41].

Успамінаючы дзіцячыя гады, аўтары мемуарных нататкаў не абміналі ўвагай постаці родных, акцэнтуючы ўвагу на апісанні бацькоў як людзей, паважаных мясцовай грамадой, працавітых і суровых. Я. Сабалеўскі прысвяціў асобны раздзел кнігі апавяданню пра розныя выпадкі з жыцця свайго бацькі, з якіх апошні паўстае героем, што з аднаго ўдару нажа забівае ваўка і дубінкай супакойвае злога быка. Пры гэтым ён умее абраніць сваю маёмасць і годнасць, заўсёды абыходзіцца з людзьмі па справядлівасці [10, с. 22, 24]. Х. Александровіч з гонарам адзначаў, што яго бацька, Мустафа Іосіфавіч Аляксандравіч, самастойна вывучыў польскую мову і польскую граматы, што дазволіла яму стаць упаўнаважаным па справах матэрыяльнай дапамогі малазабяспечаным людзям пры магістраце г. Клецка [6, с. 46]. С. Д. Ясінскі падкрэсліваў набожнасць сваёй матулі, якая ніколі не ела свініны, і карысталася аўтарытэтам сярод мясцовых жанчын як добрая гаспадыня [3, с. 26]. М. Абрамовіч адзначаў, што ягонага бацьку паважалі як мясцовыя татары, так і беларусы. Бацька ўвесь час быў дома, сам працаваў на гаспадарцы і ў гарбарні і сачыў, каб дзеці слухаліся і выконвалі свае абавязкі па гаспадарцы [9, с. 24].

Важнай часткай дзіцячых гадоў было наведванне школы, свецкай ці рэлігійнай. Пра свае школьныя гады практычна не ўспамінаюць жанчыны-аўтаркі мемуараў, што можа быць звязана як з тым, што яны не наведвалі школу (гэта было цалкам магчыма ў міжваенны перыяд), так і з невялікім аб'ёмам іх успамінаў. М. Радецка толькі адзначыла, што слонімска дзяўчыны-татаркі вучыліся ў прыватным жаночым каталіцкім пансіёне сясцёр Непакалянак у Слоніме ў міжваенны перыяд [8, с. 16].

Значна больш успамінаюць пра школьныя гады мужчыны. З іх толькі С. Д. Ясінскі хадзіў у школу ў савецкай Беларусі. У Бярэзіне 1930-х гг. працавалі чатыры школы: беларуская, яўрэйская, польская і руская – усе яны месціліся ў аднапавярховых будынках. Сямён пайшоў у беларускую школу, яму запомніліся цяжкія матэрыяльныя ўмовы ў школе: бруд, адсутнасць сшыткаў і алоўкаў, да таго ж вучыцца яму замінала пастаяннае пачуццё голаду і неабходнасць падпрацоўваць [4, с. 40, 41].

Падобна як С. Ясінскі, вымушаны быў сумяшчаць працу па вялікай гаспадарцы і вучобу ў школе і клеччанін М. Абрамовіч. Ён пайшоў у «школу паўшэхну» (базавую сямігадовую школу) толькі ў 10 год – бо менавіта ў 1926 г. такая ўстанова адукацыі адчынілася ў Клецку. Паралельна Мустафа мусіў наведваць прыватную рэлігійную школу, дзе вучыўся асновам Ісламу і чытанню Кур'ана па-арабску. Такім чынам, да абеду М. Абрамовіч вучыўся ў польскай школе, пасля абеду ішоў у рэлігійную школку, а ўвечары спрабаваў сумяшціць выкананне дамашняга задання з дапамогай бацькам па гаспадарцы, што не заўсёды ўдавалася [9, с. 24]. Як вынік, М. Абрамовіч атрымліваў кепскія адзнакі ў школе, і яго нават пакінулі на другі год у пятым класе замест перавода ў шосты. Але сям'я вырашыла, што 15-гадоваму хлопцу досыць вучыцца, ён патрэбны дома для дапамогі ў гаспадарцы і ў гарбарні [9, с. 25].

У адрозненне ад М. Абрамовіча выхадцы з больш заможнай сям’і Х. і А. Александровічы скончылі клецкую польскую сямігадовую школу цалкам, аднак для аплаты працягу адукацыі сыноў у сям’і ўжо не заставалася грошай. Старэйшы сын сям’і, Адам, толькі год адвучыўся ў рамеснай школе ў г. Лунінец, а аўтар успамінаў, Хасень Мустафавіч, паспеў паступіць у гандлёвую гімназію ў мястэчку Косава ў верасні 1939 г., аднак павучыцца там ён не паспеў [6, с. 47].

Я. Сабалеўскаму запомнілася сцэна запісу ў школу ў вёсцы Лань у 1932 г. Туды яго прывёў першы раз старэйшы брат Раман, вучань гэтай школы, а не бацькі. Хлопцы доўга чакалі на калідоры каля настаўніцкай, але на іх ніхто доўга не звяртаў увагі. Настаўніцы не спадабалася татарскае імя Ях’я, і яна запісала хлопца як Яна Сабалеўскага, не пытаючыся яго дазволу [10, с. 53]. Ва ўспамінах мала гаворыцца пра змест вучобы, бо польская мова не надта захапляла Ях’ю [10, с. 54]. Татарскія дзеці школы ў Лані вучыліся рэлігіі ў паўшэхнай школе на ўроках Закона Богага [10, с. 49]. Малы Ях’я хадзіў на ўрокі не толькі Ісламу, але і з цікавасцю слухаў праваслаўнага святара, які не забараняў прысутнічаць іншаверцу. Адночы перад святам Раства Хрыстова святар падараваў усім вучням крыжыкі з выявай Ісуса Хрыста, а Ях’і даў вялікі чырвоны яблык. На перапынку аднакласнік Ях’і прапанаваў яму крыжык у абмен на палову яблыка, і Ях’я пагадзіўся, а атрыманы крыжык доўга захоўваў у сябе [10, с. 50]. Падобна і Якуб Якубоўскі, вядомы дзеяч беларускага татарскага нацыянальна-культурнага руху, чыё дзяцінства прайшло ў вёсцы Камаі на Пастаўшчыне ў міжваенны перыяд, у паўшэхнай школе заставаўся на ўроке Закона Богага для католікаў, хаця іншаверцаў адпускалі дахаты, і ксёндз не забараняў яму прысутнічаць [18, с. 21].

Я. Сабалеўскі адзначаў, што межэтнічныя стасункі ў школе, дзе вучыліся татары, беларусы і палякі, былі ў цэлым спакойныя. Аднак у самога Яна быў адзін вораг, Гурка (прозвішча ці мянушка, невядома), які дражніў яго абразлівай прымаўкай пра татар, з-за чаго хлопцы часта біліся на перапынках, і іх каралі, ставячы на калені ў кутах класа. Адночы бойка скончылася стратай прытомнасці пабітага Гуркі проста на ўроку, пасля чаго былі выкліканы ў школу бацькі абодвух хлопцаў. Тата Я. Сабалеўскага, даведаўшыся аб прычынах бойкі, паставіў перад дырэктарам пытанне аб абразе годнасці сына і яго этнічнай прыналежнасці, у выніку Гурка больш у школе не крыўдзіў Я. Сабалеўскага ў школе, аднак яны працягвалі высвятляць адносіны па-за школай [10, с. 55, 56].

Аўтары ўспамінаў адзначаюць, што вучоба ў школе ім у цэлым падабалася, аднак былі розныя акалічнасці, якія заміналі добрай вучобе. Часам гэта была вялікая матэрыяльная нястача, як у С. Ясінскага, які хадзіў у школу амаль што галодны і кепска спаўшы, рэлігійная адукацыя і праца па гаспадарцы замінала добра рыхтавацца да ўрокаў М. Абрамовічу, а Я. Сабалеўскі шчыра напісаў, што яму падабалася гуляць з хлопцамі ў валејбол на школьным двары і коўзацца на замерзлых стаўках на шляху дадому са школы, з-за чаго ён не паспяваў нармальна рабіць урокі – як вынік, Ях’ю ў трэцім класе пакідалі пасля ўрокаў вучыць табліцу множання [10, с. 5, 54].

Успамінаючы школьныя гады, аўтары мемуарных нататкаў апісвалі постаці настаўнікаў, але толькі татар. Так, Х. Аляксандравіч з задавальненнем успамінаў свайго настаўніка, былога варшаўскага імама Алі Варановіча, які ў 1939–1940 гг. выкладаў у 5-7 класах Клецкай сярэдняй школы рускую і нямецкую мовы ў 1939–1940 гг. Х. Александровіч адзначаў высокую культуру камунікацыі з вучнямі А. Варановіча, добрае веданне прадмета – нямецкай мовы, яго вялікі аўтарытэт сярод настаўнікаў школы (А. Варановіч меў дзве вышэйшыя адукацыі, ведаў шмат моў) [5, с. 30, 31]. А. Крыніцкі, ураджэнец ваколіцы Сандыкоўшчына (35 км ад Ліды), апублікаваў у трэцім нумары часопіса «Байрам...» за 1993 г. успаміны аб сваёй гаджыне (настаўніцы мусульманскай рэлігіі). Дзеці-татары з гэтых мясцін наведвалі польскую школу ў Васілішках (Шчучынскі раён), дзе ўрокі мусульманскай веры праводзіла Сафія Якубаўна Крыніцкая (Халецкая). У артыкуле прыводзіцца біяграфія настаўніцы. А. Крыніцкі распавядае пра змест рэлігійнай адукацыі для дзяцей, у якім галоўным было ўменне чытаць Кур’ан па-арабску, на памяць завучваліся некаторыя суры Кур’ана, малітвы з Хамаіла [2, с. 89]. У 1939 г. пасля далучэння Заходняй Беларусі да БССР школа ў Васілішках стала беларускай, што было добра, на думку А. Крыніцкага, але выкладаць рэлігію ў школе забаранілі, і татарскія дзеці сталі хадзіць дадому да С. Я. Крыніцкай. Прыход нямецкіх войск у 1941 г. не спыніў хатніх заняткаў рэлігіяй для татарскіх дзяцей [2, с. 90]. А. Крыніцкі адзначаў уплыў настаўніцы

на фарміраванне светапогляду і маральных якасцяў вучняў, падкрэсліваў, што як сама асоба гаджыні, якая адпавядала ўсім патрабаванням да набожнай татарскай жанчыны, так і яе настаўніцтва спрыялі фарміраванню этнакафесійнай свядомасці яе вучняў [2, с. 90].

Праблемай для татарскіх дзяцей міжваеннага перыяду было атрыманне прафесійнай ці нават сярэдняй адукацыі. Х. Александровіч успамінаў, што ў міжваенны перыяд сярод клецкіх татарараў вызначалася сям'я Хасеня і Эміліі Якубоўскіх, якія адзіныя змаглі даць вышэйшую адукацыю сыну і сярэдняю спецыяльную – дачке. Х. Александровіч зазначаў, што на гэта былі выдаткаваны грошы ад продажу 5 га зямлі, а таксама як чыгуначны служачы ў адстаўке Х. Якубоўскі меў зніжку на аплату навучання ў Віленскім палітэхнічным інстытуце для сына [5, с. 29].

М. Абрамовіч пасля сканчэння пяці класаў школы ў 1931 г. хацеў пайсці вучыцца рамяству, але рамесных школ, па яго словах, у Заходняй Беларусі ў 1931 г. не было (што насамрэч не адпавядала рэчаіснасці). Як старэйшы з хлопцаў у сям'і, ён дапамагаў бацькам па гаспадарцы да дасягнення прызыўнога ўзросту [9, с. 25]. Я. Сабалеўскі сямігадовую школу скончыў у 1939 г. у 14 год [10, с. 55]. Пасля ўваходжання Заходняй Беларусі ў склад БССР яго бацькі, досыць заможныя сяляне, спалохаліся савецкіх рэпрэсій і не пусцілі Ях'ю ў савецкую школу восенню 1939 г. Замест гэтага яго ўзімку 1940 г. яго выправілі пешшу на Палессе да брата маці, гарбара Юзефа Байрашэўскага, навучацца гарбарнаму рамяству [10, с. 76]. С. Д. Ясінскі скончыў толькі чатыры класы – у пяты яго не пусціў айчыным, матывуючы неабходнасцю дапамагаць яму ў працы грузчыка, каб карміць вялікую сям'ю [4, с. 41]. Аднак у 1940 г. пятнаццацігадовы Сямён пайшоў вучыцца ў школу ФЗН, хаця туды бралі звычайна 12–13-гадоў. Шэсць месяцаў вучобы запомніліся яму трохразавым харчаваннем і сном у сапраўдным ложку, чаго ён не бачыў дома. Пасля сканчэння школы ФЗН С. Ясінскі паспеў папрацаваць столярам у Магілёве, дзе і сустрэў пачатак Вялікай Айчыннай вайны [4, с. 41]. А вось браты Александровічы з Клецка, якія не жылі ў такой нястачы, як С. Ясінскі, заклікі паступаць у школы ФЗН успрынялі без энтузіязму, ім хацелася атрымаць вышэйшую адукацыю. Хасень і ягоны старэйшы брат Адам працягнулі пасля верасня 1939 г. вучобу ў сярэдняй школе, цешачыся з таго, што сярэдняя адукацыя ў СССР была бясплатная, і яе можна было атрымаць нават у Клецку. Аднак старэйшых вучняў савецкія ўлады перавялі да вучацца на тры гады ніжэй, як вынік, 17–18 гадовыя падлеткі сядзелі ў пятым класе разам з 12-годкамі, што старэйшых, канешне, не задаволіла [6, с. 47; 10, с. 74, 75].

Заклучэнне. Такім чынам, успаміны татар, што пражывалі на тэрыторыі БССР у межах 21.06.1941 г. у міжваенны час, з'яўляюцца важнай крыніцай па гісторыі паўсядзённасці дзяцінства. Усяго прааналізавана 10 апублікаваных успамінаў на польскай і беларускай мовах. Міжваенны перыяд стаў часам, калі яшчэ захоўваліся асяродкі кампактнага пражывання татарараў у вёсках, мястэчках і гарадах Беларусі, жыхары якіх працягвалі займацца традыцыйнымі заняткамі (земляробствам, агародніцтвам, гарбарствам), да сямейнай працы прыцягваліся і дзеці. Дзякуючы ўспамінам, можна вызначыць абавязкі дзяцей у татарскіх сем'ях, ступень іх удзелу ў хатніх справах, уплыў матэрыяльнага становішча сям'і на жыццё дзяцей (наяўнасць вольнага часу і спосабы яго баўлення, магчымасці для набыцця тавараў народнага спажывання). Трэба адзначыць значную ўвагу аўтараў успамінаў да апісання постацяў бацькоў, імкненне падкрэсліць іх працавітасць, строгаць да родных, наяўнасць аўтарытэту ў вачах лакальнай супольнасці (як татарараў, так і беларусаў), рэлігійную талерантнасць, але пры гэтым моцную павагу да сваіх звычайў.

Таксама ў міжваенны час шырокае распаўсюджанне ў параўнанні з папярэднім перыядам атрымалі дзяржаўныя школы з поліэтнічным складам насельніцтва, што было характэрна як для БССР, так і для Польшчы. Ва ўспамінах адлюстравана ўспрыманне свецкай школы татарскімі дзецьмі, асветлены міжканфесійныя і міжэтнічныя адносіны ў дзіцячым асяроддзі, стасункі з настаўнікамі, паказаны магчымасці ажыццяўлення рэлігійнага навучання. Як вынікае з успамінаў, у міжваенны перыяд большасць татарскіх дзяцей скончвалі не больш за сем класаў школы, таму зладзённай праблемай для іх быў працяг навучання, школьнага ці прафесійнага, аднак многім аўтарам успамінаў вырашыць гэтае пытанне перашкодзіў пачатак Вялікай Айчыннай вайны.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. *Хадембека, А.* Мы родам з вёскі Арда / А. Хадембека // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 1991. – № 2–3. – С. 66–67.

2. Крыніцкі, А. Гаджыня Зухра Крыніцкая / А. Крыніцкі // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 1993. – № 3. – С. 89–90.
3. З успамінаў Сямёна Ясінскага (1) // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 1994. – № 2. – С. 24–27.
4. З успамінаў Сямёна Ясінскага (2) // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 1995. – № 1. – С. 40–44.
5. *Александрович, Х. М.* Слово об Али Вороновиче / Х. М. Александрович // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 1998. – № 4. – С. 28–33.
6. *Александрович, Х.* Заметки из жизни одной татарской семьи в XX в. / Х. Александрович // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 2001. – Вып. 41. – С. 41–53.
7. *Alijewicz, H.* Wspomnienia lat młodości / H. Alijewicz // Przegląd tatarskie. – 2010. – № 1. – С. 21.
8. *Radecka, M.* Moje wspomnienia (1) / M. Radecka // Przegląd tatarskie. – 2011. – № 3. – С. 16–21.
9. *Abramowicz, M.* Droga mojego życia / M. Abramowicz ; red. M. Czachorowski. – Wrocław : Wydanie pierwsze, 2016. – 152 s.
10. *Sobolewski, J.* Z opowieści mojej matki oraz inny opowiadania / J. Sobolewski. – Wrocław : Muzułmański Związek Religijny w RP Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2019. – 200 s.
11. *Czerwiński, G.* Między świadectwem przeszłości a rodzinną legendą. O wspomnieniach Tatarów polskich / G. Czerwiński // Białostockie Studia Literaturoznawcze. – 2015. – № 7. – С. 232–246.
12. *Вабішчэвіч, А. М.* Грамадска-культурная дзейнасць татараў у Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. / А. М. Вабішчэвіч // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2008. – № 2 (67). – С. 46–52.
13. *Канапацкі, І. Б.* З гісторыі мусульманскай адукацыі татарскай дыяспары на Беларусі / І. Б. Канапацкі, А.-Б. Шабановіч // Нацыянальная адукацыя: адукацыя дыяспар : матэрыялы 6-й Міжнарод. навук. канф., Брэст, 1–3 крас. 1998 г. / Міжнарод. Акадэмія вывуч. нац. меншасцей ; рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст, 1998. – С. 10–14.
14. *Канапацкі, І. Б.* З гісторыі мусульманскай адукацыі татараў у Беларусі / І. Б. Канапацкі // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2005. – № 6. – С. 3–8.
15. *Канапацкая, З. І.* Адукацыя татараў у Беларусі ў 20–30-х гг. XX ст. / З. І. Канапацкая // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя, Філасофія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка, Культуралогія. – 2013. – № 4. – С. 40–43.
16. *Wróblewska, U.* Rodzina tatarska w Drugiej Rzeczypospolitej wobec transmisji kulturowej / U. Wróblewska // Wychowanie w Rodzinie. – 2011. – Т. 1. – С. 145–156.
17. *Czachorowski, M.* Tatarskie życie / M. Czachorowski // Droga mojego życia / M. Abramowicz ; red. M. Czachorowski. – Wrocław : Wydanie pierwsze, 2016. – С. 7–9.
18. *Якубоўская, Т.* Да 70-годдзя Якуба Адамавіча Якубоўскага / Т. Якубоўская // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 2002. – Вып. 42. – С. 21–31.

Паступіў у рэдакцыю 15.07.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 67–73

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The memories of the Belarusian Tatars as a source on childhood history of the interwar period

A. M. Abukhava

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

Oktiabrskaya St., 5, 230023, Grodno, Belarus; e-mail: obuhova_en@grsu.by

Abstract. In the introduction, the relevance of using the memoirs of the Belarusian Tatars for the studying of the history of childhood is substantiated, the historiography of the problem and the source base are considered, and the purpose of the article is to identify the features of reflection of childhood in the memoirs of Tatars, who lived on the territory of BSSR and the Western Belarus in 1921–1941. In the main part of the work, the specifics of the memoirs authors’ coverage of the period of life from the senior preschool age to 15–16 years (graduation and transition to work) are revealed. It was concluded that the Tatars memories about childhood which passed in BSSR and the Western Belarus in 1921–1941, allow to determine the children’s responsibilities in families, the degree of their involvement in household chores, the impact of the family’s financial level on the children’s lives. The authors paid attention to the description of the figures of the parents (especially father), tried to show the latter as hard-working, strict to relatives people, who enjoyed authority in the eyes of the local community and authorities. The memoirs well reflect the perception of the religious and secular schools by Tatar children, cover the interfaith and interethnic relations between schoolmates, relations with teachers. During the interwar period, most of Tatar children graduated from no more than seven grades of elementary school, so the issue of the continuation of school or vocational education was very topical for them and also covered in the memoirs. The materials of research can be used to study the history of the Tatar ethnic group of Belarus, the history of education in Western Belarus.

Keywords: ethnic minorities, Tatars, BSSR, Western Belarus, Poland, childhood, schooling, Islam.

References

1. Khadembeka A. We come from the village of Arda [*My rodam z veski Arda*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 1991, No. 2-3, pp. 66-67.
2. Krynitski A. Religious teacher Zuhra Krynitskaya [*Gadzhyنيا Zuhra Krynitskaia*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 1993, No. 3, pp. 89-90.
3. From the memoirs of Semyon Yasinsky (1) [*Z uspaminau Siamena Iasinskaga (1)*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 1994, No. 2, pp. 24-27.
4. From the memoirs of Semyon Yasinsky (2) [*Z uspaminau Siamena Iasinskaga (2)*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 1995, No. 1, pp. 40-44.
5. Aleksandrovich Kh. M. A word about Ali Voronovich [*Slovo ob Ali Voronoviche*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 1998, No. 4, pp. 28-33.
6. Aleksandrovich Kh. Notes from the life of Tatar family in the 20th century [*Zametki iz zhizni odnoi tatarskoi sem'i v XX v.*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 2001, vol. 41, pp. 41-53.
7. Alijewicz H. The memories of the years of youth [*Wspomnienia lat młodości*]. *Tatar review*, 2010, No. 1, p. 21.
8. Radecka M. My memories (1) [*Moje wspomnienia (1)*]. *Tatar review*, 2011, No. 3, pp. 16-21.
9. Abramowicz M. The road of my life [*Droga mojego życia*]; Ed. by M. Czachorowski. Wrocław, 2016, 152 p.
10. Sobolewski J. From my mother's tale and other stories [*Z opowiesci mojej matki oraz inny opowiadania*]. Wrocław, 2019, 200 p.
11. Czerwiński G. Between testimony of the past and family legend. About memories of the Polish Tatars [*Między świadectwem przeszłości a rodzinną legendą. O wspomnieniach Tatarów polskich*]. *Białostok Literary Studies*, 2015, No. 7, pp. 232-246.
12. Vabishchevich A. M. The socio-cultural activity of Tatars in Western Belarus in the 1920s-1930s [*Hramadska-kul'turnaia dzeinasts' tatarau u Zakhodniai Belarusi u 20-30 hh. XX st.*]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History, Philosophy, Political Science*, 2008, No. 2 (67), pp. 46-52.
13. Kanapatski I. B., Shabanovich A-B. From the history of Muslim education of the Tatar diaspora in Belarus [*Z historyi musul'manskai adukatsyi tatarskai dyiaspary na Belarusi*]. *National education : education of diasporas : materials of the 6th Int. scientific conf.*, Brest, Apr. 1-3, 1998; Ed. by S. Yatskevich. Brest, 1998, pp. 10-14.
14. Kanapatski I. B. From the history of Muslim education of Tatars in Belarus [*Z historyi musul'manskai adukatsyi tatarau u Belarusi*]. *History: Problems of Teaching*, 2005, No. 6, pp. 3-8.
15. Kanapatskaya Z. I. Education of Tatars in Belarus in the 20-30s of the 20th century [*Adukatsyia tatarau u Belarusi u 20-30kh hh. XX st.*]. *Vesti of BSPU. Series 2, History, Philosophy, Political Science, Sociology, Economics, Cultural Studies*, 2013, No. 4, pp. 40-43.
16. Wróblewska U. The Tatar family in the Second Polish Republic in the face of cultural broadcasting [*Rodzina tatarska w Drugiej Rzeczypospolitej wobec transmisji kulturowej*]. *Family upbringing*, 2011, vol. 1, pp. 145-156.
17. Czachorowski M. Tatar's life [*Tatarskie życie*]. M. Abramowicz The road of my life [*Droga mojego życia*]; Ed. by M. Czachorowski. Wrocław, 2016, pp. 7-9.
18. Yakubouskaya T. To the 70th anniversary of Yakub Adamovich Yakubovsky [*Da 70-hoddzia Iakuba Adamavicha Iakubouskaha*]. *Bayram. Tatars on the land of Belarus*, 2002, vol. 42, pp. 21-31.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

УДК 930(476)''19''

В. А. Белозорович

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1960-е – НАЧАЛЕ 1970-х гг.

Во введении указан объект исследования – белорусская национальная историография. Определена актуальность темы исследования, связанная с отсутствием в науке специальных работ, посвященных формированию единой концепции истории Беларуси в 1960-е – начале 1970-х гг., представленной в обобщающих изданиях по истории БССР. Цель исследования – раскрыть процесс разработки концепции истории Беларуси при подготовке академического проекта «Гісторыя Беларускай ССР» в пяти томах, изданных в 1972–1975 гг. В основной части статьи освещено начало разработки проекта «Гісторыя Беларускай ССР» в восьми томах в 1960 г., инициированное Центральным комитетом Коммунистической партии Белоруссии. Идея издания новой обобщающей работы по истории БССР исходила из сложившейся практики празднования государственных юбилейных дат в стране: к 50-летию образования Белорусской ССР историки республики должны были подготовить новый синтетический труд, только объем издания пришлось уменьшить до пяти томов. Концепция истории Белорусской ССР была разработана по принципу соответствия концепции истории Советского Союза, что проявилось в наличии кураторов каждого тома, назначенных из числа московских историков, рецензировании текста сотрудниками Института истории Академии наук СССР. Большое внимание уделено подготовке первой и второй книг, посвященных первобытнообщинной, феодальной и капиталистической формациям. Остальные книги раскрывали, освещали процесс построения и развития социалистического общества в Беларуси, осуществляемый под руководством Коммунистической партии и советского правительства. Исследование основано на письменных источниках, представленных стенограммами научного обсуждения концепции истории Беларуси, рецензиями на отдельные книги пятитомного издания, решениями Ученого совета Института истории АН Белорусской ССР. Тексты неопубликованных источников расположены в Центральном научном архиве национальной академии наук Беларуси. Многие из них впервые введены в научный оборот. Полученные результаты могут быть применены в учебной и научной деятельности преподавателей высшей школы в процессе преподавания учебных дисциплин, разработке проблем национальной историографии.

Ключевые слова: историография, белорусская историография, советская историография, история Беларуси, концепция истории Беларуси, обобщающие издания.

Введение. Концепция истории Беларуси, разрабатываемая со второй половины XIX в., представлена многочисленными ее вариантами. В послевоенный период в БССР были подготовлены «История Белорусской ССР» в двух томах (1954–1958 гг.) и пяти томах (1972–1975 гг.) как результат научной деятельности историков республики. Причем пятитомное издание представляло собой наиболее отображение прошлого Беларуси на основе марксистско-ленинской методологии. Процесс формирования синтетической концепции истории Беларуси в 1960-е – начале 1970-х гг. не получил освещения в отечественной историографии и требует научной разработки.

Цель статьи – раскрыть процесс разработки концепции истории Беларуси при подготовке академического проекта «Гісторыя Беларускай ССР» в пяти томах, изданных в 1972–1975 гг.

Основная часть. К юбилейной дате, 50-летию образования БССР, предполагалось подготовить новую многотомную работу по истории Беларуси в объеме восьми томов. Проект курировал Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии. С согласия Бюро ЦК КПБ 1–3 июня 1960 г. в Минске состоялось Республиканское совещание историков. Открыл встречу заведующий отделом науки, вузов и школ при ЦК КПБ Н. Ф. Капич. С основными докладами выступили директор Института истории АН БССР И. С. Кравченко и исполняющий обязанности директора Института истории партии при ЦК КПБ Н. М. Мешков. И. С. Кравченко раскрыл задачи, стоящие перед историками Беларуси в свете решений XXI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Директор Института истории партии осветил проблему научной разработки истории Коммунистической партии Белоруссии. Сообщения об использовании архивных документальных материалов по истории Беларуси и истории партии предоставили начальник Архивного управления при Совете Министров БССР А. И. Азаров, заместитель директора

Белозорович Виктор Александрович, канд. ист. наук, доц., зам. декана факультета истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Октябрьская, 5, 230023, г. Гродно, Беларусь; e-mail: v.belozorovich@grsu.by

Института истории партии при ЦК КПБ по партийному архиву С. З. Почанин. Ученые отметили, что в концепции истории Беларуси недостаточно полно представлена роль народных масс, слабо отражена руководящая роль коммунистической партии в процессе социалистического строительства, неудовлетворительно показаны закономерности развития социалистического общества, поступательный переход к коммунизму [1]. В прениях по докладам приняли участие заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М. А. Двойнишников, профессор Минского педагогического института А. П. Пьянков, директор Института истории АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжда, научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ М. Е. Шкляр, заведующий кафедрой истории БССР Белорусского государственного университета Л. С. Абецдарский. Также выступили ученые из Украины и Эстонии, сотрудник журнала «Вопросы истории КПСС». В работе совещания участвовали академик АН СССР И. И. Минц и руководитель группы отдела истории советского общества АН СССР В. Е. Полетаев [2].

Задача по подготовке многотомного труда была возложена на сотрудников Института истории АН Белорусской ССР. К 1961 г. был подготовлен план-проспект «Истории Белорусской ССР» в восьми томах [3, л. 1]. Его обсуждение привело к существенной корректировке проекта: было принято решение о подготовке пяти книг.

В начале 1967 г. завершилась авторская работа по составлению первого тома. Рукопись обсудили на заседании Ученого Совета Института истории АН БССР с участием московских историков. Первым выступил сотрудник Института археологии АН СССР В. В. Седов, который отметил, что три раза прочитал текст и пришел к выводу, что белорусские ученые успешно справились с поставленной задачей. Но, чтобы улучшить книгу, необходимо исправить некоторые недостатки. Одним из них историк назвал отсутствие единой концепции этнической истории Беларуси.

Серьезные замечания по макету первого тома высказал доктор исторических наук, уроженец Беларуси Н. Н. Улащик. Прежде всего, он отметил, что рукопись по сравнению с двухтомником более содержательна, учтены современные историографические подходы, введены в научный оборот новые источники. Вначале историк затронул важную для обобщающих изданий проблему унификации текста, поскольку в содержании книги прослеживаются повторы, различное написание фамилий, понятий, географических названий. К примеру, Скорина назван «Франциском», «Георгием», «Франтишком». Рецензент сказал: «Мне непонятно, что изменится в облике великого гуманиста, если его называть не Франциском, а Георгием?» [4, л. 40]. Высокую оценку ученого получили разделы, посвященные развитию сельского хозяйства Беларуси. Если ранее историки в области аграрной истории создавали, по его словам, «фантастические концепции», то к концу 1960-х гг. сложилась научная историография этого направления. В частности, в науке признали несостоятельным положение о прогрессирующем упадке сельского хозяйства с середины XVII по XVIII в.

Доктор исторических наук Е. И. Индова отметила успехи белорусских исследователей в изучении экономической истории сельского хозяйства, городов, вопросов культуры и классовой борьбы. Отдельно рецензент остановилась на приемах научного познания, акцентировав внимание коллег на использовании принципа эволюции, историко-сравнительного метода. Она была против «зеркальной» проекции процессов, происходивших в России, на белорусскую действительность. Критические замечания поступили в адрес главы, написанной Л. С. Абецдарским. Текст по авторским оценкам соответствовал предшествующим изданиям 1954 и 1961 гг. Е. И. Индова говорила: «С конца XVI в. сквозит благо присоединения к России. Но ведь в России у власти были такие же крепостники-феодалы. Мне кажется, что надо поставить вопрос о том, что Россия активно боролась за территорию Белоруссии, русская внешняя политика все делала, чтобы получить эти земли, опора шла на верхи, а не на народ, была смычка с верхами» [4, л. 19]. Также было указано авторскому коллективу определить новинки агротехники в первой половине XIX в., раскрыть состояние крестьянского хозяйства, показать особенности эволюции феодальной ренты, географическое районирование, роль еврейского населения в городах Беларуси [4, л. 20, 21].

Выступление заведующего кафедрой истории БССР БГУ Л. С. Абецдарского содержало замечания на текст первых восьми глав тома. Ученый критиковал львовского историка Д. Л. Похилевича за якобы необъективную картину эксплуатации крестьянства после аграрной реформы XVI в., следовательно, «фальсификаторы Мюнхена и Америки» получили основание

утверждать об отсутствии классовой борьбы в белорусской деревне. Следующее обвинение касалось характера Великого княжества Литовского. Д. Л. Похилевич не дал прямого ответа на этот вопрос, но со слов Л. С. Абецдарского, в личной беседе с ним Д. Л. Похилевич говорил о белорусском характере ВКЛ. Подобная точка зрения соответствовала позиции белорусской эмигрантской историографии [4, л. 25, 26].

Первый том пятитомной «Истории Белорусской ССР» в переводе на белорусский язык издали в 1972 г. [5]. В книге представлена концепция истории Беларуси с древнейших времен до реформы 1861 г. Ученые воспроизвели картину жизни древнего населения на белорусских землях в первобытную эпоху. В результате изучения археологических памятников в бассейнах Сожа, Припяти и Немана уточнить их возраст, культурную преемственность. Исследователи впервые комплексно представили первобытное общество в эпоху бронзового века на территории Беларуси. Также были выявлены памятники милоградской, зарубинецкой, днепродвинской культур и культуры штрихованной керамики, что позволило выдвинуть гипотезы об этнической принадлежности населения раннего железного века. Археологи доказали, что в каменном и бронзовом веках на территории Беларуси сформировалось доиндоевропейское население, а в XXII в. до н. э. пришла мощная миграционная волна индоевропейских племен.

На основе нового материала более отчетливо была поставлена проблема этногенеза славян на территории Беларуси. Профессор Минского педагогического института А. П. Пьянков в книге «Происхождение белорусского народа» (1948 г.) [6] раскрыл процесс расселения восточных славян, языковое и культурное единство Киевской Руси, формирование древнерусской народности. Через двадцать лет появилась монография М. Я. Гринבלата «Белорусы. Очерк происхождения и этнической истории» (1968 г.) [7]. Автор впервые в белорусской историографии обобщил проведенные археологические, антропологические, исторические и филологические исследования, предложил концепцию этногенеза белорусов, которая стала доминирующей в последующий советский период. В VI–VIII вв. произошло расселение восточных славян на территории Беларуси. Затем в IX–XIII вв. сложилась древнерусская народность, а в XIV–XVIII вв. сформировалась белорусская народность. Далее, наблюдалось складывание предпосылок белорусской нации. Позиция М. Я. Гринבלата несколько отличалась от позиции одного из авторов концепции древнерусской народности, заведующего кафедрой этнографии МГУ, профессора С. А. Токарева. Белорусский исследователь отрицал преемственность восточнославянских племен с современными восточнославянскими народами. Также он не признавал влияния на этногенез белорусов «балтского субстрата», концепцию которого в 1967 г. предложил доктор исторических наук, профессор В. В. Седов.

Обстоятельно охарактеризовано социально-экономическое и политическое положение белорусских земель в период Древнерусского государства и раздробленности. Этому способствовали результаты археологических исследований, проведенных в древних городах Беларуси. В 1965 г. кандидатскую диссертацию на тему «Древний Полоцк (IX–XIII вв.)» защитил Г. В. Штыхов [8]. Российский ученый Л. В. Алексеев исследовал археологию Полоцкой и Смоленской земель IX–XIII вв., проводил раскопки в Браสลаве, Друцке, Мстиславле. В монографии «Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии)» (1966 г.) Л. В. Алексеев доказал, что Полоцкое княжество являлось самостоятельной политической единицей Руси с оригинальной и самобытной культурой [9]. Научные сотрудники Института истории АН БССР Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко организовали ряд экспедиций по изучению полоцких кривичей и дреговичей. В 1966 г. они издали книгу, посвященную древнейшим городам Беларуси: Полоцку, Гродно, Пинску, Витебску, Минску, Турову [10].

В послевоенной советской историографии закрепилась феодальная концепция общественного развития восточных славян в IX–XIII вв., разработанная академиком Б. Д. Грековым. Историк доказывал, что у восточных славян, как и у древних германцев, разложение первобытнообщинного строя привело к формированию феодальных отношений. Поэтому в VI–VIII вв. господствовал дофеодальный уклад, а в IX – начале XII в. – феодальный. Историк утверждал положение о присоединении Полоцка к Киеву при князе Владимире в 980 г., об автономии Полоцкой земли и начале борьбы с Киевом при князе Брячиславе. Из белорусских историков к изучению этой проблемы обратилась доцент Минского педагогического института

В. И. Горемыкина. На основе обширного фактического материала в монографии «К проблеме истории докапиталистических обществ: на материале Древней Руси» (1970 г.) автор пыталась доказать значительную роль рабовладельческого уклада в Киевской Руси до XII в. [11].

К 1972 г. историки изучили предпосылки включения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, отметили длительность и сложность этого процесса, происходившего путем завоевания литовскими князьями удельных княжеств. При этом указывали на длительные связи и сближение (территориальное, экономическое, культурное и политическое – в интересах общей борьбы против агрессии крестоносцев) населения Литвы и Беларуси, складывавшиеся на протяжении столетий. Впервые показаны политические и социальные изменения, возникшие в общественном и государственном строе Великого княжества Литовского в связи с вхождением в состав княжества восточнославянских земель. Историки БССР во взглядах на ВКЛ опирались на монографию известного советского медиевиста В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» (1959 г.) [12]. Предложенная им концепция генезиса ВКЛ совпадала с позицией польских исследователей. Великое княжество Литовское считалось литовским по характеру государством, а средневековая Литва отождествлялась с современной Литвой, т.е. ВКЛ представляло собой продукт внутренней эволюции Литвы.

Отрицательно представлен феномен Люблинской унии 1569 г. Концепции белорусской истории было присуще положение о негативном воздействии унии на развитие белорусских земель и на положение белорусского народа, под которым подразумевались, прежде всего, два сословия – крестьяне и мещане. Люблинская уния содействовала усилению феодальной эксплуатации в связи с установлением фольварочно-барщинной системы организации феодального хозяйства, содействовала активному проникновению польских феодалов на белорусские земли, усилению позиций католической церкви. Со второй половины XVI в. на белорусских землях разворачивается широкое антифеодальное движение против социального, национального и религиозного гнета. Хозяйственный и культурный упадок в середине XVII – середине XVIII в. был обусловлен в первую очередь подавлением феодалами социальных выступлений, а не последствиями военных действий. Концепция истории Беларуси предусматривала положения о стремлении белорусского народа к воссоединению с Россией, о прогрессивном влиянии этого процесса на развитие экономики и культуры региона.

Первая половина XIX в. представлена как период кризиса феодально-крепостнических отношений и формирования капиталистической формации. Историки стремились показать взаимосвязь общественно-политического и революционно-освободительного движения на территории Беларуси с общероссийскими процессами. Благодаря исследованиям, проведенным В. В. Чепко [13; 14], предстала комплексная картина развития сельского хозяйства и городов Беларуси на фоне активизации классовой борьбы. События войны 1812 г. традиционно освещались как «отечественная война», чему содействовала монография Е. И. Корнейчика «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года» [15].

Второй том «Гісторыі Беларускай ССР» издали, как и первый, в 1972 г. Буржуазную эпоху отсчитывали от отмены крепостного права, которой предшествовала революционная ситуация 1859–1861 гг. На основе исследований М. Б. Фридман, Н. Н. Улащика и др. подробно раскрыт процесс подготовки и осуществления реформы 1861 г. в Беларуси, сопровождаемый ростом крестьянских выступлений, проведения последующих буржуазных реформ. Историки отметили особенности политики царизма в регионе, обусловленные влиянием восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Эта дискуссионная проблема получила окончательное разрешение в 1963 г., когда праздновали 100-летие этого события. В июле состоялось выездное заседание Ученого Совета Института истории АН БССР в Гродненском педагогическом институте имени Янки Купалы. В ходе обсуждения проблемы восстание признали антифеодальным, национально-освободительным, буржуазно-демократическим.

Экономическое развитие белорусских земель рассматривалось в контексте положения о едином всероссийском рынке. Историки стремились показать особенности пореформенных процессов, акцентируя внимание на доминировании крупного помещичьего землевладения, наличия аграрной перенаселенности в белорусской деревне, низкой концентрации промышленности, ее специализации по переработке сельскохозяйственного и лесного сырья. Благодаря исследованиям

З. Е. Абезгауза, М. Ф. Болбаса, Л. П. Липинского, В. П. Панютича, К. И. Шабуни и др. удалось глубоко осветить развитие капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Беларуси в 1861–1900 гг., рассмотреть вопросы трансформации помещичьего хозяйства, социальной дифференциации крестьянства, рост товарности сельского хозяйства, развитие всех типов промышленного производства, формирование рабочего класса. При этом историки указывали на сдерживающую роль феодальных пережитков, нарастание классовых противоречий. Тем самым они подводили читателя к выводу о наличии объективных и субъективных предпосылок в Беларуси для победы социалистической революции. В науке отказались от ранее существовавшей точки зрения, согласно которой Беларусь являлась колонией Российской империи.

Общественно-политические процессы на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в. раскрывались строго на основе работ В. И. Ленина. Это проявилось в трактовке народнического, социал-демократического движения, революций 1905–1907 гг. и 1917 г. События Первой русской революции стали предметом обсуждения на научной сессии, проведенной 27 декабря 1965 г. в Минске [16, л. 20]. Историки охарактеризовали задачи революции, показали расстановку в ней классовых и политических сил, особенности социального движения, роль политических сил. Правда, деятельность партии большевиков была представлена в отрыве от рабочего, крестьянского и солдатского движения [17]. Тем не менее историки БССР отметили значение газеты «Искра», деятельности В. И. Ленина, II съезда РСДРП для развития социал-демократического движения в Беларуси, негативно оценили позицию «левых» сил (Бунд, ПСР, ППС, БСГ и др.), либерально-буржуазного консервативного лагерей, сионистов [18, с. 123].

Сотрудники сектора истории Октябрьской революции и социалистического строительства Института истории АН БССР анализировали период от Октябрьской революции 1917 г. по завершение процесса построения социализма в БССР (1937 г.). Ученые к 1968 г. изучили новую литературу и документы для дополнения и уточнения содержания. В частности, использовали публикации непосредственных участников событий Октябрьской революции и гражданской войны В. Г. Кнорина, А. И. Криницкого, А. Ф. Мясникова и др. Авторы стремились показать роль рабочего класса в подготовке революции, руководящую роль В. И. Ленина и большевистской партии в борьбе за массы в период двоевластия. С новых позиций освещалась деятельность Военно-революционного комитета Западного фронта, события в августе 1917 г. в Орше. На более широком фактическом материале рассмотрены вопросы создания органов советской власти в Беларуси, истории гражданской войны, иностранной интервенции, образования БССР.

В соответствии со сложившейся концепцией истории СССР авторский коллектив разработал вопросы восстановления народного хозяйства, перехода от политики «военного коммунизма» к НЭПу, индустриализации и массовой коллективизации сельского хозяйства, построения экономического фундамента социализма и завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. Ученые разработали следующие проблемы: трудовая и политическая активность рабочего класса и крестьянства в годы первых пятилеток, роль советского государства в организации социалистического строительства, формирование новых производственных отношений в городе и деревне, ликвидация неграмотности, подготовка кадров специалистов высшей и средней квалификации, успехи в развитии науки, литературы и искусства в БССР [19, л. 48–51].

Трактовка исторических событий в БССР требовала строгого ее соответствия официальной концепции советской истории. На основе этого критерия тщательно осуществлялся подбор документов. Например, подготовка сборника документов «Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929 г. – 1932 г.)» (1972 г.) [20] растянулась почти на десять лет. Еще в 1964 г., в условиях политической «оттепели», Институт истории партии при ЦК КПБ предложил включить в сборник ряд источников, свидетельствующих о недостатках и ошибках в проведении коллективизации, о фактах «кулацкого искажения» политики партии. Приводились факты о том, как отдельные коммунисты и даже районные парторганизации основывали свою работу по коллективизации исключительно на методах администрирования и угроз. Отдел науки и культуры при ЦК КПБ, директор института Н. В. Каменская и ее заместитель С. З. Почанин признали нецелесообразным публикацию подобных документов [21, л. 103].

Сотрудники сектора истории Великой Отечественной войны Института истории АН БССР исследовали период с 1938 по 1945 гг. На основании впервые введенных в научный оборот фактов

из документов партийных и государственных архивов Москвы, Ленинграда, Минска авторы доказывали положения об успешном развитии экономики и культуры БССР в годы третьей пятилетки, проявившемся в трудовой активности рабочего класса и колхозного крестьянства, о повышении материального благосостояния трудящихся в предвоенный период. Освещение вопроса нахождения Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) основывалось на положениях довоенной историографии об угнетении населения со стороны буржуазно-помещичьей Польши, о революционной и национально-освободительной борьбе трудящихся, о воссоединении с БССР.

Основное место в томе отводилось Великой Отечественной войне. Сотрудники сектора истории Великой Отечественной войны раскрыли начало военных действий, первые мероприятия КП(б)Б, направленные на мобилизацию населения республики для борьбы с врагом, ход оборонительных сражений летом 1941 г., действия отрядов народного ополчения и истребительных батальонов. Осмысление феномена Великой Отечественной войны осуществлялось на основе теории всенародной борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков. Поэтому партизанское движение и деятельность подпольных организаций представлены как основная форма организации массового народного сопротивления оккупантам. Впервые история партизанского движения получила внутреннюю (в три этапа) периодизацию, сохранившую свою актуальность по сей день. Через всё содержание книги проходит положение о ведущей роли КП(б)Б в деле организации и руководства всенародной борьбой белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов. Авторский коллектив собрал большой материал о подвигах воинов-белорусов на фронтах Великой Отечественной войны, трудовом героизме белорусского населения в эвакуации, в советском тылу, первых восстановительных работах [19, л. 96–100].

Концепцию истории Беларуси периода завершения строительства социализма и перехода к коммунизму разработали и готовили сотрудники сектора истории Беларуси послевоенного периода. Авторский коллектив стремился раскрыть «творческую активность рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции» Беларуси, развертывание социалистического соревнования, движения коллективов и ударников коммунистического труда. Исследовались вопросы восстановления народного хозяйства БССР, разрушенного в период немецко-фашистской оккупации, развития промышленности республики, ускорения темпов научно-технического прогресса, движения рационализаторов, организационно-хозяйственного и материально-технического укрепления колхозов и совхозов, ликвидации социально-экономического отставания западных областей БССР, расширения сферы культурной жизни. Все позитивные изменения в обществе объяснялись руководящей и направляющей ролью КПБ, решениями XX, XXI, XXII, XXIII съездов КПСС [22].

Заключение. Концепция отечественной истории в 1960-е – начале 1970-х гг. разрабатывалась в процессе подготовки первоначально восьмитомной, а затем пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР». Инициатива написания обобщающего труда по отечественной истории исходила от сотрудников Института истории АН БССР. К проекту были подключены историки из республиканских вузов и ряда научно-организационных учреждений. Изучение проблем истории Беларуси осуществлялось в условиях координации научно-исследовательской деятельности ученых, их ориентации на изучение истории БССР советского периода и истории КПБ, поскольку именно эти направления должны были идеологически обеспечить построение коммунистического общества в СССР. «Гісторыя Беларускай ССР» в пяти томах (1972–1975 гг.) до середины 1990-х гг. стала основным академическим изложением концепции отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Совещание историков // Советская Белоруссия. – 1960. – 2 июня. – С. 1.
2. Совещание историков // Советская Белоруссия. – 1960. – 3 июня. – С. 1.
3. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Координационные планы Совета и материалы к ним. – 104 л.
4. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 548. Протоколы Ученого Совета и материалы к ним. – 264 л.
5. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 1 : Першабытнаабшчынный лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / рэдкал.: К. І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 632 с.
6. Пьянков, А. П. Происхождение белорусского народа / А. П. Пьянков. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1948. – 19 с.

7. Гринблат, М. Я. Белорусы: очерки происхождения и этнической истории / М. Я. Гринблат. – Минск : Наука и техника, 1968. – 287 с.
8. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Штыхов ; Акад. наук БССР ; Ин-т истории. – Минск, 1965. – 40 с.
9. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 295 с.
10. Штыхов, Г. В. Древнейшие города Белоруссии / Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко. – Минск : [б.и.], 1966. – 83 с.
11. Горемыкина, В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ: на материале Древней Руси / В. И. Горемыкина ; под ред. А. И. Козлова. – Минск : Выш. шк., 1970. – 76 с.
12. Пауто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пауто. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.
13. Чепко, В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века / В. В. Чепко. – Минск : Наука и техника, 1966. – 214 с.
14. Чепко, В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века / В. В. Чепко. – Минск : Наука и техника, 1972. – 267 с.
15. Корнейчик, Е. И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / Е. И. Корнейчик. – Минск : Госиздат БССР. Ред. соц.-экон. лит., 1962. – 117 с.
16. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Отчеты Совета и материалы к ним. – 53 л.
17. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2 : Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэдкал.: К. І. Шабуна (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 687 с.
18. Костюшко, И. И. Капитальный труд по истории Белоруссии / И. И. Костюшко, В. С. Петренко // Вопросы истории. – 1975. – № 2. – С. 121–128.
19. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 573. Протоколы Ученого Совета и материалы к ним. – 133 л.
20. Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929 г. – 1932 г.) : сб. док. и материалов / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук БССР, Центр. гос. арх. – Минск : Беларусь, 1973. – 424 с.
21. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 248. Материалы по изданию сборника документов «Проведение сплошной коллективизации в Белоруссии (1929–1934 гг.). План научно-исследовательской работы Института истории партии при ЦК КПБ – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на 1964 г. Замечания по макету «Краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)». – 137 л.
22. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 5 : Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945 – 1974 гг.) / рэдкал.: А. А. Філімонаў (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 775 с.

Поступила в редакцию 23.09.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 74–81
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Development of the concept of the history of Belarus in the 1960s – early 1970s

V. A. Belozorovich

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

Oktiabrskaya St., 5, 230023, Grodno, Belarus; e-mail: v.belozorovich@grsu.by

Abstract. The introduction specifies the object of research – the Belarusian historiography. The relevance of the research topic is determined due to the lack of special works in science devoted to the formation of a unified concept of the history of Belarus in the 1960s – early 1970s, presented in generalizing publications on the history of the BSSR. The purpose of the research is to reveal the process of developing the concept of the history of Belarus in the preparation of the academic project “History of the Belarusian SSR” in five volumes published in 1972–1975. The main part of the article covers the beginning of the development of the project “History of the Belarusian SSR” in eight volumes in 1960, initiated by the Central Committee of the Communist party of Belarus. The idea of publishing a new general works on the history of the Byelorussian SSR came from the established practice of the celebration of national anniversaries in the country: the 50th anniversary of the Byelorussian SSR historians of the Republic was to prepare new synthetic work, only the volume had to be reduced to five volumes. The concept of the history of the Byelorussian SSR was developed on the basis of the concept of the history of the Soviet Union, which was manifested in the presence of the curators of each volume that is assigned from among Moscow historians, reviewing of the text by the staff of the Institute of history, Academy of Sciences of the USSR. Much attention was paid to the preparation of the first and second books on primitive communal, feudal and capitalist formations. The rest of the books covered the process of building and developing a socialist society in Belarus, carried out under the leadership of the Communist party and the Soviet government. The research is based on written sources

provided by transcripts of scientific discussion of the concept of the history of Belarus, reviews of individual books of the five-volume edition, and decisions of the Academic Council of the Institute of history of the Belarusian SSR. The texts of unpublished sources are located in the Central scientific archive of the national Academy of Sciences of Belarus. Many of them are being introduced into scientific circulation for the first time. The results obtained can be applied in the educational and scientific activities of higher school teachers in the process of teaching academic disciplines, the development of problems of national historiography.

Keywords: historiography, Belarusian historiography, Soviet historiography, history of Belarus, concept of the history of Belarus, generalizing publications.

References

1. Meeting of historians [*Soveshchanie istorikov*]. *Soviet Belarus*, 1960, No. 128, p. 1.
2. Meeting of historians [*Soveshchanie istorikov*]. *Soviet Belarus*, 1960, No. 129, p. 1.
3. Central scientific archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB) [*Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv Natsional'noi akademii nauk Belarusi (TsNA NANB)*]. F. 6. L. 1. C. 1. Coordination plans of the Council and their materials [*Koordinatsionnye plany Soveta i materialy k nim*]. 104 p.
4. CSA NASB [*TsNA NANB*]. F. 3. L. 1. C. 548. Minutes of the academic Council and materials to them [*Protokoly Uchenogo Soveta i materialy k nim*]. 264 p.
5. History of the Belarusian SSR : in 5 vol. Vol. 1 : Primitive community system in Belarus. The era of feudalism [*Historyia Belaruskai SSR : u 5 t. T. 1 : Pershabytnaabshchynny lad na terytoryi Belarusi. Epokha fealdalizmu*]; ed. board: K. I. Shabunia (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 1972, 632 p.
6. Piyankov A. P. Origin of the Belarusian people [*Proiskhozhdenie belorusskogo naroda*]. Minsk, 1948, 19 p.
7. Grinblat M. Ya. Belarusians: essays on origin and ethnic history [*Belorusy: ocherki proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii*]. Minsk, 1968, 287 p.
8. Shtykhov G. V. Ancient Polotsk (9th-13th centuries) [*Drevnii Polotsk (IX-XIII vv.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*]. Minsk, 1965, 40 p.
9. Alekseev L. V. Polotsk land: (essays on the history of Northern Belarus) in 9th-13th centuries [*Polotskaia zemlia: (ocherki istorii Severnoi Belorussii) v IX - XIII vv.*]. Moscow, 1966, 295 p.
10. Shtykhov G. V., Lysenko P. F. Ancient cities of Belarus [*Drevneishie goroda Belorussii*]. Minsk, 1966, 83 p.
11. Goremykina V. I. On the problem of the history of pre-capitalist societies: on the material of Ancient Russia [*K probleme istorii dokapitalisticheskikh obshchestv: na materiale Drevnei Rusi*]. Minsk, 1970, 76 p.
12. Pashuto V. T. Formation of the state of Lithuania [*Obrazovanie Litovskogo gosudarstva*]. Moscow, 1959, 531 p.
13. Chepko V. V. Agriculture of Belarus in the first half of the 19th century [*Sel'skoe khoziaistvo Belorussii v pervoi polovine XIX veka*]. Minsk, 1966, 214 p.
14. Chepko V. V. Class struggle in the Belarusian village in the first half of the 19th century [*Klassovaia bor'ba v belorusskoi derevne v pervoi polovine XIX veka*]. Minsk, 1972, 267 p.
15. Korneichik E. I. The Belarusian people in the Patriotic war of 1812 [*Belorusskii narod v Otechestvennoi voine 1812 goda*]. Minsk, 1962, 117 p.
16. CSA NASB [*TsNA NANB*]. F. 6. L. 1. C. 12. Council reports and related materials [*Otchety Soveta i materialy k nim*]. 53 p.
17. History of the Belarusian SSR : in 5 vol. Vol. 2 : Belarus in the period of capitalism (1861-1917) [*Historyia Belaruskai SSR : u 5 t. T. 2 : Belarus' u peryiad kapitalizmu (1861-1917 hh.)*]; ed. board: K. I. Shabunia (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 1972, 687 p.
18. Kostyushko I. I., Petrenko V. S. Capital work on the history of Belarus [*Kapital'nyi trud po istorii Belorussii*]. *Question of history*, 1975, No. 2, pp. 121-128.
19. CSA NASB [*TsNA NANB*]. F. 3. L. 1. C. 573. Minutes of the Academic Council and materials to them [*Protokoly Uchenogo Soveta i materialy k nim*]. 133 p.
20. Conducting continuous collectivization of agriculture in the Belarusian SSR (November 1929-1932) : collection of documents and materials [*Provedenie sploshnoi kollektivizatsii sel'skogo khoziaistva Belorusskoi SSR (noiabr' 1929 g. - 1932 g.) : sb. dok. i materialov*]. Minsk, 1973, 424 p.
21. National archives of the Republic of Belarus [*Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'*]. F. 4p. L. 73. C. 248. Materials for the publication of the collection of documents "Conducting continuous collectivization in Belarus (1929-1934)". Plan of research work of The Institute of party history under the Central Committee of the Communist party of Belarus - a branch of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the Communist party of the Soviet Union for 1964. Comments on the layout of the "Brief history of the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941-1945)" [*Materialy po izdaniiu sbornika dokumentov "Provedenie sploshnoi kollektivizatsii v Belorussii (1929-1934 gg.)". Plan nauchno-issledovatel'skoi raboty Instituta istorii partii pri TsK KPБ - filiala Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS na 1964 g. Zamechaniia po maketu "Kratkoi istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soiuza (1941-1945 gg.)"*]. 137 p.
22. History of the Belarusian SSR : in 5 vol. Vol. 5: The Belarusian SSR in the period of creation of the developed socialist society and construction of communism (1945-974) [*Historyia Belaruskai SSR : u 5 t. T. 5 : Belarускаia SSR u peryiad stvarennia razvitoha satsyialistychnaha hramadstva i budaunitstva kamunizmu (1945-1974 hh.)*]. Academy of Sciences of the BSSR, Inst. of History. Minsk, 1975, 775 p.

Філасофія

Сацыяльная філасофія

УДК 130.2

В. Л. Петрушак

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ВОЛНОВОЙ ДИНАМИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье проанализированы основные аспекты влияния сферы культуры на волновую динамику развития общества. Обоснована мысль о том, что прогрессивно-поступательные и циклические концепции социокультурного развития общества исторически сыграли свою роль в раскрытии действительных закономерностей истории. Третий цикло-волновой подход учитывает цикличность динамики социокультурных систем, но лишь как проявление этапности непрерывного и необратимого в целом процесса эволюции общества. В статье отмечено, что экономические и политические отношения базируются на основе определенных программ деятельности людей, которые формируются в сфере культуры благодаря проявлению коллективных ритмов трудовой и иной деятельности, вызывают подъемы и спады эволюции социума, принимающие волнообразный характер. Цель работы состоит в выявлении культурных оснований бытия волновой динамики мировой истории. Научная новизна статьи заключена в том, что в статье обращено внимание на роль социокультурных программ деятельности людей, которые создают условия для социального выбора вариантов дальнейшего развития, которые при наличии ресурсной базы формируют цикло-волновую динамику развития социума. Во введении обращено внимание на роль сферы культурной жизни, генерирующие волны социокультурной динамики общества. В основной части рассмотрены теоретические модели развития общества, обращено внимание на роль деятельности социальных субъектов, коллективная деятельность которых порождает волновые колебания социума, показана роль социокультурных программ деятельности людей и значение их социального выбора как необходимых условий определения сути исторического процесса. Материалы исследования могут быть использованы для преподавания курса философии, всемирной истории и ряда других социогуманитарных наук и взаимосвязанных с ними спецкурсов. Кроме того, материал статьи можно использовать при написании научных работ, методических пособий и учебников.

Ключевые слова: культура, программы деятельности, субъективный фактор, социальный «цикл», социальная «волна», бифуркация, социальный выбор, равновесность.

Введение. В статье анализируется роль культуры, которая способствует генерированию волн социального развития. Отмечено, что закономерный характер развития социального бытия в экономических, политических и социальных отношениях есть следствие совместной деятельности людей, который базируется на коллективных ритмах трудовой и иной деятельности, основанных на определенных программах деятельности людей в сфере культуры. Эти программы вызывают подъемы и спады эволюции социума, принимая волнообразный характер, что зависит от особенностей социального выбора субъектов истории в критических (бифуркационных) точках исторического процесса.

Основная часть. Значимыми теоретическими моделями понимания динамики исторического процесса являются прогрессивно-поступательные и циклические концепции социокультурного развития общества. Исторически эти исследовательские модели сыграли свою роль в раскрытии действительных закономерностей истории. Однако с позиции современного философского знания они односторонне освещают многие стороны этого процесса.

Петрушак Валентин Львович, канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Захарова, 32, 230003, г. Гродно, Беларусь; e-mail: valentin70060@mail.ru

Так, достоинство прогрессивно-поступательного подхода (Д. Белл, З. Бжезинский, Г. В. Ф. Гегель, Ж. А. Кондорсе, О. Конт, К. Маркс, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, О. Тоффлер и т.д.) состоит в учете момента необратимости предыдущего состояния социальных систем. Кроме того, проявляется это в разработке теории диалектического перехода от одной исторической стадии общества к другой. Однако этот подход абсолютизирует прогрессивное движение общества, недооценивая значение циклических закономерностей и многовариантности истории, вытекающих из закономерной повторяемости подъема и спада социальной активности субъектов истории в какой-либо сфере социального бытия. Так, И. О. Гобозов считает: «Человечество непрерывно совершенствуется и идет по пути социального прогресса. Это универсальный закон общества» [1, с. 193]. В этой связи еще Г. Гердер предупреждал, что чем сложнее и многообразнее развитие, тем «менее возможна... прямая, по сути дела, линия асимптоты и тем сильнее колебания и вибрации, происходящие до тех пор, пока нарушенное равновесие не вернется к равновесию сил или гармонических движений» [2, с. 440]. Особенно большие затруднения прогрессивно-поступательные воззрения обнаруживают в объяснении общественных процессов, которые, с их точки зрения, выглядят как возврат к прошлому или как «отклонение» от магистрального пути развития, например «микенский регресс» или падение Римской империи, распад СССР и т.д.

Циклический подход (Н. Бердяев, Н. Я. Данилевский, К. Леонтьев, А. Тойнби, О. Шпенглер и т. д.) связан с пониманием истории общества, этноса, культуры и цивилизации как особых образований, которые эволюционируют с периодическим возвращением к исходному состоянию. Такая методологическая установка улавливает некоторые особенности волновых процессов в эволюции различных обществ и цивилизаций, но отрицает, как правило, момент их выхода на новый уровень организации системы, не сводимый к предыдущему состоянию, когда точка возврата не совпадает с точкой начала цикла. Так, Аристотель, например, обнаружил проявление цикличности в сфере политической деятельности Древней Греции. По его мнению, причина цикличности заключалась в том, что, поддаваясь нравственной порче, правители стали обогащаться за счет общественного достояния. В результате: «из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию» [3, с. 479]. В настоящее время представители циклизма уже начинают учитывать эту особенность, что способствует его превращению в парадигму «современного научного мышления» [4, с. 9].

Третий, еще только формирующийся цикло-волновой подход (Л. Н. Гумилёв, Н. Кондратьев, В. И. Пантин, П. А. Сорокин, А. Л. Чижевский, А. Шлезингер и т.д.) относится к анализу содержания и формы социокультурного развития общества. Он учитывает цикличность динамики социокультурных систем, но лишь как проявление повторяемости непрерывного и необратимости в целом поступательного процесса эволюции общества. В этой связи прогрессивнопоступательный и циклический подходы необходимо рассматривать как две концептуальные разновидности цикло-волновой динамики исторического процесса, абсолютизирующие соответствующие тенденции социального развития и имеющие ограниченное применение в понимании реальных тенденций истории.

Важнейшую роль в социокультурном развитии общества играет сфера культуры, которая способствует генерированию волн социального развития. Дело в том, что социальное развитие есть следствие совместной деятельности людей в различных сферах жизни общества. Как известно, подобная деятельность порождает экономические, политические, социальные и культурные феномены социального бытия, которые в свою очередь создают объективные закономерности социального бытия. Еще К. Маркс отмечал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [5, с. 6]. Причем на их основе возвышается юридическая и политическая надстройка, уровню развития, которых соответствуют определенные формы общественного сознания.

Несмотря на значимость подобной закономерности организации социума, представляется, что закономерный характер бытия экономических, политических и социальных отношений базируются на основе определенных программ деятельности людей, которые формируются в сфере культуры. Они включают в себя традиции, обычаи, моральные императивы, мифологемы, религиозные заповеди, юридические нормы, общественные идеалы и последствия их реализации «в конкретной среде обитания человека» [6, с. 23]. Эти программы обеспечивают «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [7, с. 61]. Их проявление, например коллективные ритмы трудовой и иной деятельности, вызывают подъемы и спады эволюции социума, принимая волнообразный характер, что зависит от особенностей социального выбора субъектов истории в критических (бифуркационных) точках исторического процесса.

Сегодня субъективный фактор истории стал реальной силой, определяющей судьбы целых поколений народов. З. Бауман отмечает: «будущее как раз и отличается от прошлого тем, что оставляет простор для человеческого выбора и действия. Без выбора нет будущего – даже если выбор состоит лишь в том, чтобы воздержаться от выбора и выбрать плавание по течению» [8, с. 115]. Ярким примером социального выбора является голосование по поправкам в конституцию России, которое состоялось 1 июля 2020 года, усилившее социальную направленность государства и ответственность органов власти в центре и на местах за принятие решений. По данным Центральной избирательной комиссии (ЦИК) «явка на голосование составила 67,97 %. Поправки поддержали 77,92 % голосовавших (57,7 млн человек), против изменений выступили 21,27 % (15,7 млн). В соответствии с указом президента поправки в Конституцию вступили в силу 4 июля» [9].

А. Тойнби подметил, что такой ритм порождается законом «Вызов–Ответ» как противодействие противоположной тенденции развития в обществе. В. И. Пантин подходит к решению этой проблемы с учетом принципа исчерпаемости ресурсного (экономического, идеологического, человеческого и т.д.) потенциала поступательного развития. «В самом общем виде основные причины возникновения волн и циклов социально-исторического развития состоят в том, что любое крупное изменение в обществе, любое действие в обществе создает противодействие, а любой масштабный исторический сдвиг чреват определенным откатом и, более того, с необходимостью порождает его. В итоге в истории реализуется сложное, колебательно-волновое движение, которое не сводится ни к линейно-поступательному, «прогрессивному» движению, ни к простому повторению одних и тех же циклов...» [10, с. 12, 13].

Таким образом, развитие общества осуществляется не автоматически, а в результате социального выбора людей, которая создавая возможность выбора альтернатив исторического развития в точках бифуркации, определяет суть динамики цикло-волновых процессов исторического развития. Волновая динамика формируется в специфических природно-географических, социально-исторических и цивилизационно-культурных условиях развития общества в процессе практической деятельности, коммуникации, обучения и воспитания субъектов общества, которая осуществляется в форме дуальной оппозиции, порождающей волновую динамику культуры. А. С. Ахиезер отмечал: «особенность культуры как сферы обеспечения движения МЕЖДУ смыслами обеспечивается организацией культуры как реально и потенциально бесконечного набора дуальных оппозиций, что всякое движение культуры имеет место МЕЖДУ полюсами дуальной оппозиции» [11, с. 32] как процесса противоречивого единства тенденций культурной интеграции и дезинтеграции социальных систем.

Однако сама по себе логика волновой динамики социума, порождаемая деятельностью субъектов истории, отрывается от их носителей, порождая цикло-волновые колебания различных сфер развития общества. Это обстоятельство позволяет перейти к исследованию методологических оснований проблемы социальной волнообразности в форме непрерывного самоорганизующегося процесса циклической смены фаз подъема и упадка, что означает выход общества на другой (как высокий, так и низкий) уровень социальной организации. Одновременно синтезируя представления о повторяемости в истории, выраженные в понятии «социальный цикл», и необратимости исторического процесса, отраженные в понятии «социальная волна»

как единства процессов необратимости и повторяемости в истории. В решении данной проблемы большую роль играют понятия «цикл» и «волна», как две стороны единого процесса развития общества. Для разграничения этих понятий необходимо использовать различие прерывности и непрерывности социального развития как следствие органической взаимосвязи поступательного, циклического и регрессивного движения. Качественно повторяемости обладает социальный «цикл», составляющий первичную единицу измерения волнового процесса. В то же время социальная «волна» есть проявление необратимости, так как включает в свой состав, как правило, целый ряд последовательно идущих друг за другом циклов.

Важнейшим при решении проблемы развития общества является понятие «социальный цикл», наиболее значимым примером которого можно считать «длинные волны» Н. Д. Кондратьева, динамика которых отражает процесс эволюции техногенной цивилизации в общемировом масштабе отмеченная в таблице 1.

Таблица 1 – Длинноволновые циклы Н. Д. Кондратьева

Цикл	Восходящая фаза	Нисходящая фаза	Технологические эпохи
1.	1789–1813	1813–1849	Эпоха водяного двигателя, ткацкого станка.
2.	1849–1843	1843–1897	Век пара.
3.	1897–1921	1921–1945	Эпоха стали, двигателя внутреннего сгорания.
4.	1945–1969	1969–1981	Эпоха нефти, атома, космоса.
5.	1981–2005	2005–2017	Эпоха компьютеров и телекоммуникаций.
6.	2017–2041	2041–2053	Эпоха био- и нанотехнологий.
7.	2053–2077	2077–2089	Эпоха когнитивных технологий.

Согласно теории длинных волн Кондратьева мировая экономика развивается волнообразно, с циклами (длинными волнами) протяженностью примерно в 45–60 лет, которые мы в дальнейшем будем именовать как длинноволновые, в рамках которых происходит смена «технологических укладов». Это означает, что производительные силы мирового рынка переходят на новый, более высокий уровень своего развития. Кондратьев разбил их на две фазы: повышательную и понижательную волны. Динамика этих циклов заключается в их внутреннем самодвижении и развитии от одного равновесного состояния к другому, переходе от восходящей стадии (т.е. «повышательной волны») к нисходящей (или «понижательной волне») и вновь к восходящей стадии («повышательной волне») следующего цикла. Таким образом, длинноволновые циклы Кондратьева представляют собой «процессы то нарастающего, то ослабевающего нарушения равновесия капиталистической системы то усиливающегося, то ослабевающего отклонения от уровня равновесия» на новом уровне социокультурного развития общества [12, с. 389]. Причем по мере интенсификации научно-технического прогресса циклы уплотняются и сжимаются, т.е. их продолжительность несколько сокращается. Так, со второй половины XX века длительность цикла сокращается в среднем до 40–45 лет против 50–55 лет в XIX веке.

В этой связи В. Н. Костюк указывает на значимость учения Кондратьева для развития мировой науки. «В определенном смысле... теория длинных волн Кондратьева способна занять в современных социально-экономических науках такое же место, какое в естественных занимает периодическая система Менделеева» [13, с. 91].

Первоначально под циклом, например, Аристотель понимал движение по кругу с возвращением к первоначальному состоянию. Так, по его замечанию, «мы можем утверждать, находясь на данной точке вращающегося круга, что мы живем «после» Троянской войны, но круг ведь продолжает вращаться, и позднее это «нас» приведет все к той же Троянской войне» [14, с. 53]. Однако такие циклы характерны лишь для простейших общественных процессов, служащих основой функционирования циклов исторического развития, которые имеют замкнутый характер. Между тем, как отмечает В. И. Пантин, под циклами истории необходимо понимать «не законченные круги исторического развития, когда в конце круга

все возвращается в исходную точку, а циклы эволюции» социальных систем [15, с. 10]. В этом случае цикличность – это повторение тенденций прошлого, но с новыми количественными и качественными характеристиками. Это «обратимая и в то же время поступательная смена социального процесса» [16, с. 37].

В циклической структуре волновой динамики социума необходимо выделить восходящую (социоизменчивость) и нисходящую (социостабильность) фазы развития, а также критические точки межфазовых и межпериодных переходов.

Фаза социоизменчивости есть, по мысли В. Лапкина, смена структур и институтов общества [17, с. 29], а также его идеологии. Во время этой фазы тенденция к децентрализации или «хаосу» преобладает над централизацией «порядком». Поэтому появляется разнообразие новых форм общественной жизни, происходит их «конкурентная борьба» за существование. Такой ход событий достигает своего наивысшего проявления в кульминационной (наивысшей) точке развития. Система идет по пути «прогресса», т.е. усложнения социальной структуры, что выражается в понятии «свобода» развития. Такое усложнение может проявляться в форме либерализации или демократизации общественной жизни, но возможны и крупные общественные потрясения. С одной стороны, эти процессы приводят к росту активности масс, а с другой – подталкивают правящие круги к проведению реформ. Примерами могут стать реформы Александра I, Александра II, П. А. Столыпина, а также Н. С. Хрущёва, М. С. Горбачёва, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и соответствующая им активизация общественной жизни.

В общественном развитии проявляется и фаза социостабильности, или «устойчивого «порядка», обусловленного доминированием тех или иных структур и институтов» [17, с. 29]. Это нисходящая фаза развития, когда происходит упрощение системы, т.е. ее регресс. Только применительно к этой фазе и в рамках ее границ развития можно говорить о временном устойчивом развитии, что приводит к усилению авторитарных или консервативных тенденций жизни общества. Основной девиз этой стадии – стабильность и порядок, а также социальные обязательства государства и общества. В своих крайних формах такая тенденция находила выражение в уже упомянутую эпоху тоталитаризма (1928–1953), а также брежневского застоя (1964–1982), а в еще более ранний период истории России – в эпоху Николая I (1825–1853). Однако по достижении точки минимума система впадает в состояние застоя, что связано с падением ее эффективности в решении общественных проблем и большими затратами ресурсов на свое содержание.

В свою очередь, восходящую и нисходящую фазы развития волнового цикла можно подразделить на определенные периоды:

1. Восходящая фаза делится на период становления, когда происходит формирование основных социальных явлений, характерных для цикла и период расцвета, когда эти явления приобретают разнообразие форм и проявлений.

2. Нисходящая фаза подразделяется на периоды стабильности, когда в результате отбора остаются наиболее жизнеспособные формы социальной организации и упадка, который связан с кризисом и ликвидацией нежизнеспособных форм социального бытия общества.

Границы фаз цикла всегда отмечены критическими точками цикла – начальной, максимума, серединной и точкой минимума. Наличие таких критических точек связано с феноменом бифуркации, т.е. непредсказуемости очередного поворота, а также с выбором путей дальнейшего развития. Причем, несмотря на появление множества альтернатив в моменты прохождения социальными системами точек бифуркации, реализуется лишь ограниченное их число. Эти точки представляют собой те зоны волновой динамики цикла, где тенденции порядка и хаоса находятся в определенной степени равновесности по отношению друг к другу. Так, в начальной и серединной точке цикла силы действия равны силам противодействия. В точке максимума сила действия – максимальна, а сила противодействия – минимальна. В то же время в точке минимума «все наоборот: сила противодействия – максимальна, а сила действия – минимальна» [18, с. 10]. Однако соотношение этих противоположных тенденций должно быть подчинено, по правилу «золотой пропорции» $= 0,618033\dots$, что является одним из главных свойств целостности системы. «Такое онтологическое неравенство при соблюдении равенства пропорции задает развитие системе» [16, с. 12].

Таким образом, социальный эволюционный цикл приобретает вид волнового процесса, включающего наличие обеих фаз развития напоминающий волну. В связи с таким пониманием цикла необходимо отметить, что в общественном развитии прослеживается не замкнутый, а волновой цикл, связанный с выходом процесса социального развития на новый уровень. Поэтому для раскрытия проблемы волнообразности истории необходимо отметить, что она может быть решена путем введения понятия «волновой цикл». Социальный «волновой цикл» – это структурная единица непрерывного цикло-волнового процесса в определенный период времени, выводящий развитие системы на новый уровень. Он связан с коренным качественным преобразованием системы, не сводимым к ее первоначальному состоянию.

Необходимо отметить, что развитие общества осуществляется не автоматически, а в результате социального выбора людей, выступающего важнейшим элементом решения возникающих в ходе его жизнедеятельности проблем. Такая деятельность составляет, по нашему предположению, суть динамики цикло-волновых процессов исторического развития. Социальные системы, будучи высокоорганизованными, обладают волнообразным типом движения, который куда более сложен, чем чисто поступательный или циклический процесс. Поэтому свойство самоорганизации есть следствие воздействия на них огромного числа человеческих действий, которые проявляются в отличие от природных циклов как ведущая тенденция общественного развития. В целом волновая динамика общества порождается ритмами коллективной трудовой, творческой, политической и социальной деятельности людей и неотделима от их сознательного выбора. Данный процесс реализуется как равнодействующая их индивидуальных волей в форме преобладающей тенденции жизни общества. Поэтому разрушение и воссоздание социальных структур на новом уровне организации происходит в обществе благодаря социальной активности людей, которые могут сознательно или стихийно направлять свою деятельность на разрушение старых или создание новых структур. Но в точках бифуркации массовая коллективная деятельность людей происходит спонтанно, хотя могут быть заранее подготовленные акции. Тем не менее результатом совместной деятельности людей является принятие какого-либо социально значимого решения в жизни общества, вытекающее из совокупности альтернативных вариантов, его развития.

Особенно значимый выбор осуществляется обществом в начальной точке волнового процесса. Но выбор вариантов развития ограничен когнитивными возможностями человека, связанными с возможностью реализации какого-либо варианта развития и историческими особенностями того или иного общества. Поэтому, как правило, наблюдается тенденции к избранию оптимального варианта, диктуемого логикой данного этапа развития общества, хотя случается, что выбор может падать и на худший вариант. В целом выбор обществом одного из вариантов дальнейшего развития, сделанный в критических точках цикло-волнового процесса, способствует проявлению определенной логики дальнейшего хода событий как в краткосрочной перспективе, так и в долгосрочном плане.

Заключение. В заключении можно сделать следующие выводы:

1. Прогрессивно-поступательный и циклический подходы необходимо рассматривать как две концептуальные разновидности цикло-волновой динамики исторического процесса, абсолютизирующие соответствующих тенденций социального развития и имеющих ограниченное применение в понимании реальных тенденций истории.

2. Закономерный характер бытия экономических, политических и социальных отношений базируются на основе определенных программ деятельности людей, которые формируются в сфере культуры.

3. Развитие общества осуществляется не автоматически, а в результате социального выбора людей, которая создавая возможность выбора альтернатив исторического развития в точках бифуркации, определяет суть динамики цикло-волновых процессов исторического развития.

Таким образом, цикло-волновой подход, учитывая цикличность динамики социокультурных систем, но лишь как проявление этапности непрерывного и необратимого в целом процесса эволюции общества, базируется на представлении о значимости социокультурных программ деятельности людей, порождающих волновую динамику развития общества как результат коллективной трудовой и иной деятельности людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гобозов, И. А.* Введение в философию истории / И. А. Гобозов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТЭИС, 1999. – 363 с.
2. *Гердер, И. Г.* Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер ; пер. с нем. А. В. Михайлова ; под ред. А. В. Гульги (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
3. *Аристотель.* Политика / Аристотель ; пер. с древнегреч. С. Жебелева ; общ. ред. А. И. Доватура // Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.
4. *Нефедов, С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 2005. – 543 с.
5. *Маркс, К.* Капитал. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. // Собр. соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 13. – С. 1–167.
6. *Ракитов, А. И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 14–34.
7. *Степин, В. С.* Культура / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С. 61–71.
8. *Бауман, З.* Свобода / З. Бауман ; пер. с англ. Г. М. Дашевского. – М. : Новое изд-во, 2006. – 132 с.
9. *Полякова, В.* Путин объяснил правильность поправок к Конституции России [Электронный ресурс] / В. Полякова // Информационного агентства «РБК». – Режим доступа : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f01be519a794705b858a23c>. – Дата доступа : 05.07.2020.
10. *Пантин, В. И.* Ритмы общественного развития и переход к постмодерну / В. И. Пантин // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 3–13.
11. *Ахиезер, А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии / А. С. Ахиезер // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 29–45.
12. *Кондратьев, Н. Д.* Большие циклы экономической конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.
13. *Лапкин, В. В.* Циклы, ритмы, волны: проблема доминирования политического развития / В. В. Лапкин // Политические исследования. – 2002. – № 4. – С. 26–31.
14. *Барг, М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1987. – 348.
15. Цикличность в социальных процессах (круглый стол) // Социологические исследования. – 1992. – № 6. – С. 36–46.
16. *Пантин, В. И.* Циклы и волны глобальной истории / В. И. Пантин – М. : Новый век, 2003. – 276 с.
17. *Сидоренко, И. В.* Эссе на тему: феномены проявления солнечной активности и золотой пропорции в истории России / И. В. Сидоренко, Н. В. Сидоренко. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 102 с.
18. *Соколов, Ю. Н.* Циклы социальных систем: проблемы методологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 09.03.11 / Ю. Н. Соколов ; Москов. гос. пед. ун-т. – М., 1996. – 35 с.

Поступила в редакцию 07.07.2020.

“*Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 82–89
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The role of culture in the formation of wave dynamics of the historical process

V. L. Petrushak

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

Zakharova St., 32, 230003, Grodno, Belarus; e-mail: valentin70060@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main aspects of the influence of the sphere of culture on the wave dynamics of the development of society. The idea that progressive and cyclical concepts of sociocultural development of society historically played a role in revealing the real laws of history is substantiated. The third cyclic-wave approach takes into account the cyclical dynamics of sociocultural systems, but only as a manifestation of the stages of the continuous and irreversible process of the evolution of society as a whole. The article notes that economic and political relations are based on certain programs of people’s activities, which are formed in the sphere of culture due to the manifestation of collective rhythms of labor and other activities, causing ups and downs in the evolution of society, which take a wavelike character. The purpose of the work is to identify the cultural foundations of being the wave dynamics of world history. The scientific novelty of the article lies in the fact that the article draws attention to the role of socio-cultural programs of people’s activities that create conditions for the social choice of options for further development, which, if there is a resource base, form the cyclic-wave dynamics of the development of society. In the introduction, attention is drawn to the role of the sphere of cultural life, generating waves of the sociocultural dynamics of society. In the main part, theoretical

models of the development of society are examined, attention is paid to the role of the activities of social actors, the collective activity of which generates wave fluctuations in society and the role of sociocultural programs of people's activities and the importance of their social choice as necessary conditions for determining the essence of the historical process are shown. The research materials can be used to teach the course of philosophy, world history and a number of other social sciences and humanities and related special courses. In addition, the material of the article can be used when writing scientific papers, teaching aids and textbooks.

Keywords: culture, programs of activity, subjective factor, social «cycle», social «wave», bifurcation, social choice, balance.

References

1. Gobozov I. A. Introduction to the philosophy of history [*Vvedenie v filosofiiu istorii*]. 2nd ed. Moscow, 1999, 363 p.
2. Gerder I. G. Ideas for the Philosophy of the history of mankind [*Idei k filosofii istorii chelovechestva*]; transl. from German by A. V. Mikhailov; Ed. by A. V. Gulyga (ch. Ed.) [et al.]. Moscow, 1977, 703 p.
3. Aristotle. Policy : in 4 vol. [*Politica : v 4 t.*]. Collection of writing; transl. from Ancient Greek by S. Zhebeleva; Ed. by A. V. Dovatur. Moscow, 1983, vol. 4, pp. 376-644.
4. Nefedov S. A. Demographic and structural analysis of the social and economic history of Russia. The end of the 15th - beginning of the 20th century [*Demograficheski-strukturnyi analiz sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii. Konets XV - nachalo XX veka*]. Yekaterinburg, 2005, 543 p.
5. Marx K., Engels F. Capital. Toward a critique of Political Economy [*Kapital. K kritike politicheskoi ekonomii v 50 t.*]. Marx K., Engels F. Complete Works : in 50 vol. [*Polnoe sobranie sochinenii : v 50 t.*]. 2nd ed. Moscow, 1961, vol. 13, pp. 1-167.
6. Rakitov A. I. A new approach to the relationship of history, information and culture: an example of Russia [*Novyi podkhod k vzaimosviazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii*]. *Philosophy Issues*, 1994, No. 4, pp. 14-34.
7. Stepin V. S. Culture [*Kul'tura*]. *Philosophy Issues*, 1999, No. 8, pp. 61-71.
8. Bauman Z. Liberty [*Svoboda*]; trans. from English by G. M. Dashevski. Moscow, 2006, 132 p.
9. Poliakova V. Putin explained the correctness of the amendments to the Constitution of Russia [*Putin ob "iasnil pravil'nost' popravok k Konstitutsii Rossii*]. Information Agency «RBC» [Electronic resource].
10. Pantin V. I. The rhythms of social development and the transition to postmodernism [*Ritmy obshchestvennogo razvitiia i perekhod k postmodernu*]. *Philosophy Issues*, 1998, No. 7, pp. 3-13.
11. Akhiezer A. S. Philosophical foundations of sociocultural theory and methodology [*Filosofskie osnovy sotsiokul'turnoi teorii i metodologii*]. *Philosophy Issues*, 2000, No. 9, pp. 29-45.
12. Kondratiev N. D. Large cycles of economic conditions [*Bol'shie tsikly ekonomicheskoi kon'iunktury*]. Large cycles of the market and theory of foresight. Selected Works [*Bol'shie tsikly kon'iunktury i teoriiia predvideniia. Izbrannye trudy*]; ed. board: L. I. Abalkin (ex. Ed.) [et al.]. Moscow, 2002, 767 p.
13. Lapkin V. V. Cycles, rhythms, waves: the problem of dominance of political development [*Tsikly, ritmy, volny: problema dominirovaniia politicheskogo razvitiia*]. *Policy research*, 2002, No. 4, pp. 26-31.
14. Barg M. A. Epochs and Ideas: The Formation of historicism [*Epokhi i idei : Stanovlenie istorizma*]. Moscow, 1987, 348 p.
15. Cycling in social processes (round table) [*Tsiklichnost' v sotsial'nykh protsessakh (kruglyi stol)*]. *Sociological research*, 1992, No. 6, pp. 36-46.
16. Pantin V. I. Cycles and waves of Global History [*Tsikly i volny global'noi istorii*]. Moscow, 2003, 276 p.
17. Sidorenko I. V., Sidorenko N. V. Essay on the topic: the phenomena of manifestation of solar activity and the golden ratio in the history of Russia [*Esse na temu: fenomeny proiavleniia solnechnoi aktivnosti i zolotoi proporsii v istorii Rossii*]. Moscow, 1999, 102 p.
18. Sokolov Yu. N. Cycles of social systems: problems of methodology [*Tsikly sotsial'nykh sistem: problemy metodologii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*]. Moscow, 1996, 35 p.

Е. В. Кузнецова

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ

Представленная статья посвящена проблеме рассмотрения идентичности субъекта в современной философии. Во введении утверждено, что ряд факторов, а именно интенсификация культурно-коммуникативного обмена, миграция населения, информационные технологии привели к значительной трансформации феномена идентичности на современном цивилизационном этапе. Цель работы – продемонстрировать на основе обзора ряда современных философских исследований с использованием сравнительно-исторического метода кризис понятия идентичности и выстроить свою модель системы идентичности личности с помощью конструктивистского и системного подходов. В основной части внимание обращено к краткому историческому обзору феномена идентичности, демонстрируя его сложность и многоаспектность. Представленные точки зрения и подходы современных философов (представителей психоанализа, экзистенциализма и др.), на которые опирается автор, доказывают кризис идентичности. Дано утверждение, что идентичность «Я» сегодня – явление многомерное, требующее выделения четких критериев, что является проблемным полем статьи. Основные методы и подходы: сравнительно-исторический метод, обобщения, конструктивистский и системный подходы соответственно. Сконструирована модель системы идентичности личности, основываясь на понятии системы Г. П. Щедровицкого. В конструировании данной модели и состоит научная новизна представленного исследования. Элементами системы в концепции Щедровицкого выступают процесс, набор внешних функций, внутренние функции, материал, организованность материала. В качестве критериев идентичности выделено следующее: коммуникация, рефлексия, ценностно-смысловая сфера, творчество, культурно-знаковая среда. Сделан вывод о том, что идентичность современной личности необходимо конструировать, в противном случае придется иметь дело с псевдоидентичностью. Результаты исследования можно применить в смежных областях научного знания при изучении проблемы личностной и коллективной идентичности: социологии, культурологии, психологии.

Ключевые слова: коммуникация, рефлексия, культурно-знаковая среда, ценностно-смысловая сфера, творчество, модель системы идентичности.

Введение. Рост информационных технологий, активизация культурно-коммуникативных практик, разрушение традиционных духовно-нравственных ориентиров, увеличение миграции населения – все это коренным образом трансформирует феномен идентичности сегодня. Как следствие этого – «размытость» понятия идентичности в последние десятилетия и необходимость его переосмысления. Не случайно к данной проблеме приковано внимание многих ученых, представителей современной гуманитаристики: философов, культурологов, социологов, психологов. При этом все они представляют множество трактовок идентичности. На наш взгляд, адекватное определение требует выделения четких критериев идентичности, поскольку современная действительность выдвигает постоянно меняющиеся требования к современному субъекту, заставляющие его находиться в поиске своего «Я». Именно выбор этих критериев как оснований для конструирования модели идентичности личности является проблемным полем нашего исследования.

Цель данной работы заключается в том, чтобы продемонстрировать на основе обзора ряда современных философских исследований с использованием сравнительно-исторического метода кризис понятия идентичности и выстроить свою модель системы идентичности личности с помощью конструктивистского и системного подходов, поскольку именно данные подходы помогают раскрыть всю сложность структуры современного субъекта и преодолеть некую фрагментарность в изложении проблемы.

Основная часть. Если мы обратимся к истории понятия идентичности, то обратим внимание, что в эпоху Нового Времени идентичность интерпретируется как результат социализации Кузнецова Евгения Владимировна, канд. филос. наук, доц., ст. науч. сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь; e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

и личной ответственности. Это раскрывают концепции И. Гердера, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма. В постклассической философии XX в. толкование идентичности практически полностью увязывается с проблемой индивидуализации личности. Отсюда формирование таких концептов, как: «псевдоидентичность», «спутанность идентичности», «стадная идентичность».

Все эти понятия активно разрабатываются, прежде всего, в психоанализе последователями З. Фрейда. Понятие спутанности идентичности вводится Э. Эриксонем. Оно представляет собой ощущение отсутствия или потери своих корней. Э. Эриксону принадлежит и термин «псевдоидентичность» – отсутствие целостности себя и возможности реализации этой целостности. Э. Фромм говорит о развитии новой стадной идентичности, в которой чувство тождественности основывается на чувстве принадлежности к толпе, чтобы не отличаться от других. Репрессивность, агрессивность, консюмеризм – данные мотивы доминируют в определении человека и его места в социуме в философии экзистенциалистов в XX в. Одиночество и потерянности человека, его подавление со стороны им же созданных социальных институтов и попытка избавиться от этого давления – об этом пишут А. Камю, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс.

Выделение сущности понятия «идентичность» во многом зависит от тех аспектов, в рамках которых рассматривается данный феномен. Еще Э. Эриксон выдвигает идею о множественности идентичности [1]. С его точки зрения, персональная и социальная идентичности составляют структуру идентичности. На идею множественности идентичности указывают также Р. Браун, Дж. Тернер. Впоследствии многие исследователи обращают внимание в своих работах на различные модификации (типы, виды) идентичности, составляющие, собственно, эту множественность. Каждая из модификаций предопределяет идеалы, нормы и правила поведения, ценностные ориентиры, лежащие в основе образа «Я». И каждый из этих аспектов или «измерений» требует отдельного рассмотрения. Таким образом, мы можем утверждать, что идентичность имеет свою иерархическую структуру, на что указывает еще Э. Эриксон, но, по справедливому замечанию Т. Г. Стефаненко, данная иерархическая структура не описана до сих пор [2]. Н. Деринг, в свою очередь, отмечает, что различные проявления идентичности позволяют нам представить ее в виде единой комплексной целостной модели [3, с. 124].

Идентичность всегда проявляется во взаимодействии с Другим, т.е. в коммуникации. При этом коммуникация позволяет человеку взглянуть на себя со стороны, т.е. осмыслить себя и свое место в жизни. Среда «обитания» современного субъекта носит культурно-знаковый характер, ценностно-смысловая сфера дает возможность выявить подлинную сущность человеческой личности. Поэтому данные критерии можно считать основаниями модели системы идентичности личности. Конструктивистский подход способствует представлению идентичности в виде сложной многомерной системы, а системный подход, в данном случае, мы используем для раскрытия целостности идентичности как объекта и взаимосвязи всех элементов. Базируясь на понятии системы известного советского методолога Г. П. Щедровицкого, мы попробуем сконструировать модель системы идентичности личности.

Для начала разберем смысл категории системы по Г. П. Щедровицкому [4, с. 25]. Всякий объект исследования, как считает Г. П. Щедровицкий, должен включать в себя пять следующих планов:

- 1) процесс, конституирующий данную систему;
- 2) набор внешних функций системы;
- 3) набор элементов и связей между ними, образующих структуру этой системы, т.е. структуру внутренних связей системы;
- 4) организованность материала системы, что обеспечивает протекание процесса;
- 5) собственно материал, на котором система разворачивается и строит себя.

Итак, мы ставим в центр нашей модели идентичности образ себя как представителя *Homo Sapiens*.

Процесс, конституирующий данную систему, – творческая деятельность, поскольку современный человек находится в постоянном поиске, поиск себя, своей идентичности – уже творчество. Идентичность «творится», «конструируется».

Проблема самости как проявления творческой сущности человека освещается еще в психоанализе. Ее разработкой занимается Г. С. Салливан, а затем и К. Юнг. В концепции

К. Юнга самость шире сознания, она представляет собой «микрокосм человека» и архетип коллективного бессознательного, а идентичность самости восходит к внутреннему образу Бога в душе [5, с. 143]. Для экзистенциалистов (А. Камю, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) самость отождествляется с экзистенцией, это обретение себя через кризисные состояния (бунт, самоубийство), творение своей жизни. Самость обнаруживается сознанием при осознании собственного существования в кризисные моменты жизни. Причем кризис личностного сознания есть существенный импульс преобразования человека, актуализации смысла его бытия и способствует достижению подлинной идентичности. Прохождение кризисных ситуаций, обладающих трансформационным потенциалом, задает вектор дальнейшего развития самости. Самость – это синоним становления и раскрытия личности с точки зрения экзистенциалистов.

Внешние функции системы – это коммуникация, коммуникационный взаимообмен, когда через диалог с другими человек лучше понимает и осознает себя. Коммуникация с ее внутренними векторами – пониманием и аргументированием – выступает экзистенцией человека-исследователя. В этой связи рассмотрим роль коммуникации в формировании идентичности у некоторых философов.

Как пишет Ю. Хабермас, идентичность конструируется на границе двух взаимоопределяющих ее состояний: консенсуса и конфронтации [6, с. 110]. Консенсус – это то, что объединяет личность с другими, делает похожей на других. Конфронтация – обратное состояние, индивидуальная специфичность, особенности, характерные только для данной личности, больше не для кого другого. Идентичность можно охарактеризовать как попытку баланса между фантомом нормальности («быть таким, как все») и фантомом уникальности («быть не таким, как все»). Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной идентичностью, причем личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, а социальная идентичность помогает выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. «При выполнении этих социальных ролей «индивид обретает не личную, биографическую идентичность, а некое местечко в существующей социальной категоризации, т.е. социальную идентичность, и только через нее частицу личной идентичности». Идентичность, таким образом, по Хабермасу, – это поиск себя и конструирование себя в своем социальном окружении.

Для М. Бахтина ключевое понятие – это диалог. Он высказывает по этому поводу следующую мысль: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответственность, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [7, с. 295]. Только во взаимодействии со средой, через общение с другими людьми, в диалоге человек осознает себя в полной мере и приобретает свои личностные, индивидуальные характеристики. Представим основные формы диалога, по мнению исследователя. Первая – диалог как основа человеческого взаимопонимания. «Где начинается сознание, там... начинается и диалог» [7, с. 320]. Вторая – диалог как основа речевых жанров. «Жанр есть не что иное, как кристаллизованная в знаке историческая память перешедших на уровень автоматизма значений и смыслов... Жанр – это представитель культурно-исторической памяти в процессе всей идеологической деятельности... (летописи, юридические документы, хроники, научные тексты, бытовые тексты: приказ, брань, жалоба, похвала и т.д.)» [7, с. 326]. Третья – диалог как форма общения. «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только диалогически общаться... и слышать отголоски большого диалога» [7, с. 330]. То есть для Бахтина диалог с самим собой обязателен, именно через него он осознает себя и включается во всеобщее пространство культуры, т.е. в некий макродиалог.

Внутренняя структура функций элементов системы – рефлексия, поскольку субъект именно через самоанализ своих действий и поступков структурирует себя.

Г. П. Щедровицкий считает, что самоопределение есть самый важный акт для всякого человека в его жизни. «Если обстоятельства складываются таким образом, что самоопределения

не происходит, то человек не становится» [8, с. 58, 59]. Самое главное при осуществлении самоопределения для человека, как он отмечает, – выход в рефлексию. Исследователь выделяет два уровня рефлексии. Первым уровнем рефлексии он называет рассмотрение человеком бывших рамок своей жизни как предмета своего действия. Выходя в рефлексивную позицию, индивид как бы порывает со своим социальным целым и становится в недозволенную позицию. Второй уровень рефлексии – это выход на позицию рефлектирующего уже по отношению к себе рефлектирующему. Оформляется же рефлексия в мыслительной форме, а значит, в речевом выражении, т.е. коммуникация является для Щедровицкого ключевым условием для осуществления рефлексии и, следовательно, самоопределения.

Рефлексия выступает внутренним механизмом социокультурной идентификации еще у ряда авторов. В частности, Е. И. Исаев и В. И. Слободчиков выдвигают тезис, что рефлексия направлена на самоопределение и обусловлена многообразными реально-практическими ситуациями социального бытия человека, требующими от него развитого умения грамотно взаимодействовать с другими людьми [9, с. 95]. Е. И. Исаев и В. И. Слободчиков соотносят проблему рефлексии с проблемой определения способа жизни и выделяют два вида рефлексии: внешнюю и внутреннюю. Внешняя рефлексия формирует феноменальный слой сознания, внутренняя – выводит человека за его пределы. С ней связано ценностное осмысление жизни, когда человек становится частью универсума или мировой культуры.

Организованность материала – ценностно-смысловая сфера, обеспечивающая протекание процессов творчества. Ценности – центральный компонент социальных представлений, фокус жизненных оснований личности (Д. Жодле, С. Московичи). Ценности демонстрируют соотношение индивидуального и общественного в человеке и детерминируют механизмы его адаптации и развития в социуме. По утверждению известного советского психолога и философа С. Л. Рубинштейна, именно ценностные ориентации, включающие в себя научно-теоретические, философские, нравственные, эстетические, раскрывают сущность человека [10]. Они формируют мировоззрение как систему обобщенных представлений о мире в целом, окружающей действительности, других людях, самом себе и своем месте в обществе. «Через ценности складывается осознанное, обобщенное, итоговое отношение к жизни, позволяющее выйти на проблему смысла человеческой жизни» [10, с. 175]. Ценностно-смысловые ориентации влияют на выбор человеком своей профессиональной деятельности, детерминируют оформление его духовно-нравственных идеалов, фиксируют те или иные жизненные позиции.

Материал – культурно-знаковая среда, из которой, собственно, индивид и «черпает», «достает» основания для своей идентичности. Интенсификация коммуникационно-дискурсивного обмена, рост информационных технологий и создание виртуальной реальности служат во многом причиной усложнения идентичности сегодня. Современная эпоха, по мнению Ж. Бодрийера, – это знаковая эпоха, эпоха гиперреальности, т.е. симуляции и симулякров. «Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции [11, с. 75]. Она – порождение модели реального без оригинала и реальности: гиперреального. «Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне карта предшествует территории». Ж. Бодрийер вводит понятие симулякров – знаков и объектов, обособившихся от тех событий и явлений, к которым он ранее принадлежали. По мнению философа, существуют различные виды симулякров. В нынешнем мире господствуют симулякры симуляции, основанные на информации, моделировании, т.е. нам приходится зачастую иметь дело не с реальностью вообще, а с ее подделкой, имитацией. Людям, живущим в гиперреальности, определить свою подлинную идентичность крайне затруднительно. Они выполняют лишь множество социальных ролей. И кажется, что разрешить данную ситуацию может лишь некая катастрофа, вмешательство извне, которое может сломать мир знаков, символов, симулякров. Но на самом деле адекватное отражение идентичности в Интернете возможно – но только через деятельность, направленную не на образ себя, а на внешний объект, а также через взаимодействие с личностью другого человека.

Теорию фреймов И. Гофмана также можно рассмотреть в контексте культурно-знаковой среды существования современного субъекта [12]. Фрейм предлагает аудитории некий

фрагмент (текстовый, визуальный), в котором уже заложен некий конкретный смысл, и именно этот смысл должен быть «пойман» читателем (зрителем, слушателем), чтобы тот впоследствии его воспроизводил как собственное понимание в каких-либо действиях, поступках. То есть фрейм определяет идентичность субъекта именно определенным образом.

На наш взгляд, такая модель системы идентичности личности дает возможность определять субъекту важнейшие основания для конструирования своей идентичности, и, кроме того, предоставляет право выбора таких оснований, что для современного субъекта немаловажно.

Заключение. Итак, очевидно, что современный человек не располагает условиями, которые бы обеспечивали ему восприятие и понимание самого себя. Самотождественность разрушается. Социальное взаимодействие не только не помогает человеку в его самореализации, а препятствует этому. Причины подобного кроются в тех процессах, которые реализуются в современном обществе. В первую очередь следует назвать развитие массовой культуры с ее коммерциализированностью и консюмеризмом. В обществе потребления и культура является продуктом потребления. Ее содержание меняется, подчиняясь законам рынка. А когда стерты привычные границы, происходит разрушение культурной идентичности. Массовая культура со своей стороны предлагает человеку то, что известный французский философ Ж. Бодрийяр называет «оргией различий» – так называемый «выбор идентичностей». «Однажды пройдя по ту сторону зеркала отчужденности, структурные различия быстро и нескончаемо распространяются в моде», – пишет философ [13, с. 243]. «Деконструкция бинаризов» (термин принадлежит И. Гофману), или подражание идолу, столь характерное явление для массовой культуры, также не способствует формированию подлинной идентичности личности. Консюмеризм рассматривается П. Стросоном как разрушающий личность фактор. Для П. Стросона сам концепт личности оказывается раздробленным из-за множества исполнения им социальных ролей, предлагаемых потребителем обществом. «Личность – это «цель в себе», это существо, имеющее юридические права и обязанности, существо, играющее определенные социальные роли» [14, с. 189]. В потребительском обществе субъект производит себя как объект экономического спроса, и личность подвергается дроблению и сакрализации. Вместо искомого постоянства индивид вынужден соответствовать общественной конъюнктуре.

Чрезмерная открытость субъекта по отношению к миру и другим людям является еще одной причиной кризиса идентичности. Субъект обращается к своему окружению, а вместо подлинных людей обнаруживает исполняемые ими различные социальные роли. Между тем без социального взаимодействия человек не может осознать собственную уникальность, что доказывают рассмотренные нами коммуникативный и рефлексивный подходы.

Стремление современного человека выйти за рамки дозволенного и установленного порядка, желание прожить несколько жизней в виртуальном пространстве чревато распадом личности, утратой ее цельности и единства. Настигающие человека кризисы неизбежны и требуют от него немалых усилий на пути к внутреннему самообновлению. При этом культурно-знаковая среда продолжает оставаться «средой обитания» субъекта, поэтому культурно-коммуникативные практики выступают критерием его идентичности. Для современного субъекта особенно важно самоопределиться, найти свою тождественность через рефлексию и социальное взаимодействие, сделать их постоянными критериями своей идентичности. Поскольку современный человек находится в поиске своей идентичности, только творческая деятельность может наполнить этот процесс культурным смыслом. В современных исследованиях очень важно учитывать, что идентичность личности необходимо действительно конструировать, самотождественность уже не складывается произвольным образом сама по себе. А если складывается, то мы можем столкнуться с ложной идентичностью или псевдоидентичностью. Важно, чтобы культурное содержание ориентиров идентичности не потеряло своей смысловой нагрузки, иначе мы будем иметь дело с «человеком без свойств» (Р. Музиль) в мире симулякров. При этом феномен идентичности мы не вправе свести только к культурным образцам, потому что нам придется тогда отказаться от рассмотрения таких существенных категорий, как «познание и «самопознание»».

Необходимость исполнения субъектом множества социальных ролей, усложнение культурно-исторического опыта, отказ от традиционных духовных ценностей приводят

к кризису феномена идентичности, проявляющемуся в депрессии, апатии, попытке укрыться от реальных проблем в виртуальном пространстве. Всего этого возможно избежать только при условии четкого детерминирования оснований идентичности и оформления модели системы идентичности, в противном случае, учитывая всю сложность феномена идентичности, его множественность, может произойти расщепление личности и наступление «пародии идентичности» (М. Фуко).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эриксон. – СПб. : Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. – 394 с.
2. Стефаненко, Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках / Т. Г. Стефаненко // Трансформация идентификационной структуры в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. – М. : Москов. общественный научный фонд, 2001. – С. 11–29.
3. Döring, N. Sozialpsychologie des Internet / N. Döring. – HogrefeVerlag, 2003. – 276 с.
4. Щедровицкий, Г. П. Организация. Руководство. Управление / Г. П. Щедровицкий. – М. : Путь, 2000. – 244 с.
5. Юнг, К. Г. Настоящее и будущее / К. Юнг // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К. Г. Юнг [и др.] ; сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – М. : Мартис, 1995. – С. 113–167.
6. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2010. – 418 с.
7. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Русский язык, 1990. – 478 с.
8. Щедровицкий, Г. П. На досках. Публичные лекции по философии / Г. П. Щедровицкий. – М. : Изд-во Шк. культ. полит., 2004. – 148 с.
9. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Школа – Пресс, 2005. – 205 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : АСТ, 2006. – 520 с.
11. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 310 с.
12. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000. – 540 с.
13. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : ДОБРОСВЕТ, 2006. – 455 с.
14. Стросон, П. Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / П. Ф. Стросон. – М. : Рацио, 2009. – 340 с.

Поступила в редакцию 25.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 90–96
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The phenomenon of the personality’s identity of information civilization: designing of system’s model

E. V. Kuznetsova

Institute of philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus)
Surganova St., 1/2, 220072, Minsk, Belarus; e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of a subject identity’s definition in a contemporary philosophy. In the introduction, the author states that a number of factors have led to a significant transformation of the phenomenon of identity at the modern civilizational stage. There are intensification of cultural and communication exchange, population’s migration, informational technologies. The aim of the research is to demonstrate on a review of different contemporary philosophical studies using the comparative-historical method crisis of identity’s concepts and to build the model of the identity system of the individual by means of constructivist and systemic approaches. In the main part, the author makes a brief historical review of the phenomenon of identity, demonstrates its complexity and multi-dimensionality. Presented points of view and approaches of modern philosophers (representatives of psychoanalysis, existentialism, etc.), which the author relies on, prove the crisis of identity. The author states that identity of “I” today is a multidimensional phenomenon and it needs clear criteria. The author determines it as a problem field of the article. The main methods and approaches of the paper are the following: comparative-historical method, method of generalization, constructivist and systemic approaches. The author of the research designs the model of the identity’s system of the person based on the concept of the system of G. P. Shchedrovitski. Elements of the system in the concept of Shchedrovitski

are process, set of external functions, internal functions, material, material's organization. The criteria of personal identity are the following: communication, reflection, sphere of values and senses, creativity, cultural and iconic environment. The author concludes that the identity of a contemporary person must be constructed, otherwise we will deal with pseudo-identity. The results of the study can be used in the related fields of scientific knowledge in the study of the problem of personal and collective identity: sociology, cultural science, psychology.

Keywords: communication, reflection, cultural and iconic environment, sphere of values and senses, creativity, model of the identity's system.

References

1. Erickson E. G. Childhood and society [*Detstvo i obschestvo*]. St. Petersburg, 1996, 394 p.
2. Stefanenko T. G. Study of identification processes in Psychology and related sciences [*Izuchenie identifikatsionnykh protsessov v psikhologii i smezhnykh naukakh*]. Transformation of the identification structure in Modern Russia [*Transformatsiia identifikatsionnoi struktury v sovremennoi Rossii*]. Moscow, 2001, pp. 11-29.
3. Doering N. Internet and Psychology [*Sozialpsychologie des Ineternet*]. HogrefeVerlag, 2003, 276 p.
4. Shchedrovitski G. P. Organization. Guide. Management [*Organizatsiia. Rukovodstvo. Upravlenie*]. Moscow, 2000, 244 p.
5. Yung K. G. [et al.]. Present and future [*Nastoiashchee i budushchee*]. Analytical Psychology: Past and Present [*Analiticheskaia psikhologiya: proshloe i nastoiashchee*]. Moscow, 1995, pp. 113-167.
6. Habermas Yu. Engagement of another: Essays of political theory [*Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii*]. St. Petersburg, 2010, 418 p.
7. Bakhtin M. M. Literary-critical articles [*Literaturno-kriticheskie stat'i*]. Moscow, 1990, 478 p.
8. Shchedrovitski G. P. On the boards. Public lectures on philosophy [*Na doskakh. Publichnye lektsii po filosofii*]. Moscow, 2004, 148 p.
9. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Basics of Psychological Anthropology [*Osnovy psikhologicheskoi antropologii*]. Moscow, 2005, 205 p.
10. Rubinshtein S. L. Basics of General Psychology [*Osnovy obshchei psikhologii*]. Moscow, 2006, 520 p.
11. Baudrillard J. Simulacrum and simulation [*Simuliakry i simuliatsiia*]. Tula, 2013, 310 p.
12. Gofman I. Representing yourself to others in everyday life [*Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni*]. Moscow, 2000, 540 p.
13. Baudrillard J. Transparency of Evil [*Prozrachnost' zla*]. Moscow, 2006, 455 p.
14. Strosen P. F. Individuals. Experience of despive metaphysics [*Individy. Opyt deskriptivnoi metafiziki*]. Moscow, 2009, 340 p.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

УДК 1(493)(091)

М. Р. Дисько-Шуман

В ПОИСКАХ НОВЫХ ОСНОВАНИЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: «НОВАЯ РИТОРИКА» Х. ПЕРЕЛЬМАНА И Л. ОЛЬБРЕХТ-ТИТЕКИ

Во введении статьи акцентирована актуальность проблемы определения оснований рациональности и поиска ее критериев, а также особая значимость решения данного вопроса для философии XX века. В статье выделены основные направления поиска решения вопроса о природе рациональности в философии второй половины XX века и указаны их ключевые задачи. К ним относятся, во-первых, методологическое направление, в рамках которого рациональность тесно связывается с понятием науки, а решение вопроса о критериях рациональности в научном познании дополняется обоснованием идеи о связи науки и других форм культуры; во-вторых, концепция «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса, в которой коммуникативная рациональность понимается как принципиально intersubjective и первичная по отношению к любому другому типу рациональности, и эффективным регулятором деятельности субъектов выступает достигнутый консенсус. В статье подчеркнуто, что вопрос о способах, формах и инструментах достижения такого консенсуса в концепции Ю. Хабермаса не был решен. Данный вопрос стал предметом логико-философского анализа только с формированием неформальной логики и теории аргументации. Объект исследования – неориторическая концепция Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки в качестве концепции, составившей фундамент формирования данного направления. Предмет исследования – основные понятия неориторики, такие как аргументация, аудитория, убеждение, дискуссия, необходимые для определения эффективных инструментов достижения консенсуса в различных типах рационального дискурса. Обосновано положение о том, что оценка аргументации с точки зрения ее рациональности и эффективности возможна только в контексте успешной интеракции аудитории и аргументатора. В заключении сделаны выводы о роли и значении неориторической концепции в формировании оснований коммуникативной рациональности как одной из доминирующих стратегий развития философии и культуры XXI века. Полученные результаты могут быть использованы в истории философии, истории логики и теории аргументации.

Ключевые слова: рациональность, типы рациональности, коммуникативная рациональность, аргументация, неориторика, консенсус, дискурс.

Введение. Проблема определения оснований рациональности и поиск ее критериев является одной из ключевых на протяжении всей истории философии: классическая философия Античности (Аристотель, Платон, стоики), рационализм новоевропейской философии (Гегель, Декарт, Кант, Лейбниц), критика парадигмы рационализма в неклассической философии (Ницше, Фрейд). В философии XX века поиск ответов на вопросы о том, что такое рациональность, каковы ее критерии, являются ли они абсолютными или относительными (по отношению к субъекту, культуре, исторической эпохе) и т.д., приобретает особую значимость. Следует отметить наличие ряда существенных причин, обусловивших актуализацию данной проблематики в философии XX века; так одной из ключевых здесь стал кризис логоцентрической парадигмы классического рационализма.

Сегодня мы можем наблюдать, что, «с одной стороны, в философии и культуре постулируется отказ от рационализма как от определенного отношения к миру и способу взаимодействия с ним. Разум «не оправдал» надежд человечества. ...С другой стороны, в философии не прекращаются постоянные поиски новых форм рациональности, попытки адаптировать рациональность к меняющимся социокультурным реалиям» [1, с. 154]. Как справедливо отмечает И. Фарман, «многозначность понятия рациональность – исторически сложившееся социально-культурное явление, смысл которого может быть выявлен путем обращения к разным типам рациональности, сформировавшимся в ходе обществен-

---

Дисько-Шуман Мария Робертовна, канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии БГУИР (Беларусь).
Адрес для корреспонденции: ул. Гикало, 9, 220005, г. Минск, Беларусь; e-mail: mdzisko@gmail.com

ного развития» [2, с. 264]. Среди множества различных философских подходов к решению вопроса о сущности и критериях рациональности можно выделить как минимум три достаточно автономных направления.

Основная часть. Первое направление одной из своих задач постулирует определение рациональности в рамках исследования специфики научного познания и его критериев. В определенной степени данное направление является идейным наследником философии позитивизма. Рациональность тесно связывается здесь с понятием научности, а сама проблема демаркации науки и поиск критериев научной рациональности становятся ключевыми задачами. Научная рациональность выступает своего рода эталонной формой, а поиск ее критериев переносится из области логики (в версии неопозитивизма) в сферу социокультурных оснований (в версии постпозитивизма). Представители данного направления выступают не за отказ от идеи рационализма, а за расширение содержания концепта «рациональность». «Постпозитивистское переосмысление позитивистского понимания рациональности привело к ограничению притязаний со стороны формальной логики, к изменению количественного и качественного содержания и динамики развития знания... Рациональность стала применяться при решении методологических задач логического объяснения, смягчения противостояния теорий путем непротиворечивого сочетания элементов знания с социокультурными факторами» [3, с. 30]. Основными концепциями в рамках данного направления являются, безусловно, критический рационализм и концепция исторических типов рациональности. Решение вопроса о формулировке критериев рациональности в научном познании дополняется обоснованием идеи о связи науки и других форм культуры, взаимодействии научного познания с ценностями и нормами рациональности внеакадемической деятельности. Такой подход В. П. Порус характеризует как «методологический подход к проблеме рациональности» [4, с. 7–9].

Второе направление, которое по своему содержанию и идеям во многом прямо противоположно рассмотренному выше, связано с формированием модели коммуникативной рациональности в «теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса и работах последующих представителей Франкфуртской школы. Одной из ключевых задач данного направления становится преодоление «ограничений» когнитивно-инструментального, в том числе и научно-технологического понимания разума, обосновываемого всей предшествующей новоевропейской философией. «Хабермас в соответствии с этим формулирует главную теоретическую задачу: в противовес господствующим ныне технократическим теориям развития общества и концепциям научно-технической рациональности необходимо сосредоточить усилия на выявлении и адекватной интерпретации человеческих интересов и потребностей, разработке «проектов» и «моделей» новых человеческих отношений, иначе – “коммуникативной рациональности”» [2, с. 271]. С позиции рассматриваемого подхода коммуникативная рациональность является принципиально intersubjectively и первичной по отношению к любому другому типу рациональности. Аппликация такого понимания рациональности на социально-критическую теорию приводит Хабермаса к выводу о том, что эффективным регулятором деятельности субъектов выступает достигнутый консенсус. На социальном уровне рациональный дискурс выступает способом достижения консенсуса и обеспечивает установление социального порядка вне репрессивных форм. На уровне индивида коммуникативное действие становится формой защиты частных интересов и обеспечивает их легитимную реализацию. Однако в рамках концепции коммуникативного действия вопрос о способах, формах и инструментах достижения такого консенсуса не был поставлен.

Третье направление, в рамках которого формируется новое содержание концепта рациональности и осуществляется поиск ее критериев, связано с формированием в 60–70-е годы XX века нового направления в логике, а именно неформальной логики и теории аргументации. Появление данного направления следует рассматривать как прямой ответ на следующие вопросы: рационален ли по своей природе консенсус, так же, как и процедуры его достижения? Какие инструменты следует использовать для достижения консенсуса? Чем может помочь в этом

логики? Не вернемся ли мы к тем же проблемам, с которыми столкнулись сторонники логического эмпиризма, пытаясь обосновать природу научной рациональности средствами логики?

Для того чтобы ответить на все эти вопросы, следует обратиться прежде всего к определению предмета неформальной логики и истории становления данного направления.

Со времен Аристотеля логика понимается как основной инструмент рационального мышления. Невозможно мыслить рационально и при этом не соответствовать законам и нормам логики. Логика является «встроенным» инструментом нашей интеллектуальной деятельности. История ее развития начинается в IV в. до н. э., и на протяжении всего периода предметом логики как науки выступают логические формы как в традиционной формальной логике (IV в. до н. э. – середина XIX в.), так и в современной символической (*formal*) логике (с середины XIX в.).

Спрашивается, когда же формальный характер логики был поставлен под сомнение, и может ли логика быть, в принципе, неформальной? Или словосочетание «неформальная логика» это некий философский оксюморон? На сегодняшний день мнения исследователей в области данной проблематики разделились и не существует однозначного определения понятия «неформальная логика» (*Informal logic*), тем не менее большинство исследователей солидарны в оценке неформальной логики как определенной альтернативы, появление которой было вызвано необходимостью преодоления ограниченности использования формальной логики [5]. «Термин неформальная логика относится к совокупности попыток разработать такой метод анализа и оценки аргументации в естественном языке, который выступил бы альтернативой формальной логике» [6, с. 374].

В настоящее время под неформальной логикой понимается направление в современной логике, задачей которого является разработка неформальных критериев и процедур для анализа, интерпретации, оценки, критики и построения аргументации в различных типах дискурса. Неформальная логика оказывается тесно связанной с философским анализом повседневного дискурса и обыденного языка, поскольку ее предметом выступают уже не абстрактные логические формы и формальные логические константы, например, такие как логические союзы, а примеры реализации рассуждений в естественном языке. Такое понимание предмета логического анализа присутствует уже в первых работах П. Ф. Стросона [7], одного из представителей лингвистической ветви аналитической философии. Таким образом, предмет неформальной логики оказывается значительно ближе философии по сравнению с тем пониманием предмета логики, которое сформировалось после работ Фреге и Рассела.

Становление неформальной логики традиционно связывают с выходом работ двух исследователей: С. Тулмина «Использование аргументации» (*Toulmin, S. E. The uses of argument*, 1958) и Х. Перельмана «Новая риторика. Трактат об аргументации» (в соавторстве, *Perelman, Ch. & Olbrechts-Tyteca, L. Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*, 1958). Идеи, изложенные в данных работах, стали концептуальным основанием для развития неформальной логики и теории аргументации, и во многом определили понимание ее предмета и целей. В данной статье подробно будут рассмотрены идеи бельгийского ученого, философа и логика Хаима Перельмана.

На заре своего творческого становления Х. Перельман разделял некоторые идеи неопозитивизма, которые затем были им подвергнуты критике и послужили определенным фоном контраста для собственной концепции. Х. Перельман интересовался также логико-философскими проблемами, касающимися области юриспруденции (первая научная степень – *PhD in Law*), именно из анализа правовой аргументации выросло убеждение, что существуют различные формы обоснования, используемые в различных типах дискурса. Согласно идеям логического эмпиризма рациональным является утверждение, которое либо верифицируется посредством эмпирических наблюдений, либо дедуктивно выводимо посредством правил формальной логики. Перельман отмечает, что любой пользователь языка, в том числе и юрист, очень редко приводит строгое формальное доказательство для своего вывода. Следует ли такие примеры рассуждений оценивать как нерациональные? В ходе дальнейших теоретических исследований, начиная примерно с конца 40-х годов, Перельман поставил задачу создания

новой концепции объяснения рационального характера обоснования рассуждений, которые характерны для различных типов дискурса, и в большинстве своем, лишены эмпирического основания, базируясь на оценочных суждениях [8].

Согласно Перельману, речевая деятельность по обоснованию своей точки зрения является рациональной. Отсюда, замечает он, существует настоятельная необходимость в создании теории аргументации, которая бы дополнила уже разработанную символическую (*formal*) логику. Такая теория прежде всего должна иметь дело с дискурсами, использующими ценностные суждения, т.е. с такими дискурсами, которые не могут быть разрешены ни эмпирической верификацией, ни формальным доказательством, ни их совмещением (например, политический или правовой дискурсы). «Если речь идет об обсуждении существенных вопросов морального, социального, политического, философского или религиозного содержания, которые в силу своей природы не поддаются анализу признанными математическими или естественнонаучными методами, было бы совершенно неверно отказаться от всех способов анализа рассуждений в данных сферах, от анализа того, что мы называем аргументацией» [9, с. 512]. «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки стала одним из первых вариантов такой теории.

По мнению ее авторов, предметом неформальной логики являются конкретные примеры аргументации (правовой, этической, повседневной и т.д.), имевшие место в естественном языке. Исходя из такого определения предмета исследования, в качестве своей цели они определяют описание тех схем аргументации, которые были успешно реализованы на практике. Как следствие, неориторическая концепция не носит нормативного характера – не устанавливает нормы и правила, по которым должна протекать аргументация. С точки зрения современной методологии, новая риторика по своей сути является феноменологической теорией. Как писали Перельман и Ольбрехт-Титека, что «метод, использованный нами, во многом схож с тем, что делал Фреге. Фреге анализировал примеры математических рассуждений с целью получить теорию логического рассуждения, мы же исследуем примеры успешной аргументации, имевшие место в юридической практике, для того, чтобы создать теорию аргументации» [9, с. 54]. В своих исследованиях авторы «Новой риторики» не устанавливают а priori схемы аргументации, а извлекают их из опыта посредством анализа случаев успешной аргументации.

Название, выбранное авторами для обозначения своей концепции, призвано акцентировать следующий аспект: данная теория наследует основное содержание классической риторики, восходящей своими корнями к трактату Аристотеля «Риторика». Это выражается, с одной стороны, в понимании риторики как отрасли знания, описывающей то, какими способами аргументативные (у Аристотеля – диалектические) техники могут быть использованы для убеждения конкретной аудитории, т.е. определенных слушателей. С другой стороны, это выражается в постулировании того, что аргументация всегда имеет своей главной целью оказание воздействия на тех, кому она собственно и была адресована (это воздействие состоит в формировании убеждения у аудитории или в побуждении ее к деятельности). Отсюда правильность и рациональность аргументации являются исключительно функциями факта ее успешности в рамках той аудитории, которой она была адресована. «Мы сохранили от традиционной риторики идею аудитории, идею, которая немедленно возникает, когда мы просто задумываемся о речи. Каждая речь обращена к аудитории и, о чем часто забывают, это также относится ко всякому написанному тексту» [9, с. 7]. В обеих риториках (и в «Риторике» Аристотеля, и в «Новой риторике» Перельмана) понятие аудитории является ключевым, имеет особое значение для всех концептуальных построений.

Аудитория образует коммуникативное пространство, в рамках которого реализуются интересующие акты аргументации. В неориторической концепции аргументации постулируется существование двух различных типов аудитории. Первый тип представляет собой любую локально организованную группу людей. Второй тип аудитории определяется через идеальный конструкт «универсальная аудитория», предполагающий включение абсолютно всякого разумного существа в подобную обобщенную группу слушателей. Конструкт «универсальная аудитория» является гарантом рациональности аргументации, своего рода абсолютным рациональным судьей. «Универсальную аудиторию для каждого говорящего, действительно с внешней точки зрения, можно рассматривать как локальную аудиторию,

но тем не менее остается верным, что для каждого выступающего в каждый момент существует аудитория, превосходящая всех остальных (*an audience transcending all others*), которую невозможно ограничить рамками локальной аудитории (*particular audience*)» [9, с. 30]. Понятие «универсальной аудитории» в концепции Перельмана следует рассматривать как своеобразный «след» влияния идей логического эмпиризма, потому как консенсус и убеждение формируются в рамках конкретной локальной аудитории, но тем не менее существует «всевидящее око Разума», гарантирующее наличие абсолютных критериев оценки аргументации.

Первому типу соответствует аргументация, которая является приемлемой для каждого. Ко второму типу необходимо отнести случаи аргументации, в которых процесс приведения аргументов оказывается успешным и эффективным лишь по отношению к определенному человеку или группе людей. По мнению авторов «Новой риторики», различие двух типов убеждения обусловлено различием аудиторий, которым данная аргументация адресована, и на которую она должна воздействовать. Поэтому в связи с разделением типов убеждений вводится и два типа аудитории. Возвращаясь к типам убеждения, необходимо подчеркнуть, что именно первый тип убеждения описывает те случаи, когда аргументатор выстраивает свое обоснование таким образом, что оно может оказывать воздействие на любого слушателя, т.е., в общем-то, на универсальную аудиторию. В каждой конкретной ситуации аргументатор способен сам решать, рассматривать ли ему свою аудиторию как воплощение «универсальной аудитории» или же нет; его решение при этом будет зависеть от конечной цели аргументации.

На основании отмеченного различия между двумя типами убеждения Перельман выделяет два типа диалога, с одной стороны, эвристические диалоги, с другой, – эристические или полемические диалоги. Для обозначения первых он использует термин «дискуссия» (*discussion*), для вторых – термин «дебат» (*debate*). Первый вид диалога обладает аксиологически позитивным значением, второй же, наоборот, негативными смысловыми оттенками. Различие между двумя данными видами сводится к следующему. В ходе эвристического диалога аргументатор, используя рациональные методы убеждения, стремится удостоверить своих собеседников в правильности некоторого тезиса, при этом собеседники рассматриваются им как воплощение универсальной аудитории, т.е. как рациональные судьи. В эристическом диалоге аргументатор стремится повлиять на мнение аудитории, убедить ее в правильности своей точки зрения или же побудить к некоторому действию, используя любые аргументы и схемы аргументации, т.е. не рассчитывая на позитивную оценку своих действий со стороны рационального судьи.

Классификацию схем аргументации Перельман предваряет описанием видов аргументов, которые используются в ходе аргументативного процесса. Выделяются два основных вида аргументов: к первому относятся аргументы, имеющие отношение к действительности (факты, истины и предположения); ко второму – аргументы, имеющие отношение к тому, что «предпочтительнее» (ценности, иерархии ценностей и топы). Аргументы первого вида претендуют на одобрение универсальной аудиторией, второго – на одобрение локальной аудиторией, поскольку всегда имеют дело с предпочтениями конкретных слушателей.

Факты являются аргументами, которые не могут быть подвергнуты обсуждению. Факты – это утверждения о реальности, они признаются в качестве истинных всяким разумным существом и не требуют дальнейшего обоснования. Истины представляют собой системы сложных связей между фактами, вследствие чего к ним применимо все, что можно сказать о факте. Такой системой сложных связей между фактами является, например, научная теория. Предположения – это аргументы, в которых не утверждается, а предполагается с определенной степенью вероятности, что некоторое состояние дел имеет место, причем изначально полагается, что в дальнейшем данные гипотезы подтвердятся.

Ценности выражают предпочтения локальной аудитории. Они служат руководством в выборе точек зрения и основанием для их формирования. В неориторической теории аргументации понятие «ценности» имеет огромное значение, по сути основное содержание концепции – это анализ рассуждений, включающих нормы, оценки или отсылающих к ним. Согласно данному подходу ценности, которых придерживается та или иная аудитория, являются критерием установления приемлемости или неприемлемости различных точек зрения в глазах данных слушателей. Тем не менее более значимой для аргументатора является иерархия

ценностей, которая гораздо в большей степени, чем отдельные ценности, характеризует локальную аудиторию как уникальную и своеобразную. Топы, выражая предпочтения определенной локальной аудитории, имеют предельно общую природу и могут выступать в качестве аргументов для множества разных утверждений, сделанных в процессе аргументации. Так, например, для обоснования утверждения «тебе следует согласиться на работу, которую тебе предлагают» может быть использован такой содержательный топ, как «синица в руке лучше, чем журавль в небе». Именно топы конституируют логико-коммуникативное основание как для использования ценностей, так и для использования их иерархии.

Заключение. В неориторической концепции Перельмана и Ольбрехт-Титеки была проанализирована роль аудитории в процедурах аргументации, классифицированы типы убеждения, систематизированы виды аргументов, например, факты и оценочные суждения, рассмотрены схемы аргументации и обосновано использование топов как особой разновидности схемы аргументации, также определено содержание понятия «согласие (*agreement*)»; тем самым было положено начало разработке неформальных инструментов для анализа, интерпретации, оценки, критики и построения аргументации в различных типах рационального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова, Л. П. Западные и отечественные концепции рациональности: сравнительный анализ / Л. П. Сидорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 153–158.
2. Рациональность на перепутье : в 2 кн. / отв. ред. П. П. Гайдено. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1999. – Кн. 2. – 464 с.
3. Белозеров, А. П. Современная философская интерпретация рациональности / А. П. Белозеров // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – № 2 (6). – С. 27–34.
4. Порус, В. П. Многомерность рациональности / В. П. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 23, № 1. – С. 5–16.
5. Хоменко, И. В. Теоретические проблемы неформальной логики: конфликты точек зрения / И. В. Хоменко // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37, № 3. – С. 1–15.
6. Frans H. van Eemeren. Handbook of Argumentation Theory / Frans H. van Eemeren [et al.]. – Berlin/Heidelberg : Springer, 2014. – 989 p.
7. Strawson, P. F. Introduction to Logical Theory / P. F. Strawson. – Routledge, 2011. – 280 p.
8. Perelman, Ch. The New Rhetoric and the Humanities: Essays on Rhetoric and its Applications / Ch. Perelman. – Netherlands : Springer, 1979. – 202 p.
9. Perelman, Ch. The New Rhetoric. A Treatise on argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca ; transl. by J. Wilkinson, Purcell Weaver. – Notre Dame, Ind : University of Notre Dame Press, 1971. – 574 p.

Поступила в редакцию 05.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
 Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 97–103
 © Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

In quest of the new foundations of rationality: “New rhetoric” by Ch. Perelman and L. Olbrechts-Tyteca

M. R. Disko-Shuman

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (Belarus)
 Gikalo St., 9, 220005, Minsk, Belarus; e-mail: mdzisko@gmail.com

Abstract. In the introduction of the paper, the relevance of the issue of defining the foundations of rationality and searching for its criteria, as well as the special significance of solving this issue for the philosophy of the 20th century, are emphasized. The main directions of searching for the answer about the nature of rationality in the philosophy of the second half of the 20th century and their key tasks are pointed. These include, first, the methodological direction, in framework of which rationality is closely associated with the science, and the solution of the issue of the rationality criteria in scientific knowledge is supplemented by the idea of the relationship between science and other forms of culture; second, the concept of “communicative action” by J. Habermas, in which communicative rationality is understood as fundamentally intersubjective and primary in relation to any other type of rationality, and the obtained consensus acts as an effective regulator of the

subject' activity. The paper emphasizes that the issue of the ways, forms and instruments of obtaining consensus has not been solved in the concept of J. Habermas. This issue became the subject of logical and philosophical analysis only with the formation of a new direction of informal logic and the theory of argumentation. The object of the research is the neorhetorical concept of H. Perelman and L. Olbrecht-Titeka, as the first conception grounding the new research direction. The subject of the research is the basic concepts of neorhetoric, such as argumentation, audience, persuasion, discussion, which are necessary to determine effective tools for obtaining consensus in various types of rational discourse. The idea that the assessment of the argumentation from the point of view of its rationality and effectiveness is possible only in the context of a successful interaction between the audience and the argumentator is substantiated. In conclusion, the role and significance of the neorhetorical concept in the formation of new foundations of rationality are highlighted. The results we got can be applied in the history of philosophy, the history of logic and the theory of argumentation.

Keywords: rationality, types of rationality, communicative rationality, argumentation, neorhetoric, consensus, discourse.

References

1. Sidorova L. P. Western and Russian conceptions of rationality: a comparative analysis [*Zapadnye i otechestvennye kontseptsii ratsional'nosti: sravnitel'nyi analiz*]. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, 2012, No. 2 (26), pp. 153-158.
2. Rationality at crossroads : in 2 books [*Ratsional'nost' na pereput'e : v 2 kn.*]; ex. Ed.: P. P. Gaidenko. Moscow, 1999, book 2, 464 p.
3. Belozerov A. P. Modern philosophical interpretation of rationality [*Sovremennaia filosofskaia interpretatsiia ratsional'nosti*]. *Economic & socio-humanitarian studies*, 2015, No. 2 (6), pp. 27-34.
4. Porus V. P. Multivariate rationality [*Mnogomernost' ratsional'nosti*]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. 23, No. 1, pp. 5-16.
5. Khomenko I. V. Theoretical problems of informal logic: conflicts of viewpoints [*Teoreticheskie problemy neformal'noi logiki: konflikty toчек zreniia*]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, No. 3, pp. 1-15.
6. Frans H. van Eemeren [et al.]. *Handbook of Argumentation Theory*. Berlin/Heidelberg, 2014, 989 p.
7. Strawson P. F. *Introduction to Logical Theory*. Routledge, 2011, 280 p.
8. Perelman Ch. *The New Rhetoric and the Humanities: Essays on Rhetoric and its Applications*. Netherlands, 1979, 202 p.
9. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric. A Treatise on argumentation*; transl. by J. Wilkinson, Purcell Weaver. Notre Dame, Ind, 1971, 574 p.

Вниманию авторов!

В научном журнале

**«Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.
Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія»**

по научному направлению **«философия»**
предлагаются следующие рубрики:

онтология, гносеология, аксиология, философская антропология, социальная философия, философия культуры, глобалистика, прогностика.

УДК 101.9:241.511:94(477.41)(092)СКОВОРОДА

Л. Г. Чирка

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА: В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Философское наследие Г. Сковороды всегда остается актуальным, поскольку в своем развитии постоянно раскрывает новые грани его учения. В статье исследованы пути постижения истины Г. Сковородою. Во введении определена значимость личности Григория Сковороды и определена главная цель статьи. Вся религиозная философия мыслителя – это яркий пример своеобразного поиска и определения своего места в мире. В главной части статьи дано определение понятия «истины», которая в философии Г. Сковороды тождественна Богу. Г. Сковорода утверждал, что верить в Бога – не что иное, как жить по Его законам. Затем выделены и проанализированы пути постижения истины (Бога). Главное требование к этим путям – они должны быть благими. Обращено внимание на то, что на пути постижения истины мыслитель широко использует богословие, которому присущи элементы христианского свободомыслия. В то же время указано, что важное место в постижении мыслителем истины занимала Библия. Именно она была питательной почвой во всей философии Г. Сковороды. Анализируя философское наследие мыслителя, обращено внимание на взаимосвязь некоторых высказываний с биографическими моментами мыслителя. Сделан вывод о том, что все философское наследие мыслителя – это освещенный путь страждущим в неведении, протоптанная стезя для ищущих познания. Полученные результаты могут быть использованы как при чтении лекций по истории национальной философии, так и при дальнейших исследованиях творческого наследия Г. Сковороды. Ведь проблема, которую затрагивает в статье исследователь, имеет, прежде всего, практическое значение, поскольку раскрывает пути постижения человеком истины.

Ключевые слова: истина, христианство, Бог, богословие, философия, вера, познание.

Введение. Объект исследования – мировоззрение Г. Сковороды. Предмет исследования – интерпретация истины в учении Г. Сковороды. Несмотря на многолетнюю сквородиану, Г. Сковорода продолжает интересовать исследователей. Каждый год выходит множество новых исследований – от небольших научных статей до диссертаций и монографий, где каждый исследователь пытается убедить, что ему удалось открыть непрочитанную страницу наследия мыслителя. Но, как бы это странно не звучало, каждое новое исследование не окончательное в изучении проблемы, а всего лишь промежуточное. Это только очередная страница многотомника, которая будет неоднократно переписываться и редактироваться как автором какой-то статьи, так и последующими исследователями. Не будет исключением и данная статья, поскольку это только очередной штрих в мире современной сквородианы.

Сложно перечислить все страницы многотомника, да и стоит ли. Отметим лишь те, которые касаются темы нашей статьи. Проблеме внутренней, духовной стороны философского наследия мыслителя уделяли внимание Ю. Барабаш, Г. Верба, М. Кашуба, М. Попович, Е. Сырцова, Л. Ушкалов и ряд других исследователей. Л. Ушкалов не только раскрыл удивительный «символический мир» Г. Сковороды, но и представил его как типичного представителя национального барокко. Исследователь раскрывает мыслителя как христианского проповедника, которому присущи элементы свободомыслия. Но это свободомыслие не выходило за рамки христианской науки. В подобном диапазоне рассматривала Г. Сковороду и М. Кашуба. Огромное значение в изучении «путей к истине» в философии Г. Сковороды принадлежит Г. Вербе. Первое, что сделал исследователь – проанализировал и сопоставил тексты Библии и сочинений мыслителя. Главная особенность этого анализа кроется в том, что, сопоставляя тексты изданий XVIII–XIX вв. с современными изданиями, исследователь находит множество неточностей и искажений как самого текста, так и его трактовки. Результатом скрупулезной работы стала монография «Ключ до християнської філософії Григорія Сковороди», где кроме анализа текста рассматриваются и пути постижения истины. Сложно определить, кто из исследователей подошел ближе всех к изучению проблемы. Ведь каждый из них, заполняя очередной пробел, вносил свою веху в раскрытии темы.

Всё философское наследие Г. Сковороды – это не собрание трактатов, басен, стихов или притч, это смысл его жизни, его мировоззрение. Именно поэтому мыслителя нужно

Чирка Леонид Григорьевич, мл. науч. сотрудник научно-исследовательского отдела Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав» (Украина).

Адрес для корреспонденции: ул. Шевченко, 8, 08400, г. Переяслав, Украина; e-mail: l_chyrka@ukr.net

не просто читать или изучать – его нужно прочувствовать, прочувствовать то, чем он жил, чем интересовался, нужно прочувствовать всю атмосферу XVIII века. Ведь его наследие – это, без преувеличения, путеводитель для страждущих познания христианской истины. А вот, что мыслитель подразумевал под истиной, и есть главной целью этой статьи.

Основная часть. Всю жизнь Г. Сковороды можно охарактеризовать как индивидуальный эксперимент, направленный на поиск скрытой истины. Но вот возникает вопрос: «Что такое истина?». Ответ на поставленный вопрос Г. Сковорода вкладывает в уста Якова: «То, что пречистое, нетлѣнное и единое» [1, с. 404]. Далее мыслитель будет неоднократно повторять: «Истина безначальна». Безначальная, т.е. та, что не имеет ни начала ни конца. Это, как аксиома – то, что было, есть и будет, независимо от обстоятельств. Но вечный и безначальный в христианстве только Бог. И действительно, Памва, как выразитель убеждений Г. Сковороды, утверждает: «Бог и истина – одно. Человѣкъ божій і сын божій – одно» [1, с. 204]. Таким образом, убеждаемся, что между понятиями Бог и истина мыслитель ставит знак равенства. Более того, истина в философии Г. Сковороды – одно из имен Бога. «...У древних Бог назывался ум всемирный. ...А у христіян знатнѣйшія ему имена слѣдующія: дух, господь, цар, отец, ум, истинна» [1, с. 145, 146]. Но на всем многообразии имен Бога мы останавливаться не будем, так как автор это уже рассматривал в предыдущей статье [2]. Остановимся лишь на исследовании путей к постижению истины (Бога).

Как бы это не показалось странным, но, невзирая на свое свободомыслие, Г. Сковорода – христианский проповедник от начала и до конца. Все внимание мыслителя фокусируется вокруг христианских ценностей. Он, подобно хлеборобу, неустанно пытается вырастить из маленького зернышка колос мудрости. Но вот возникает вопрос, откуда мыслитель берет питательную почву. Ответ очень прост – это Библия, которую мыслитель читал как единственный источник знаний, как некий моральный кодекс. Еще с раннего детства Г. Сковорода ощутил в себе «зов духа», «искру Божью», что влекла его к нравоучительным книгам. Библия – это путеводитель к достижению истины. Но истина не лежит на поверхности – она прикрыта шаром вранья и буйства. Невзирая на то, что с Библией мыслитель был знаком с ранних лет, осознание ее скрытого смысла произошло только в тридцать лет. «В тридцати лѣтѣх утро истины свѣтать начинает» [1, с. 440]. «В 30 лѣт начал входить в себя и узнавать» [1, с. 373]. Но, что такого особенного в этом возрасте, в чем его загадка? Ответ дает сам Г. Сковорода, утверждая, что в этом возрасте у «жидов» ставили во священники. Более того, именно в этом возрасте произошло крещение Христа. Это, как бы, некая точка отсчета – своеобразный Рубикон, когда человеку открывается дверь в другое измерение и он из тьмы выходит на свет. Но если тридцатилетие – это только рассвет, то в «50 лѣт житія твоего получиши всеобщее от всѣх твоих души и тѣла только долгов разрѣшеніе и полное просвѣщеніе тебѣ и ближнему твоему» [1, с. 441]. А теперь трансформируемся от сковородиновской теории к практике. Если мыслитель утверждает, что только в тридцать лет ему приоткрылась истина, то не сложно подсчитать, что это приходится на 1752 год. Что же происходит в это время в жизни мыслителя? Именно в этот период, после конфликта с переяславским епископом Никодимом Сребницким, он возвращается в Киево-Могилянскую академию на курс богословия. В 1754 году у Г. Сковороды была возможность принять духовный сан, но мыслитель, притворившись юродивым, уклоняется от такой перспективы. В это же время мыслитель начинает работу над собранием стихов и поэзий «Сад божественных песен». Таким образом, мыслитель как бы хронологически фиксирует два важнейших этапа своей жизни, где тридцать лет – осознание своего призвания в обществе. Ведь тридцать лет – возраст особенный. К этому моменту человек успевает набраться опыта и самоопределиться. Поэтому не удивительно, что именно с этого момента мыслитель начинает творчески расти и генерировать свои идеи. Но это было только начало. И второй этап – пятидесятилетие, или «просвѣщеніе», как назвал его сам Г. Сковорода. Это тот возраст, когда мыслителю полностью открылась скрытая мудрость. Именно в 70-е годы произошел всплеск философского творчества мыслителя. В это время он впервые задумался над проблемой самопознания, что выразилось в трактате «Наркис», а впоследствии и в «Асхане». Также Г. Сковорода начинает выискивать скрытый смысл Библии и размышлять

над путями достижения счастья. В большой степени этому способствовал и стиль жизни Г. Сковороды – так называемые мандры. Отвлеченный от мирской суеты, мыслитель, подобно христианским проповедникам, шел в народ сеять зерно библейной мудрости. Неудивительно, что со временем некоторые письма он начал подписывать, как «старец», т.е. учитель, наставник, проповедник Закона Божьего.

Жизнь по образцу первых христиан, довольствоваться малым, жизнь достойную Учителя, – вот что проповедует украинский мыслитель. Именно такой способ жизни вел и сам Г. Сковорода.

Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить,
 Буду вѣкъ мой коротати, гдѣ тихо время бѣжит.
 ...Ничего я не жѣлатель, кроме хлѣба и воды,
 Нищета мнѣ есть прїятель –давно мы с нею сваты [1, с. 69, 70].

Мыслитель убежден, что соблюдая христианские ценности, общество подойдет вплотную к познанию истины, а, соответственно, сможет стать «Христовой Церковью» на земле. Ведь только духовная жизнь, а не церемониальное посещение церкви, по убеждению философа, делает человека достойным Царства Божьего. Мыслитель убежден: церковь не играет никакой роли в приближении человека к познанию истины. Исходя из этого, философ никогда не шел к священнику «чтобы облегчить свою душу исповѣдью и покаяніем; онъ не подчиняетъ жизнь свою правиламъ духовной гигиѣны...» [3, с. 89]. Учитывая такие настроения мыслителя, неудивительно, что некоторые исследователи усматривали в нем проповедника протестантизма. Хотя такие утверждения ошибочны, поскольку Г. Сковорода был выше любой религиозной конфессии. Ведь, по его убеждению, все пути благие, если они ведут к истине (Богу). Наверное, именно здесь нужно искать причину лояльного отношения мыслителя ко всем вероисповеданиям. Исходя из этого, мыслитель не брезгует наследием дохристианской культуры, поскольку убежден, что «языческая кумырницы или капища суть то ж храмы Христова ученія и школы» [1, с. 337]. Для себя он выбрал путь свободного мыслителя, или, иными словами, «светского богослова». Синтезировав многовековые достижения христианской традиции, Г. Сковорода стал богословом нового поколения, поколения, которое не удовлетворяло ортодоксальное мировоззрение. Ведь в полном смысле этого слова, богословом Г. Сковорода так и не стал. Он никогда не писал догматических богословских трактатов о ангелологии, христологии, эсхатологии или экклезиологии. Все его богословие сводится до некоего морально-этического кодекса. Следует отметить, что в богословии мыслителя интересует не церемония, не обряд, а именно внутренняя сторона – благочестие. «Богословіа учит или цѣлит самыя тайныя в душѣ начинанія, совѣты и мысли. ...Богословіа есть не иное что, как искорененіе злих мыслей...» [4, с. 34]. Но мыслитель очень осторожен, поскольку понимает, что догматическое богословие скрывает много несуразностей – «противного натуре». Поэтому в помощницы богословию он берет философию. Ведь если богословие исцеляет душу и изгоняет скверные мысли, то философия «устремляет весь круг дѣл своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему...» [4, с. 465]. Таким образом, Г. Сковорода пытался объединить, казалось бы, противоречия – средневековое богословие и рационалистическое мировоззрение XVIII века. Но не нужно забывать, что мировоззрение украинского философа формировались под воздействием традиций Киево-Могилянской академии, где, несмотря на догматизм, пробивались первые побегии нового мышления. Учитывая это, неудивительно, что в процессе развития национальной культуры просматривается неразрывная связь философии и богословия. Более того, долгое время богословские курсы разрабатывались национальными философами, что наделяло их оригинальными очертаниями. Что касается мировоззрения Г. Сковороды, то оно направлено на поиск истины в христианском учении, которое он считал самым ценным сокровищем. Так, в Песне-12 мыслитель утверждает:

Не хочу и наук новых, кромѣ здравого ума,
 Кромѣ умностей Христовых, в коих сладостна дума [1, с. 70].

Но, как это ни странно, даже христианская этика мыслителя вызывала недовольство иерархов церкви. Скорее всего, в нем они увидели реальную угрозу церковной монополии. Ведь мыслитель отрицал утверждение, что познание истины, познание Бога – это прерогатива богословов.

Воспитание в духе христианских законов имело для него не просто духовное, но и общественное значение, поскольку основы христианства всегда были такими, которые не подлежат логико-рациональному обсуждению. Жить в истине, в философии Г. Сковороды, означает жить в соответствии с заповедями, дарованными людям Богом. Божья заповедь указывала человеку путь, которым ему предстояло достичь «обожение» – путь отречения от всего плотского, от всего, что противоречит божественной природе. Если бы человек безоговорочно принял заповеди, то, отказываясь от запретных плодов, он отрелся бы от всего, что препятствует к единению с Абсолютом. Но человек, презрев заповеди, попал под влияние дьявола. «Дьявол, украв у человека добрую мысль, перекидает будь то съты и препоны через добрый путь, а сим Самым сводит и переводит его на путь зол» [4, с. 74]. Богоуподобление человека, познания его как личности, стоящей над «толпой», давало возможность украинскому философу освободить человека от осознания своей беспомощности, второсортности и ненужности в окружающем мире. Только такой человек, при любых обстоятельствах, по мнению национального мыслителя, сделает выбор в пользу добра, а не зла.

Мыслитель убежден, что во всем нужно видеть двое – путь истины (десный) и путь греха (шуий), град земной и град Небесный, тлень и вечность. Каждый выбирает свое. И если, на первый взгляд, кажется, что мыслитель блуждает в неведении или мечется из крайности в крайность, то это далеко не так. Скорее всего, Г. Сковорода пытается протоптать свою стезю. Ведь у каждого есть свой путь к цели, и никто не может воспользоваться чужой тропой. Этот путь не всегда услан лепестками роз, чаще встречаются шипы и камни. Он не ищет легких путей, он не идет протоптанным путем – он ищет свой путь. Ведь у каждого из нас свой путь, свои «испытания в пустыне», своя Голгофа и свое Откровение. Были свои испытания и на жизненном пути мыслителя – испытания роскошью при царских палатах, испытания избалованной Европой, испытания славой в Украине и России во второй половине XVIII века. Но, несмотря ни на что, он уверенно выстоял и дает совет другим: «надобно храбро стоят и не уступать мѣста диаволу: противеся – и бѣжит от вас» [1, с. 350]. Но сложно человеку выстоять в мире соблазна. Вот здесь и приходит на помощь человеку вера, которая, по мнению мыслителя, есть «свет во тьме видящая». А вот чтобы не сойти с «пути веры» на «путь суеврия», Г. Сковорода советует взять в помощь «посланников Божих» – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Августина.

Глубокой верой Г. Сковорода взялся облагородить общественную жизнь с ее противоречиями духом христианской морали. Вера во Вседержителя, по мнению философа, должна сделать человека добрее, искренней, должна уничтожить злобу, зависть и подлость в погоне за материальным благополучием. Заботясь о материальном, человек не должен потерять свою душу, более того, он должен помочь спасти душу другому. Вера – это тот путь, «по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. ...Трудно человеку поверить в Бога, если ранее он не почувствовал зова» [5, с. 11]. Путь к Богу, по мнению мыслителя, пролегает через нравственное самосовершенствование, где каждый человек – творец своей судьбы. В каждом произведении он утверждал свою позицию – гармония человека с окружающим миром зависит прежде всего от соблюдения принципа «сродности». Встреча человека и Бога происходит в мистическом экстазе. Ведь согласно утверждению Максима Исповедника познать Бога человек может только мистически, и открывается Он человеку исключительно в личных откровениях. Была такая встреча и у украинского мыслителя. «...Нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, от котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнем... Слезы полились из очей моих ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил аки сыновнее любви увѣреніе и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение духу божию» [4, с. 463]. К этой встрече Г. Сковорода шел долгие годы, это было своеобразной наградой за способ жизни, который мыслитель характеризовал, как умение довольствоваться тем, что от промысла Божьего дано. Мыслитель уходит «в пустыню» с одной целью: «понять, что такое смерть Христа, что означает воскресение» [4, с. 384]. Именно в «мандрах» происходит духовное единение мыслителя и Бога. «Так-то пустынею и человек просвѣщенный наслаждается. Он всегда имѣет случай жить при одном себѣ и при богѣ в покоѣ. А когда молчит, тогда сам с собою бесѣдует, возвысився сердцем выше всей тлѣни, и своей» [4, с. 175]. Богопоиски

вынудили Г. Сковороду отречься от внешнего мира, ибо одинокий человек, по мнению мыслителя, или дикий зверь, или Бог. «Диким зверем» философу не дала стать глубокая вера, благодаря которой, пройдя долгий и тернистый путь познания, философу открылась Божья Троица: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три – Одно. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь, и трое – в одно» [1 Ин., 5:7, 8]. Уединение мыслителя – это прежде всего духовный поиск, форма существования и образ жизни, который предоставлял уникальную возможность увидеть цель в жизни и избавиться от всего второстепенного. Именно поэтому, спасение от всех бед философ ищет в Боге: «Кая жизнь и мир, естли нѣсть бога?» [1, с. 347]. Его отречение от внешнего мира – это не самоизоляция от общества, а отречение от мира греха, где господствуют страсти. По учению св. Исаака Сирина, «мир» – это совокупность человеческих страстей, меняющихся в непрерывном движении. «Где страсти сии останавливают свое течение, там мир умер» [6, с. 226]. Под воздействием мистических переживаний Г. Сковорода часто повторял мысль о том, что «весь мир спит... Да еще не так спит, как о праведнике сказано: «Аще падет, а не разбѣтся...». Спит глубоко, протянувшись, будто ушиблен об нея» [1, с. 136]. Последняя цель мистика – достижение полного единства с Божеством, которое «...понимается им, или точнее, ощущается, как единение реальное и столь существенное, что он говорит о нем, как о полном погружении своего «Я» в божественное «Я», как о слиянии человеческого духа с божественным» [7, с. 7]. Но следует отметить, что мистицизм был одним из многочисленных методов, которые Г. Сковорода использовал в процессе «богомыслия», или даже больше – богопоисков. Ведь весь жизненный путь «апостолического старчика» предстает как поиск Бога, именно того Бога, который открылся апостолам в Откровении. Именно в Откровении Бог открывается подобно личному общению. В. Лосский утверждал: «Откровение всегда откровением кому-либо; Оно состоит из встреч, которые образуют историю. Поэтому Откровение в своей полноте – это история, это историческая реальность, от сотворения мира до парусии (второго пришествия)» [7, с. 206].

Украинский мыслитель так и не признал Бога, сидящего в поднебесье и мстительно карающего за всякие мелочи. Но в то же время, он, как и весь христианский мир, видел в Боге высшую субстанцию, которая держит в своей власти созданный ею мир. А поскольку Бог является создателем видимой природы (материальных вещей), то человек имеет возможность лицезреть Бога по Его творениям. Бог присутствует в мире не своей сущностью, которая всегда будет недостижимой и до конца непознанной, а в своих «промыслах» и «благости», которые он щедро дарит. Если Бог присутствует в материальных вещах, то, по мнению украинского мыслителя, вполне закономерным будет его присутствие и в человеческой плоти. Но мыслитель сразу предостерегает любую возможность обожествления человеческой плоти. «Вѣруймо только, что бог есть во плоти челоуѣческой. Есть подлинно он во плоти видимой наше не вещественен во вещественной, вѣчный в тлѣнной, един в каждом из нас и цѣл во всяком бог во плоти и плоть в бозѣ, но не плоть богом, ни же бог плотию» [1, с. 180]. Именно предоставления божественной силы внешности, подъема ее на высшую ступень человеческого бытия, приводит к искажению истинной веры, основанной на следовании духовных ценностей.

Мыслитель неоднократно утверждал, что Бога следует искать в глубине своего сердца. «Царствие Божие внутрь нас. Щастие в сердцѣ, сердце в любви, любовь же в законѣ вѣчнаго» [1, с. 144]. Разрабатывая философскую систему богопоисков, Г. Сковорода неоднократно повторял слова Ангела: «Несть здѣ! ..» [1, с. 219]. «Нет здесь!», т.е. нет во внешнем мире, мире, который можно созерцать телесными глазами. В философском трактате «Кольцо», раскрывая учение о Боге как безначальной основе этого мира, Г. Сковорода наследует Святое Писание. «Он начинает все – не начинается тѣм есть начало; не может быть началом ничто, естли прежде того было что-либо... Один только бог есть родное начало, что все предваряет. Он все предваряет и послѣ всего остается, чего ни о чем другом сказать уже нельзя» [1, с. 395]. Для сравнения вспомним слова евангелиста Иоанна: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [1 Ин., 1: 3]. Но такое совпадение указывает только на умение Г. Сковороды подчинять библейские тексты собственной философской концепции, которая носила религиозный (христианский) характер. Мыслителя можно заподозрить

скорее в свободомыслии, чем в «чистой» теологии. Но его свободомыслие не выходило за пределы религии, поскольку «сохраняло основы последней – веры в нечто трансцендентное, в сверхъестественную обусловленность в конечном итоге бытия мира и самого человека, веру в потустороннее возмездие и определения необходимости каких-то религиозно значимых действий» [8, с. 62]. Г. Сковорода считал, что поскольку Бог – духовная субстанция, то и поклонение ему должно быть духовным. Отсюда его скептическое отношение к религиозным обрядам (церемониалу) как в православии, так и в католицизме. Не внешние обряды, а внутреннее убеждение и глубокая вера есть главный путь к спасению человеческой души.

Заключение. Итак, что мы можем подытожить. В начале статьи мы охарактеризовали жизненный путь Г. Сковороды, как индивидуальный эксперимент, главной целью которого был поиск и познание скрытой истины. Удался ли он? Без сомнения, да. Подводя итог жизненного пути, Г. Сковорода писал: «Но ничего мнѣ не нужно, как спокойна келія, да наслаждаюся моею невѣстою оною: «Сію возлюбих от юности моя...» О сладчайшій органе! Едина голубице моя, бібліе! О, дабы собылося на мнѣ оное! «Давид мелодивно выгравает дивно. На всѣ струны ударяет. Бога выхваляет». На сіе я родился. Для сего ям і пію, да с нею поживу и умру с нею, аминь!» [4, с. 357]. А квинтэссенцию всего жизненного пути мыслителя выразил М. Ковалинский: «...что дѣлает в жизни Сковорода? Чѣм забавляется? Аз же во господѣ возрадоюся, возвеселюся о богѣ, спасѣ моем» [4, с. 462].

Избрав монашеский путь, мыслитель пытался очертить пути постижения истины для других. Главное требование на пути познания – следование своему духу и соблюдение заповедей. Именно поэтому мыслитель не определил истину каким-то конкретным местом. Истина везде, нужно только открыть глаза. Таким образом, философское наследие мыслителя – это освещенный путь страждущим в неведении, протоптанная стезя для ищущих познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сковорода, Г. Повне зібрання творів : у 2 т. / Г. Сковорода ; зав. ред. С. М. Перевертун [та ін.]. – Київ : Наукова Думка, 1973. – Т. 1. – 532 с.
2. Эрн, В. Ф. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение / В. Ф. Эрн. – М. : Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1912. – 343 с.
3. Чирка, Л. Г. «Ну что ты спрашиваешь имя мое? Оно чудное»: многообразии имени Бога в философии Г. Сковороды (в контексте христианской традиции) / Л. Г. Чирка // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2018. – Т. 10, № 2. – С. 131–137
4. Сковорода, Г. Повне зібрання творів : у 2 т. / Г. Сковорода ; зав. ред. С. М. Перевертун [та ін.]. – Київ : Наукова Думка, 1973. – Т. 2. – 576 с.
5. Иеромонах Илларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие / Иеромонах Илларион (Алфеев). – М. : Изд-во Братства Святителя Тихона, 1996. – 288 с.
6. Дионисий, Ареопагит. Мистическое богословие : сборник / Ареопагит Дионисий, Вл. Лосский, П. Минин // Серия: Памятники богословской мысли. – Киев : Путь к Истине, 1991. – 392 с.
7. Лебедев, А. С. Сковорода как богослов / А. С. Лебедев // Киевская старина. – 1898. – № 12. – С. 464–479.
8. Релігія в духовному житті українського народу / А. Колодний [та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1994. – 224 с.

Поступила в редакцию 29.03.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 104–110

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Gregory Skovoroda: in search of truth

L. G. Chyrka

The National Historical and Ethnographic Reserve “Pereyaslav” (Ukraine)

Shevchenko St., 8, 08400, Pereyaslav, Ukraine; e-mail: l_chyrka@ukr.net

Abstract. The philosophical heritage of G. Skovoroda always remains relevant, because in its development it constantly reveals new facets of his teachings. The article explores the ways of G. Skovoroda’s comprehension of truth. In the introduction, the author determines the significance of the personality of Gregory Skovoroda

and defines the main purpose of the article. The entire religious philosophy of the thinker is a vivid example of a kind of search and determination of his place in the world. In the main part of the article, the author defines the concept of «truth», which in G. Skovoroda's philosophy is identical to God. G. Skovoroda claimed that believing in God is nothing but living behind His laws. Then he selects and analyzes the ways of understanding the truth (God). The main requirement for these paths is that they must be good. The author draws attention to the fact that the thinker makes extensive use of theology on the path to understanding the truth. But this theology is characterized by elements of Christian freethinking. At the same time, the author points out that the Bible occupied an important place in the comprehension of the truth by the thinker. This is what the nutrient soil was in the whole philosophy of G. Skovoroda. Analyzing the philosophical heritage of the thinker, the author draws attention to the relationship of some statements with the biographical moments of the thinker. As a result, the author concludes that the philosophical heritage of the thinker is the illuminated path for the suffering in ignorance, a well-trodden path for those who seek knowledge. The results can be used both when giving lectures on the history of national philosophy, and in further studies of the creative heritage of G. Skovoroda. After all, the problem that the researcher touches on in the article is, first of all, of practical importance, since it reveals the ways for a person to understand the truth.

Keywords: truth, Christianity, God, theology, philosophy, faith, knowledge.

References

1. Skovoroda H. A complete collection of works [*Povne zibrannia tvoriv : u 2 t.*]; Ed. by S. M. Perevertun [et al.]. Kyiv, 1973, vol. 1, 532 p.
2. Ern V. F. Grigory Savvich Skovoroda. Life and teaching [*Grigorii Savvich Skovoroda. Zhizn' i uchenie*]. Moscow, 1912, 343 p.
3. Chyirka L. G. "What do you my name? It is wonderful": the diversity of the name of God in the philosophy of G. Skovoroda (in the context of the Christian tradition) [*"Nu chto ty sprashivaesh' imia moe? Ono chudnoe": mnogoobrazie imeni Boga v filosofii G. Skovorody (v kontekste khristianskoi traditsii)*]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, 2018, vol. 10, No. 2, pp. 131-137.
4. Skovoroda H. A complete collection of works [*Povne zibrannia tvoriv : u 2 t.*]; Ed.: S. M. Perevertun [et al.]. Kyiv, 1973, vol. 2, 576 p.
5. Hieromonk Hilarion (Alfeyev). The sacrament of faith. Introduction to Orthodox dogmatic theology. [*Tainstvo very. Vvedenie v pravoslavnoe dogmaticheskoe bogoslovie*]. Moscow, 1996, 288 p.
6. Dionisi Areopagin, Losski V., Minin P. Mystical theology [*Misticheskoe bogoslovie : sbornik*]. *Series: Monuments of Theoretical Thought*. Kyiv, 1991, 392 p.
7. Lebedev A. S. G. S. Skovoroda as a theologian [*G. S. Skovoroda kak bogoslov*]. *Kievskaiia starina*, 1898, No. 12, pp. 464-479.
8. Religion in the spiritual life of the Ukrainian people [*Relihiia v dukhovnomu zhitti ukrains'koho narodu*]. Kyiv, 1994, 224 p.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

Паліталогія

Тэорыя і метадалогія палітыкі

УДК 323.2

Н. А. Антановіч

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Цель данной статьи – выявить содержательные характеристики концепции политических инноваций и показать ее эвристический потенциал для развития политологии. Во введении дан краткий обзор литературы по проблемам политических инноваций и инновационной политики. В основной части политические инновации рассмотрены как феномен, направленный на формирование новой рациональности как нового способа упорядочения социальной жизни и придания смысла этому упорядочению. Политическая инновация выступает как идеал, стратегия, результат (обновленная конфигурация политических институтов либо политической системы в целом). Инновационная политика сформирована в рамках официального политического курса и является институциональной, а политические инновации не всегда опираются на сложившиеся политические институты. Выявлены характеристики политических инноваций: качественное изменение политического пространства и политической системы; высокая политизированность; связь с развитием человеческого потенциала. В статье рассмотрены генетические и исторические, радикальные и функциональные/процедурные инновации. Показано, что выбор политической инновации зависит от социального запроса на обновление vs «инновационных опасений», а также от ожидаемой полезности и барьеров для принятия инновации. Эвристический потенциал концепции политических инноваций для политологии состоит в том, что она позволяет изучать политические изменения как с применением теорий политической модернизации и транзитологии, которые опирались на системный подход, так и теории социального конструктивизма, а также синергетического подхода. В заключении показано, что инновационность политической системы может быть осмыслена в спектре от отсутствия значительного временного лага между возникновением инновационных идей и принятием политического решения по поводу их реализации до полной невозможности реализации инноваций из-за институциональных ловушек и высоких рисков негативных санкций в случае неудачи проекта. Практическое воплощение политических инноваций зависит от способности и готовности политиков принимать на себя риски за последствия решений, технологий внедрения инноваций в политический процесс и оценки их эффективности.

Ключевые слова: политические инновации, инновационная политика, политический процесс, риск, государственная программа инновационного развития.

Введение. На всем протяжении истории ценились технические нововведения, повышающие эффективность производства. В XX в. на фоне бурного развития научно-технического прогресса и нарастающей международной конкуренции лидеры многих стран стали заявлять о приверженности инновационному развитию. Термин «инновация» (от лат. *innovatio* – улучшение, обновление), наполненный экономическим содержанием, как известно, вошел в научный оборот благодаря работам Й. Шумпетера («Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия», 1911). Классиком изучения социально-экономических инноваций является и П. Друкер (работа «Бизнес и инновации», 1985). Современные ученые описывают технические, научные, экономические, социальные и политические инновации [1, с. 115]. В политологии ведется разработка понятий «инновационная политика» и «политические инновации», т.е. инновации рассматриваются через призму

Антановіч Ніна Арсен'евна, д-р політ. наук, доц., зав. каф. політології БГУ (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; e-mail: ninaant66@yandex.ru

политического процесса. Проблематика инновационной политики, социальных и политических инноваций изучена рядом политологов и социологов, среди которых такие российские авторы: Л. И. Гордеев [2], Н. Н. Ильчук [3], Е. Г. Кирсанова [4], В. Б. Кононов [5], Н. В. Красницкий [6], В. М. Сергеев [1; 7], А. Ю. Сунгуров [8]; белорусские ученые: В. А. Лопатин [9], Г. М. Бровка [10], Е. Е. Кучко [11].

Цель данной статьи – выявить содержательные характеристики концепции политических инноваций и показать ее эвристический потенциал для развития современной политологии.

Основная часть. Политологами инновации долгое время рассматривались через призму теории политической модернизации и демократизации. В настоящее время используется понятие «инновационная модернизация» (внедрение технологических ноу-хау во все сферы общества) как синоним инновационной политики. В свою очередь инновационная политика часто трактуется как направление деятельности государства, главным образом связанное с реализацией экономических задач. Однако инновационную политику можно трактовать шире, учитывая влияние политических факторов на экономику и социальные отношения. Инновационную политику также связывают с конкурентными проектами социально-экономического и собственно политического развития, выдвигаемыми политическими акторами. Так, Н. В. Красницкий не соглашается с рассмотрением понятия инновация как «сугубо экономической категории», поскольку так ограничивается его смысловая наполняемость и возможность изучения инноваций «сквозь призму политического процесса современного государства» [6, с. 266]. В. Б. Кононов предлагает расширительную трактовку инновационной политики, связывая ее, во-первых, с «демократизацией политических систем мира, переходом от иерархических форм управления к децентрализованным»; во-вторых, с повышением эффективности управления политическими процессами по принципам кластерного, «полюсного» роста; в-третьих, с переосмыслением роли государства в привлечении и поддержке инноваций [5, с. 117].

Е. Г. Кирсанова под инновациями в политической сфере понимает «внедрение новых видов отношений, институтов, практик, в результате чего происходит изменение политической системы... Инновации могут рассматриваться как результат, как изменение, как процесс» [12, с. 18].

Л. И. Гордеев называет инновации в социально-политической сфере интеллектуальным новшеством и указывает, что они влияют на «конструирование политического пространства, формирование новых видов отношений, институтов, практик для изменения политической системы» [13, с. 59, 60].

Коллектив политологов из Нидерландов в статье «Политические инновации как идеал и стратегия» (Альберт Мейер, Рейн ван дер Веер, Альберт Фабер, Джулия Пеннинг де Врис) приводит следующее определение политических инноваций: «целенаправленные действия по трансформации политических институтов, призванных принимать общеобязательные решения, и политических процессов, которые приводят к таким решениям, а также содержание выработанной в итоге политики» [14, с. 24]. Указанные авторы анализировали политические инновации как, во-первых, некий идеал в том смысле, что они «направлены на укрепление демократического качества», во-вторых, как стратегию реализации определенных интересов. Было отмечено, что «хотя большинство исследований сосредоточено на изменениях в демократических системах, концепция инноваций может относиться и к авторитарным системам» [14, с. 22]. С нашей точки зрения, политическая инновация как фундаментальный феномен в политике направлена ни больше ни меньше на формирование новой рациональности как нового способа упорядочения социальной жизни и придания смысла этому упорядочению. Политические инновации, влекущие за собой существенные изменения политической системы, мотивированы новыми представлениями о политике. Необходимо изучать как субъектов-инициаторов, так и условия возникновения политических инноваций.

Мы считаем дискуссионной точку зрения В. М. Кононова о том, что «демаркационную линию между инновационной политикой и политическими инновациями провести довольно сложно» [5, с. 117]. По нашему мнению, тогда как инновационная политика формируется в рамках официального политического курса и является институциональной, политические

инновации далеко не всегда опираются на официальные политические институты либо сложившуюся партийную систему, они могут возникать «сетевым способом», идти «от жизни». Понятия «инновационная политика» и «политические инновации» по своему содержанию пересекаются, но не совпадают полностью.

Проблемы *социально-экономических* инноваций активно изучались в бывшем СССР, а на излете его существования исследователи обратились к изучению социально-политических инноваций. Н. Н. Ильчук в диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук, защищенной в 1991 г. писал: «Общеполитический анализ инноватики как явления современного общества объективно представлен в материалах XXVIII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, Пленумов ЦК КПСС, съездов народных депутатов СССР...» [3, с. 3]. XXVIII съезд КПСС проходил 2–13 июля 1990 г. К тому времени КПСС «фактически раскололась на сторонников радикальных реформ, выступавших за превращение КПСС в партию парламентского типа, и... «консерваторов», обвинявших М. Горбачёва в отказе от коммунистической идеологии» [15]. Состоявшийся в феврале 1990 г. Пленум ЦК КПСС принял решение изъять из Конституции СССР 6-ю статью, которая, как известно, закрепляла руководящую роль КПСС. Обстоятельства, в которых была защищена указанная выше диссертация Н. Н. Ильчука, весьма показательны: страна стояла у пропасти, а ее руководство искало пути выхода из кризиса на фоне раскола политических элит и намечающегося прихода в политику новых политических сил. Примем во внимание трактовку политических инноваций, предложенную Н. Н. Ильчуком: «творческий процесс и результаты внедрения новых форм, способов и методов политической работы, а также принятие управленческих решений, радикально меняющих такого рода процессы и изменения в связи с этим мышления и сознания людей, отказ от устаревших политических традиций и норм» [3, с. 8].

Н. Н. Ильчук пришел к выводу, что политические инновации можно подразделить на *генетические* (новые политические идеи формируются в ответ на запрос, идущий из различных сфер общественной жизни) и *исторические* (политические идеи заимствуются из истории политической идей) [3, с. 12].

С нашей точки зрения, политические инновации можно классифицировать *по степени радикальности выдвигаемых идей*: 1) новые радикальные идеи, воплощение которых на практике ведет к изменению всей политической системы; 2) новые идеи, меняющие функционирование политических институтов, но не их структуру. Примером политических инноваций первого типа являются идеи отказа от монополии КПСС на власть, разделения властей как определяющего принципа правового государства для реформирования советской политической системы. Радикальные инновации чаще всего приводят к существенным структурным изменениям политической системы, исходящим из политического поля, в котором позиции альтернативных политиков и их организаций набирают силу. Радикальные инновации имеют структурный характер и грозят социальными потрясениями (или, по крайней мере, несут в себе значительный потенциал для их возникновения). Мы считаем, что на практике гораздо сложнее реализовать функциональные или процедурные инновации. Дать рекомендацию политикам о реализации того или иного типа инноваций возможно лишь учитывая все параметры сложившейся социально-политической и экономической ситуации, степень управляемости страной, уровень социально-политической напряженности / протестных настроений, а также запрос в обществе на изменения vs доминирование «инновационного страха». Проблематика политических инноваций имеет глубокие социокультурные основания, требует понимания границ социального поведения, которые обусловлены устоявшимися формальными и социокультурными запретами, имеющими даже в индустриально развитых обществах элементы сакрализации отношений власти-подчинения.

В случае, если политики избирают путь инноваций, следует задуматься об информационном сопровождении нововведений, подготовить общественность к их восприятию. В современных условиях это делать все сложнее, поскольку количество каналов передачи информации очень велико. Само распространение информации происходит «в мгновение ока» благодаря современным ИКТ и социальным медиа, возникшим на их основе. Актуальные каналы передачи

информации конкурируют между собой. Разные социальные группы тяготеют к определенным (в значительной части различающимся) каналам передачи информации. Эти пристрастия динамичны. Важно адекватно оценить аудиторию, которую удастся удерживать конкретному средству массовой информации. Соответственно, искать новые каналы своего присутствия, ориентируясь на различные аудитории.

Политические инновации можно классифицировать и в зависимости от субъектов-носителей новых идей. Пример подобной классификации разработан А. Пшеворским при анализе процесса высвобождения из-под авторитаризма. А. Пшеворский показал, что это возможно, если в правящих кругах действуют не только «сторонники твердой линии», но и реформаторы, а в рядах оппозиции – не только радикалы, но и умеренные. «Высвобождение может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными» [16, с. 18]. Пример последних лет существования СССР привел Н. Н. Ильчук. По состоянию на 1991 г. он выделял носителей инновационных идей: КПСС, партии социалистического выбора, оппозиционные партии, действовавшие в рамках Конституции СССР, крайне оппозиционные партии, опирающиеся на насилие, государственные органы, временные (а порой и случайные) объединения людей [3, с. 18].

Часто политическими акторами декларируется, что инновации направлены на укрепление демократии, но при этом они далеко не всегда опираются на институционализированный демократический процесс, с одной стороны, и не всегда на практике будут его воспроизводить. «Инновации часто выступают как конкуренты, а не союзники» [14, с. 20]. То есть можно сказать, что проблематика инновационного развития высоко политизирована, за нее идет борьба. Здесь уместно привести высказывание В. М. Сергеева: «...любая инновация, будучи адаптированной обществом, приводит к изменению баланса политической власти» [1, с. 117]. В. М. Сергеев указывал на значимость наличия институционализированных механизмов «перераспределения власти при введении инноваций» [1, с. 118].

С нашей точки зрения, инновационность политической системы может быть осмыслена в спектре от отсутствия значительного временного лага между возникновением инновационных идей и принятием политического решения по поводу их реализации – до полной невозможности реализации инновационных идей из-за институциональных ловушек и высоких рисков негативных санкций в случае неудачи проекта.

Авторы статьи «Политические инновации как идеал и стратегия» А. Мейер, Р. Веер, А. Фабер, Д. П. де Врис выделяют несколько фаз в процессе воплощения в жизнь политических инноваций с опорой на работы Е. Роджерса, С. Осборна, Л. Брауна: 1) выбор политических инноваций, 2) их внедрение, 3) связь политических инноваций с институциональным контекстом [14, с. 26].

1. Выбор политической инновации зависит от ожидаемой полезности и препятствий/барьеров для принятия инновации (к примеру, затраты на внедрение инновации). «Люди с большей вероятностью примут новшество, если будут знать о его полезности в конкретном контексте, сочтут, что препятствия ограничены. Для политических систем это означает, что ключевые действующие лица должны быть в состоянии сделать политические инновации полезными, а барьеры – преодолимыми для получения поддержки внедрения инноваций. Этот этап можно признать успешным, если идея фактически выбрана и получает поддержку для ее последующей реализации» [14, с. 26, 27].

2. Внедрение инноваций требует необходимых ресурсов и инструментов (финансовых, организационных). Этот этап можно признать успешным, если внедренные инновации соответствуют общественным ожиданиям. «Эффективность политических инноваций может оцениваться с точки зрения компетентности принятия решений и справедливости» [14, с. 27].

3. Соединение инноваций с институциональным контекстом, т.е. с формальными и неформальными правилами принятия политических решений и действий, чтобы «влиять на демократическую практику в рамках официальных институтов, таких как парламенты и местные советы». Формы воздействия при внедрении инноваций: выработка определенной политики, участие в политическом процессе, информирование и общественные дебаты, формирование политики путем тестирования рынка, легитимация политики, укрепление доверия избирателей, общественный контроль [14, с. 28].

В статье «Политические инновации как идеал и стратегия» в качестве примера политической инновации рассмотрена практика алеаторической демократии, внедряемой с 2014 г. на местном уровне в голландском городе Утрехт. Алеаторическая демократия (*aleatoric democracy* – от лат. *aleatorius* – случайный, игорный; *alea* – игральная кость) означает, что вместо выборов при формировании представительных органов власти используют случайный отбор, лотерею. «Ключевая идея алеаторической демократии заключается в том, что, подобно судебным присяжным во многих странах, все граждане могут быть выбраны случайным образом для участия в коллективных процессах принятия решений. В древних Афинах это означало, что каждый год граждане отбирались жеребьевкой, чтобы управлять полисом. Эта классическая идея была перенесена в современное время и представлена как решение проблем демократии» [14, с. 20]. На основе анализа кейса алеаторической демократии в городе Утрехт сделан вывод: чтобы политические инновации были приняты институционализированной демократической системой необходимо соединение «идеалистической логики улучшения демократии и реалистической логики реализации конкретных политических целей» [14, с. 20].

Важным направлением в изучении инноваций является использование синергетического подхода. А. Ю. Сунгуров следующим образом постулировал связь между изучением политических инноваций и синергетикой: «Основное понятие синергетики – определение структуры как состояния, возникающего в результате многовариантного и неоднозначного поведения таких многоэлементных структур или многофакторных сред, которые не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению термодинамического типа, а развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов... Инновации в социуме и политике – относятся к такому типу систем» [17, с. 18]. А. Ю. Сунгуров указывает, что для развития инновационных идей требуются «структуры-медиаторы различного происхождения, являющиеся, например, интерфейсом между властью, академическим сообществом и гражданским обществом» [17, с. 20], а «отсутствие институтов-медиаторов или их слабость будет препятствовать достижению фазы консолидации демократического режима» [8, с. 91]. Как мы понимаем, в данном контексте интерфейс – средство, обеспечивающее взаимодействие подсистем в рамках системы или взаимодействие двух систем.

Хотелось бы отметить, что в условиях «постмодернистского сдвига», четвертой технологической революции и формирования шестого технологического уклада идут процессы перестройки всей социальной системы (в данном контексте мы трактуем это понятие широко, как «социетальное сообщество» у Т. Парсонса). Происходит индивидуализация производства и потребления, формируются новые типы социально-группового взаимодействия, даже новые формы семьи, меняются формы социального партнерства, растет запрос на творческую трудовую деятельность. Творчество продуцирует инновации. Инновационность социально-политического развития – прямое следствие развития человеческого потенциала как правящих и альтернативных политических сил, так и социума в целом. Мы согласны с В. М. Сергеевым, который писал, что инновационную деятельность следует рассматривать как «характеристику, причем важнейшую, целостного типа общества» [1, с. 115].

Применение синергетического подхода в объяснении инноваций может стать прорывным в социально-политических науках, поскольку возникновение новшеств связано с переходом или угрозой перехода системы в состояние дезорганизации, когда открываются бифуркационные «окна возможностей» для новых траекторий развития. В ситуациях, когда политическая система близка к точке бифуркации или находится в ней, существующие институты (как государственные, так и негосударственные) и механизмы их взаимодействия перерастают выполнять регулирующую и сдерживающую функцию. На политической арене появляются новые политические силы. Хотя философы пишут о принципиальности роли случайности в подобных процессах, инструментарий политической аналитики дает возможность предсказать появление подобных сил в принципе, но, пожалуй, без точной их спецификации.

Политический процесс может быть реализован в режимах развития, функционирования, упадка. На первый взгляд, режим развития политического процесса является предпочтительным для правящих политических сил и для граждан той или иной страны: правящие силы повышают

шансы сохранить свой статус, а граждане – улучшить свою жизнь. На практике граждане в большей степени заинтересованы в развитии, тогда как правящие политические элиты могут стремиться к сохранению статуса кво, т.е. к режиму функционирования, воспроизведения прежних отношений. Режим развития политического процесса предполагает наличие политических и социально-экономических инноваций и несет в себе ряд политических рисков. Достижение целей повышения эффективности производства, роста благосостояния граждан, внедрения IT- и «зеленых» технологий, новейших технологий в оборонной сфере и т.п. связываются с государственной инновационной политикой.

Как мы уже отметили, инновационная политика современных государств – неотъемлемая часть концепции политических инноваций. В глобализованном мире инновационное развитие рассматривается как залог конкурентоспособности государств. В. М. Сергеевым описаны три модели инновационного развития: евроатлантическая, восточноазиатская и альтернативная. Для стран евроатлантического региона свойственна «модель полного инновационного цикла – от возникновения инновационной идеи до массового производства готового продукта» [7, с. 8]. В модели инновационного развития стран восточноазиатского региона «отсутствует стадия формирования фундаментальных идей», технологии заимствуются у стран евроатлантической модели. Альтернативная модель инновационного развития применяется в «преимущественно сельскохозяйственных странах, упор делается на подготовку кадров в сферах экономики, финансов, менеджмента... переориентация инновационного развития с high tech на high hume» [7, с. 12, 13].

Для измерения инновационного роста применяется Глобальный инновационный индекс (ГИИ), который рассчитывается по 129 странам мира. В 2019 г. осуществлено 12-е издание этого индекса. Ведущей организацией-создательницей ГИИ является Колледж бизнеса Корнельского университета (The SC Johnson College of Business). Каждый год ГИИ представляет тематический компонент, по которому отслеживаются глобальные инновации. Сравнительный анализ за 2019 г. посвящен медицинским инновациям, которые определяют будущее здравоохранения. Тематическое название издания – «Глобальный инновационный индекс 2019: создание здоровой жизни – будущее медицинских инноваций» [18]. В рейтинге за 2019 г. первые три места занимают Швейцария, Швеция, США, Германия занимает 10-е место, Израиль – 11-е, Россия – 46-е, Украина – 47-е, Грузия – 48-е, Беларусь – 72-е, Казахстан – 79-е, Азербайджан – 84-е места. Замыкают рейтинг Нигер, Бурунди, Йемен – 127, 128, 129 места соответственно [19].

В Беларуси действует Государственная программа инновационного развития на 2016–2020 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31. Программа принята с целью обеспечения качественного роста и конкурентоспособности экономики, концентрации ресурсов для формирования высокотехнологичных секторов с производствами уровня V и VI технологических укладов. В программу включены 75 проектов по созданию инновационных предприятий в сферах машиностроения, электроники, нефтехимии, строительства, медицины и фармации, транспорта и энергетики, сельского хозяйства [20].

Заключение. В политической науке ведется разработка понятий «политические инновации», «инновационная политика», «инновационная модернизация». Понимание инновационной политики связано с учетом влияния политических факторов на экономику и социальные отношения. Политическая инновация, как фундаментальный феномен в политике, направлена на формирование новой рациональности как нового способа упорядочения социальной жизни и придания смысла этому упорядочению. Политические инновации влекут за собой существенные изменения политической системы, мотивированы новыми представлениями о политике. Инновационная политика формируется в рамках официального политического курса и является институциональной, а политические инновации не всегда опираются на сложившиеся политические институты. Политическая инновация выступает как идеал (изначально политическая инновация воплощается в некой идее), стратегия (как целенаправленные действия по трансформации политических институтов), результат (обновленная конфигурация политических институтов либо политической системы в целом).

Выявлены характеристики концепции политических инноваций:

– атрибутивными свойствами любых инноваций являются новизна и качественное изменение;

– политические инновации ведут к изменению политического пространства, а, как следствие, изменению политической системы (возникают новые отношения, институты, роли субъектов политики и политических институтов);

– проблематика инновационного развития высоко политизирована, за нее идет борьба;

– инновационность социально-политического развития связана с развитием человеческого потенциала как правящих и альтернативных политических сил, так и социума в целом;

– следует различать генетические (новые политические идеи формируются в ответ на запрос, идущий из различных сфер общественной жизни) и исторические (политические идеи заимствуются из истории политических идей); радикальные (ведут к изменению всей политической системы) и функциональные/процедурные (меняют функционирование политических институтов) инновации;

– выбор политической инновации зависит от социального запроса на инновации vs «инновационных опасений», а также от ожидаемой полезности и барьеров для принятия инновации (затраты на внедрение).

Инновации можно классифицировать по степени радикальности выдвигаемых идей и в зависимости от субъектов-носителей новых идей.

Эвристический потенциал концепции политических инноваций для политологии состоит в том, что она позволяет изучать политические изменения с применением не только теорий политической модернизации и транзитологии, которые опирались на классический системный подход, но и теории социального конструктивизма, а также синергетический подход. Инновационность политической системы может быть осмыслена в спектре от отсутствия значительного временного лага между возникновением инновационных идей и принятием политического решения по поводу их реализации до полной невозможности реализации инновационных идей из-за институциональных ловушек и высоких рисков негативных санкций в случае неудачи проекта. Практическое воплощение политических инноваций зависит от способности и готовности политиков принимать на себя риски за последствия решений, технологий внедрения инноваций в политический процесс и оценки их эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сергеев, В. М.* Инновации как политическая проблема / В. М. Сергеев // *Полития.* – 2008. – № 1. – С. 114–125.
2. *Гордеев, Л. И.* Инновации в современной политике: научное осмысление / Л. И. Гордеев // *Вестн. университета (журнал Гос. ун-та управления).* – 2014. – № 16. – С. 225–229.
3. *Ильчук, Н. Н.* Политические инновации: их сущность и роль в условиях обновления общества : автореф. дис. ... филос. наук : 09.00.02. / Н. Н. Ильчук. – М., 1991. – 20 с.
4. *Кирсанова, Е. Г.* Инновации как фактор политического процесса современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Е. Г. Кирсанова. – М., 2013. – 25 с.
5. *Кононов, В. М.* Инновационная политика и политические инновации как фактор состоятельности и конкурентоспособности современного государства / В. М. Кононов // *Вестник ТГУ.* – 2014. – № 11 (139). – С. 116–122.
6. *Красницкий, Н. В.* Политическое содержание инноваций / Н. В. Красницкий // *Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского.* – 2011. – № 5 (1). – С. 264–267.
7. *Сергеев, В. М.* Типология моделей инновационного развития / В. М. Сергеев // *Полития.* – 2008. – № 4. – С. 6–22.
8. *Сунгуров, А. Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы / А. Ю. Сунгуров. – М. : *Полит. энцикл.*, 2015. – 283 с.
9. *Лопатин, В. А.* Специфика противоречий инновационного процесса (методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В. А. Лопатин. – Минск, 1985. – 20 с.
10. *Бровка, Г. М.* Инновационное развитие и национальная безопасность / Г. М. Бровка. – Минск : *РИВШ,* 2017. – 279 с.
11. *Кучко, Е. Е.* Инновационная политика как стратегия социального развития / Е. Е. Кучко // *Проблемы управления: научно-практический журнал.* – 2008. – № 1. – С. 195–198.
12. *Кирсанова, Е. Г.* Инновации как политологическая категория / Е. Г. Кирсанова // *Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Политич. науки.* – 2012. – № 1. – С. 15–24.
13. *Гордеев, Л. И.* Инновации в политике как фактор развития современной России / Л. И. Гордеев // *Грамота.* – 2014. – № 3 (41), ч. II. – С. 58–60.

14. Political innovation as ideal and strategy: the case of aleatoric democracy in the City of Utrecht / Albert Meijer [et al.] // *Public Management Review*. – 2017. – Vol. 19, No. 1. – P. 20–36. DOI: 10.1080/14719037.2016.1200666.
15. XXVIII съезд КПСС: история последнего съезда партии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2010. – Режим доступа : <https://ria.ru/20100702/251528110.html>. – Дата доступа : 04.06.2020.
16. Пшеворский, А. Переходы к демократии (из книги «Демократия и рынок») / А. Пшеворский // Путь. – 1993. – № 3. – С. 3–56.
17. Сунгуров, А. Ю. Инновации в социуме и политике: аналитический обзор / А. Ю. Сунгуров // *Философские науки*. – 2013. – № 3. – С. 5–20.
18. The Global Innovation Index (GII) 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation [Electronic resource] // SC Johnson College of Business. – 2019. – Mode of access : <https://www.globalinnovationindex.org/Home>. – Date of access : 04.06.2020.
19. The Global Innovation Index : 2019 Report [Electronic resource] // SC Johnson College of Business. – 2019. – Mode of access : <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report>. – Date of access : 04.06.2020.
20. О Государственной программе инновационного развития на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 31 янв. 2017 г. № 31 // Национальный правовой интернет-портал pravo.by. – 2017. – Режим доступа : https://www.pravo.by/upload/docs/op/p31700031_1486414800.pdf. – Дата доступа : 04.06.2020.

Поступила в редакцию 16.07.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 111–119
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

The concept of political innovations in modern political science

N. A. Antanovich

Belarusian State University (Belarus)

Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; e-mail: ninaant66@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the meaningful characteristics of the political innovation concept and to show its heuristic potential for the development of political science. The introduction gives a brief review of the literature on the problems of political innovation and innovation policy. In the main part, political innovations are considered as a phenomenon aimed at the formation of a new rationality as a new way of streamlining social life and giving meaning to this streamlining. Political innovation acts as an ideal, strategy, result (updated configuration of political institutions or the political system as a whole). Innovation policy is formed within the framework of the official political course and is institutional, while political innovation does not always rely on established political institutions. The characteristics of political innovations are revealed: a qualitative change in the political space and political system; high politicization; connection with the development of human potential. The article discusses genetic and historical, radical and functional/procedural innovations. It is shown that the choice of political innovation depends on the social request for updating vs “innovative fears”, as well as on the expected utility and barriers to the adoption of innovation. The heuristic potential of the concept of political innovation for political science consists in the fact that it allows one to study political changes using the theories of political modernization and transitology, which were based on a systematic approach, and theories of social constructivism, as well as a synergistic approach. In conclusion, it is shown that the innovativeness of the political system can be interpreted in the spectrum from the absence of a significant time lag between the emergence of innovative ideas and the adoption of a political decision regarding their implementation to the complete impossibility of implementing innovations due to institutional traps and high risks of negative sanctions in case of failure of the project. The practical embodiment of political innovation depends on the ability and willingness of politicians to take risks for the consequences of decisions, technologies for introducing innovations into the political process and assessing their effectiveness.

Keywords: political innovation, innovation policy, political process, risk, state program of innovative development.

References

1. Sergeev V. M. Innovation as a Political Problem [*Innovatsii kak politicheskaia problema*]. *Polity*, 2008, No. 1, pp. 114–125.
2. Gordeev L. I. Innovations in modern politics: scientific understanding [*Innovatsii v sovremennoi politike: nauchnoe osmyslenie*]. *Journal of the State University of Management*, 2014, No. 16, pp. 225–229.

3. Ilchuk N. N. Political innovations: their essence and role in the conditions of society renewal [*Politicheskie innovatsii: ikh sushchnost' i rol' v usloviakh obnovleniia obshchestva : avtoref. dis. ... filos. nauk*]. Moscow, 1991, 20 p.
4. Kirsanova E. G. Innovation as a factor in the political process of modern Russia [*Innovatsii kak faktor politicheskogo protsessa sovremennoi Rossii avtoref. dis. ... kand. polit. nauk*]. Moscow, 2013, 25 p.
5. Kononov V. M. Innovation policy and political innovation as a factor in capacity and competitiveness of the modern state [*Innovatsionnaia politika i politicheskie innovatsii kak faktor sostoiatel'nosti i konkurentnosposobnosti sovremennogo gosudarstva*]. *Vestnik TSU*, 2014, No. 11 (139), pp. 116-122.
6. Krasnitski N. V. Political content of innovations [*Politicheskoe sodержanie innovatsii*]. *Bulletin of Nizhny Novgorod University after N. I. Lobachevsky*, 2011, No. 5 (1), pp. 264-267.
7. Sergeev V. M. Typology of models of innovative development [*Tipologii modelei innovatsionnogo razvitiia*]. *Polity*, 2008, No. 4, pp. 6-22.
8. Sungurov A. Yu. How political innovations arise: “thought factories” and other mediating institutions. [*Kak vznikaiut politicheskie innovatsii: “fabriki mysli” i drugie instituty-mediatory*]. Moscow, 2015, 283 p.
9. Lopatin V. A. Specificity of the contradictions of the innovation process (methodological aspect) [*Spetsifika protivorechii innovatsionnogo protsessa (metodologicheskii aspekt) : avtoref. dis... kand. filos. nauk*]. Minsk, 1985, 20 p.
10. Brovka G. M. Innovative development and national security [*Innovatsionnoe razvitie i natsional'naia bezopasnost'*]. Minsk, 2017, 279 p.
11. Kuchko E. E. Innovation policy as a strategy of social development [*Innovatsionnaia politika kak strategiiia sotsial'nogo razvitiia*]. *Problems of management: scientific and practical journal*, 2008, No. 1, pp. 195-198.
12. Kirsanova E. G. Innovation as a political science category [*Innovatsii kak politologicheskaiia kategoriia*]. *Bulletin of Moscow university. Ser. 12. Political sciences*, 2012, No. 1, pp. 15-24.
13. Gordeev L. I. Innovation in politics as a factor in the development of modern Russia [*Innovatsii v politike kak faktor razvitiia sovremennoi Rossii*]. *Literacy*, 2014, No. 3 (41), part 2, pp. 58-60.
14. Albert Meijer [et al.]. Political innovation as ideal and strategy: the case of aleatoric democracy in the City of Utrecht. *Public Management Review*, 2017, vol. 19, No. 1, pp. 20-36.
15. XXVIII Congress of the CPSU: the history of the last party congress [*XXVIII s"ezd KPSS: istoriia poslednego s"ezda partii*]. RIA Novosti, 2010 [Electronic resource].
16. Pshavorski A. Transitions to democracy (from the book “Democracy and the Market”) [*Perekhody k demokratii (iz knigi “Demokratii i rynok”)*]. *The Way*, 1993, No. 3, pp. 3-56.
17. Sungurov A. Yu. Innovations in society and politics: an analytical review [*Innovatsii v sotsiume i politike: analiticheskii obzor*]. *Philosophical sciences*, 2013, No. 3, pp. 5-20.
18. The Global Innovation Index (GII) 2019: Creating Healthy Lives - The Future of Medical Innovation. SC Johnson College of Business, 2019 [Electronic resource].
19. The Global Innovation Index : 2019 Report. SC Johnson College of Business, 2019 [Electronic resource].
20. About the State program of innovative development for 2016-2020 [*O Gosudarstvennoi programme innovatsionnogo razvitiia na 2016-2020 gg.*] : Decree of the President of the Republic of Belarus on Jan. 31, 2017, No. 31. National legal Internet portal pravo.by, 2017 [Electronic resource].

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>

УДК 321.01

В. А. Гуторов, А. А. Ширинянец

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ АНТИЛИБЕРАЛИЗМ *

Статья посвящена характеристике истоков современного антилиберализма в западной политической науке. Во введении обозначены точки отсчета современной традиции либерализма, которыми стали либертариистское и утилитаристское направления. В основной части статьи на материале американской и европейской политологической литературы раскрыта неопределенность категориального аппарата либеральной теории, размытость самого понятия «либерализм», обусловленные понятийной и идеологической гибкостью либеральной теории, стремлением ряда либералов реализовать универсалистские, с оттенком европоцентристского постмодернизма, подходы и плюралистические идеи (соединяющие либерализм с исламом или иудаизмом), порождающие противоречия либерализма как в политическом, так и в этическом и культурном плане, главным из которых можно считать противоречие между общим содержанием либеральной теории и усилением ее культурной и региональной вариативности. В частности, в современной Европе, в отличие от США, эволюция либеральной традиции оказалась гораздо более сложной и противоречивой. Эти противоречия, как показано в статье, предопределяют существование в научном и идеологическом дискурсе значимой тенденции антилиберальной мысли и критики, которая всегда развивалась параллельно вместе с самим либерализмом и практически никогда не прекращала своего существования. В заключении обосновывается вывод о том, что антилиберализм в XXI в., приобрел новые черты, связанные с ростом сторонников плановой экономики, выступающих за активное государственное вмешательство государства в регулирование всех сфер общественной жизни, с усилением критики неолиберальных реформ; как направление общественной мысли и социальной политики антилиберализм не пошел на убыль и продолжает развиваться.

Ключевые слова: либерализм, антилиберализм, политическая теория, историческая традиция, ценности, идеологические конфликты, политические дискурсы, универсализм, постмодернизм.

Введение. Современная традиция либеральной идеологии в историческом плане имеет различные точки отсчета. *Либертариистский* либерализм отстаивает принцип «нулевого государства». Основные теоретические основы этого направления были разработаны в книге Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974) [1]. Другим ведущим направлением является *утилитаристский* либерализм, на протяжении столетий развивающий в области экономической и политической теории тезис, согласно которому центральным пунктом морали и политики является (или должно быть) содействие счастью. «Возможно, наиболее важный вопрос, разделяющий утилитаристов, состоит в определении счастья как «благосостояния» или «пользы» или же “всего, что делает жизнь стоящей того, чтобы жить”» [2, с. 3]. Оба направления содержат «критическое ядро», включающее в себя три основных критерия: свобода, «минимальное государство», счастье – благосостояние – эффективность. Системы, основанные на трех данных критериях, распадаются на множество линий аргументации. Например, для *доконтрактного* либерализма характерно предельное сближение понятий «свобода» и «минимальное государство». Обычно не уточняется – до какого предела должно простирается ограничение общественного сектора. Неизбежным следствием понятийной и идеологической гибкости либеральной теории является усиливающаяся неопределенность ее

Гуторов Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф., зав. каф. теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Адрес для корреспонденции: ул. Смольного, 1/3, 7-й подъезд, 191060, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: gut-50@mail.ru

Ширинянец Александр Андреевич, д-р полит. наук, канд. филос. наук, проф., зав. каф. истории социально-политических учений МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Адрес для корреспонденции: пр. Ломоносовский, 27/4, 119192, г. Москва, Россия; e-mail: jants@yandex.ru

категориального аппарата, что влечет за собой необходимость его постоянной корректировки, осуществляемой, как правило, в полемической форме.

Основная часть

Неопределенность категориального аппарата либеральной теории. Одним из важнейших свойств либеральной мысли на любом этапе его развития всегда была принципиальная «установка на спор», стремление его адептов обсуждать как собственные исходные предпосылки и базовые принципы, так и изыскивать новые формы аргументации для их дальнейшего творческого обоснования, в том числе и путем включения в либеральный дискурс идей своих оппонентов. Это свойство французский политический философ Клод Лефор не случайно называл «полемическим либерализмом» [3, с. 113]. Оно в свое время было прекрасно охарактеризовано А. Макинтайром. «Либерализм...», – отмечает он, – действительно выступает в современных дебатах под разными личинами. Поступая подобным образом, он зачастую оказывается успешным, приобретая раньше других преимущественное право на дебаты, давая иные формулировки раздорам и конфликтам с либерализмом и создавая впечатление, что они становятся дебатами внутри либерализма. При этом под вопросом оказываются те или иные моменты структуры позиций или видов политики, но никак не фундаментальные принципы либерализма, связанные с индивидами и выражением их предпочтений. В итоге так называемый консерватизм и так называемый радикализм в подобных современных обличьях являются в целом для либерализма лишь отговорками: актуальные дебаты внутри современных политических систем происходят почти исключительно между консервативными либералами, либеральными либералами и радикальными либералами. В таких политических системах находится немного места для критики самой системы и, следовательно, для постановки либерализма под вопрос» [4, с. 392].

Неизбежным следствием понятийной и идеологической гибкости либеральной теории является усиливающаяся неопределенность ее категориального аппарата, что влечет за собой необходимость его постоянной корректировки, осуществляемой, как правило, в полемической форме. К XXI в. векторы совместимости современного либерализма (по крайней мере, на уровне теории) с противостоящими ему когда-то идеологическими течениями нередко начинают трактоваться настолько широко, что у некоторых западных ученых даже считается вполне допустимым, например, искать точки соприкосновения между идеями Д. С. Милля и Д. Ролза с современным шиитским исламом [5, с. 2, 3]. Или же проводить обширные параллели не только между либерализмом и новыми версиями консервативных и социалистических идеологий, но и сопоставлять, например, либеральную и иудаистскую традиции. «...Большинство, – отмечает, например, Э. Александер в работе «Классический либерализм и иудаистская традиция», – анализирует или документирует расхождение между классическим либерализмом и иудаизмом... Они также судят о либерализме в соответствии со стандартами иудаизма вместо того, чтобы следовать обычной процедуре... и оценивать иудаизм в соответствии со стандартами либерализма» [6, с. XI].

Этот список постоянно пополняется и чисто индуктивным путем, в том числе и в ходе постоянных поисков исторических истоков либерализма и увеличения количества его «отцов-основателей». Размытость понятия «либерализм», естественно, затрагивает и область истории. Например, французский исследователь Ф. Фабри в работе «Рим от либерализма к социализму» отмечает: «Римский либерализм в историческом плане – это, прежде всего, средство раз и навсегда избежать тирании. Для этого римляне создали юридическое и институциональное оружие, эффективность которого без сомнения превосходила все их первоначальные предусмотрительные меры: в Риме оказалась основательно защищенной не только свобода, но само правление, основанное на праве, что способствовало экономической мощи города и в равной степени его внешнему престижу, предоставив ему сравнительное преимущество перед всем остальным древним миром. Оно придало ему необыкновенную прочность, равно как и способность развернуть все свои гигантские силы, что и привело его к мировому господству» [7, с. 11].

В свою очередь, Дж. В. Фемиа, автор работы «Новый взгляд на Макиавелли», считает итальянского мыслителя предшественником традиции, именуемой «скептическим либерализмом». «Данная традиция, – утверждает он, – развивается в дальнейшем Гоббсом

и Юмом, достигая кульминации в блестящей атаке Бентама на бессмысленные софизмы учения об естественных правах, правомерно рассматривает политику не как коллективное воплощение абстрактных принципов и вневременных моральных правил, применимых для всех форм общества, но, скорее, как конфликт различных интересов и целей с последующим поиском максимального удовлетворения человеческих желаний» [8, с. 15]. Определяя политическое сообщество «как арену конфликта и борьбы между противостоящими социальными ценностями и интересами», Макиавелли «осуществил радикальный разрыв с предшествующей политической мыслью и стал глашатаем *современного либерального плюрализма* (курсив наш. – В. Г.; А. Ш.). Свобода для него, как и для нас, требует *утверждения* частных желаний, а не их *поглощения* некоей коллективной волей, а социальная связь, скорее, предполагает, а не исключает дисгармоничного воздействия сил, движимых личным интересом» [8, с. 92].

В академических кругах обозначенные выше универсалистские, с оттенком европоцентристского постмодернизма, подходы встречаются, как правило, довольно резкое противодействие. «Либерализм, как вам скажут, – отмечает Э. Фосетт, – это этическое вероучение, экономическая картина общества, философия политики, обоснование капитализма, провинциальный западный взгляд, преходящая историческая фаза или вневременная совокупность универсальных идеалов. Ни одно из этих утверждений не является ложным в строгом смысле этого слова, но любое из них является частичным... Либерализм не обладает мифом о своем происхождении и не имеет года рождения. Хотя его истоки простираются настолько же далеко, насколько вас могут увлечь собственные энергия и любопытство, он возникает и как политическая практика распространяется по Евро-Атлантическому миру только после 1815 года. Либерализм отвечал новым условиям общества, заряженного капитализмом и потрясенного революцией, в котором материальные и этические изменения, хорошо это или плохо, рассматриваются как неотъемлемые» [9, с. XII].

Комментируя обозначенную выше тенденцию к обоснованию концепции либерального плюрализма путем ее проекции на ренессансную политическую мысль, Д. М. Парриш, в частности, подчеркивает: «Очевидно невозможно изучать историю ценностного плюрализма с точки зрения того, что именно различные мыслители должны были непосредственно говорить об этом предмете. Равным образом невозможно изучать историю либерализма на основании того, что его прародители должны были о нем говорить. Ценностный плюрализм, как и либерализм, является изобретенной нами современной категорией, используемой для того, чтобы наклеить этикетку на что-то для нас важное, возникающее таким образом, что те, кто участвуют в его формировании, едва ли способны это замечать. Не существует никакого довода в пользу самого предположения, что история ценностного плюрализма не может быть изучена, как и для того, чтобы предполагать, что мы должны оставить наши попытки понять истоки либерализма. Но их изучение потребует объяснительного подхода, являющегося строгим, но все же обладающего гибкостью, способного обнаруживать многообразные темы, которые данный предмет включает в себя во всем многообразии исторических контекстов» [10, с. 259, 260].

Противоречия современного либерализма и антилиберализм. Разумеется, истоки того, что обычно называют либеральной традицией, в отличие от других традиций мысли, нельзя определить вполне однозначно. Речь, конечно, идет не о частных случаях и ситуативных заимствованиях. Например, Д. С. Милль охотно заимствовал для разработки собственной версии либерализма концепции античной и средневековой политической философии, идеи Руссо, немецких романтиков и др. [11, с. 1, 2]. В свое время Э. Шилз вполне справедливо отмечал в своей книге «Традиция»: «Христианская традиция длится около двух тысячелетий. Либеральная традиция насчитывает несколько веков, марксистская традиция – один век и одну треть. Традиция «модернизма» в искусстве и литературе развивается примерно столько же, как и марксистская традиция или немного больше. Институты, которые имеют наименования, предполагаемые даты основания и известных отцов-основателей, зачастую трудно датировать в точности. Причем не из-за отсутствия существенных фактических данных. Их возникновение может быть постепенным процессом. Гораздо труднее установить исходную точку традиционной цепочки верований или образчиков поведения» [12, с. 16].

На наш взгляд, одной из причин подобных трудностей является постоянно возрастающее противоречие между общим содержанием либеральной теории и усилением ее *культурной и региональной вариативности*. Истоки данного противоречия восходят к постоянно акцентируемым историческим различиям в формировании европейской и американской традиций либеральной культуры. Так или иначе, анализ исторических особенностей американского либерализма почти всегда возвращает исследователей к проблеме европейских истоков либеральной идеологии.

В современной Европе, в отличие от США, эволюция либеральной традиции оказалась гораздо более сложной и противоречивой: «многое из традиции либерализма было воспринято, но само название ассоциировалось в умах многих с элементами, которые отвергались. Многие из тех, кто, как и в США, называли себя либералами, отмежевывались от существенных частей традиции. Определенные элементы либерализма, в особенности высокая оценка материального благосостояния индивидов, вступили в комбинацию с традицией, которая вдохновлялась и развивалась в форме негативного ответа на неспособность либерализма вытащить из нищеты остаточное меньшинство населения... Традиция европейского либерализма подвергалась суровой критике в интеллектуальных кругах в конце девятнадцатого века вследствие противоречия между предсказываемыми им выгодами и его неспособностью эти выгоды создавать» [12, с. 224]. Так, постепенно на Западе формировались группы, которые Э. Шилз именуется «коллективистскими либералами», близкими по идеологическим ориентациям к «демократическим социалистам» [12, с. 227].

В некоторых странах Западной Европы социалисты до сих пор выступают в роли инициаторов либеральных программ реформирования экономики и политической системы. Например, по мнению Г. Сарла, автора книги «Покончим с либерализмом по-французски», «именно социалисты в начале 1980-х гг. изобрели либерализм на французский манер... Все последующие президенты и правительства – Рокар, Ширак, Жоспен, Саркози, Олланд – в дальнейшем лишь увековечивали эту модель» [13, с. 6]. Самим же либералам некоторыми философами и политическими теоретиками XX в. нередко отводилась довольно одиозная роль «родоначальников» реакционных праворадикальных движений, включая национал-социализм и фашизм. «Либерализм, – писал Т. В. Адорно, – выпестованный культуриндустрией, формы рефлексии которой навлекли на себя негодование жаргона подлинности, хотя и он сам является одной из них, был предтечей фашизма, который растоптал как своего прародителя, так и позднейших его сторонников» [14, с. 58].

Такого рода представления, естественно, не могут не «прагматизировать» до самой крайней степени теоретические подходы к определению самого понятия «либерализм», придавая ему чисто утилитарный характер.

Следует отметить, что в конце XX – начале XXI в. наиболее активную роль в общественном дискурсе Запада играли радикальные неоконсервативные версии идеологии, сочетавшей консервативную программу политических реформ с ярко выраженной либертарианской (неолиберальной) риторикой, которая активно использовалась правящими кругами США и Западной Европы для идеологического воздействия на политические элиты стран Центральной и Восточной Европы в период так называемых «бархатных революций». Но одновременно все более явственными становились противоречия современного либерализма как в политическом, так и в этическом и культурном плане. «...Глубокий парадокс современного либерального упорядочивания жизни, – отмечает Р. Бейнер, – состоит в том, что, усиливая в высшей степени ограниченное видение достоинства и уникальности индивида в рамках его или ее отдельной субгруппы, он одновременно предлагает коллективный образ жизни («американизм»), который, быстро распространяясь, опутывает земной шар... Либерализм не в меньшей степени, чем социализм, феодализм или любой другой социальный порядок, – это глобальное устройство, т.е. образ жизни, который исключает другие образы жизни» [15, с. 24].

Так, постепенно, а в дальнейшем все более явно, в конце XX в. вновь на передний план выступила тенденция антилиберальной мысли и критики, которая всегда развивалась параллельно вместе с самим либерализмом и практически никогда не прекращала своего

существования. В 1920–1930-е гг. на большей части европейского континента – от России до Италии и стран Пиренейского полуострова – либеральные порядки были практически стерты с лица земли совместными усилиями левых и правых радикалов, установивших жесткие авторитарные и тоталитарные режимы в результате серии успешных политических революций. Сразу же после окончания Второй мировой войны основные причины краха либеральной идеологии и политики были выявлены в знаменитом «антилиберальном манифесте» «Человек науки против политики власти» (1946 г.), написанном Г. Моргентау, создателем современной версии теории политического реализма. Развивая свою критику либеральной концепции власти, Г. Моргентау вполне справедливо подчеркивал, что либерализм твердо стоит на ногах, когда он отвергает насилие во внутривнутриполитических делах. Ведь он в значительной степени заменил господство с помощью открытого насилия системой косвенного господства, ведущего свое происхождение из специфических потребностей среднего класса и дающего ему преимущество в борьбе за политическую власть. Однако международные отношения никогда не перерастали «долиберальной» стадии. Даже там, где юридические отношения скрывают отношения власти, власть должна пониматься в терминах насилия – актуального и потенциального. Потенциальное насилие всегда имеет тенденцию к превращению в реальную войну. Различие между войной и миром состоит не в сущности, а в степени. Либералы, обманутые внешним сходством между международным миром и миром во внутренних делах, переносят свой местный опыт в международную сферу, приравнивая различие между войной и миром к различию между авторитарным насилием и либеральной рациональностью [16, с. 49, 50].

Как свидетельствует весь опыт эволюции идеологического дискурса на Западе в послевоенный период, инерция фундаментального скептицизма в отношении теоретических и практических возможностей либеральной идеологии оказалась настолько мощной, что и в начале XXI в. альянс ученых и философов, выступающих против направления, именуемого ими «гегемонистским либерализмом» [17], продолжал только укрепляться. Одним из важных моментов этого процесса стала разработка своеобразной философии и «историософии» антилиберализма в многочисленных трудах экономистов, социологов, философов и политических теоретиков, критиковавших либерализм не только с учетом современных реалий, но стремившихся опираться на давнюю, восходящую в эпоху Просвещения традицию неприятия либеральной философии.

Заключение. Антилиберальный взгляд на исторический процесс состоит в том, что процесс либерализации и сам либерализм как направление экономической и политической мысли и практики, с точки зрения его противников, всегда развивались по восходящей линии в духе книги Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». Со второй половины XVIII в. его развитие действительно было поступательным, но к концу XIX в. векторы исторического развития резко изменились в неблагоприятном для либерализма направлении. К началу 1980-х гг., когда наступило улучшение, «экономический либерализм находился в упадке в течение ста лет» [18, с. 5]. Антилиберализм в начале XXI в. во многом отличается от аналогичных направлений, которые возникли четверть века назад. Д. Гендерсон выделяет три его современные, весьма существенные отличительные черты: 1. Рост сторонников экономической политики советского и (или) китайского типа; 2. Резкое усиление критики неолиберальных реформ; 3. Увеличение стран, групп и ассоциаций, причисляющих себя к жертвам политики неоконков и выступающих за активное государственное вмешательство в регулирование экономики и других сфер общественной жизни [18, с. 21]. Иными словами, антилиберализм как направление общественной мысли и социальной политики отнюдь не пошел на убыль и продолжает развиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nozick, R.* Anarchy, State, and Utopia / R. Nozick. – Oxford UK & Cambridge USA : Blackwell, 1974. – 367 p.
2. *Mulgan, T.* Understanding Utilitarianism / T. Mulgan. – Stocksfield : Acumen, 2007. – 194 p.
3. *Lefort, C.* Ecrire – à l'épreuve du politique. – Paris: Calmann-Lévy, 1992. – 398 p.
4. *MacIntyre, A.* Whose Justice? Which Rationality? / A. MacIntyre. – Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press, 1988. – 410 p.

5. Haidar, H. H. Liberalism and Islam. Practical Reconciliation between the Liberal State and Shiite Muslims / H. H. Haidar. – New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 254 p.
6. Alexander, E. Classical Liberalism & Jewish Tradition / E. Alexander. – New Brunswick; London : Transaction Publishers, 2003. – 173 p.
7. Fabry, Ph. Rome du libéralisme au socialisme. Leçon antique pour notre temps / Ph. Fabry. – Paris : Jean-Cyrille Godefroy, 2014. – 244 p.
8. Femia, J. V. Machiavelli Revisited / J. V. Femia. – Cardiff : University of Wales Press, 2004. – 148 p.
9. Fawcett, E. Liberalism. The Life of an Idea / E. Fawcett. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2014. – 468 p.
10. Parrish, J. M. Paradoxes of Political Ethics. From Dirty Hands to the Invisible Hand / J. M. Parrish. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 283 p.
11. Devigne, R. Reforming Liberalism. J. S. Mills’s Use of Ancient, Religious, Liberal, and Romantic Moralities / R. Devigne. – New Haven & London : Yale University Press, 2006. – 309 p.
12. Shils, E. Tradition / E. Shils. – Chicago : The University of Chicago Press, 1981. – 334 p.
13. Sarlat, G. En finir avec le libéralisme à la française / G. Sarlat. – Paris : Edition Albin Michel, 2015. – 117 p.
14. Адорно, Т. В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Т. В. Адорно ; пер. Е. В. Борисов. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 191 с.
15. Beiner, R. What’s the Matter with Liberalism? / R. Beiner. – Berkeley; Los Angeles; Oxford : University of California Press, 1995. – 200 p.
16. Morgenthau, H. J. Scientific Man versus Power Politics / H. J. Morgenthau. – Chicago & London : The University of Chicago Press, 1967. – 245 p.
17. Wolf-Devine, C. The Hegemonic Liberalism of Susan Moller Okin / C. Wolf-Devine // Liberalism at the Crossroads. An Introduction to Contemporary Liberal Political Theory and Its Critics / Ed. by C. Wolfe. – 2nd ed. – Lahnam; Boulder; New York; Oxford : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 41–60.
18. Henderson, D. Anti-liberalism 2000. The Rise of New Millenium Collectivism / D. Henderson. – London : The Institute of Economic Affairs, 2001. – 57 p.

Поступила в редакцию 17.08.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 120–126
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Liberal tradition and contemporary anti-liberalism

V. A. Gutorov ¹, A. A. Shiriniants ²

¹ Saint Petersburg State University (Russia).

Smolnogo St., 1/3, 7th entrance, 191060, St. Petersburg, Russia; e-mail: gut-50@mail.ru

² Lomonosov Moscow State University (Russia)

Lomonosovski Ave., 27/4, 119192, Moscow, Russia; e-mail: jants@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the origins of modern anti-liberalism in Western political science. The introduction marks the starting points of the modern tradition of liberalism, formed on the basis of libertarian and utilitarian trends. The main part of the article, based on the material of American and European political science literature, reveals the vagueness of the categorical apparatus of liberal theory, in particular, the ambiguity of the very concept of “liberalism”. The main reason for this trend is the conceptual and ideological flexibility of liberal theory, the desire of liberals to implement universalist, with a tinge of Eurocentric postmodernism, approaches and pluralistic ideas (for instance, linking liberalism with Islam or Judaism), which generate contradictions between liberalism both politically and ethically and culturally. The growing discrepancy between the general content of liberal theory and the strengthening of its cultural and regional variability can be considered a direct source of these contradictions. In particular, in modern Europe, in contrast to the United States, the evolution of the liberal tradition has turned out to be much more complex and contradictory. The authors of the article clearly prove that these contradictions predetermine the existence of a very significant trend of anti-liberal thought and criticism in scientific and ideological discourse; it has always developed in parallel with liberalism itself and almost never ceased to exist. In conclusion, the authors substantiate the thesis that anti-liberalism in the 21st century has acquired new features associated with the growth of supporters of a planned economy, who advocate active government intervention in the regulation of all spheres of public life. Today, criticism of neoliberal reforms is sharply increasing, indicating that anti-liberalism as a direction of public thought and social policy has not subsided and continues to develop.

Keywords: liberalism, anti-liberalism, political theory, historical tradition, values, ideological conflicts, political discourses, universalism, postmodernism.

References

1. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. Oxford UK & Cambridge USA, 1974, 367 p.
2. Mulgan T. Understanding Utilitarianism. Stocksfield, 2007, 194 p.
3. Lefort C. Ecrire - à l'épreuve du politique. Paris, 1992, 398 p.
4. MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Indiana, 1988, 410 p.
5. Haidar H. H. Liberalism and Islam. Practical Reconciliation between the Liberal State and Shiite Muslims. New York, 2008, 254 p.
6. Alexander E. Classical Liberalism & Jewish Tradition. New Brunswick; London, 2003, 173 p.
7. Fabry Ph. Rome from liberalism to socialism. Ancient lesson for our time [*Rome du libéralisme au socialisme. Leçon antique pour notre temps*]. Paris, 2014, 244 p.
8. Femia J. V. Machiavelli Revisited. Cardiff, 2004, 148 p.
9. Fawcett E. Liberalism. The Life of an Idea. Princeton and Oxford, 2014, 468 p.
10. Parrish J. M. Paradoxes of Political Ethics. From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge, 2007, 283 p.
11. Devigne R. Reforming Liberalism. J. S. Mills's Use of Ancient, Religious, Liberal, and Romantic Moralities. New Haven & London, 2006, 309 p.
12. Shils E. Tradition. Chicago, 1981, 334 p.
13. Sarlat G. Putting an end to French liberalism [*En finir avec le libéralisme à la française*]. Paris, 2015, 117 p.
14. Adorno T. V. The jargon of authenticity. About German ideology [*Zhargon podlinnosti. O nemetskoj ideologii*]; transl. by E. V. Borisov. Moscow, 2011, 191 p.
15. Beiner R. What's the Matter with Liberalism? Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995, 200 p.
16. Morgenthau H. J. Scientific Man versus Power Politics. Chicago & London, 1967, 245 p.
17. Wolf-Devine C. The Hegemonic Liberalism of Susan Moller Okin. Liberalism at the Crossroads. An Introduction to Contemporary Liberal Political Theory and Its Critics; Ed. by Ch. Wolfe. 2nd ed. Lahnam; Boulder; New York; Oxford, 2003, pp. 41-60.
18. Henderson D. Anti-liberalism 2000. The Rise of New Millenium Collectivism. London, 2001, 57 p.

Вниманию авторов!

В научном журнале

**«Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.
Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія»**

по научному направлению «политология»
предлагаются следующие рубрики:

– политическая философия; – теория и методология политики; – история политической мысли; – сравнительная политология; – политическое управление; – политическое участие; – гражданская политика; – политическая идеология; – политическая психология;	– политическая культура; – партология; – политическая элитология; – политическая конфликтология; – политическая регионалистика; – политическая коммуникация; – политическая глобалистика; – мировая политика; – политическое образование и просвещение.

* Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 20-011-31349 «Либеральные ценности в современном мире: основные тенденции трансформации».

УДК 342.31

П. П. Марченя, С. Ю. Разин

ИМПЕРИЯ РОССИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»

Во введении указан объект исследования – значимые для исторической науки результаты исследовательской и публикационной деятельности научного проекта «Народ и власть» (Россия), связанные с осмыслением имперской природы России как важной составляющей ее цивилизационной специфики и социокультурной динамики. При этом отношение постсоветского экспертного сообщества к феномену и понятию «Империя» рассматривается как один из критериев исторической идентичности. В основной части исследования кратко охарактеризованы некоторые научно-представительские мероприятия Проекта – круглые столы («Народ и власть в российской смуте», 2009; «Крестьянство и власть в истории России XX века», 2010; «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы», 2013 и 2014; «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.», 2015; «Империя как форма бытия российской цивилизации», 2019; и др.), на которых остро дискутировались вопросы о причинах кризисного ритма истории России и смысле периодически повторяющихся кризисов ее имперской системы – «смут», а также широкий круг актуальных проблем культурной, идеологической, политической и институциональной специфики российской государственности и восточнославянской цивилизации. Приведены примеры некоторых методологически и историографически значимых оценок ученых – участников Проекта и внешних рецензентов, презентованы опубликованные материалы дискуссий и отзывы экспертов (со ссылками на полнотекстовый доступ, которые расширяют возможности научного оборота результатов исследовательской деятельности и ее обсуждения). В заключении сформулированы выводы о значении и перспективах деятельности научного проекта «Народ и власть» для современной исторической науки, социогуманитарного знания и политической теории и практики.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть», империя, Российская империя, смута, цивилизация, цивилизационная идентичность, россиеведение, Россия, постсоветское пространство.

Введение. После катастрофического развала Советской империи и обрушения России и других стран постсоветского пространства в очередную «Смуту» [1, с. 677–701] и очередные «смутные поиски» [2, с. 213–215] себя и своего места в истории в специальной научной литературе (подробнее см. главу «Россия как империя и смута как расстройство ее цивилизационной идентичности» коллективной монографии «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии» [3, с. 54–112], вызвавшую, несмотря на общую лестную оценку авторитетного рецензента, его же, требующие дискуссии, сомнения в целесообразности дальнейшего использования термина «Империя» применительно к современной России [4, с. 632–634]) не утихают дебаты на тему «Империи России» [5] («России державной» [6]), ее «Имперских предчувствий» [7] и «Имперского прошлого», а также «постимперского настоящего» и возможного «неоимперского будущего» [8] как важной составляющей цивилизационной специфики России «в многообразии цивилизаций» [9]. Фактически в постсоветском экспертном сообществе само отношение и к феномену, и к понятию «Империя» может рассматриваться как один из критериев исторической идентичности, если под последней, по формулировке В. Н. Ватыля, понимать «осознанное и эмоциональное переживаемое самоопределение субъекта по отношению к некоему образцовому для него «референтному» феномену...» [10, с. 249].

В этой связи и для историков, и для представителей целого ряда социогуманитарных наук, сталкивающихся с проблемами использования концепта «Империя» [11, с. 117–136] «в контексте современного россиеведения» [12], могут представлять интерес результаты исследовательской и публикационной деятельности научного проекта «Народ и власть», который изначально возник в Москве, но практически сразу же после своего рождения «перерос» в российские столичные,

---

Марченя Павел Петрович, канд. ист. наук, доц., зам. начальника каф. философии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия).

Адрес для корреспонденции: ул. Академика Волгина, 12, 117437, г. Москва, Россия; e-mail: marchenyap@gmail.com

Разин Сергей Юрьевич, зам. директора по научно-методической работе частного учреждения профессиональной образовательной организации «Столичный Бизнес Колледж» (Россия).

Адрес для корреспонденции: ул. Тверская, 27/1, 125009, г. Москва, Россия; e-mail: razin_sergei@mail.ru

и даже «всего лишь» общероссийские рамки. В силу ограничения статьи по объему содержания текста и необходимой библиографии кратко отметим лишь некоторые принципиальные вехи, но для заинтересовавшихся специалистов сразу отметим, что с опубликованными материалами всех далее упомянутых (и многих оставшихся здесь неупомянутыми) дискуссий Проекта можно ознакомиться в режиме свободного полнотекстового доступа в Открытом Архиве научной информационной системы Соционет, обеспечение работы которого осуществляет Центральный экономико-математический институт Российской академии наук в сотрудничестве с рядом других учреждений РАН [13]. Такая возможность сразу же может осуществлять по приведенным ссылкам свободный переход во множество других текстов и контекстов, «раздвигает» границы данного самого по себе небольшого текста – в этом случае он становится политекстуальным, способным выступать в качестве навигатора, проводника в целый комплекс специальных текстов по поставленной проблеме.

Основная часть. В 2019 г. исполнилось десять лет, как в Институте социологии РАН состоялось первое научно-представительское мероприятие новорожденного проекта «Народ и власть» (первоначальное название «Народ и власть: История России и ее фальсификации»). Им стал получивший резонанс в ряде авторитетных рецензируемых научных изданий Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте», организованный Проектом совместно с российским общенациональным научно-политическим журналом «Власть» 23 октября 2009 г. [14, с. 14–17; 15, с. 10–14; 16, с. 13–17; 17, с. 9–14; 18, с. 9–13; 19, с. 16–21]. Как до сих пор пытаются подытожить современные историки, этот «круглый стол поднял настоящую «смутную волну», которая не могла улечься несколько лет. Сколько было высказано мнений! Здесь невозможно их пересказать, тем более что споры продолжаются...» [1, с. 691].

После этого в рамках Проекта были организованы еще десятки круглых столов и конференций, по результатам которых устойчиво вошли в междисциплинарный оборот шесть объемных сборников трудов [20–25] и множество публикаций в рецензируемых журналах по материалам работ и выступлений почти четырех сотен авторов, ставших участниками этих мероприятий [13]. Но уже на том самом первом Столе Проекта отчетливо проявилась тема, неразрывно связанная с исследованием «Смуты» как проблемы отечественной истории (истории России и сопредельных стран) [26, с. 86–91] и ставшая одной из важнейших для Проекта в целом, – тема осмысления имперской (но отнюдь не империалистической) природы самой российской/восточнославянской цивилизации и ее социокультурной динамики.

Ведущим круглого стола «Народ и власть в российской смуте» выступил самый, пожалуй, известный «имперовед» и «смутовед» нынешней российской исторической науки, автор «Красной смуты» [27] В. П. Булдаков. В возглавленных им дискуссиях о причинах кризисного ритма истории России, истоках и смысле периодически повторяющихся кризисов ее имперской системы – «смут», участниками было отмечено, что «проблематика российских смут связана с осмыслением особенностей российского имперского комплекса» [15, с. 11]; да и сама «смута» – «это категория, которая предполагает наличие имперского формата», а в паре «народ» и «власть» – «не хватает ключевого слова, третьего элемента – это «империя» как особая форма единения власти и народа в России» [17, с. 10]. Поэтому и сегодня «мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сформулировать современный вариант имперской идеи» [28, с. 296, 297] (или, как позднее сформулировал один из рецензентов, «сейчас вопрос стоит аналогичным образом: Россия – либо сырьевой элемент глобальной системы, либо импероподобное образование, противостоящее этой системе в союзе с другими импероподобными образованиями» [29, с. 11]).

Вообще, секрет «русской власти» «непостижим вне осмысления феномена империи как генератора стратегических целей и исторической судьбы России» [30, с. 105]. Более того, проблема «имперскости» России и проблема ее цивилизационной идентичности неразрывно связаны: «Основой исторической стабильности и успешного развития Империи является особое массовое сознание, в котором укоренена Идея служения великому целому, вера в Империю как земной оплот Императива и Державу как силу, сдерживающую Зло... Когда элиты теряли чувство меры в соотношении «Чужого» и «Своего» (Реформ и Начал, Утопии и Истории, Модерна и Традиции...), наступало «Смутное время»» [31, с. 90]. Таким образом, Империя и Смута рассматриваются

в проективном осмыслении [32, с. 89–96] как «инварианты российской истории» [33, с. 121–134], а «смутоведение» и «импероведение» – как две стороны одной «россиеведческой медали» [34, с. 55].

Второй Международный круглый стол научного проекта «Народ и власть» – «Крестьянство и власть в истории России XX века» (также совместно с журналом «Власть» в Институте социологии РАН 12 ноября 2010 г.) – в качестве модератора возглавил видный российско-белорусский ученый, историк, политолог и крестьяновед, автор одного из самых заметных в историографии трудов о роли крестьянской ментальности в социальных конфликтах Российской империи [35] О. Г. Буховец. В дискуссиях этого Стола [36, с. 161–171; 37, с. 173–184] нашла логичное продолжение тема осмысления цивилизационной специфики системы взаимодействия власти и общества в России, в том числе и собственно «имперская» и «империологическая» проблематика, которая обсуждалась по преимуществу под крестьяноведческим углом зрения, в частности при ответе на вопрос: являлось ли русское крестьянство «могильщиком империи» [37, с. 178] или, напротив, ее «цивилизационным фундаментом» [36, с. 162, 163].

Такая постановка проблемы нашла продолжение в целом серии крестьяноведческих и междисциплинарных мероприятий проекта «Народ и власть» и выделившегося в его рамках в отдельное направление теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», итоги которых вызвали пристальное внимание и новую волну журнальных откликов рецензентов в России (Г. А. Бордюгов [38, с. 188–192], Л. Н. Бродовская [39, с. 189–191; 40, с. 35–37], А. И. Колганов [41, с. 169–175], Г. Н. Ланской [42, с. 136–143], Т. Г. Леонтьева [43, с. 165–171], С. В. Любичанковский [44, с. 164–170; 45, с. 267–275], И. А. Ревин [46, с. 56–66], А. И. Фурсов [47, с. 69–89; 48, с. 76–98], В. Г. Хорос [49, с. 135–153], А. И. Шевельков [50, с. 169–181] и др.) и отдельные отзывы за рубежом (М. Melancon [51, с. 377]).

Несколько иные аспекты имперской проблематики российской/советской и постсоветской истории были представлены на организованными научным проектом «Народ и власть» совместно с Российским государственным гуманитарным университетом и журналом «Новый исторический вестник» Первом (состоявшемся 16 апреля 2013 г. в Институте гуманитарного образования и информационных технологий) [52, с. 98–147] и Втором (28 февраля 2014 г. в Российском обществе историков-архивистов) [53] международных круглых столах «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы», где остро дискутировались проблемы постсоветской интеграции и поиска национальной либо имперской (или «постимперской», по мнению некоторых рецензентов [54, с. 234–248]) идеи, способной послужить ее духовной основой.

Одной из центральных методологических установок этих напряженных дискуссий выступило положение о том, что вненаучного переосмысления феномена Империи (и как особой цивилизации, и как культуры, и как субъекта геополитики) исторически и политически адекватное понимание системных кризисов российской/восточнославянской цивилизации (в том числе в ее современном состоянии) считалось недостижимо в принципе [52, с. 100]. Сомнениям отдельных участников в том, не являются ли современные разговоры о России как Империи призывами к «насильственной интеграции» ею постсоветского пространства, был предложен следующий ответ: «Империя – это не только насильственная интеграция. Это, скорее, культурная экспансия. Никакая империя не способна держаться на одной лишь силе оружия. Империя предполагает вовлечение различных народов в орбиту действия культурных императивов, придающих общий смысл и общие ценности. Условием успешного распространения Империи является не столько насилие, сколько наличие Идеи, способной объединять и вести массы. В этом смысле Империя – это не столько форма организации масштабного пространства, сколько форма организации массового сознания. И державность России сегодня – это не столько сила, стремящаяся распространяться далее, сколько сила, сдерживающая зло. А наш разговор о возрождении империи – это призыв не к насилию, а к возвращению смысла» [52, с. 147].

В ходе дискуссий Международного круглого стола «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» 27 марта 2015 г. в Российском обществе историков-архивистов [59] (также получивших отзывы в российских и зарубежных рецензируемых научных изданиях – см., напр.: В. Б. Безгин и А. А. Слезин [55, с. 141–145], М. И. Леонов [56, с. 42–46], К. Аврамов [57, с. 780]) была подвергнута критике игнорирующая объективно существующую цивилизационную специфику российской истории транзитологическая

модель ее интерпретации [58, с. 34–51]. И было особо подчеркнуто, что «ключ к разгадке тайны российской многопартийности следует искать в имперском мифе, представляющем собой систему норм, идей и представлений, которая на протяжении столетий являлась и является ценностно-смысловым фундаментом российской идеократии», а сам феномен многопартийности нуждается в переосмыслении в контексте понимания «механизмов разрушения имперской государственности России, случившейся дважды лишь за один прошлый век» [59, с. 2]. С этой точки зрения, нельзя не признать, что «многопартийность сыграла крайне негативную роль в истории Российской и Советской империй» [59, с. 12] (и в таком ключе в условиях Империи как особой, адекватной массовому сознанию формы единения власти и масс российская многопартийность была не чем иным, как актором Смуты – временной деструктуризации системы взаимодействия власти и масс Империи, вызванной угрозой прерывания исторической преемственности государственных императивов и цивилизационной идентичности – и может быть интерпретирована скорее не как «колыбель гражданского общества», а как «могила имперской государственности» [60, с. 41–52]).

На одном из последних (на сегодня) мероприятий Проекта – Всероссийской научной конференции «Российская власть как фактор исторического процесса» (Российский государственный гуманитарный университет, 13 декабря 2019 г.) – в центре внимания участников историко-политологических дебатов вновь оказались проблемы осмысления цивилизационной специфики российской власти и ее роли в отечественной и мировой истории, в том числе, разумеется, феномена и концепта Империи. Именно имперской проблематике были посвящены сразу три пленарных доклада: «Россия – вечная империя или потенциально демократическое государство?» (Г. Н. Ланской, РГГУ); «Имперская власть и имперская идеология в Британии и России: исторический опыт и современность» (Н. С. Иванов, Институт всеобщей истории РАН); «Империя как форма бытия российской цивилизации» (П. П. Марченя, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя) – вызвавшие оживленные дискуссии [61].

В рамках этой же конференции состоялся и одноименный с последним докладом ее пленарного совещания с говорящим само за себя названием, Всероссийский круглый стол «Империя как форма бытия российской цивилизации», посвященный широкому кругу вопросов цивилизационной, идеологической, политической и институциональной специфики российской государственности (и восточнославянской цивилизации в целом). На обсуждение были вынесены такие проблемы: Имперская идея: в чем она сегодня; «Империя» и «Держава»: проблемы типологии форм организации власти и общества и терминологический арсенал обществознания; Империя как способ организации сознания: Императивы в системе взаимодействия власти и общества; «Царство» и «Священство» в российской истории; Российская власть в контексте «Русской идеи» и проекта «Третьего Рима»: утопии и реалии; Империя Россия в исторической динамике Традиции, Модерна и Постмодерна: проблемы «имперскости» досоветской, советской и постсоветской истории; Империя и национальное государство как альтернативы истории; Империя и Смута как инварианты российской истории; Власть и массы в социокультурной динамике российской цивилизации: массовое сознание как критерий цивилизационной идентичности элит; «Самодержавие», «Абсолютизм», «Восточная деспотия», «Тоталитаризм»...: политическая теория и историческая практика; Теория разделения властей в контексте имперской политической и правовой культуры; Россия как Империя: химера прошлого или единственно возможная форма сохранения цивилизационного суверенитета.

В частности, организаторами научного проекта «Народ и власть» в ходе этого обсуждения отстаивалась позиция, согласно которой главный транзит российской истории осуществляется вовсе не по линейной схеме «Империя – Демократия», а скорее по формуле «Империя – Смута – Империя». Попытки противопоставления «демократии» и «империи» не могут быть признаны вполне корректными, так как последняя не сводима к форме политического режима (впрочем, так же, как и к форме правления или форме государственно-территориального устройства). Если отбросить искусственные негативные коннотации (обусловленные скорее идеологическими, чем научными причинами), то по своему концептуальному смыслу Империя является не столько формой организации пространства, сколько способом организации массового сознания через служение Императиву, объединяющему множество народов в реальный субъект истории,

дающему возможность человеку, обществу и государству причаститься к смыслу всемирной истории и обрести опору, находящуюся вне времени (тем более, вне всяких «смутных времен»). И в этом смысле у цивилизации по имени Россия нет другого выбора, кроме выбора быть Империей либо утратить свой цивилизационный суверенитет и свой смысл в истории.

Заключение. По мнению авторов научного проекта «Народ и власть» и многих его участников и рецензентов, подобные дискуссии (о смысле и сущности империй как форм государственности и способов организации пространства и сознания, о специфике российской системы взаимодействия власти и общества, о механизмах и циклах ее социокультурной динамики и т.п.), несмотря на неоднозначность выводов, дают тем не менее достаточные основания (как минимум) для понимания необходимости серьезного переосмысления методологического и терминологического инструментария исторической науки, политологии и обществознания в целом, отказа от использования западноцентристских теорий в качестве универсальных схем истории, социально-гуманитарного познания и политической теории и практики. Как справедливо подчеркивают и белорусские исследователи, «гораздо более перспективными являются теории, базирующиеся на презумпции доверия к собственной истории и культуре» (О. А. Романов) [62, с. 14]. В связи с этим в заключение подчеркнем: проект «Народ и власть» и его научно-представительские мероприятия всегда открыты для участия специалистов, неравнодушных к судьбам России, Беларуси, других стран Русского мира и постсоветского пространства – нашей общей цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворниченко, А. Ю. Смута как фактор российской истории / А. Ю. Дворниченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, вып. 3. – С. 677–701. – DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.301.
2. Марченя, П. П. Смутные поиски России: Смута в контексте россиеведения [Электронный ресурс] / П. П. Марченя // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 213–215. – Режим доступа : http://users4496447.socionet.ru/files/smuta_R.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
3. Аблеев, С. Р. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии [Электронный ресурс] / С. Р. Аблеев [и др.]. – М. : ИПЛ, 2018. – 213 с. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Civ-2018.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
4. Бабашкин, В. В. Свобода в хоре, или из двух зол... / В. В. Бабашкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 628–635. – DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635>.
5. Империя России / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. – М. ; Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 2005. – Ч. 1. – 512 с.
6. Россия державная / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. – М. ; Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – 472 с.
7. Имперские предчувствия России / под ред. Ю. М. Осипова [и др.]. – М. ; Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005. – 432 с.
8. Шимов, Я. Беспokoйный призрак империи: Заметки об имперском прошлом, постимперском настоящем и (возможном?) неоимперском будущем России / Я. Шимов // Логос. – 2005. – № 1 (46). – С. 3–18.
9. Россия в многообразии цивилизаций / под ред. Н. П. Шмелева. – М. : Весь мир, 2011. – 896 с.
10. Ватыль, В. Н. Историческая память, знание и идентичность: европейские нарративы и белорусский дискурс [Электронный ресурс] / В. Н. Ватыль // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2019. – Ч. 1. – С. 247–249. – Режим доступа : https://elib.grsu.by/doc/opened/695316_314511pdf.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
11. Марченя, П. П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования [Электронный ресурс] / П. П. Марченя // Философские исследования и современность. – 2013. – Вып. 2. – С. 117–136. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/concept2.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
12. История СССР/РФ в контексте современного россиеведения / под ред. Е. И. Пивовара. – М. : Проспект, 2011. – 400 с.
13. Народ и власть [Электронный ресурс] // Соционет. – Режим доступа : <http://socionet.ru/collection.xml?h=герес:rus:tqtuvj>. – Дата доступа : 22.04.2020.
14. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 1 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 4. – С. 14–17. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
15. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 2 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 5. – С. 10–14. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
16. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 3 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 6. – С. 13–17. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.

17. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 4 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 7. – С. 9–14. – Режим доступа : <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
18. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 5 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 8. – С. 9–13. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
19. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: ч. 6 [Электронный ресурс] // Власть. – 2010. – № 9. – С. 16–21. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
20. Народ и власть в российской смуте [Электронный ресурс]. – М. : ВВА, 2010. – 348 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 1). – Режим доступа : <https://www.isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
21. Крестьянство и власть в истории России XX века [Электронный ресурс]. – М. : АПР, 2011. – 472 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 2). – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
22. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории [Электронный ресурс]. – М. : АПР, 2012. – 388 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 3). – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
23. Сталинизм и крестьянство [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 4). – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
24. Русское крестьянство и Первая мировая война [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во Ипполитова, 2016. – 810 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 5). – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.5.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
25. Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во Ипполитова, 2016. – 948 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 6). – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.6.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
26. *Марченя, П. П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? [Электронный ресурс] / П. П. Марченя // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 86–91. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
27. *Булдаков, В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 1997. – 375 с.
28. *Булдаков, В. П.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России [Электронный ресурс] / В. П. Булдаков, П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Вестник архивиста. – 2010. – № 3. – С. 288–302. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
29. *Фурсов, А. И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего / А. И. Фурсов [Электронный ресурс] // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 4. – С. 7–19. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
30. *Марченя, П. П.* Империя, партии и массы в русской смуте [Электронный ресурс] / П. П. Марченя // Власть. – 2010. – № 3. – С. 105–110. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/03/Imperia_partii.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
31. *Марченя, П. П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? [Электронный ресурс] / П. П. Марченя // История в подробностях. – 2010. – № 6. – С. 88–96. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
32. *Марченя, П. П.* «Империя» и «Смута» в современном россиеведении [Электронный ресурс] / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Новый исторический вестник. – 2011. – № 4. – С. 89–96. – Режим доступа : http://www.nivestnik.ru/2011_4/3.shtml. – Дата доступа : 22.04.2020.
33. *Марченя, П. П.* Империя и Смута – инварианты российской истории [Электронный ресурс] / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Федерализм. – 2010. – № 3. – С. 121–134. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/imper.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
34. *Марченя, П. П.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: От империи к смуте, от смуты к...? [Электронный ресурс] / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Россия и современный мир. – 2010. – № 4. – С. 48–65. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
35. *Буховец, О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты / О. Г. Буховец. – М. : Мосгорархив, 1996. – 398 с.
36. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: ч. 1 [Электронный ресурс] // Власть. – 2011. – № 8. – С. 161–171. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
37. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: ч. 2 [Электронный ресурс] // Власть. – 2011. – № 9. – С. 173–184. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
38. *Бордюгов, Г. А.* Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения [Электронный ресурс] / Г. А. Бордюгов // Российская история. – 2015. – № 4. – С. 188–192. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/188-192-Bordiugov.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.

39. Бродовская, Л. Н. Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории [Электронный ресурс] / Л. Н. Бродовская // Власть. – 2013. – № 4. – С. 189–191. – Режим доступа : <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
40. Бродовская, Л. Н. Крестьяноведение в исследовательском поле [Электронный ресурс] / Л. Н. Бродовская // Родина. – 2013. – № 4. – С. 35–37. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Brod.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
41. Колганов, А. И. Сталинизм и крестьянство [Электронный ресурс] / А. И. Колганов // Вопросы истории. – 2016. – № 3. – С. 169–175. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Kolg.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
42. Ланской, Г. Н. Круглый стол как историографическое явление: русский крестьянин и его хозяйство в период Первой мировой войны [Электронный ресурс] / Г. Н. Ланской // Вестник РГГУ. – 2016. – № 1 (10). – С. 136–143. – Режим доступа : <https://history.rsu.ru/jour/article/view/124/125>. – Дата доступа : 22.04.2020.
43. Леонтьева, Т. Г. Сталинизм и крестьянство... [Электронный ресурс] / Т. Г. Леонтьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2014. – № 4. – С. 165–171. – Режим доступа : <http://vestnik.tversu.ru/journals/1/documents/165/leontieva.pdf?1505811413>. – Дата доступа : 22.04.2020.
44. Любичанковский, С. В. Первая мировая война и российское крестьянство как проблема для всероссийской дискуссии: историографический опыт последних лет [Электронный ресурс] / С. В. Любичанковский // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (17). – С. 164–170. – Режим доступа : http://vestospu.ru/archive/2016/articles/18_17_2016.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
45. Любичанковский, С. Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия / С. Любичанковский // Quaestio Rossica. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 267–275. – DOI: 10.15826/qr.2016.2.169.
46. Ревин, И. А. Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов [Электронный ресурс] / И. А. Ревин // Новый исторический вестник. – 2013. – № 2. – С. 56–66. – Режим доступа : http://www.nivestnik.ru/2013_2/09.shtml. – Дата доступа : 22.04.2020.
47. Фурсов, А. И. Крестьянство: Проблемы социальной философии и социальной теории: Ч. 1 [Электронный ресурс] / А. И. Фурсов // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 6. – С. 69–89. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
48. Фурсов, А. И. Крестьянство: Проблемы социальной философии и социальной теории: Ч. 2 [Электронный ресурс] / А. И. Фурсов // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 7. – С. 76–98. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
49. Хорос, В. Г. Понимание как основа историзма: о книге «Сталинизм и крестьянство» [Электронный ресурс] / В. Г. Хорос // Новый исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 135–153. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Khoros.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
50. Шевельков, А. И. Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» [Электронный ресурс] / А. И. Шевельков // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24). – С. 169–181. – Режим доступа : [http://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/1410/169-181_Shevel'kov_Anatoliy_Ivanovich_\(12\(24\)\).pdf](http://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/1410/169-181_Shevel'kov_Anatoliy_Ivanovich_(12(24)).pdf). – Дата доступа : 22.04.2020.
51. Melancon, M. Narod i vlast' v rossiiskoi smute... / M. Melancon [et al.] // The Russian Review. – 2017. – Vol. 76, No. 2. – P. 377. – DOI: 10.1111/russ.12135.
52. Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – 2013. – № 3. – С. 98–147. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
53. Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы – 2 [Электронный ресурс]. – М. : Соционет, 2016. – 59 с. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/post2.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
54. Борисов, Н. А. «Постимперская идея» для постсоветского пространства / Н. А. Борисов // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 1. – С. 234–248.
55. Безгин, В. Б. Рецензия на сборник: Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. [Электронный ресурс] / В. Б. Безгин, Б. В. Слезин // История: факты и символы. – 2019. – № 4 (21). – С. 141–145. – Режим доступа : <https://historic-journal.ru/rossijskaya-mnogopartiynost-i-rossijskie-krizisy-xx-xxi-vekov/>. – Дата доступа : 22.04.2020.
56. Леонов, М. И. Российская многопартийность в новейшей отечественной историографии / М. И. Леонов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 42–46. – DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-42-46.
57. Avramov, K. Rossiiskaia mnogopartiynost' i rossiiskie krizisy XX–XXI vv. / K. Avramov, P. P. Marchenia, S. Yu. Razin // The Russian Review. – 2017. – Vol. 76, No. 4. – P. 780. – DOI: 10.1111/russ.12157.
58. Буховец, О. Г. «Государство-партия» в современной России?! [Электронный ресурс] / О. Г. Буховец // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. – М. : Ипполитова, 2016. – С. 34–51. – Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.6.pdf>. – Дата доступа : 22.04.2020.
59. Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: материалы дискуссии Международного круглого стола [Электронный ресурс]. – М. : Ин-т социологии РАН, 2016. – 135 с. – Режим доступа : https://www.isras.ru/files/File/publ/Patrushev_ks_narod_i_vlast_2016.pdf. – Дата доступа : 22.04.2020.
60. Марченя, П. П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? / П. П. Марченя // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 41–52. – DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05.

61. Историки рассказали, как империя стала формой бытия [Электронный ресурс] // РГГУ. – Режим доступа : <https://www.rsuh.ru/science/news/detail.php?ID=532161>. – Дата доступа : 22.04.2020.

62. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация как предмет социально-философского познания: историографический аспект [Электронный ресурс] / О. А. Романов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2017. – № 2 (22). – С. 5–17. – Режим доступа : <https://tsput.ru/fb/hum/2017/%E2%84%96/2/files/assets/basic-html/page-5.html>. – Дата доступа : 22.04.2020.

Поступила в редакцию 07.05.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 127–136

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Empire Russia: by the materials of the scientific project “People and Power”

P. P. Marchenia ¹, S. Yu. Razin ²

¹ *Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot (Russia)*
Akademika Volgina St., 12, 117437, Moscow, Russia; e-mail: marchenyap@gmail.com

² *Private Institution of the Professional Education Organization Capital Business College (Russia)*
Tverskaya St., 27/1, 125009, Moscow, Russia; e-mail: razin_sergei@mail.ru

Abstract. In the introduction, the object of researching is pointed – the results of research and publishing activities of the scientific project “People and Power” (Russia), significant for historical science, related to understanding the Imperial nature of Russia as an important component of its civilizational specificity and sociocultural dynamics. Moreover, the attitude of the post-Soviet expert community to the phenomenon and concept of “Empire” is considered as one of the criteria for historical identity. The main part of the researching briefly describes some of the scientific and representative activities of the project – round tables (“People and Power in Russian Distemper”, 2009; “Peasantry and Power in the history of Russia of the 20th century”, 2010; “Russia and the post-Soviet Space: problems and perspectives”, 2013 and 2014; “Russian multi-party system and Russian crises of the 20th–21st centuries”, 2015; “Empire as a form of being of Russian civilization”, 2019; etc.), where the questions about the causes of the crisis rhythm of Russian history and the meaning of periodically recurring crises in its imperial system were discussed – “Distempers”, as well as a wide range of topical issues of cultural, ideological, political and institutional specifics of the Russian state and the Eastern Slavic civilization. Examples of some methodologically and historiographical significant assessments of scientists participating in the project and external reviewers are presented, published discussion materials and expert reviews (with links to full-text access that expand the possibilities of scientific circulation of research results and its discussion) are also presented. Conclusions are drawn to the meanings and perspectives of the scientific project “People and Power” for modern historical science, socio-humanitarian knowledge and political theory and political practice.

Keywords: scientific project “People and Power”, empire, Russian Empire, Distemper (Vague time), civilization, civilizational identity, Russian studies, Russia, post-Soviet space.

References

1. Dvornichenko A. Yu. Smuta as a factor of the Russian history [*Smuta kak faktor rossiiskoi istorii*]. *Vestnik of St Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, No. 3, pp. 677–701.
2. Marchenia P. P. Vague search for the Russia: Distemper in the context of Russian studies [*Smutnye poiski Rossii: Smuta v kontekste rossievedeniia*]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, No. 9, pp. 213–215 [Electronic resource].
3. Ableev S. R. [et al.]. Civilizational sovereignty of Russia: problems and discussions [*Tsivilizatsionnyi suverenitet Rossii: problemy i diskussii*]. Moscow, 2018, 213 p. [Electronic resource].
4. Babashkin V. V. “Freedom in the Choir”, or from two Evils... [*Svoboda v khore, ili iz dvukh zol...*]. *RUDN Journal of Sociology*, 2017, vol. 17, No. 4, pp. 628–635.
5. Empire Russia [*Imperiia Rossiia*]; Eds.: Yu. M. Osipov, I. R. Bugayan, E. S. Zotova. Moscow, Rostov-on-Don, 2005, part 1, 512 p.
6. Imperial Russia [*Rossiia derzhavnaiia*]; Eds.: Yu. M. Osipova, M. M. Guzev, E. S. Zotova. Moscow, Volgograd, 2006, 472 p.
7. Imperial premonitions of Russia [*Imperskie predchuvstviia Rossii*]; Eds.: Yu. M. Osipov [et al.]. Moscow, Volgograd, 2005, 432 p.
8. Shimov Ya. Restless ghost of an Empire: notes on the imperial past, post-imperial present and (possible?) neo-imperial future of Russia [*Bespokoinyi prizrak imperii: Zametki ob imperskom proshlom, postimperskom nastoiashchem i (vozmozhnom?) neoimperskom budushchem Rossii*]. *Logos*, 2005, No. 1 (46), pp. 3–18.
9. Russia in the diversity of civilizations [*Rossiia v mnogoobrazii tsivilizatsii*]; Ed. by N. P. Shmelev. Moscow, 2011, 896 p.

10. Vatył V. N. Historical memory, knowledge and identity: European narratives and Belarusian discourse [*Istoričeskaja pamiat', znanie i identičnost': evropejskie narrativy i belorusskii diskurs*]. Belarus in the context of European history: person, society, state [*Belarus' u kanktektse eurapejskai historii: asoba, hramadstva, dziazrhava*]. Hrodna, 2019, part 1, pp. 247-249. [Electronic resource].
11. Marchenia P. P. The concept of the Empire as an object of multidisciplinary research [*Kontsept imperii kak predmet mul'tidistsiplinarnogo issledovaniia*]. *Philosophical Researches and Modernity*, 2013, issue 2, pp. 117-136 [Electronic resource].
12. The history of the USSR/RF in the context of contemporary Russian studies [*Istoriia SSSR/RF v kontekste sovremennogo rossievedeniia*]; Ed. by E. I. Pivovarov. Moscow, 2011, 400 p. [Electronic resource].
13. People and Power [*Narod i vlast'*]. *Socionet* [Electronic resource].
14. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 1 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 1*]. *Authority*, 2010, No. 4, pp. 14-17 [Electronic resource].
15. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 2 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 2*]. *Authority*, 2010, No. 5, pp. 10-14 [Electronic resource].
16. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 3 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 3*]. *Authority*, 2010, No. 6, pp. 13-17 [Electronic resource].
17. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 4 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 4*]. *Authority*, 2010, No. 7, pp. 9-14 [Electronic resource].
18. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 5 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 5*]. *Authority*, 2010, No. 8, pp. 9-13 [Electronic resource].
19. International round table "People and Power in the Russian distemper": part 6 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Narod i vlast' v rossiiskoi smute": ch. 6*]. *Authority*, 2010, No. 9, pp. 16-21 [Electronic resource].
20. People and Power in the Russian distemper [*Narod i vlast' v rossiiskoi smute*]. Moscow, 2010, 348 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 1) [Electronic resource].
21. Peasantry and Power in the history of Russia of the 20th century [*Krest'ianstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka*]. Moscow, 2011, 472 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 2) [Electronic resource].
22. Russia and Revolution: the past and present systemic crises of Russian history [*Rossii i revoliutsiia: proshloe i nastoiashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii*]. Moscow, 2012, 388 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 3) [Electronic resource].
23. Stalinism and the Peasantry [*Stalinizm i krest'ianstvo*]. Moscow, 2014, 765 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 4) [Electronic resource].
24. Russian peasantry and World War I [*Russkoe krest'ianstvo i Pervaia mirovaia voina*]. Moscow, 2016, 810 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 5) [Electronic resource].
25. Russian multiparty system and Russian crises of the 20th-21st centuries [*Rossiiskaia mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv*]. Moscow, 2016, 948 p. (The Scientific Project "People and Power", issue 6) [Electronic resource].
26. Marchenia P. P. "Distemper (Vague time)" as a problem of national history [*"Smuta" kak problema otechestvennoi istorii*]. *Istoriia v podrobnostiakh*, 2010, No. 5, pp. 86-91 [Electronic resource].
27. Buldakov V. P. The Red Distemper (Vague time). The nature and consequences of the revolutionary violence [*Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia*]. Moscow, 1997, 375 p. [Electronic resource].
28. Buldakov V. P., Marchenia P. P., Razin S. Yu. "People and Power in Russian Distemper (Vague time)": the past and present systemic crises in Russia [*"Narod i vlast' v rossiiskoi smute": proshloe i nastoiashchee sistemnykh krizisov v Rossii*]. *Herald of an archivist*, 2010, No. 3, pp. 288-302 [Electronic resource].
29. Fursov A. I. Distempers and revolutions: dialectics of internal and external [*Smuty i revoliutsii: dialektika vnutrennego i vneshnego*]. *Obozrevatel'-Observer*, 2012, No. 4, pp. 7-19 [Electronic resource].
30. Marchenia P. P. Empire, parties and masses in the Russian distemper [*Imperiia, partii i massy v russkoi smute*]. *Authority*, 2010, No. 3, pp. 105-110 [Electronic resource].
31. Marchenia P. P. Peasant and empire: is there any sense in "Russian revolt"? [*Krest'ianin i Imperiia: est' li smysl u "russkogo bunta"?*]. *Istoriia v podrobnostiakh*, 2010, No. 6, pp. 88-96 [Electronic resource].
32. Marchenia P. P., Razin S. Yu. "Empire" and "Distemper (Vague time)" in modern Russian studies [*"Imperiia" i "Smuta" v sovremennom rossievedenii*]. *The New Historical Bulletin*, 2011, No. 4, pp. 89-96 [Electronic resource].
33. Marchenia P. P., Razin S. Yu. Empire and Distemper (Vague time) as invariants of Russian history [*Imperiia i Smuta - invarianty rossiiskoi istorii*]. *Federalism*, 2010, No. 3, pp. 121-134 [Electronic resource].
34. Marchenia P. P., Razin S. Yu. "Study of distemper" as a "Gordian knot" of the Russian studies: from empire to distemper, from Strife to...? [*"Smutovedenie" kak "gordiev uzel" rossievedeniia: Ot imperii k smute, ot smuty k...?*]. *Russia and the Contemporary World*, 2010, No. 4, pp. 48-65 [Electronic resource].
35. Bukhovets O. G. Social conflict and peasant mentality in the Russian empire at the beginning of the twentieth century: new materials, methods and results [*Sotsial'nye konflikty i krest'ianskaia mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty*]. Moscow, 1996, 398 p. [Electronic resource].
36. International round table "Peasantry and Power in the history of Russia of the 20th century": part 1 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Krest'ianstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka": ch. 1*]. *Authority*, 2011, No. 8, pp. 161-171 [Electronic resource].
37. International round table "Peasantry and Power in the history of Russia of the 20th century": part 2 [*Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Krest'ianstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka": ch. 2*]. *Authority*, 2011, No. 9, pp. 173-184 [Electronic resource].

38. Bordiugov G. A. Out of the field of agrarian history, outside of peasant studies [Vne polia agrarnoi istorii, za predelami krest'ianovedeniia]. *Russian history*, 2015, No. 4, pp. 188-192 [Electronic resource].
39. Brodovskaya L. N. Peasant problem in national and world history [Krest'ianskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii]. *Authority*, 2013, No. 4, pp. 189-191 [Electronic resource].
40. Brodovskaya L. N. Peasant studies in exploratory field [Krest'ianovedenie v issledovatel'skom pole]. *Rodina*, 2013, No. 4, pp. 35-37 [Electronic resource].
41. Kolganov A. I. Stalinism and the Peasantry [Stalinizm i krest'ianstvo]. *Voprosy istorii*, 2016, No. 3, pp. 169-175 [Electronic resource].
42. Lanskoï G. N. Round table as a historical phenomenon: Russian peasant and his household at the period of the World War I [Kruglyi stol kak istoriograficheskoe iavlenie: russkii krest'ianin i ego khoziaistvo v period Pervoi mirovoi voiny]. *RSUH/RGGU Bulletin*, 2016, No. 1 (10), pp. 136-143 [Electronic resource].
43. Leontieva T. G. Stalinism and the Peasantry [Stalinizm i krest'ianstvo]. *Bulletin of the Tver State University. Series: History*, 2014, No. 4, pp. 165-171 [Electronic resource].
44. Liubichankovski S. V. World War I and Russian peasantry as a problem for All-Russian discussion: recent historiographic experience [Pervaia mirovaia voina i rossiiskoe krest'ianstvo kak problema dlia vserossiiskoi diskussii: istoriograficheskii opyt poslednikh let]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2016, No. 1 (17), pp. 164-170 [Electronic resource].
45. Liubichankovski S. The Russian peasantry and World War I as a problem for Russian historyography [Rossiiskoe krest'ianstvo i Pervaia mirovaia voina: vserossiiskaia diskussii]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, No. 2, pp. 267-275.
46. Revin I. A. Peasant Russia and Second Russian distemper: Research project "People and Power" in the national historiography of revolutionary crises [Krest'ianskaia Rossiia i Vtoraia russkaia smuta: nauchnyi proekt "Narod i vlast'" v otechestvennoi istoriografii revoliutsionnykh krizisov]. *The New Historical Bulletin*, 2013, No. 2, pp. 56-66 [Electronic resource].
47. Fursov A. I. Peasantry: problems of social philosophy and social theory: part 1 [Krest'ianstvo: Problemy sotsial'noi filosofii i sotsial'noi teorii: Ch. 1]. *Obozrevatel'-Observer*, 2012, No. 6, pp. 69-89 [Electronic resource].
48. Fursov A. I. Peasantry: problems of social philosophy and social theory: part 2 [Krest'ianstvo: Problemy sotsial'noi filosofii i sotsial'noi teorii: Ch. 2]. *Obozrevatel'-Observer*, 2012, No. 7, pp. 76-98 [Electronic resource].
49. Khoros V. G. Comprehension as the basis of historicism: about the book "Stalinism and the Peasantry" [Ponimanie kak osnova istorizma: o knige "Stalinizm i krest'ianstvo"]. *The New Historical Bulletin*, 2015, No. 1, pp. 135-153 [Electronic resource].
50. Shevelkov A. I. Peasant studies of scientific project "People and Power: History of Russia and Its Falsifications" [Krest'ianskie shchudii nauchnogo proekta "Narod i vlast': Istoriia Rossii i ee fal'sifikatsii"]. *Scientific Dialogue*, 2013, No. 12 (24), pp. 169-181 [Electronic resource].
51. Melancon M. [et al.]. Narod i vlast' v rossiiskoi smute... *The Russian Review*, 2017, vol. 76, No. 2, p. 377.
52. International round table "Russia and post-Soviet space: problems and prospects" [Mezhdunarodnyi kruglyi stol "Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: problemy i perspektivy"]. *The New Historical Bulletin*, 2013, No. 3, pp. 98-147 [Electronic resource].
53. Russia and post-Soviet space: problems and prospects - 2 [Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: problemy i perspektivy - 2]. Moscow, 2016, 59 p. [Electronic resource].
54. Borisov N. A. "Post-Imperial idea" for the post-Soviet space ["Postimperskaia ideia" dlia postsovetskogo prostranstva]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2016, No. 1, pp. 234-248.
55. Bezgin V. B., Slezin B. V. Review to the collection: The Russian multi-party-system and Russian crises of the 20th-21st centuries [Retseziia na sbornik: Rossiiskaia mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv. History: facts and symbols, 2019, No. 4 (21), pp. 141-145 [Electronic resource].
56. Leonov M. I. Russian multi-party system in the newest domestic historiography [Rossiiskaia mnogopartiinost' v noveishei otechestvennoi istoriografii]. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, 2019, vol. 25, No. 4, pp. 42-46.
57. Avramov K., Marchenia P. P., Razin S. Yu. Rossiiskaia mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv. *The Russian Review*, 2017, vol. 76, No. 4, p. 780.
58. Bukhovets O. G. "Government-Party" in Contemporary Russia?! ["Gosudarstvo-partiia" v sovremennoi Rossii?!]. *Russian multiparty system and Russian crises of the 20th-21st centuries*. Moscow, 2016, pp. 34-51 [Electronic resource].
59. Russian multiparty system and Russian crises of the 20th-21st centuries: discussion materials [Rossiiskaia mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: materialy diskussii]. Moscow, 2016, 135 p. [Electronic resource].
60. Marchenia P. P. Russian multiparty system: the cradle of civil society or the tomb of imperial statehood? [Rossiiskaia mnogopartiinost': kolybel' grazhdanskogo obshchestva ili mogila imperskoi gosudarstvennosti?]. *Polis. Political Studies*, 2017, No. 1, pp. 41-52.
61. Historians told how the empire became a form of being [Istoriki rasskazali, kak imperiia stala formoi bytiia]. *RSUH/RGGU* [Electronic resource].
62. Romanov O. A. The Eastern Slavic civilization as an object of social and philosophic cognition: a historiographical aspect [Vostochnoslaviiskaia tsivilizatsiia kak predmet sotsial'no-filosofskogo poznaniia: istoriograficheskii aspekt]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2017, No. 2 (22), pp. 5-17 [Electronic resource].

УДК 32:316.653(4)

Л. В. Слуцкая

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цель статьи – исследование влияния диверсификации политического пространства в сфере публичной политики на политический дискурс, выявление противоречий его развития в условиях цифровизации и влияния на процесс принятия решений. Во введении представлен краткий обзор литературы по проблемам политической коммуникации и использованию инновационных информационно-коммуникативных технологий и инструментов в сфере публичной политики. В основной части раскрыты характерные черты современных политических коммуникаций: диверсификация и увеличение информационных каналов, использование инновационных возможностей интернет-коммуникации в сфере публичной политики, расширение публичного дискурса, ускорение информационных потоков. Проанализированы последствия диверсификации и увеличения коммуникационных каналов политического пространства. Показано, что диверсификация политического пространства в сфере публичной политики порождает как позитивные, так и негативные последствия. К позитивным результатам можно отнести повышение имиджа правительств, транспарентность деятельности органов власти, конструктивный диалог власти и бизнеса, эффективные взаимосвязи граждан с государством. Деструктивные последствия проявляются в стремлении субъектов гражданского общества оказывать давление на властные структуры, используя интернет-ресурсы для формирования повестки дня политики, в преобладании популистской риторики политических коммуникаций. Эти факторы негативно влияют на процесс принятия решений, влекут за собой внутреннюю несогласованность государственной политики, а также невозможность выработки долгосрочной политической стратегии. В заключении выделены изменения, произошедшие в результате диверсификации политического пространства в сфере публичной политики под влиянием процессов дигитализации. Ключевым последствием диверсификации политического пространства в сфере публичной политики стала амбивалентность политических коммуникаций и расширение политического дискурса. Это проявляется в усилении зависимости институтов власти и политической элиты от средств и способов передачи информации, в доминировании общественного пространства над политическим, росте популистской риторики, распространением фейковых новостей, информационным перенасыщением при отсутствии разнообразия.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационно-коммуникативные технологии, публичная политика, политическое пространство, цифровизация.

Введение. Политическая коммуникация прошла ряд трансформаций, которые открыли новые способы производства, распространения и потребления информации. По утверждению Ю. Хабермаса, «...переход коммуникации с бумажных носителей – книг, прессы – на электронные – телевидение, Интернет – привел к неожиданному расширению публичной сферы действия средств массовой коммуникации и к беспримерному уплотнению коммуникационных сетей. Публичная сфера... стала более всеохватной, а общественный диалог – более интенсивным, чем когда-либо прежде» [1]. Медиатизация, дигитализация и виртуализация политического пространства последних десятилетий кардинально изменили политические технологии и их использование в сфере публичной политики.

Использование инновационных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) и инструментов в сфере публичной политики, их влияние на политические процессы является актуальной и значимой проблематикой современных политических исследований, о чем свидетельствует увеличивающееся в последние годы количество работ, посвященных разным аспектам данной темы. Так, проблемы политической коммуникации и информатизации общества, а также возможности применения информационно-коммуникационных и цифровых технологий в политике рассматриваются в работах Н. А. Антанович [2], Е. М. Ильиной [3–5],

Слуцкая Людмила Владимировна, канд. ист. наук, доц., доц. каф. политологии БГУ (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; e-mail: L_slutskaaya@mail.ru

М. С. Вершинина [6]. Виртуализация и медиатизация современной публичной политики является предметом исследований С. В. Володенкова [7; 8], политике в условиях сетевого общества и «электронному правительству» посвящены работы российских политологов А. В. Курочкина [9], Ю. В. Ирхина [10].

Целью данной статьи является исследование влияния диверсификации политического пространства в сфере публичной политики на политический дискурс, выявление противоречий его развития в условиях цифровизации и влияния на процесс принятия решений.

Основная часть. *Характерной чертой* современных политических коммуникаций является их тесная взаимосвязь с цифровизацией. Использование интернет-площадок политическими акторами из инновационного способа превратилось в привычный ресурс сетевого взаимодействия, в рамках которого транслируется политическая информация. И хотя изначально Интернет «был задуман... как альтернативное место, не подчиняющееся правилам государства и политического представительства, способствующее формам индивидуального участия вне институционализированных организаций» [11, с. 19], сегодня использование интерактивных форм общения стало частью контекста властных отношений, в котором у влиятельных лиц есть инструменты, необходимые для удовлетворения своих интересов. Политики и политические организации осознают необходимость постоянного присутствия в информационном пространстве, используя Telegram, Instagram, Facebook, Twitter и другие социальные сети для поддержания имиджа и узнаваемости. Огромное значение приобретает и число подписчиков, которые могут стать их последователями или сторонниками, а значит и потенциальным электоратом. «В условиях информационного общества коммуникации становятся инструментом конструирования различных и порой конкурирующих друг с другом моделей политической медиареальности для масс, что вызывает значимые последствия во всей сфере политического управления», – констатирует С. В. Володенков [8, с. 126].

Диверсификация и увеличение информационных и коммуникационных каналов политического пространства не только открыли инновационные возможности политической интернет-коммуникации, но и изменили отношения между политической сферой и гражданским обществом, позволив субъектам последнего активно участвовать в политических процессах. «ИКТ (в первую очередь интернет-технологии) создали базу для принципиально новых форм горизонтальных социальных интеракций и возможности взаимодействия властных институтов и различных инструментов гражданского общества («различных аудиторий») посредством использования обсуждений на интернет-форумах, блогов, социальных сетей, систем общения (электронная почта, чаты), – подчеркивает Н. А. Антанович [2, с. 79]. Позитивным аспектом использования интерактивных форм общения в сфере политики является повышение имиджа правительств, конструктивный диалог власти и бизнеса. Кроме того, ИКТ стали удобной и эффективной возможностью взаимосвязи граждан с государством благодаря таким методам как «электронное голосование», «веб-кабинет», «интернет-приемные», социологические опросы, онлайн-консультации, общественные обсуждения, вебинары.

Важной чертой современных политических коммуникаций является расширение сферы публичного политического дискурса, взаимодействие власти и общества, что способствует установлению обратной связи политической элиты с интернет-сообществом и народом в целом, публичности и большей открытости в деятельности органов власти. Следует отметить, что ограниченность свободного времени у чиновников приводит к невозможности проанализировать большой объем информации, поэтому важным критерием последней становится ее краткость и четкость. Кроме того, увеличение круга участников политического медиадискурса влечет за собой умение описать сложный процесс простым понятным языком, доступным для любой аудитории, в упрощенной виртуальной форме.

Еще одной особенностью современной политической игры является реакция общественного мнения на происходящие события, порой совершенно незначимые, либо информационные поводы, сформированные в публичном пространстве, на которые общественное мнение реагирует достаточно остро. Различные субъекты гражданского общества стремятся оказывать давление на властные структуры, используя интернет-ресурсы для формирования повестки дня политики.

«По сути, новые тенденции в организации публичной власти превратили политические коммуникации в своеобразный эпицентр политики, ключевое условие и одновременно источник политической игры как таковой» [12, с. 271]. Политический дискурс перешел в плоскость взаимодействия с интернет-сообществом, которое оценивает и интерпретирует действия политической элиты, открыто демонстрирует свое отношение к тем или иным политическим проектам и программам. Сложно не согласиться с мнением французского социолога и политолога, специалиста в области политических коммуникаций, Д. Уолтоном, который говоря о Европе, отмечает: «Хоть это и медиатизированный правящий класс..., оставляет в тени те тысячи избранных – национальных, региональных, местных, которые часто гораздо лучше представляют себе общество, чем эти элиты, он игнорирует профсоюзы, ассоциации, движения народного образования, систематически отождествляемые с корпоративизмом. Граждане видят все и знают все. Они не всегда правы, но невозможно построить новое политическое пространство, недооценивая получателей, которыми они являются» [13].

Дигитализация политической сферы значительно повлияла на способы взаимоотношений политических субъектов, создав подходящие условия для коллективных действий. Новые технологии политической коммуникации позволяют даже при ограниченных средствах распространять информацию, таким образом, предлагая возможности беспрецедентной политической мобилизации. Протестные движения, бойкоты, петиции, флеш-мобы будь то онлайн или офлайн, по правам человека, экологическим, гендерным или иным вопросам – все это новые политические проблемы в публичной сфере. Здесь уместно вспомнить об «арабской весне», «цветных революциях», Грете Тумберг или петициях властям по поводу COVID-19.

В качестве примера можно привести деятельность белорусской некоммерческой веб-платформы Удобный город, где можно «реализовать свое право на участие в управлении городом через обращение в государственные органы» [14]. «Главная цель проекта – побудить граждан к участию в решении местных проблем, повысить подотчетность местных органов власти и способствовать развитию открытого диалога между гражданами и представителями власти на местном уровне» [14]. Данный проект был запущен в 2015 г. Консультационным центром имплементации информационных технологий в гражданском обществе «Сивик тек». Несмотря на отсутствие законодательно закрепленной возможности подачи петиций, обращение в государственные органы осуществляется на основании Закона Республики Беларусь № 300-З от 18 июля 2011 г. «Об обращениях граждан и юридических лиц». Статьей 25 данного Закона предусмотрено рассмотрение электронных обращений, поступивших в государственные органы и иные государственные организации [15]. Так, в условиях распространения коронавирусной инфекции с 21 марта до 14 июня 2020 г. в разделе «Медицина. Здоровье. Образование» было размещено 60 петиций, 51 из них связана с COVID-19. Наибольшую поддержку граждан получили: Обращение об отмене выпускных и переносе вступительных экзаменов (почти 10 тыс. подписей) [16], Обращение о Завершении учебного года 2019/2020 (более 1 тыс. подписей) [17]. В соответствии с Законом «Об обращениях граждан и юридических лиц» представители органов государственной власти должны реагировать на электронные обращения и давать ответы.

Таким образом, очевиден факт возросшей взаимозависимости политической элиты и субъектов гражданского общества в политическом пространстве. У субъектов гражданского общества расширились возможности организации масштабных кампаний по мобилизации общественного мнения с целью влияния на процесс выработки политики и принятия решений. В результате политические процессы оказываются под более пристальным вниманием и критикой со стороны общественности. Субъекты власти больше не могут позволить себе игнорировать Интернет и социальные сети, которые в любой момент и по любому поводу могут стать катализаторами коллективных действий. Используя потенциал социальных сетей, субъекты гражданского общества привлекают внимание общественности к острым внутривнутриполитическим или глобальным проблемам, мобилизуя, таким образом, финансовые средства и человеческие ресурсы для их решения. Так, в соответствии с данными ежегодного отчета об использовании онлайн-технологий НПО за 2017 г. (Global NGO Online Technology Report), «представители мировых неправительственных организаций (НПО, НКО) уверены

в том, что социальные сети помогают им добиться перемен в обществе» [18]. Кроме того, выводы отчета свидетельствуют о том, что «71 % мировых неправительственных организаций регулярно ведут email-рассылки для своих доноров и сторонников. Большинство считают, что именно email-рассылки эффективнее использовать в онлайн-коммуникациях» [18].

Информационные обмены, сопровождающие процесс принятия государственных решений, осуществляются непрерывно. Так, в нынешней мировой ситуации пандемии коронавируса мы повсеместно наблюдаем онлайн конференции, встречи глав государств онлайн, при соблюдении всех протокольных норм и демонстрации национальной символики, которые бы использовались, если бы эта встреча проводилась в режиме реальности, что доказывает эффективность такого формата коммуникаций.

Однако, несмотря на достаточно обширные преимущества использования новых ИКТ в политическом пространстве, они таят в себе серьезные угрозы и риски.

Во-первых, наличие цифрового разрыва не только между странами, но даже между регионами одной страны порождает неравенство в доступе к информации.

Во-вторых, отсутствуют единые стандарты правового регулирования интернет-пространства. В результате, как подчеркивает бывший представитель Комитета по культуре, науке, образованию и СМИ ПАСЕ Анна Брасер, «сложно осуществлять контроль над законным использованием данных, циркулирующих в Интернете: национальные законы о защите данных отличаются в разных странах, а политика конфиденциальности, применяемая крупными транснациональными цифровыми компаниями... подчиняется только законам штатов, в которых эти компании зарегистрированы. ... Личные данные превращаются в обычный коммерческий товар и используются в коммерческих или политических целях, серьезно угрожая защите частной сферы» [19].

Существенной особенностью политических коммуникаций стал «непредвиденный кризис расширения освещения событий в СМИ, который не сопровождается при этом расширением поля информации», в результате, как отмечает Д. Уолтон в работе «Десять противоречий политического общения», «изобилие не создает разнообразия» [20]. Это дополняется усилением популистской риторики, цинизма и фейковых новостей в политическом дискурсе. Французский исследователь предупреждает, что «если средства массовой информации не будут лучше отражать многообразие, то возрастет риск утраты связи», поскольку «медиапространство недостаточно отображает культурную и социальную неоднородность», а увеличение заказных опросов может повлечь за собой то, что «СМИ попросту станут лишь их простыми комментаторами» [20].

Ускорение информационных потоков и способов организации демократической жизни, активное использование Интернета и социальных сетей трансформировали инструменты завоевания и удержания власти, ее формы организации, что привело, по словам итальянского профессора права М. Барбериса к «институциональному дисбалансу демократии», который проявился в концентрации власти у исполнительной ветви. Более того, «избиратели стали потребителями политики, как товара, который подчиняется законам спроса, предложения и маркетинга» [21, с. 47].

Пожалуй, самым негативным последствием диверсификации и цифровизации политического пространства стала фрагментация процесса принятия решений. Подобная фрагментация представляет угрозу стабильности политической системы, поскольку отсутствие этапа обработки информационного запроса не позволяет выработать долгосрочную политическую стратегию. Непрерывный поток запросов подается под давлением общественности как сформированная повестка дня, а управляемая система ее вынуждена воспринимать. Формирование повестки дня политики становится столь коротким, что исчезает время на экспертизу запроса. Эти процессы влекут за собой деформацию политического пространства, когда вместо реальных политических действий политики непрерывно должны присутствовать в виртуальном пространстве.

Не следует забывать, что «политическая коммуникация также включает в себя роль связующего звена с работой правительства, т.е. коммуникационную деятельность, направленную на оказание влияния на функционирование исполнительных, законодательных и судебных органов, политических партий, заинтересованных групп, комитетов политических действий и других заинтересованных сторон политического процесса» [22]. Однако «разрушающие выступления, пропагандирующие новые принципы коммуникации, основанные на онлайн-экспериментах, направлены на их легитимизацию и интеграцию в государственную политику» [22].

Заключение. Таким образом, можно выделить ряд изменений, произошедших в результате диверсификации политического пространства в сфере публичной политики в условиях цифровизации.

1. Диверсификация политического пространства в сфере публичной политики привела к тому, что характерной чертой политического дискурса стало усиление популистской риторики, распространение фейковых новостей, «информационный вал», не сопровождающийся разнообразием информации.

2. Произошло усиление зависимости институтов власти и политической элиты от средств и способов передачи информации, а также доминирование общественного пространства над политическим. Публичная политика из площадки запроса на формирование повестки дня политики превратилась в производителя данной повестки, иногда даже оказывая непосредственное влияние на ее формирование, что влечет за собой внутреннюю несогласованность государственной политики и невозможность выработки долгосрочной политической стратегии.

3. Использование ИКТ в политике способствует повышению имиджа правительств, благодаря постоянному присутствию в виртуальном пространстве, расширению сферы публичного дискурса, взаимодействию власти и бизнеса, публичности и открытости деятельности органов власти, участию субъектов гражданского общества в политических процессах.

4. Соответственно, можно сделать вывод, что ключевым последствием диверсификации политического пространства в сфере публичной политики стала амбивалентность политических коммуникаций и политического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хабермас, Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3 (47). – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nz/2006/3/pervum-pochuyat-vazhnoe.html>. – Дата доступа : 20.02.2020.
2. *Анатанович, Н. А.* Коммуникативное измерение современной политики: блоги и форумы / Н. А. Антанович // Весн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 1. – С. 79–82.
3. *Ильин, М. В.* Актуальные технологии интернет-сообществ в сетевой парадигме информационного общества / М. В. Ильин, Е. М. Ильина // Иппокрена. – 2013. – № 2 (23). – С. 5–18.
4. *Ильина, Е. М.* Цифровая трансформация GR-технологий в Республике Беларусь / Е. М. Ильина // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 125–132.
5. *Ильина, Е. М.* Политика в сфере цифровой трансформации Legal Tech / Е. М. Ильина // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. / редкол.: А. Г. Василевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 182–186.
6. *Вершинин, М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований [Электронный ресурс] / М. С. Вершинин // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. трудов. – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 98–107. – Режим доступа : http://www.russcomm.ru/tca_biblio/v/vershinin02.shtml. – Дата доступа : 22.02.2020.
7. *Володенков, С. В.* Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности / С. В. Володенков // Вестн. МГУ. Сер. 12 Политич. науки. – 2017. – № 2. – С. 15–23.
8. *Володенков, С. В.* Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики / С. В. Володенков // Коммуникология. – 2016. – № 4. – С. 125–136.
9. *Курочкин, А. В.* Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание / А. В. Курочкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9), ч. 2. – С. 113–117.
10. *Ирхин, Ю. В.* «Электронное правительство» как интерактивная коммуникация между органами власти и гражданами / Ю. В. Ирхин // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 6. – С. 160–174.
11. *Labrecque, E.* Politique, démocratie et technologies de l'information et des communications (TIC) [Ressource électronique] / E. Labrecque. – Université du Québec à Montréal, 2013. – Mode d'accès : <https://archipel.uqam.ca/5423/1/M12918.pdf>. – Date d'accès : 10.03.2020.
12. *Коммуникативизм в исследованиях политики // Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2019. – С. 263–292.*
13. *Wolton, D.* Pas de démocratie sans communication politique [Ressource électronique] / D. Wolton // Le Monde. – 2006. – 4 june. – Mode d'accès : https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/06/04/pas-de-democratie-sans-communication-politique-par-dominique-wolton_658296_3232.html. – Date d'accès : 13.03.2020.
14. Сайт Удобный город Petition.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://petitions.by/>. – Дата доступа : 13.06.2020.

15. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь № 3003 от 18 июля 2011 г. : с изм. и доп. Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 306-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300>. – Дата доступа : 09.06.2020.

16. Обращение к Президенту Республики Беларусь и открытое письмо Министерству образования об отмене выпускных и переносе вступительных экзаменов [Электронный ресурс] // Сайт Удобный город. – Режим доступа : <https://petitions.by/petitions/4000>. – Дата доступа : 13.06.2020.

17. Завершение учебного года 2019/2020 и остановить вторжение в Республику Беларусь дистанционного обучения в школах [Электронный ресурс] // Сайт Удобный город. – Режим доступа : <https://petitions.by/petitions/3852>. – Дата доступа : 13.06.2020.

18. Баранова, Н. Отчет: как неправительственные организации использовали онлайн-технологии в 2016 году [Электронный ресурс] / Н. Баранова // Сайт Теплица социальных технологий. – Режим доступа : <https://te-st.ru/2017/02/16/how-ngo-have-used-online-technology-2017/>. – Дата доступа : 20.03.2020.

19. Brasseur, A. Internet et la politique: les effets des nouvelles technologies de l’information et de la communication sur la démocratie. Rapport. Doc. 13386 – 13 janvier 2014 [Ressource électronique] / A. Brasseur // L’Assemblée parlementaire. – Mode d’accès : <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-FR.asp?FileID=20329&lang=FR/>. – Date d’accès : 10.03.2020.

20. Kouassi Kouassi, O. Mercier A. La Communication politique: Référence papier [Ressource électronique] / O. Kouassi Kouassi // Questions de communication – 2018. – 33. – P. 387–390. – Mode d’accès : <https://journals.openedition.org/questionsdecommunication/13040>. – Date d’accès : 25.11.2019.

21. Barberis, M. Le populisme, caricature de la démocratie / M. Barberis // Esprit. – 2019. – Octobre. – P. 45–54.

22. Eyriès, A. «Philippe A., Nicolas H. Introduction à la communication politique. Louvain-la-Neuve, De Boeck supérieur, coll. Ouvertures politiques, 2017» [Ressource électronique] / A. Eyriès // Questions de communication, 2018. – No. 1. – P. 352–353. – Mode d’accès : <https://www.cairn.info/revue-questions-de-communication-2018-1-page-352.htm>. – Date d’accès : 10.02.2020.

Поступила в редакцию 09.07.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 137–143
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Diversification of the political space of public policy in the context of digitalization

L. V. Slutskaya

Belarusian State University (Belarus)

Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; e-mail: L_slutskaya@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the impact of diversification of political space in the field of public policy on political discourse, to identify the contradictions of its development in the context of digitalization and the impact on the decision-making process. The introduction provides a brief review of the literature on the problems of political communication and the use of innovative information and communication technologies and tools in the field of public policy. The main part reveals the characteristic features of modern political communications diversification and increase of information channels, use of innovative opportunities of Internet communication in the field of public policy, expansion of public discourse, acceleration of information flows. The consequences of diversification and an increase in the communication channels of the political space are analyzed. It is shown that the diversification of the political space in the field of public policy gives rise to both positive and negative consequences. Positive results include an increase in the image of governments, transparency in the activities of authorities, a constructive dialogue between government and business, and effective relations between citizens and the state. The destructive consequences are manifested in the desire of civil society actors to exert pressure on the authorities, using Internet resources to formulate the policy agenda, and the prevailing populist rhetoric of political communications. These factors negatively affect the decision-making process, entail internal inconsistency of state policy, as well as the inability to develop a long-term political strategy. In conclusion, the author highlighted the changes that occurred as a result of the diversification of the political space in the field of public policy under the influence of digitalization processes. The key consequence of the diversification of the political space in public policy has been the ambivalence of political communications and the expansion of political discourse. This is manifested in the increasing dependence of the institutions of power and the political elite on the means and methods of transmitting information, in the dominance of public space over the political, the growth of populist rhetoric, the spread of fake news, and information glut in the absence of diversity.

Keywords: political communication, information and communication technologies, public policy, political space, digitalization.

References

1. Habermas J. The first to feel the important. What distinguishes an intellectual [*Pervym pochuiat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala*]. *Emergency ration*, 2006, No. 3 (47) [Electronic resource].
2. Antanovich N. A. The communicative dimension of modern politics: blogs and forums [*Kommunikativnoe izmerenie sovremennoi politiki: blogi i forumy*]. *Journal of the Belarusian State University. Ser. 3. History. Economics. Law*, 2014, No. 1, pp. 79-82.
3. Ilyin M. V., Ilyina E. M. Current technologies of the online communities in the network paradigm of the information society [*Aktual'nye tekhnologii internet-soobshchestv v setevoi paradigme informatsionnogo obshchestva*]. *Ippokrena*, 2013, No. 2 (23), pp. 5-18.
4. Ilyina E. M. Digital transformation of Government Relations technologies in the Republic of Belarus [*Tsifrovaia transformatsiia GR-tekhnologii v Respublike Belarus*']. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Ser. 1. History and Archeology. Philosophy. Political sciences*, 2018, vol. 10, No. 3, pp. 125-132.
5. Ilyina E. M. Digital Transformation Policy of Legal Tech [*Politika v sfere tsifrovoi transformatsii Legal Tech*]. *The Constitution of the Republic of Belarus as a Value Choice: 25 Years of Accomplishment and Transformatio : collection of materials rep. scientific-practical conf.*, Minsk, March 4, 2019; ed. board: A. G. Vasilevich (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 2019, pp. 182-186.
6. Vershinin M. S. Political communication in the information society: promising areas of research [*Politicheskaiia komunikatsiia v informatsionnom obshchestve: perspektivnye napravleniia issledovaniï*]. *Actual problems of the theory of communication*. St. Petersburg, 2004, pp. 98-107 [Electronic resource].
7. Volodenkov S. V. Internet technologies as a contemporary tool of mass political reality virtualization [*Internet-tekhnologii kak sovremennyi instrument virtualizatsii massovoi politicheskoi real'nosti*]. *Bulletin of Moscow university. Ser. 12. Political sciences*, 2017, No. 2, pp. 15-23.
8. Volodenkov S. V. Mediatization and virtualization of modern space of public policy [*Mediatizatsiia i virtualizatsiia sovremennogo prostranstva publichnoi politiki*]. *Communicology*, 2016, No. 4, pp. 125-136.
9. Kurochkin A. V. Policy under network society conditions: new structure and content [*Politika v usloviakh setevogo obshchestva: novaia struktura i sodержanie*]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. Tambov, 2011, No. 3 (9), part 2, pp. 113-117.
10. Irkhin Yu. V. "E-government" as an interactive communication between government and citizens [*"Elektronnoe pravitel'stvo" kak interaktivnaia komunikatsiia mezhdru organami vlasti i grazhdanami*]. *RGU Bulletin. Ser. Political sciences. History. International relation*, 2009, No. 6, pp. 160-174.
11. Labrecque E. Politics, democracy and information and communications technologies (TIC) [*Politique, démocratie et technologies de l'information et des communications (TIC)*]. Montréal, 2013 [Electronic resource].
12. Communicativism in Policy Research [*Kommunikativizm v issledovaniakh politiki*]. *Contemporary Political Science: Methodology*; Eds.: O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow, 2019, pp. 263-292.
13. Wolton D. No democracy without political communication [*Pas de démocratie sans communication politique*]. *Le Monde*, 2006, June 4 [Electronic resource].
14. Website Petition.by [Electronic resource].
15. On appeals of citizens and legal entities [*Ob obrashcheniakh grazhdan i iuridicheskikh lits*] : *Law of the Republic of Belarus No. 300-L on July 18, 2011 : as am. and sup. by the Law of the Republic of Belarus on July 15, 2015 № 306-L*. National Center of Legal Information of the Republic of Belarus [Electronic resource].
16. An appeal to the President of the Republic of Belarus and an open letter to the Ministry of Education on canceling final and postponing admission exams [*Obrashchenie k Prezidentu Respubliki Belarus' i otkrytoe pis'mo Ministerstvu obrazovaniia ob otmene vypusknykh i perenose vstupitel'nykh ekzamenov*]. Petition.by [Electronic resource].
17. The end of the school year 2019/2020 and stop the invasion of the distance learning in schools in the Republic of Belarus. [*Zavershenie uchebnogo goda 2019/2020 i ostanovit' vtorzhenie v Respubliku Belarus' distantsionnogo obuchenii v shkolakh*]. Petition.by [Electronic resource].
18. Baranova N. Report: how non-governmental organizations used online technology in 2016. [*Otchet: kak nepravitel'stvennye organizatsii ispol'zovali onlain-tekhnologii v 2016 godu*]. Website Greenhouse Social Technology [Electronic resource].
19. Brasseur A. Internet and politics: the impact of new information and communication technology on democracy [*Internet et la politique: les effets des nouvelles technologies de l'information et de la communication sur la démocratie*]. Rapport. Doc. 13386, L'Assemblée parlementaire janvier 13, 2014 [Electronic resource].
20. Kouassi Kouassi O. Mercier A. Political Communication: Paper reference [*Référence papier: Mercier A. La Communication politique*]. *Questions de communication*, 2018, No. 33, pp. 387-390 [Electronic resource].
21. Barberis M. Populism, caricature of democracy [*Le populisme, caricature de la démocratie*]. *Esprit*, October, 2019, pp. 45-54.
22. Eyriès A. "Philippe A., Nicolas H. Introduction to political communication. Louvain-la-Neuve, De Boeck supérieur, coll. Political overtures, 2017" ["Philippe A., Nicolas H., Introduction à la communication politique. Louvain-la-Neuve, De Boeck supérieur, coll. Ouvertures politiques, 2017"]. *Questions de communication*, 2018, No. 1, pp. 352-353 [Electronic resource].

УДК 327

В. Н. Ватыль, А. К. Шаханова

ГУМАНИТАРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЕАЭС: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ *

Во введении раскрыта актуальность выбранной темы и степень ее научной разработанности, указан объект исследования – гуманитарное строительство в структуре ЕАЭС, определен его предмет – исследование генезиса, становления, функционирования гуманитарного строительства в ЕАЭС. Целью исследования выступает определение структурных элементов и функциональных механизмов гуманитарного строительства в системе евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Под «гуманитарным сотрудничеством» на постсоветском пространстве понимается взаимодействие на межгосударственном уровне в сфере образования и науки, здравоохранения, культуры, массовых коммуникаций, спорта и туризма. В основной части определены теоретические основы исследования, в рамках данного исследования использованы следующие виды объяснительных моделей: а) историографическая; б) концептуальная; в) морфологическая; г) проективная. Методом рассмотрения историографии вопроса выбран проблемно-тематический подход. Историографическими источниками выступают специализированные диссертационные исследования, монографические исследования, научные статьи, материалы научных конференций, коллективные обобщающие труды, научная публицистика. На основании многочисленных источников, можно отметить, что авторы обращают внимание на отдельные грани гуманитарного сегмента евразийской интеграции, что обуславливает актуальность комплексного изучения гуманитарного строительства. В статье дан обзор основных теоретических подходов к исследованию гуманитарного строительства в ЕАЭС. Для реализации поставленных целей были использованы: системный подход, структурно-функциональный подход, институциональный метод. Определены ключевые принципы, на которых необходимо реализовывать гуманитарное строительство ЕАЭС. Акцент сделан на современном состоянии, текущих проблемах и перспективах совершенствования конкретных форм и направлений гуманитарного строительства в ЕАЭС. В заключении подведены итоги исследования и указаны перспективные направления дальнейшего сотрудничества в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: ЕАЭС, гуманитарное строительство, генезис, развитие, перспективы.

Введение. Особенностью современного этапа мирового развития являются процессы глобализации и интеграции. Сегодня ЕАЭС считается перспективным и развивающимся интеграционным экономическим проектом на постсоветском пространстве. Основные цели и принципы ЕАЭС определяют экономический характер его организации. Полноценная экономическая интеграция, как известно, неустойчива без повновесного гуманитарного сотрудничества. В аналитическом дискурсе термин «гуманитарное сотрудничество» понимается как взаимодействие на межгосударственном уровне в сфере образования и науки, здравоохранения, культуры, массовых коммуникаций, спорта и туризма и рассматривается как продуктивный ресурс в функционировании и развитии интеграционных процессов в ЕАЭС.

Как свидетельствует практика ЕАЭС и соответствующие теоретические наработки, имеется определенный «задел», свидетельствующий о разработке обозначенной темы. Но резюмируя их, можно констатировать, что в нем авторы изучают конкретные аспекты и не ставят перед собой задачи целостного освещения. В связи с этим объектом данной статьи станет гуманитарное строительство в структуре ЕАЭС, предметом – исследование генезиса, становления, функционирования, развития этой сферы, целью – определение структурных элементов и функциональных механизмов гуманитарного строительства в системе евразийской интеграции на постсоветском пространстве.

Ватыль Виктор Николаевич, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: п-к Доватора, 3/1, 230012, Гродно, Беларусь; e-mail: v.vatyl@grsu.by

Шаханова Анна Константиновна, магистрант каф. политологии ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь); науч. рук. – В. Н. Ватыль, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь)

Адрес для корреспонденции: п-к Доватора, 3/1, 230012, Гродно, Беларусь; e-mail: HannaSh1990@inbox.ru

Основная часть. Для реализации обозначенной цели нам потребуется несколько объяснительных моделей: а) историографическая; б) концептуальная; в) морфологическая; г) проективная. Историография вопроса необходима для освещения того «задела», о котором мы говорили во введении. Методом его рассмотрения станет проблемно-тематический подход, представленный сегодня в диссертационных исследованиях, монографиях, научных статьях, материалах конференций, коллективных обобщающих трудах, научной публицистике.

В диссертациях А. Ю. Бельянинова, Я. Калиша, В. Г. Когута, А. С. Кошеля [1], М. Чугриной [2] представлены, с одной стороны, содержательные исследования, посвященные общетеоретическим и методологическим аспектам ЕАЭС, а с другой – конкретно-прикладным. Указанные авторы раскрывают содержательный и функциональный потенциал ЕАЭС, определяют место и роль евразийской интеграции в системе международного регионального интеграционного процесса, дают конкретные практические рекомендации по гуманитарному строительству в обозначенном интеграционном объединении.

Проблемно-тематический подход присутствует в ряде монографических работ Е. Ю. Винокурова, Г. И. Осадчей, белорусских ученых С. Венедиктова [3], К. Л. Томашевского. Они формируют общетеоретические представления об особенностях евразийской интеграции, создают понимание конкретных форм и направлений.

Общим вопросам гуманитарного строительства, определению структурных элементов и функционала в ЕАЭС посвящены обстоятельные статьи Д. С. Алексеева, Г. К. Ахоновой, А. А. Балаяна, В. Н. Ватыля, И. А. Селезнева. Авторами выделены наиболее перспективные направления гуманитарного взаимодействия: академическое сотрудничество, сотрудничество в области здравоохранения и охраны окружающей среды, в области спорта и туризма, трансграничное взаимодействие в сфере культуры и искусства, выработаны практические рекомендации для ЕАЭС по развитию гуманитарного измерения, определена институциональная структура ЕАЭС.

Тема гуманитарного сотрудничества нашла отражение в ряде специализированных евразийских журналов. Например, журнал «Современные евразийские исследования» предназначен для специалистов в области гуманитарных исследований. Статьи журнала посвящены анализу интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Научно-аналитический журнал «Диалог: политика, право, экономика» публикует статьи, которые затрагивают различные аспекты интеграционных процессов на пространстве СНГ и ЕАЭС. Научный журнал «Евразийский союз: вопросы международных отношений» рассматривает проблемы евразийской интеграции, вопросы функционирования Таможенного Союза и Евразийского экономического союза, а также ряд других актуальных проблем политического и социально-экономического развития. Международный научно-аналитический журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» охватывает широкий круг вопросов интеграционного взаимодействия стран и народов, национальной и региональной безопасности на пространстве ЕАЭС.

Существует также ряд специализированных изданий по отдельным аспектам сотрудничества. Например, к актуальным проблемам здравоохранения обращаются авторы журналов: «Евразийский журнал внутренней медицины», «Евразийский Кардиологический Журнал», «Евразийский онкологический журнал». В журналах публикуются оригинальные исследования и статьи, заметки из практики, материалы о диагностике и профилактике заболеваний, лекции, обзоры и другие материалы.

Еще один из устойчивых аспектов разработки – это публикации, связанные с характеристикой конкретных форм и направлений гуманитарного строительства.

Тема науки и образования отражена в публикациях С. Ю. Глазьева, А. Б. Локяна, В. И. Матиса, В. М. Фатыховой, С. Юна. Авторы сходятся во мнении, что необходимо запустить процесс единого евразийского образовательного пространства, рассматривают специфику развития научно-образовательных процессов в странах ЕАЭС, определяют ряд задач для развития единого образовательного пространства, среди которых разработка образовательных стандартов в соответствии с требованиями международных стандартов, внедрение эффективных механизмов оценки, контроля за качеством образования [4].

Здравоохранение привлекает внимание таких авторов, как Т. В. Буховец, Г. И. Зорин, А. В. Торопыгин и др. Авторы отмечают, что в основу создания единых рынков в ЕАЭС положен опыт создания единых рынков ЕС. Ключевой проблемой в здравоохранении стало формирование единого рынка лекарственных средств ЕАЭС. В статьях проанализированы проблемы найма сотрудников, различные подходы к классификации медицинской помощи на виды и формы, трудности выхода на зарубежные рынки и проблемы обеспечения прав пациентов.

Тема туризма является ключевой в статьях Е. М. Еловой и О. В. Королевой. Авторы приводят аргументы в пользу формирования единого Евразийского туристского пространства. Основными препятствиями формирования единого туристского пространства на современных этапах являются: низкий уровень сервиса и подготовки специалистов по туризму, низкая покупательная способность граждан, завышение цен на предоставляемые услуги. Для повышения эффективности туризма авторы предлагают проектировать совместные маршруты, разрабатывать единый турпродукт [5].

Тема спорта отражена в статьях К. Барсегяна, Т. В. Буховца, А. И. Матвиенко. Статьи рассматривают в первую очередь правовой статус профессионального спортсмена и ограничения в осуществлении трудовой деятельности на территории РФ.

К вопросам взаимодействия в сфере культуры обращаются такие авторы, как С. Ш. Аязбекова, И. С. Цыремпилова, Я. С. Яскевич. Авторы отмечают, что в контексте интеграционных процессов, близость разных культур может стать источником их взаимообогащения, но в то же время способна стать катализатором острых конфликтов. Отсюда следует, что для укрепления взаимного понимания особенно важен межкультурный диалог [6].

К проблемам развития исторической памяти в контексте процессов евразийской интеграции обращаются В. Н. Ватыль, С. М. Елисеев, Н. П. Кирсанова, Г. И. Осадчая. Авторы анализируют роль и значение исторической памяти в развитии процессов евразийской интеграции, сходятся во мнении, что существует опасность выстраивания альтернативной истории памяти о прошлом путем манипулирования сознанием молодежи, что может быть использовано для дезинтеграции общества.

Итоговым выводом рассмотрения историографической объяснительной модели является констатация суждения о начальном этапе целостного изучения сферы гуманитарного строительства в ЕАЭС. На сегодня в нем преобладают наработки по отдельным аспектам данного сегмента евразийской интеграции.

Началом концептуальной объяснительной модели является краткое освещение основных теоретико-методологических подходов по обозначенной теме. Системный подход необходим для изучения гуманитарного строительства системы, включающей элементы институциональной структуры и правовой базы, а также для всестороннего анализа особенностей развития различных процессов. Структурно-функциональный подход позволяет изучить функциональную взаимозависимость элементов (надгосударственные органы, государственные институты, надгосударственные организации и др.). Институциональный метод необходим для изучения роли различных институтов в процессах гуманитарного строительства в ЕАЭС. Эти подходы позволяют говорить о наличии институциональной структуры наднациональных органов в ЕАЭС, которые осуществляют регулирование различных сторон деятельности данного интеграционного объединения.

На характеристике этой структуры мы не будем останавливаться подробно, о ней говорится в предыдущей публикации [7]. Как явствует институциональная структура наднационального регулирования в ЕАЭС, в ней отсутствует подразделение, которое бы специально занималось гуманитарным сотрудничеством. Оно пока присутствует имплицитно, имеет начало его строительства. Оно косвенно прежде всего представлено в ряде общих учредительных документов. Конечно, это Договор о создании ЕАЭС.

Об этом скрытом присутствии свидетельствуют ст. 60, ст. 61 Договора, регулирующие защиту прав потребителей, ст. 97 и ст. 98, посвященные деятельности трудящихся, приложение № 13 «Протокол о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей», приложение № 30 «Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государственных и членам семей», приложение № 32 «Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе» [8].

Главами государств-членов ЕАЭС 6 декабря 2018 года была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Документ ориентирует страны на раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение благосостояния и качества их жизни, призывает к расширению гуманитарного сотрудничества, к объединению усилий государств для стимулирования совместных научно-исследовательских работ. Декларация ориентирует на раскрытие потенциала интеграции для людей путем предоставления гражданам возможности свободно учиться и работать в рамках ЕАЭС, либерализации торговли услугами, расширения сотрудничества в области образования и науки, здравоохранения, туризма и спорта, обеспечения широкого доступа населения к информации о Союзе посредством СМИ, более широкого вовлечения граждан в процессы функционирования ЕАЭС. Декларация призывает к развитию многоформатного сотрудничества в рамках СНГ и других международных объединений [9].

Гуманитарное сотрудничество необходимо реализовывать на следующих принципах: демократичность, соблюдение прав и свобод граждан, уважение традиционных ценностей и культуры народов ЕАЭС; развитие эффективного межкультурного диалога, обеспечение равных возможностей для граждан ЕАЭС к качественным образовательным, медицинским услугам, независимо от национальности и социального положения.

Реализация морфологической объяснительной модели будет осуществляться посредством характеристики наиболее значимых форм и направлений в ЕАЭС.

К наиболее продуктивным формам сегодня относят: мониторинг и анализ процессов, происходящих в гуманитарной среде, использование возможностей новых информационных технологий для ознакомления молодежи с культурой и историей народов государств-участников ЕАЭС, реализация проектов и мероприятий, круглых столов, форумов и конференций по актуальным вопросам на пространстве ЕАЭС, а к наиболее продуктивным направлениям: академическое сотрудничество (образование и наука), сотрудничество в области здравоохранения, трансграничное взаимодействие в сфере культуры и искусства, сотрудничество в сфере спорта и туризма.

Академическое сотрудничество ЕАЭС – это эффективный инструмент «мягкой силы». Углубление сотрудничества в сфере образования может стать драйвером интеграции, способствовать более эффективному интеграционному взаимодействию, оказать положительное влияние на развитие общего рынка труда [10].

На сегодняшний день сотрудничество в сфере высшего образования включает в себя формирование международных ассоциаций и консорциумов; международное двустороннее образовательное сотрудничество; сетевые образовательные платформы; специализированные образовательные программы по евразийской интеграции и ее отдельным направлениям (бакалавриат, магистратура, ДПО); разработку учебных и учебно-методических комплексов, публикацию научных статей по евразийской тематике; научно-образовательные мероприятия, совместную исследовательскую деятельность. Одна из наиболее востребованных форм сотрудничества – сетевые университеты. Евразийский сетевой университет был создан в 2016 г. с целью формирования системы подготовки квалифицированных кадров, востребованных на рынке труда, а также реализации передовых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Разработка и реализация учебных общетеоретических и конкретно-прикладных программ по евразийской интеграции для студентов первой и второй ступени обучения в ряде университетов – важный шаг на пути к формированию Единого пространства высшего образования в евразийском регионе.

К факторам, задерживающим формирование единой образовательной платформы, можно отнести: отсутствие постоянно действующей инфраструктуры, обеспечивающей устойчивую коммуникацию в сфере высшего образования; недостаточную разработанность юридически-нормативного сопровождения создания Единого пространства высшего образования. Среди проблем можно также выделить затянувшийся переговорный процесс по вопросам интеграции высшего образования. Следует отметить, что к развитию образовательной интеграции наиболее сдержанно относится Казахстан [11].

Научно-технологическое сотрудничество – ключевая область интеграционных процессов. Успешное взаимодействие стран в сфере способно повысить интеллектуальный потенциал

стран интеграционных объединений, стимулировать инновационную деятельность, повысить конкурентоспособность технологий и экономик в целом. Ключевыми принципами формирования приоритетных направлений научно-технической деятельности в ЕАЭС должны выступить: развитие высоких технологий и высокотехнологичных производств, обеспечивающих технологические прорывы; создание опережающего научно-технологического задела, разработка уникальных технологий, формирующихся на стыке предметных областей, использование системы программно-целевого управления прикладными исследованиями и научно-техническими разработками через совместные межгосударственные программы, совместное информационное обеспечение инновационной деятельности. При разработке приоритетных направлений научной деятельности стран ЕАЭС должны учитываться характерные особенности национального развития, интересы экономики, а также перспективы сотрудничества в ЕАЭС [12].

Однако недостаточное финансирование науки в ЕАЭС сегодня снижает интерес молодежи к научной карьере и ведет к сокращению численности персонала науки. Анализ текущего состояния в данной сфере свидетельствует о том, что в России, Беларуси и Армении снизилось количество занятых в сфере науки, а в Казахстане и Киргизии, несмотря на низкое финансирование науки, численность научных работников возросла [13].

Необходимо обратить особое внимание на расширение сотрудничества в области здравоохранения. Важно продолжить работу по формированию единого рынка лекарственных средств и медицинских изделий, устранить барьеры для свободного перемещения фармацевтической продукции. Учитывая эпидемиологическую ситуацию в мире в 2019–2020 гг., нельзя забывать о важности своевременного обмена опытом, цифровизации здравоохранения и развитии сети телемедицины. Утверждение Фармакопеи Евразийского экономического союза как основы единого подхода к оценке качества лекарственных средств 17 августа 2020 года – важный шаг для пяти союзных стран [14].

В последние годы культурные контакты между странами активизировались и развиваются весьма динамично. Сотрудничество в сфере культуры между странами проходит на основе Двусторонних соглашений. Большим потенциалом обладает проведение международных фестивалей («Славянский базар», «Республиканский фестиваль национальных культур» г. Гродно, «Евразийский международный фестиваль культур»), Дней национальных культур. Информационно-культурное сплочение евразийцев на основе общих исторических корней и памяти позволяет формировать устойчивый интеграционный процесс.

Определяя статус и функции исторической памяти как гуманитарного ресурса в консолидации и сплочении евразийского общества, следует обратить внимание на то, что историческая память способствует минимизации противоречий и конструированию евразийской идентичности. Историческую память надо рассматривать как путь к укреплению стабильности ЕАЭС [15].

В настоящий момент государства-члены ЕАЭС заняты формированием общего медиапространства, которое способно стать индикатором эффективности процессов интеграции. С 2016 года ведутся работы по созданию единого информационного рынка, который способен устранить существующие барьеры информационной коммуникации. Неоднозначное восприятие населением сущности евразийской интеграции – свидетельство наличия пробелов в информационном обеспечении формирования ЕАЭС. Необходимо стремиться к тому, чтобы тема интеграции постоянно присутствовала в отечественных СМИ. СМИ как инструмент информационного обеспечения интеграционных процессов ЕАЭС должны способствовать обеспечению внутренней стабильности ЕАЭС, а также укреплению позиции интеграционного объединения на международной арене [16]. Особую актуальность приобрели вопросы влияния медиа на формирование цифровой экономики.

Понятие «цифровая экономика» в самом широком значении обозначает часть экономической деятельности, основанную на цифровых технологиях, мобильности данных.

Совместные достижения в области спорта – свидетельство того, что в ЕАЭС есть перспективные направления взаимодействия, которые движут идеи интеграции в верном направлении. Когда речь идет о спортивной среде с точки зрения взаимодействия соседних государств, то в первую очередь следует обратить внимание на возможность проведения совместных соревнований, участия спортсменов в мероприятиях, проводимых на территории соседних государств. В Беларуси заключены меморандумы о сотрудничестве с Россией

и Арменией. С Кыргызстаном и Казахстаном возможно сотрудничество в виде использования их спортивных баз для тренировок [17].

В качестве перспективного направления гуманитарного взаимодействия в контексте ЕАЭС выделяют туризм. В настоящее время туризм также оказывает непосредственное влияние на рост экономических показателей, выступает как катализатор социально-экономического развития. Страны-участницы Союза располагают огромным потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. Республика Беларусь прикладывает большие усилия для развития туристической отрасли. В 2019 г. был расширен режим безвизового въезда, проведен ряд международных спортивных мероприятий. Необходимо стимулирование интереса к национальному турпродукту, что может быть достигнуто с помощью проведения профессиональной маркетинговой компании. Инструментами продвижения национального турпродукта могут стать: запоминающийся логотип, реклама, тематические выставки и конференции, организация ознакомительных туристических поездок и т.д. Наличие бренда предоставит стране ряд преимуществ за счет узнаваемости [18].

Гуманитарное строительство также включает в себя реальные попытки междисциплинарного, структурообразующего строительства. Об этом в частности свидетельствуют такие мероприятия как Международный выставочный форум «Евразийская неделя», Форум регионов Беларуси и России.

Международный выставочный форум «Евразийская неделя» – крупнейшее ежегодное гуманитарное мероприятие на пространстве ЕАЭС, на котором в многостороннем формате подводятся итоги гуманитарного сотрудничества за год, обсуждаются проекты предстоящих мероприятий. Результаты прошлых лет показали, что форум зарекомендовал себя как основное деловое мероприятие и площадка для свободного обмена мнениями. В рамках Форума проходит показ презентаций, работают площадки для дискуссий, выставки художников и т.д. У каждого Форума есть определенная основная тема. Выставочный Форум «Евразийская неделя» вносит весомый вклад во взаимное обогащение культур, развитие гуманитарных связей, укрепление сотрудничества государств-членов Союза.

26 сентября 2019 года в рамках IV Международного выставочного форума «Евразийская неделя» в Бишкеке прошла панельная сессия «Новые грани ЕАЭС: стратегия развития в интересах граждан», которая была посвящена обсуждению вопросов сферы образования и науки, здравоохранения, туризма и спорта в рамках интеграционной повестки Евразийского экономического союза.

28–29 сентября 2020 года в Минске прошел VII Форум регионов Беларуси и России. Стороны остановились на межрегиональных связях российско-белорусских отношений, обсудили возможности раскрытия потенциала торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества стран. Тема пленарного заседания «Историческое наследие Великой Победы как основа развития социально-экономических и духовных связей народов Беларуси и России».

Заключение. Гуманитарное строительство в ЕАЭС прошло определенный путь. Среди позитивных аспектов можно отметить начало формирования правовых норм и регулятивов. Далее мы видим, что складывается структура гуманитарного строительства, определяются основные формы и направления. Однако сегодня гуманитарный сектор не может заявить о себе так полномерно, как это делает экономический сегмент ЕАЭС. В оптике наднациональных органов регулирования и управления ЕАЭС должны находиться: реализация масштабных гуманитарных проектов, формирование единых образовательных стандартов, усовершенствование нормативно-правового обеспечения и институциональной структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кошель, А. С. Гуманитарная политика Российской Федерации в контексте интеграции на Евразийском пространстве : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / А. С. Кошель ; Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2015. – 176 с.
2. Чугрина, М. А. Формирование единого образовательного пространства как фактор экономической интеграции стран ЕАЭС : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / М. А. Чугрина ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2019. – 219 с.
3. Вендиктов, С. В. Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции : монография / С. В. Вендиктов. – Минск : БГУ, 2018. – 263 с.
4. Ломян, А. Б. Проблемы развития единого евразийского научно-образовательного пространства / А. Б. Ломян // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2016. – № 2. – С. 10–13.

5. Елова, Е. М. Роль туризма в формировании единого рынка услуг ЕАЭС / Е. М. Елова // Современные евразийские исследования. – 2018. – № 3. – С. 43–50.
6. Яскевич, Я. С. Особенности и гуманитарные аспекты евразийской интеграции на постсоветском пространстве / Я. С. Яскевич // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – Ч. 1. – С. 232–236.
7. Ватиль, В. Н. Наднациональный уровень регулирования в ЕАЭС: институционально-нормативное измерение / В. Н. Ватиль // Русская политология. – 2019. – № 2. – С. 24–30.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в Астане 29.05.2014 г. : ред. от 15.03.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
9. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс] : Санкт-Петербург, 6 дек. 2018 г. – Режим доступа : https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018. – Дата доступа : 07.10.2020.
10. Атоян, К. Л. Высшее образование в государствах – членах ЕАЭС: вопросы интеграции / К. Л. Атоян // Диалог: политика, право, экономика. – 2018. – № 2. – С. 65–71.
11. Ватиль, В. Н. Высшее образование как инновационный ресурс в развитии евразийской интеграции (из опыта ЕАЭС) / В. Н. Ватиль // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 145–151.
12. Богдан, Н. И. Образование и наука для инновационного развития стран ЕАЭС: сравнительная оценка / Н. И. Богдан // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – Ч. 1. – С. 582.
13. Иванов, Г. И. Приоритетные тенденции формирования единого научно-технического пространства и сферы услуг стран-членов ЕАЭС / Г. И. Иванов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – Ч. 1. – С. 283–285.
14. В ЕАЭС сформировали условия для единого контроля качества лекарств [Электронный ресурс] // ООО «ПраймПресс». – Режим доступа : https://primepress.by/news/ekonomika/v_eaes_sfornirovali_usloviya_dlya_edinogo_kontrolya_kachestva_lekarstv-23860/. – Дата доступа : 23.10.2020.
15. Ватиль, В. Н. Историческая память как гуманитарный ресурс развития Евразийской интеграции (из опыта ЕАЭС) / В. Н. Ватиль // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 сент. 2019 г. – Минск : ООО «СУГАРТ», 2019. – С. 110–112.
16. Косарева, Е. Образ Евразийского экономического союза в медиaprостранстве / Е. Косарева // Евразийские исследования: студенческая трибуна. – 2020. – № 1. – С. 10–15.
17. Буховец, Т. Перспективы развития интеграционного сотрудничества в рамках ЕАЭС в области образования, науки, здравоохранения, спорта и туризма с точки зрения специалистов-практиков / Т. Буховец // Научные стремления. – 2020. – № 27. – С. 50–53.
18. Абросимов, Д. С. Как создать новый бренд? / Д. С. Абросимов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 631 с.

Поступила в редакцию 20.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
 Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 144–151
 © Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Humanitarian establishment in the EAEU: formation and development

V. N. Vatył¹, A. K. Shakhanova²

¹ Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)
 Dovatora Lane, 3/1, 230012, Grodno, Belarus; e-mail: v.vatyly@grsu.by

² Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)
 Dovatora Lane, 3/1, 230012, Grodno, Belarus; e-mail: HannaSh1990@inbox.ru

Abstract. In the introduction, the authors reveal the issue chosen and the degree of its scientific elaboration, define the object of study – humanitarian establishment in the EAEU, determine its topic – the research of genesis, formation, functioning of humanitarian establishment in the EAEU. The purpose of study is the identification of structural elements and functional mechanisms of humanitarian establishment in the system of Eurasian integration in the post-Soviet space. The term “humanitarian cooperation” in the post-Soviet space refers to interaction at the international level in education and science, health care, culture, mass communications, sports, and tourism. The main part determines the theoretical bases of the research, the following explanatory models being used within the framework of the present study: a) historical; b) conceptual; c) morphological; d) projective. Thematic and issue approach is chosen as a method of reviewing the historiography of the topic. Specific thesis research, case studies, scientific articles, proceedings of scientific conferences, collective synthesized work, scientific publications serve as historical sources. It may be noted on the basis of multiple sources that the authors point out certain aspects of Eurasian integration humanitarian segment, which condition the relevance of complex humanitarian establishment study. The present study reviews the major theoretical approaches to the research

of humanitarian establishment in the EAEU. System, structural and functional approach, institutional method were used to realize the stated objectives. The authors define the key principles to implement the humanitarian establishment of the EAEU. The focus is on the current state, problems, and prospects for improvement of concrete forms and directions of humanitarian establishment in the EAEU. The conclusion summarizes the study and gives perspectives for further cooperation in humanitarian sphere.

Keywords: EAEU, humanitarian formation, genesis, development, prospects.

References

1. Koshel A. S. The humanitarian policy of the Russian Federation in the context of integration in the Eurasian space [*Gumanitarnaiia politika Rossiiskoi Federatsii v kontekste integratsii na Evraziiskom prostranstve : dis. ... kand. polit. nauk*]. Moscow, 2015, 176 p.
2. Chugrina M. A. Formation of a single educational space as a factor of economic integration of the EAEU countries [*Formirovanie edinogo obrazovatel'nogo prostranstva kak faktor ekonomicheskoi integratsii stran EAES : dis. ... kand. ekonom. nauk*]. Moscow, 2019, 219 p.
3. Venidiktov S. V. Media communication in the development of the Eurasian space: strategic resource of integration [*Mediakommunikatsiia v razvitiu evraziiskogo prostranstva: strategicheskii resurs integratsii : monografiia*]. Minsk, 2018, 263 p.
4. Lokian A. B. Problems of development of common eurAsian scientific and educational space [*Problemy razvitiia edinogo evraziiskogo nauchno-obrazovatel'nogo prostranstva*]. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 2016, No. 2, pp. 10-13.
5. Elovaya E. M. The role of tourism in the formation of the single market for services of the EAEU [*Rol' turizma v formirovanii edinogo rynka uslug EAES*]. *Modern Eurasian studies*, 2018, No. 3, pp. 43-50.
6. Yaskevich Ya. S. Features and humanitarian aspects of Eurasian integration in the post-Soviet space [*Osobennosti i gumanitarnye aspekty evraziiskoi integratsii na postsovetskom prostranstve*]. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*, 2018, vol. 1, pp. 232-236.
7. Vaty V. N. Supranational level of regulation in the EAEU: institutional-normative dimension [*Nadnatsional'nyi uroven' regulirovaniia v EAES: institutsional'no-normativnoe izmerenie*]. *Russian political science*, 2019, No. 2, pp. 24-30.
8. Agreement on the Eurasian Economic Union [*Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soiuze*]: signed in Astana on May 29, 2014: ed. from 03.15.2018. *ConsultantPlus. Russia. CJSC "Consultant Plus"*. Moscow, 2016 [Electronic resource].
9. Declaration on the further development of integration processes within the EAEU [*Deklaratsiia o dal'neishem razvitiu integratsionnykh protsessov v ramkakh EAES*]: St. Petersburg, Dec. 6, 2018 [Electronic resource].
10. Atoyan K. L. Higher education in the EAEU member states: integration issues [*Vyshee obrazovanie v gosudarstvakh - chlenakh EAES: voprosy integratsii*]. *Dialogue: politics, law, economics*, 2018, No. 2, pp. 65-71.
11. Vaty V. N. The higher education as an innovative resource in development of the Eurasian integration (from experience of EEU) [*Vyshee obrazovanie kak innovatsionnyi resurs v razvitiu evraziiskoi integratsii (iz opyta EAES)*]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, 2019, vol. 11, No. 3, pp. 145-151.
12. Bogdan N. I. Education and science for innovative development of EAEU countries: comparative assessment [*Obrazovanie i nauka dlia innovatsionnogo razvitiia stran EAES: sravnitel'naia otsenka*]. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*, 2018, vol. 1, 582 p.
13. Ivanov G. I. Priority trends in the formation of a single scientific and technical space and service sphere of the EAEU member states [*Prioritetnye tendentsii formirovaniia edinogo nauchno-tekhnicheskogo prostranstva i sfery uslug stran-chlenov EAES*]. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*, 2018, vol. 1, pp. 283-285.
14. The EAEU has formed conditions for unified quality control of drugs [*V EAES sformirovali uslovia dlia edinogo kontroliia kachestva lekarstv*]. LLC "PrimePress" [Electronic resource].
15. Vaty V. N. Historical memory as a humanitarian resource for the development of Eurasian integration (from the experience of the EAEU) [*Istoricheskaia pamiat' kak gumanitarnyi resurs razvitiia Evraziiskoi integratsii (iz opyta EAES)*]. *Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: International materials scientif. and pract. conf.*, Minsk, September 26-27, 2019. Minsk, 2019, pp. 110-112.
16. Kosareva E. The image of the Eurasian Economic Union in media space [*Obraz Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuzia v mediaprostranstve*]. *Eurasian Studies: student tribune*, 2020, No. 1, pp. 10-15.
17. Bukhovets T. Prospects for the development of integration cooperation within the EAEU in the field of education, science, health, sports and tourism from the point of view of practitioners [*Perspektivy razvitiia integratsionnogo sotrudnichestva v ramkakh EAES v oblasti obrazovaniia, nauki, zdravoookhraneniia, sporta i turizma s tochki zreniia spetsialistov-praktikov*]. *Scientific aspirations*, 2020, No. 27, pp. 50-53.
18. Abrosimov D. S. How to create a new brand [*Kak sozdat' novyi brend?*]. Rostov-on-Don, 2007, 631 p.

---

* Статья подготовлена в рамках ГПНИ №А67-16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс»

В. Н. Ватыль

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Челядинский, А. А. Политические проблемы современной глобалистики : учеб. пособие / А. А. Челябинский. – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 352 с.

Рецензируемое учебное пособие профессора А. А. Челябинского «Политические проблемы современной глобалистики» представляет собой авторское освещение ряда существенных и процессуальных политических аспектов и проблем современной глобализации. Акцентуация «политические аспекты и проблемы» в нем не случайна – пособие рекомендовано в первую очередь студентам-политологам. Политологический подход определяет всю его теоретическую и методическую архитектуру построения, стимулируя формирование необходимых профессиональных знаний, умений и компетенций. Об этом прежде всего свидетельствует актуализация и генеральная характеристика обозначенной темы.

А. А. Челябинский убедительно показал, что под влиянием глобализации радикальные перемены происходят во всех сферах общественной жизни: в экономических и социальных отношениях, в науке и технологиях, в способах коммуникации и связи, художественном восприятии мира. Но, пожалуй, наибольшее внимание привлекают изменения, наблюдаемые в мировой политике

и международных отношениях. Отметим, что именно эти сферы автор рассматривает как сердцевину политической глобализации и глобалистики. Они испытывают на себе, с одной стороны, неизбежное и существенное влияние всей совокупности социальных трансформаций, а с другой – оказывает ключевое воздействие на все аспекты социальной и личной жизни человека.

Еще одним достоинством учебного пособия является осуществленное стремление автора отразить в нем национальные интересы страны. Происходящие под влиянием турбулентных глобализационных процессов кардинальные изменения оказывают возрастающее и непосредственное воздействие на Беларусь, ставят перед ее внутренней и внешней политикой новые вызовы, требующие адекватных ответов от политиков, экспертов и ученых.

В связи со всем вышесказанным, А. А. Челябинский, на наш взгляд, умело артикулировал и главную цель рецензируемого пособия – показал роль политико-глобализационной теории в объяснении состояния и тенденций мировой глобализационной динамики, способствовал выявлению статуса и функций Беларуси в меняющемся глобализационном миропорядке,

Ватыль Виктор Николаевич, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии ГрГУ им. Янки Купалы (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: п-к Доватора, 3/1, 230012, Гродно, Беларусь; e-mail: v.vatyl@grsu.by

которые в этом контексте встают перед отечественной международно-политической теорией и практикой.

Учебное пособие композиционно состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен фундаментальным вопросам теории и методологии (т. 1–2). Тема первая – «Глобализация как междисциплинарное направление научных исследований» – посвящена решению задачи самоопределения политической глобалистики. Для ее исполнения автор характеризует основные методологические подходы предмета изучения и создает полновесное представление о четырех этапах развития глобалистики. Тема вторая – «Глобализация как основной объект глобалистики» – сконцентрирована на теоретико-концептуальном обосновании объектности и предметности политической глобалистики. Подробно рассмотрены источники, институты, акторы, правила и нормы, идейно-символическое пространство политической глобалистики, сделан акцент на мировую политику как ее основную тенденцию. Во втором – рассматриваются миросистема и действующие в ней институты и акторы (т. 4–5). В четвертой теме – «Глобальная система» – А. А. Челядинский подробно останавливается на характеристике устойчивых элементов глобалистике – граждан, народа, государств, цивилизаций; в пятой – «Глобализация и геополитика» – на анализе геополитических изменчивых констант глобализационного процесса. Постоянные и переменные компоненты глобалистики и составляют во многом конфигурацию современной миросистемы. В третьем – анализируются ряд политических проблем современного глобализационного континуума (т. 3, 6). В третьей теме – «Система современных глобальных проблем» – рассматриваются ключевые традиционные и поставангардные планетарные угрозы: экологическая, демографическая, сырьевая, энергетическая, противоречивое развитие геномной инженерии и искусственного интеллекта, в шестой – «Влияние глобализации на международную безопасность» – в качестве ответа на рост глобальных проблем предлагаются авторские разработки о моделях и сценариях развития планетарной, международной и региональной безопасности. В четвертом – определяются перспективы глобализации, место и роль в ней современной Беларуси (т. 7–8). Тема седьмая – «Проблемы формирования нового мирового порядка в условиях глобализации» – посвящена раскрытию факторов, тормозящих формирование нового уклада мира, механизмов их преодоления и путей к строительству желательного мирового оптимума, восьмая – «Республика Беларусь в глобальном мире» – отражает авторские наработки о международном позиционировании нашей страны, имеющих место проблемах и моделях их преодоления.

Обобщающим, итоговым выводом после пристального ознакомления с содержанием учебного пособия становится констатация, что пособие выступает важной составной частью и необходимым элементом в успешной подготовке студентов-политологов и международников. В нем присутствует необходимая доля теоретических знаний и практических умений, способствующих умелому освоению основ политической глобалистики, осуществления внутренней и внешней политики Республики Беларусь в напряженном и противоречивом контексте современной глобализации. Продуктивен и заключительный авторский посыл: формирование адекватного взгляда на глобализацию, политические проблемы, ею порождаемые, предполагает осмысление всех достижений мировой политологии в сочетании с отечественными исследовательскими наработками, опирающимися на исторический опыт страны, на ее геополитические и культурно-цивилизационные особенности.

Вместе с тем внимательное прочтение рецензируемого учебного пособия порождает и ряд пожеланий автору, которые он, возможно, учтет в последующих изданиях.

Концептуальный аспект:

- 1) Конкретнее и четче определиться с пониманием предмета и объекта рассмотрения.
- 2) Внести ясность в артикуляцию методологии и методов изучения предмета рассмотрения.
- 3) Аргументированно подчеркнуть специфику предмета рассмотрения – «Политические проблемы современной глобалистики».

Методический аспект:

1) Уменьшить долю информативности в темах, усилить место и роль аналитического инструментария.

2) В обязательном порядке дать ссылки на цитируемых авторов и первоисточники по всему содержанию учебного пособия.

3) В качестве приложения дать учебную программу предмета.

Вышеобозначенные пожелания не отменяют общего положительного заключения. Считаю, что данное издание появилось своевременно в качестве добротного учебного пособия, столь необходимого для подготовки национальных политологов-международников.

Поступила в редакцию 18.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 152–154

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Globalization: trends, problems and prospects for global political development

V. N. Vatył

¹ *Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)*

Dovatora Lane, 3/1, 230012, Grodno, Belarus; e-mail: v.vatył@grsu.by

Уважаемые авторы!

*Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия
для принятия материалов см. на сайте журнала*

<http://vesnik.grsu.by>

А. П. Салаўянаў

РЭЦЭНЗІЯ НА МАНАГРАФІЮ А. А. КАПЛІЕВА «СТАНОВЛЕНИЕ СЛУЖБЫ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1919–1939 гг.)»

Каплиев, А. А. Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.) / А. А. Каплиев. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 329 с.

Манаграфія А. А. Капліева «Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.)» прысвечана малавывучанай і сацыяльна значнай праблеме фарміравання інстытута аказання хуткай медыцынскай дапамогі ў Беларусі. У той час як іншыя традыцыйныя «экстраныя» структуры, такія як міліцыя і пажарная ахова, неаднаразова траплялі ў сферу ўвагі гісторыкаў, хуткая медыцынская дапамога, як дзяржаўная служба, заставалася амаль неадследванай. У сувязі са складанай эпідэмічнай сітуацыяй сёння дзейнасць беларускіх медыкаў і асабліва хуткай медыцынскай дапамогі стала знаходзіцца ў інфармацыйнай стужцы, таму актуальнасць абранай для даследавання тэмы і яе інтарэс для грамадскасці не выклікае сумневу. Аўтар засяродзіў сваю ўвагу на міжваенным перыядзе развіцця хуткай медыцынскай дапамогі, калі яна набыла рэгулярны характар і стала неад’емнай часткай сістэмы аховы здароўя. Навуковая навізна падыходу аўтара заключаецца ў адначасовым вывучэнні фарміравання інстытута хуткай медыцынскай дапамогі як на тэрыторыі

БССР, так і ў Заходняй Беларусі, што з’яўляецца знакавай падзеяй для айчыннай гістарыяграфіі.

Даследаванне дазваляе прасачыць працэс фарміравання хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Беларусі ад першых адасобленых і не звязаных паміж сабой арганізацый да рэгулярнай службы. Манаграфія структурна падзелена на тры главы: «Гістарыяграфія і крыніцы», «Арганізацыя хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Савецкай Беларусі», «Арганізацыя хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі». Главы манаграфіі пабудаваны лагічна, а назвы падраздзелаў у поўнай меры адпавядаюць іх зместу.

Варта адзначыць, што раздзел «Уводзіны», што апырэджае тэматычныя главы, таксама можна разглядаць як паўнаважную главу, якая змяшчае, на наш погляд, неабходны для разумення вывучаемай праблемы нарыс развіцця самай ідэі аказання экстранай медыцынскай дапамогі і яе практычнае ўвасабленне ад старажытнасці да пачатку XX ст., што дазваляе глыбей уявіць спецыфіку разгледжанай праблемы.

У першай главе «Гістарыяграфія і крыніцы» аўтар кваліфікавана аглядае стан навуковага вывучэння пастаўленай праблемы і справядліва прыходзіць да высновы аб недастатковай вывучанасці пытанняў гісторыі хуткай медыцынскай дапамогі і аховы здароўя ў цэлым у рамках айчыннага гістарычнага дыскурсу [1, с. 32]. Сапраўды, у рамках савецкай гістарыяграфічнай школы пытаннямі гісторыі медыцыны пераважна займаліся прадстаўнікі медыцынскай прафесіі, а не гісторыкі, што хоць і ў меншай ступені характэрна і для сучаснага

Салаўянаў Андрэй Пятровіч, канд. гіст. навук, дац., вучоны сакратар Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Беларусь).

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь; e-mail: s198028@mail.ru

стану айчыннай гістарычнай навукі (выключэнні складаюць працы такіх гісторыкаў, як М. Я. Абраменка, Ю. У. Матусевіч, Н. С. Маторавай і інш.).

Характарыстыка крыніц, таксама прыведзеная ў першай главе, дазваляе канстатаваць значную працу, праведзеную аўтарам у беларускіх і замежных архівах, музеях і рукапісных аддзелах бібліятэк, у агульнай складанасці аўтарам прааналізаваны матэрыялы з фондаў 30 архіваў Беларусі, Расіі, Літвы і Польшчы. Звяртае на сябе ўвагу актыўнае задзейнічанне матэрыялаў калекцый абласных і рэгіянальных музеяў, а таксама занальных архіваў у Бабруйску, Мазыры, Маладзечна і Полацку [1, с. 51–54].

Другая глава «Арганізацыя хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Савецкай Беларусі» характарызуе працэс станаўлення хуткай медыцынскай дапамогі як у ССРБ (БССР), так і на тэрыторыі Віцебскай і Гомельскай губерняў у перыяд іх уваходжання ў склад РСФСР, вылучае ключавыя асаблівасці дадзенага працэсу. Аўтар прыйшоў да высновы, што першыя арганізацыі хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Беларусі, якія зарадзіліся напярэдадні пачатку Першай сусветнай вайны, падчас баявых дзеянняў былі расфарміраваны, аднак досвед іх працы і матэрыяльная база дазволілі даволі аператыўна арганізаваць інстытуты хуткай медыцынскай дапамогі ўжо ў межах савецкай сістэмы аховы здароўя напачатку 1920-х гг. Аўтар адзначае надзвычайныя ўмовы, што сталі не толькі фонам, але і непасрэднымі чыннікамі разгортвання структур хуткай дапамогі: эпідэмічны выбліск і высокі бытавы траўматызм грамадзянскага насельніцтва ў перыяд польска-савецкай вайны 1919–1921 гг., якія прадвызначылі неабходнасць аператыўнай дастаўкі заражаных і параненых у стацыянары [1, с. 84].

У далейшым аўтар вылучыў найбольш значныя фактары развіцця службы хуткай медыцынскай дапамогі: скарачэнні стацыянарных медыцынскіх устаноў у перыяд новай эканамічнай палітыкі, неабходнасць пашырэння радыусу аказання медыцынскай дапамогі з буйных гарадоў у сельскую мясцовасць у перыяд калектывізацыі. Выяўлены чыннікі і ўмовы развіцця хуткай медыцынскай дапамогі як уніфікаванага і рэгулярнага інстытута прафесійнага аказання экстранай медыцынскай дапамогі ў 1930-х гг., вылучаны метадычныя і заканадаўчыя асновы дадзеных працэсаў, асаблівасці матэрыяльнага і кадравага забеспячэння. Падкрэслена вызначальная роля механізацыі санітарнага транспарту (замена конных карэт аўтамабілямі і ўкараненне інстытута санітарнай авіяцыі) для даступнасці хуткай медыцынскай дапамогі ў любой кропцы БССР да канца 1930-х гг., што і стала часам канчатковага станаўлення хуткай медыцынскай дапамогі як адзінай агульнадзяржаўнай службы [1, с. 123–129]. Варта адзначыць, што характарыстыка фарміравання службы хуткай медыцынскай дапамогі дадзена ў кантэксце аналізу развіцця ўсёй аховы здароўя БССР у 1920–1930-х гг., што надае даследаванню цэласнасць і завершанасць.

У трэцяй главе «Арганізацыя хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі» аўтар адыходзіць ад класічнай для даследавання праблем Заходняй Беларусі храналогіі і пачынае апавяданне не з 1921, а з 1919 года – часа пачатку польскай акупацыі тэрыторыі Беларусі ў перыяд польска-савецкай вайны. Аналізуючы наступныя падраздзелы трэцяй главы варта падкрэсліць, што дадзены падыход цалкам сябе апраўдвае, бо менавіта санітарна-эпідэмічныя і гуманітарныя наступствы польска-савецкай вайны шмат у чым прадвызначылі характар развіцця аховы здароўя ў цэлым і хуткай медыцынскай дапамогі ў прыватнасці на тэрыторыі «ўсходніх крэсаў». Аўтар пераканаўча, на падставе аналізу значнага комплексу дакументаў, у тым ліку з польскіх архіваў, прыводзіць доказы наяўнасці найцяжкага эпідэмічнага становішча на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якое было характэрна для дадзенай тэрыторыі і пасля канчатка баявых дзеянняў 1919–1921 гг. [1, с. 146]. У сукупнасці з ускрайным статусам заходнебеларускіх зямель і наступным эканамічным крызісам канца 1920-х – сярэдзіны 1930-х гг. нестабільнае эпідэміялагічнае становішча прывяло да значных цяжкасцей у развіцці аховы здароўя. У адрозненне ад цэнтралізаванай мадэлі медыцыны БССР, а ў міжваеннай Польшчы існавала стратыфікаваная на мноства сектараў сістэма аховы здароўя, што адбілася і на характары развіцця хуткай медыцынскай дапамогі [1, с. 143, 154].

Адсутнасць цэнтралізаванай дзяржаўнай падтрымкі развіцця структур хуткай медыцынскай дапамогі ў Заходняй Беларусі прадвызначыла іх малую колькасць, а таксама пераважна

недзяржаўны характар. Большасць станцый і пунктаў хуткай медыцынскай дапамогі былі створаны структурамі Чырвонага Крыжа, страхавымі ўстановамі, а таксама дабрачыннымі таварыствамі, а іх дзейнасць не была ўніфікавана адзінай метадычнай і заканадаўчай базай. Важным унёскам аўтара ў вывучэнне штодзённасці насельніцтва Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, на наш погляд, з’яўляецца тэза пра задзейнічанне рэсурсаў ваеннай медыцыны для развіцця хуткай медыцынскай дапамогі і аховы здароўя Заходняй Беларусі ў цэлым (у выглядзе выкарыстання ваенна-санітарных аўтамабіляў, ложкавага фонду ваенных шпіталаў, ваенных урачоў для патрэб грамадзянскага насельніцтва) [1, с. 165–166, 174].

Асобна варта вылучыць глыбокую працу аўтара над дадаткамі, якія ўключаюць тэрміналагічны слоўнік, што складаецца з найболей значных медыцынскіх тэрмінаў, якія могуць выклікаць цяжкасці для разумення чытача; карты, вялікая частка якіх выканана аўтарам; біяграфічныя даведкі, якія дазваляюць пазнаёміцца з дэталямі біяграфій найбольш прыкметных дзеячаў у сферы развіцця хуткай медыцынскай дапамогі першай паловы XX ст., а таксама дакументы і фатаграфіі. Звяртае на сябе ўвага глыбокая праца аўтара з матэрыяламі для біяграфічных даведак, кожная з якіх выканана на аснове комплексу бібліяграфічных, архіўных і музейных крыніц.

У заключэнні адзначым, што манаграфія А. А. Капліева «Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.)» уяўляе сабою арыгінальнае, цэласнае і самабытнае даследаванне, якое фактычна не мае аналагаў у айчынай гістарыяграфіі і з новай кропкі гледжання раскрывае дэталі развіцця беларускага грамадства ў міжваенны перыяд. Характэрнай асаблівасцю кнігі з’яўляецца яе прывабнасць не толькі для прафесійных гісторыкаў, навучэнцаў, выкладчыкаў, але і медыцынскіх работнікаў, а таксама арганізатараў аховы здароўя. Шматлікія аспекты развіцця, праблемы функцыянавання службы хуткай медыцынскай дапамогі, узнятыя ў манаграфіі А. А. Капліева, актуальныя і сёння, што абумоўлівае не толькі навуковую, але і высокую сацыяльную значнасць выдання.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Каплиев, А. А. Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.) / А. А. Каплиев. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 329 с.

Паступіў у рэдакцыю 29.06.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 3, 2020, pp. 155–157
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Review for A. A. Kapliyev’s monograph “The formation of ambulance service in the territory of Belarus (1919–1939)”

A. P. Salauyanau

The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus)
Akademicheskaya St., 1, 220072, Minsk, Belarus; e-mail: s198028@mail.ru

References

1. Kapliyev A. A. The formation of ambulance service in the territory of Belarus (1919-1939) [*Stanovlenie sluzhby skoroj meditsinskoj pomoshchi na territorii Belarusi (1919-1939 gg.)*]. Minsk, 2019, 329 p.

Правила для авторов

Рукописи статей представляются на бумажном носителе объемом не менее 14 000 печатных знаков в 2-х экземплярах и в электронном варианте в редакторе MS Word. Язык публикуемых статей – белорусский, русский. Принимаются также статьи на польском, английском и немецком языках (публикуются в оригинале). Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английский, немецкий, польский), дополнительно предоставляют реферат статьи объемом 4500 знаков без пробелов (700 слов) на русском языке.

Рукопись статьи включает в себя следующие элементы:

1. Индекс УДК. Размер шрифта 10 п., прописные буквы, выравнивание по левому краю. УДК должен соответствовать научному направлению серии, в которую подается статья, и быть заверенным штампом научной библиотеки и подписью сотрудника информационно-библиотечного отдела (на отдельном листке либо на титульной странице статьи).

2. Инициалы и фамилия автора (авторов). Размер шрифта 10 п., строчные буквы, выравнивание по центру.

3. Заглавие публикуемого материала (размер шрифта 12 п., строчные буквы, выравнивание по центру) должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова, позволяющие индексировать данную статью.

4. Резюме на русском языке в объеме 200–250 слов (размер шрифта 9 п.). Текст резюме, кроме краткого изложения сути статьи, должен отражать **цель работы, научную новизну, область применения**. Резюме содержит также перечень ключевых слов. Ключевые слова (5–9) приводятся в именительном падеже, печатаются строчными буквами в строку, через запятые.

5. Основной текст, структурированный в соответствии с требованиями ВАК к научным статьям, публикуемым в изданиях, включенных в список научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований: **введение**, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов; **основная часть**, подробно освещающая рассматриваемые вопросы; **заключение** с четко сформулированными выводами. Размер шрифта 10 п., выравнивание по ширине, с выделением автором необходимых частей текста программными шрифтами «Полужирный», «Курсив». Ссылки на используемые источники нумеруются соответственно порядку цитирования и даются внутри квадратных скобок, например: [1, с. 32], [2, с. 52–54]. Ссылки на работы других авторов являются обязательными.

Все обозначения величин и простые формулы в тексте и таблицах должны набираться как элементы текста, а не как объекты формульного редактора, а сложные формулы – при помощи прикладной программы MathType размером 10 п. Размер формул по ширине не должен превышать 120 мм. При переносе части формулы на следующую строку в начале этой строки повторяется знак математического действия, которым заканчивалась предыдущая строка.

6. Таблицы (при их наличии). Размер шрифта 9 п., название таблицы строчными буквами, 10 п., выравнивание по ширине; размер таблицы по ширине не должен превышать 140 мм.

7. Перечень принятых обозначений и сокращений (при их наличии). Размер шрифта 10 п., строчные буквы, выравнивание по ширине.

8. Список литературы (цитированных источников). Располагается в конце текста статьи и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 и постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 25 июня 2014 года (размер шрифта 9 п., выравнивание по ширине). Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Образцы оформления библиографического описания можно посмотреть на странице:

<http://www.vesnik.grsu.by/?p=autor>

9. Резюме на английском языке в объеме 200–250 слов (без ключевых слов) (размер шрифта 9 п.).

Технические требования к оформлению статьи:

Параметры страницы: формат А4; отступ для левого поля и поля сверху – 25 мм, правого и нижнего – 20 мм; нумерация страниц сверху в колонтитуле, со второй страницы, с выравниванием по правому краю. Весь текст набирается шрифтом «Times New Roman». Межстрочный интервал – одинарный. Абзацный отступ – 12 мм. При наборе основного текста не допускается установление: дух и более символов «пробел»; подряд; абзацных и других отступов с помощью клавиши «Табуляция»; отступа (пробела) между словом и символами «точка», «запятая», «кавычки», «скобка». При наборе текста следует употреблять кавычки «елочки», а в английских текстах – «английские двойные».

Рисунки должны быть оформлены в векторном формате программ CorelDRAW или Photoshop. Рисунки (черно-белые) должны быть четкими и качественными (разрешение предоставляемых оригиналов – 300 dpi). Шрифт обозначений и надписей на рисунках – Times New Roman, нежирный, 9 п. Максимальная ширина рисунков не должна превышать 140 мм, максимальная высота – 220 мм (с учетом подрисуночной подписи). Все таблицы, схемы и диаграммы должны быть встроены в текст статьи и иметь связи (быть доступными для редактирования) с программой-исходником, в которой они созданы (Excel, CorelDRAW). Качество иллюстраций соответствует качеству предоставляемых в редакцию оригиналов.

Рукопись статьи должна быть подписана всеми авторами.

К рукописи статьи на отдельном листе прилагаются следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора полностью (на белорусском, русском языках и в транслитерации латиницей), ученая степень, звание, должность, место работы, адрес места работы, телефон, e-mail, а также адрес для корреспонденции (на русском и английском языках).

Аспиранты также должны указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, место работы научного руководителя (на русском и английском языках; фамилия, имя, отчество – в транслитерации латиницей).

Также на отдельном листе прилагается повтор резюме по следующей структурной схеме: УДК; фамилия, инициалы автора, название статьи; ключевые слова; текст резюме (все на русском и английском языках).

Рукописи, оформленные с нарушением приведенных правил, к рассмотрению не принимаются.

Авторы (не имеющие ученой степени) представляют выписку из протокола заседания кафедры (отдела, сектора) о рекомендации статьи к печати. В выписке аспирантов, докторантов указывается год обучения в аспирантуре (докторантуре). В год завершения обучения авторам предоставляется возможность первоочередного опубликования статей.

За направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, ответственность несут авторы. Авторы также несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера.

Редакционная коллегия журнала проводит экспертизу полученных материалов и осуществляет рецензирование рукописей статей. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается автору на доработку, датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта рукописи вместе с ответом на все замечания рецензента.

Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения, не искажающие основное содержание статьи.

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала <http://vesnik.grsu.by>

Guidelines for Authors

Manuscripts should be submitted in paper having not fewer than 14 000 printing symbols in 2 copies and in electronic form in editor MS Word. The articles are published in Belarusian and Russian. The articles are accepted also in English and German (published in original). It is necessary for authors of articles published in native language (English, German) to give the summary in volume of 4500 signs without spaces (700 words) in Russian.

The manuscript includes the following items:

1. UDC (Universal Decimal Classification) index. Font Times New Roman 10, left alignment, in capital letters. The UDC should correspond to the scientific direction of the series, in which the article is submitted, and be certified by the stamp of the scientific library and the signature of the employee of the information and library department (on a separate page or on the title page of the article)

2. Initials and author (authors) second name(s). Font size 10 pt, centre alignment in small letters.

3. The title of the publication (font size 10 pt in small letters centre alignment) should reflect the main idea of the research carried out, be concise and contain the keywords, which help to index the article.

4. Summary in Russian volume 200–250 words (font size 10 pt). The summary besides a brief content of the article main idea, should reflect the aim of **the scientific work, scientific novelty and application sphere**. Summary should also contain a list of keywords. Keywords (5–9) should be presented in the Nominative case, typed in small letters in a line with commas between them.

5. The main body should be structured according to the Higher Attestation Commission requirements for scientific articles, published in editions included in the List of scientific editions for thesis research results publishing: **the introduction**, containing a short review of literature on this issue, a circle of problems not solved before; **the main part** with detailed coverage of questions discussed; **the conclusion** should contain brief results obtained.

Font size 10 pt, centre alignment using “Bold”, “Italic” fonts. References to the cited literature are numbered in the sequence of their appearance in the text in square brackets, ex.: [1, p. 32], [2, p. 52–54]. All background information such as reference to the papers of others authors and some previous publications (including foreign ones) in the field of investigation is necessary.

All values and simple formulas in the text and tables should be typed as text elements but not as objects of use of the formula editor. Complex formulas are typed using application MathType (size 10 pt). Formulae shouldn't exceed 120 mm in width. While carrying over a part of a formula to the following line the mathematical sign should be repeated at the beginning of the following line.

6. Tables (if any). Font size 9 pt, table name lower case letters, 10 pt, width alignment; table size in width shouldn't exceed 140 mm.

7. List of accepted signs and the abbreviations (if any). Font size 10 pt, in small letters, centre alignment.

8. List of references (cited literature) is given at the end of the article. It is to correspond to the requirements of GOST 7.1–2003 and decree of Higher Attestation Commission 24 June 2014: font size 9 pt, width alignment. References to unpublished works are forbidden.

Layout samples are given on the web site

<http://www.vesnik.grsu.by/?p=autor>

9. Summary in English volume 200–250 words (without keywords) (font size 9 pt).

Requirements for the page layout:

Page parameters: size A4; margins: left and top – 25 mm, right and bottom – 20 mm, page numbers at the top of the page beginning with the second page, right alignment. The whole text is typed using font “Times New Roman”. Single line spacing. Indentation – 12 mm. It is not allowed to use two and more symbols “space” in succession, also indentations, spaces between a word and a symbol “full stop”, “comma”, “inverted comma”, “bracket”. Typing texts it should be used double angle brackets (»), typing English-language texts it should be used universal quotation mark (“”).

Drawings should be made in a vector CorelDRAW or Photoshop. Illustrations (B&W) should be clear and of good quality (resolution of the originals – 300 dpi). Print signs and labels under illustrations – Times New Roman, non-fat, 9 pt. The maximum illustrations width should not exceed 140 mm, maximum height – 220 mm (with captions). All tables, charts and diagrams should be embedded in the text and have a connection (to be available for editing) with the program source code, in which they were created (Excel, CorelDRAW). Quality of illustrations correspond to the quality of original illustrations that are given to the editorial office.

The manuscript should be signed by all its authors.

The following information should be attached to the manuscript **on a separate sheet of paper**: surname and first name (in Belarusian, Russian and transliteration in the Roman alphabet (Latin)), scientific degree, post, name of the organization where the author works, address of the organization, telephone, e-mail, and also address for correspondence (both in Russian and English).

Postgraduate students should also indicate surname, initials, scientific degree, academic status, address of the organization of their research advisor (in Russian and English; surname, name – transliteration in the Roman alphabet (Latin)).

There should be attached another summary both in Russian and English on a separate sheet of paper according to the following scheme: UDC, surname, initials of the author, title of the publication, keywords, summary.

Manuscripts which violate these rules are not accepted.

Authors should submit an extract from the department meeting minutes about the recommendation for publication. Graduates indicate the year of graduating from the postgraduate course. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year.

Authors bear the responsibility for bringing previously published articles or articles accepted to be printed in other editions. According to the Law of Publishing authors bear the responsibility for choice and reliability of the given facts, citations, economic and statistic data, proper names (including geographical names) and other encyclopedic information.

Editorial staff make an examination of the material received and review the manuscripts of the articles. If according to the reviewer's recommendation the manuscript is returned to the author for improvement the date of the final submission is the day when the editorial office receive the final variant of the manuscript with replies to the reviewer's remarks.

The Editorial Board has the right to edit the manuscript and abridge it without misrepresenting the paper contents.

More detailed requirements for the materials, as well as conditions for acceptance of materials look at the journals website <http://vesnik.grsu.by>

Founder – Yanka Kupala State University of Grodno.

The journal is registered in the Ministry of Information of the Republic of Belarus in March 24, 2009.

The certificate of registration number 118.

The scientific journal
**“Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhaunaha Universiteta Imia Ianki Kupaly.
Seryia 1. Historyia i Arkhealohiia. Filasofiiia. Palitalohiia”**

is included into the List of scientific publications of the Republic of Belarus
for publishing the results of scientific research
and into the scientometrical database “Russian Science Citation Index”.

Published since March 2009, issued 3 times a year.

*“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno.
Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”*

The journal covers the problems of national history, world history, archaeology, ethnology, historiography, study of historical sources; ontology, gnosiology, axiology, philosophical anthropology, social philosophy, philosophy of culture, globalistics, prognostics; history of political thought, comparative political science, political government, civil politics, political ideology, political psychology, political culture, party studies, political elite studies, political conflicts studies, political regional studies, political communication, etc. Reviews, articles about famous Belarusian scientists, scientific life chronicle of the Yanka Kupala State University of Grodno are published.

Articles are published in Belarusian, Russian, Polish, English and German.

The journal is meant both for specialists and a wide circle of readers.

Read and purchase our journal!

Our indices for subscription: for private subscribers – 00466, for institutions – 004662.

Editorial office address: Ozheshko St., 22,
230023, Grodno, Belarus.
Tel./Fax: 8(0152) 73-19-10.

Address for correspondence: Telegrafnaya St., 5,
230023, Grodno, Belarus.
Tel.: 8(0152) 68-11-96, +375 33 6893315,
e-mail: vesnik@grsu.by

Website: <http://vesnik.grsu.by>

Vol. 12, No. 3, 2020
